

Симона Вилар

Ведьма княгини

© Гавриленко Н., 2009

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2010, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

ISBN 978-617-12-0057-9 (fb2)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Вилар С.

В44 Ведьма княгини: роман / Симона Вилар; предисл. Е. Дворецкой. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. – 464 с.

ISBN 978-966-14-9629-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3385-5 (Россия)

УДК 821.161.1(477)

ББК 84.4Укр=Рос

Дизайнер обложки *Наталия Коноплич*

Дохристианский период истории Древней Руси содержит множество тайн и загадок. Летописи доносят до нас легенды о рождении и смерти людей, оказавших влияние на судьбы народов, тех, кто создавал или разрушал государства, на многие годы и века определял облик целых стран. Но нередко до нас доходят только имена, и остается лишь гадать, кто были эти люди, как жили и чем заслужили такую долгую память. Одно из таких имен принадлежит Малфриде, загадочной русской женщине, жившей в середине X века. Кем она была? Славянкой из племени полян или древлян, либо, может быть, корни ее остались в Скандинавии? Принадлежала она к княжеской семье или, возможно, оказала влияние на судьбу молодого Русского государства каким-то иным образом? Вероятно, схожие вопросы задавала себе известная писательница, признанный мастер историко-приключенческого жанра Симона Вилар, когда принималась за серию книг о Малфриде. «Ведьма», «Ведьма и князь» – и вот теперь «Ведьма княгини», новый роман о древлянской колдунье Малфриде.

Симона Вилар обладает даром создавать удивительно яркие, живые картины, пользуясь теми немногими обрывками исторических сведений, которые до нас дошли. Опираясь на сюжеты, сохраненные летописью, она не ограничивается этим. Ее фантазия оживляет короткие строки летописного сказания, наполняя его жизнью и красками. Много ли знает история о человеке по имени Малк Любечанин? Наверное, почти ничего. А ведь он был отцом Добрыни и Малуши, дедом князя Владимира, крестителя Руси! Фантазия писателя восполняет этот недостаток, а порой и заставляет давно известные по летописям сюжеты делать весьма неожиданные повороты.

Итак, Малфутка – на первый взгляд обычная молодая женщина, любящая и любимая жена древлянского посадника, удалого красавца Свенельда. Жаль только, что муж ее редко бывает дома, проводя все больше времени в Киеве, в палатах красавицы княгини Ольги. А Малфутка, предоставленная самой себе, бродя по огромным Свенельдовым палатам в компании маленького друга – черного котенка по имени Морок, обнаруживает в себе странные способности. Каким-то образом она видит нечисть – домовых духов, призраков. Дальше – больше. Она узнает о себе и своих возможностях такое, что оставаться дома в бездействии больше никак не может. И как бы ни был сейчас далек от нее киевский князь Игорь, терпящий поражение в древлянских лесах, все это имеет самое прямое отношение к Малфутке, пока еще ждущей в тереме, но уже знающей, что вот-вот ей предстоит вступить в битву – за жизнь своего любимого, за собственную память, за счастье своих детей... Иной раз лучше не помнить, что было с тобой прежде. Иной раз лучше не знать, на что ты способен. Но раз уж память проснулась, остается одно – сражаться. Следуя за Малфридой по ее нелегкому пути, читатель узнает, как и почему погибли лучшие древлянские мужи, приехавшие сватать Ольгу за своего князя Мала, куда делся сам Мал и почему он не упоминается при гибели Искоростеня, своей столицы. Персонажи сказок и легенд пройдут перед ним, будто живые – даже если они скорее бессмертные, чем подлинно живые... Мы узнаем, как появился на свет один из сильнейших русских богатырей, чье имя вошло в былины. А главное – вновь прикоснемся к живым корням своей истории. Сказка в них так тесно переплелась с былью, что разделить их уже невозможно – да и не нужно. Главное, что этот источник не пересох, он живет и питает нас, не давая забыть, кто мы и откуда.

Пролог

Дым и дождь... Мутная серая пелена, заполонившая все вокруг. Сквозь это сырое марево толпа людей – орущая и беснующаяся – казалась призрачной, колыхающиеся руки и искаженные лица с открытыми ртами вызвали жуть. А ведь люди ликовали... Их приводила в восторг победа, единение и сила, радость от того, что они наконец смогли расправиться с тем, кто так долго подавлял племя древлян, навязывал свою волю и разорял данью. И вид связанного, униженного князя Игоря Киевского был для древлян слаще, нежели все красоты Ирия.

На плечи пленного князя прикрутили тяжелую корягу, заставили тащить. Он шел пошатываясь, опустив глаза, чтобы не видеть их. Но головы не склонил. Что ж, пусть он и проиграл, но они никогда не увидят сломленного князя Руси. Даже если он связан и избит, даже если одежда висит клочьями, даже если ему немного осталось... Ибо он не сомневался, что уже немного.

Игоря толкали, и стражам приходилось оттеснять от него толпу. Его упорно заставляли идти, подпихивали древками копий, осыпали бранью, когда он споткнулся и стал заваливаться, но помочь подняться не пытались. И он поднимался сам, тяжело и устало. А тут еще из толпы кто-то запустил в него черпаком, угодил в голову, боль так и стрельнула над бровью, потекла кровь... Толпа же вновь взорвалась радостными возгласами.

– Поделом тебе, волк киевский! Повадился терзать овец, вот и настигла тебя кара! Проклятый! Да заберет тебя Чернобог!

Худшего проклятия и пожелать нельзя. Чернобог – божество вечных мук, самый темный и злой из всех богов, с которым иные светлые боги не желают знаться, так как за ним только смерть, мрак и мука. Мир Чернобога – сумрачное царство глубоко под землей, где никогда не бывает света, куда не заглядывает свет ясного солнышка. И теперь древляне то и дело поминают проклятого бога, радуясь, что плененный ими князь будет предан темному божеству, и надеются, что отныне, избавившись от Игоря Киевского, смогут наконец вырваться из-под руки Руси.

«Зря надеются», – подумал Игорь. И вспомнил свою жену – Ольгу. Не та у него княгиня, чтобы не помститься за мужа, чтобы спокойно снести гибель супруга и не воздать за злодеяние. Думать об этом было почти сладко. По крайней мере, эти помыслы позволяли ему терпеть унижения, идти выпрямившись и стойко сносить глумление.

А ведь как лихо он въезжал в эти леса, с каким презрением смотрел на древлян. Их лохматые накидки в его глазах выглядели грубыми, их угрюмые взгляды вызвали насмешку. Что ему до этих лесных диких людей, когда он и хазар отгонял, и печенегов разбил в сече, даже самого императора ромеев заставил склонить гордую выю и вынудил надменную Византию подписать выгодный для Руси договор. А потом...

– Все из-за тебя, ведьма проклятая, – процедил сквозь зубы Игорь. И подумал о древлянке, из-за которой поехал в эти леса. Ее вина. Обвинять в своем поражении древлянскую чародейку Игорю все же было легче, чем признать, что его погубило собственное безрассудство.

И угораздило же его так влюбиться в эту девку, Малфриду! Она же предпочла ему другого, его собственного воеводу Свенельда, которого сам князь поднял из простых варягов и поставил служить посадником у древлян. И тогда Игорь, стремясь ослабить соперника, забравшего слишком много власти, решил уличить того в сговоре с древлянами, отправился в их леса, чтобы вызнать все о тамошних сделках Свенельда и потом иметь право покарать счастливого соперника, а заодно... вернуть свою чародейку!

Игорь сперва и впрямь отметил, что Свенельд не все положенное взял с древлян, смог порастрасти бояр древлянских, повыгresti недоимки из закровов сельских старост. А когда с добытым добром возвращался, когда его возы уже шли по большаку к Киеву, Игоря вдруг нагнал молодой волхв, некий Малкия, и сообщил, что чародейка Малфрида ожидает князя в дальнем лесу, что не бывала она в Киеве, что другая под ее именем сошлась со Свенельдом, а настоящая Малфрида хранит ему верность по-прежнему...

И он поверил... Отправил с данью большую часть войска в Киев, а сам с кметями ближней дружины повернул назад, помчался, полетел к своей ненаглядной. Окрылен был, почти счастлив. И вот же попал в западню.

– Подними голову, волк киевский! – сквозь горькие думы различил Игорь чей-то громкий голос.

Князь медленно выпрямился, взглянул. И похолодел. Его возводили на высокий крутой холм, на котором сильные мужики с гоготом сгибали две высокие березы одну к другой, обвязав веревками вершины... Вот как его казнят... Страшная погибель. Давно на Руси никого не предавали такой страшной смерти. Когда убивает не человеческая рука, а природа, значит, карает сама Мать Сыра Земля. Это скорее жертвоприношение, чем просто казнь. И его, Игоря Русского, древляне сделают жертвой?

Он едва не упал, слыша довольный хохот вокруг. И заставил себя выпрямиться. Тряхнул головой, откидывая с разбитого лба седеющую прядь, обвел толпу взглядом соколиным. Перун с ним! Он князь и витязь, покровитель смелых Перун должен увидеть его мужество! Только такому бог-воин и может помочь.

Игорь шел к вершине сам, сцепив до хруста зубы, вскинув голову. Даже торжествующие древляне как будто притихли, пораженные его твердостью. Но Игорь не знал, что и это не последнее его испытание. Что жестокие древляне приготовили ему еще одну муку.

Поднимаясь на холм, он замечал где-то у его подножия отблески большого огня, слышал крики и стоны. Сквозь сырую морось, сквозь плывший клубами дым, в отблесках пламени снизу Игорь увидел древлянских волхвов. Один из них шагнул к нему – властный, высокий, с длинной белой бородой и расчесанными на прямой пробор волосами. Только глаза его казались черными, как провалы. Сам же он был в торжественном белом одеянии, с многочисленными амулетами на груди и на поясе, с высоким посохом в руках. Так же выглядели и другие волхвы. Только один оказался в черном – молодой волхв Малкия, который и заманил хитростью князя в лес. Игорь взглянул на него – и молодой ведун вдруг отступил, будто смутившись. Но тут вперед вышел главный, темноглазый служитель. Торжественно указал концом посоха на что-то под холмом, на котором они стояли.

– Взгляни, князь-волк. Теперь ты все уразумеешь.

Там, под обрывом, у каменистых выступов тихой реки, древляне устроили огромное капище. Капище... Обычно древляне никогда не пускали туда чужаков, теперь же сами привели сюда пленного князя, свою жертву. И Игорь видел...

Капище было выполнено в форме распростертого тела огромной женщины. Снизу этого и не разглядишь, но отсюда, с возвышенности над обрывом, можно было увидеть очертания исполинской фигуры, выложенной из глины и камней: ее широкие бедра и бока, ее голову, откинутую назад, словно под тяжестью из завала камней-волос. А внутри великанши, будто собранные в загон овцы, толпились его люди. Крышей этому загону служили сплетенные из ивняка грудь, выпуклый, как у беременной, живот и ноги женщины, согнутые в коленях. Так на Руси изображали только Морену, жестокую хозяйку холода и смерти, владычицу зимы и темных глубин мироздания. Но обычно ее изваяние плели из соломы только на Масленицу на исходе зимы: беременное грубое тело, которое полагалось спалить на костре, ибо так с приходом весны смертные выказывали свое пренебрежение к хозяйке мрака и холодов. Здесь же, у древлян, изображение Морены было огромным... гигантским, внушающим почтение. И ее утроба была полна жертв, людей, пленников, которых поджаривали в ней, как в печи. Ибо огромная Морена уже была полна раскаленных углей, плетенные из ивняка части фигуры занимались огнем. А люди в ее чреве-загоне, те, кого предназначили Морене в жертву, металась и кричала, сгорая заживо в этой огромной печи. И сюда, на вершину холма, долетали их исполненные муки и ужаса крики. А ведь были там не абы кто, а лучшие кметы Игоря, самые ловкие и опытные из его отряда, которых он имел глупость оставить с собой, в качестве защиты... и увлек на страшную и мучительную погибель.

Глаза Игоря стали застилать слезы. Да чтобы его витязи, его побратимы военные и так умирали! Бездумно и мучительно. Но они не были сейчас витязями, они были полоумны от жара и мук жертвами, суровые варяги сейчас вопили от боли, забыв об обычном для них презрении к смерти. Игорь различил сквозь огонь пытавшегося лезть

по горящим прутьям своего воеводу Ивора. Ведь кремень был человек, пренебрегал опасностями, и самые жесткие раны не заставляли его выказывать страдания, а сейчас бесстрашный Ивор карабкался наверх, его волосы воспламенились, и князь слышал его исполненный муки животный рык... пока Ивор не рухнул с горящего «живота» беременной Морены вниз, на угли, в толпу сгоравших заживо витязей-жертв... Жертв для Морены.

Князь откровенно плакал.

Белобородый жрец шагнул вперед.

– Что, любо тебе се, князь? Нам вот любо.

Он торжествовал. Громко и злорадно расхохотался. Одетый в темное волхв Малкия даже прикрикнул на него неожиданно:

– Довольно, Маланич. Пора уже. Кончаем.

Они как будто стали препираться, но Игорь их не слышал. Ибо заметил еще нечто: там, за пылающим изголовьем гигантской распростертой Морены, стоял идол еще какого-то божества. На капищах обычно устанавливают много идолов: Перуна Громовержца, подателя благ и богатств Велеса, светоносного Дажьбога. Здесь же было только одно изваяние. Темное, без раскраски и опознавательных знаков, с железной пластиной вместо лица, жуткое в своей безликости, лишь будто расколотое сверху, где два выступа напоминали рога. А еще Морена была расположена перед ним так, словно отдавалась ему вместе с жертвами.

Князь похолодел. Он понял, кто это. Тот, имя которого все время выкрикивали древляне, пока пленного князя гнали на казнь... жертвенную казнь.

– Вы стали поклоняться темным силам? – оторопело воскликнул Игорь. – Вы обратились за помощью к самому Чернобогу и Морене-погубительнице? О нет... – И закричал: – Не делайте этого! Не губите целое племя ради одной победы. Подумайте о будущем ваших детей и внуков. Не отдавайте их мраку, изменив светлым богам!

Тут Игоря кто-то толкнул, он упал на колени, рвался, когда с него снимали тяжелую корягу, и все твердил: не предавайтесь извечному злу, не губите весь свой народ.

– Вам ваш князь Мал не позволит! – рвался Игорь, желая лишь одного – объяснить им, спасти. – Вас светлые боги проклянут, вы изведете все древлянское племя под корень, если отдадитесь злу. Все вымрете. Да что же вы делаете, безумцы!.. Вспомните небо, не уводите целый народ под землю во мрак.

Игорь сейчас вдруг забыл о своих войнах с непокорными древлянами, забыл, что презирал их и считал подвластным племенем. Он внезапно и впрямь ощутил себя их князем, отцом племени, которое добровольно губило себя, выбрав своим покровителем зло.

Его толкнули, он упал. Руки его по-прежнему были скручены ремнями, а вот ноги развязали и теперь с силой разводили в стороны. Одну уже привязывали веревками к изогнутому стволу березы, оттягивали другую. Игорь извивался, но не от страха и предчувствия страшной кончины. Он понимал, что и его принесут в жертву тому алчущему крови идолу с расколотой головой и железной маской вместо лица, упивающемуся людскими муками. Князь-жертва – это то, что даст жуткому Чернобогу немало сил, позволит ему получить преимущество перед Громовержцем...

– Опомнитесь! – кричал Игорь, извиваясь. Рвался так, что несколько сильных древлян едва справлялись с ним. – Нельзя силу темным давать, они только зло!..

Его привязывали, а он умолял. Даже обратился к одетому в черное молодому волхву, который один словно испугался чего-то, отвернулся, сгорбился.

– Не меня пожалейте – людей племени своего! Будь мудрым, волхв, отриньте темноту. Небо вас покарает. Казните меня, но не для них...

– Отпускайте! – взмахнул широким белым рукавом волхв Маланич.

- Одумай...

Березы резко распрямились. Хряснуло. Алая кровь брызнула на белое одеяние Маланича.

- Свершилось! – торжественно воскликнул волхв, вскинул руки, держа над головой посох, смотрел горящим взором на пылающее тело Морены внизу, куда полетели горячие капли крови. Видел темное изваяние Чернобога в ее изголовье. – Прими жертву и не оставь нас, могучий.

Древляне ревели и вопили ликующе.

Чернобог молча смотрел. Фигура Морены сыто гудела пламенем, догорающим над костями жертв. Колыхались освобожденные березы, качая в вышине то, что осталось от князя...

Глава 1

С тех пор как воевода Свенельд решил обосноваться в Дорогожичах за Киевом, здесь сталолюдно и благоустроено. На холмистых возвышенностях над ярами выросли многочисленные хоромины воеводы: жилые терема, дружинные избы, складские помещения, амбары и кладовые. И все из добротных бревен строенное, частоколами высокими окруженное, крышами двускатными увенчанное, а крыши те блестели гонтом, смотрели с вышины в разные стороны резные конские головы раскрашенные. Богато жил киевский воевода Свенельд. Вот-вот, киевский, ибо хоть усадьбу свою и возвел в стороне от самого града, но бывал тут редко. Так, наедет, попирует с дружинниками, созовет бояр на веселый пир-гуляние, а потом опять в Киев отправится, на Гору, где подле княжеских хором у него отдельный терем высился. Ну а поселяне в Дорогожичах все одно с гордостью говорили: мол, мы Свенельдовы. Ибо и охранять свое владение Свенельд мог исправно: и дозоры тут на подступах к Киеву разместил, и большак широкий шел в низине, хорошо просматриваясь с бревенчатых сторожевых вышек на холмах. А вел тот большак к ровным площадям между холмами, где в дни матери Макоши, с дозвола Свенельда, в Дорогожичах устраивали торги, лишь немногим киевским уступавшие. Когда этой весной от бурного таяния снегов разлился Днепр, затопив Подол, немало торгового и ремесленного люда перебралось в Дорогожичи – отстраивали тут новые ремесленные посады, торги заводили. И все-то под рукой Свенельда боярина, воеводы лихого и посадника древлянского, богатого и влиятельного варяга. К нему шли охотно, зная о его сговорчивом нраве, хотя и понимали, что приветливый Свенельд выгоды своей тоже не упустит. Но уж лучше с таким... Тем более в последнее время Свенельд так возвысился, что, как поговаривали, и о княжьей шапке может мечтать. Или о браке с княгиней. Ибо о его дружбе-службе с мудрой Ольгой слухи-то ходили. К тому же Игорь неизвестно где, а Свенельд все время подле Ольги. Первый советчик ее и защитник. Сам боярин-кормилец Асмунд, которому Игорь, уезжая, велел быть правой рукой княгини, не имел такого влияния в Киеве, как не имел и такой верной и сильной дружины, как Свенельд.

Поэтому в Дорогожичах люди горделиво называли себя Свенельдовыми и радостно приветствовали своего боярина во время его приездов. Но приезжал Свенельд в Дорогожичи редко. Даже после того как поселил в одном из высоких теремов молодую жену, не стал бывать дома чаще. Вот и пошла молва, что не все ладно с его новой сулостью, из древлянских краев привезенной.

Казалось, нет ничего дивного в том, что состоявший посадником у древлян Свенельд выбрал супругицу из лесного племени, однако поляне древлян никогда особо не чествовали. Извечная старая вражда так просто не забывалась, да и знали, что у древлян бабы все как одна чародейки. К тому же разошлась весть, что боярыня Малфутка – или Малфута, как было велено ее называть, – не боярышня древлянская, а всего лишь девка-полюбовница, какую Свенельд подобрал в своих полюдьях, а теперь возвысил до положения законной жены. А еще ходили толки уж вообще странные: сказывали, что как увидел боярыню Малфуту подле Свенельда князь Игорь, так и сам не свой стал. В лице поменялся, пировать с дружиной не захотел, потом и вовсе словно разума лишился. Оттого и задумал сам отправиться в полюдь к древлянам, да и не в обычный срок, когда князя с дружиной отправлялись на кормление в дальние земли, а прямо тотчас, на исходе месяца березня, едва из похода на ромеев возвратясь. И вот его уже больше месяца нет. Даже когда вернулись в Киев с данью сопровождавшие его дружинники, Игорь предпочел остаться у древлян, якобы сказав своим людям: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». Да неужто ему мало полученного было? Киевляне, не любившие древлян, и то говорили: сколько же можно требовать дани с людей, али совсем разорить их неугомонный князь надумал? Такого и Велес не одобряет, может и покарать князя за жадность. Велес-то суров, но справедлив. Да и Игорь никогда особой жадностью ранее не отличался, а тут... И опять пошел слухок, что-де сглазила князя черным оком боярыня Свенельдова. И вообще была эта Малфута странная. Нелюдимая... а может, просто с ней самой никто общаться не хотел, сторонились ее люди. Уж ключница Свенельдова Липиха о том позаботилась. Издавна ведя хозяйство Свенельда в Дорогожичах, она власть немалую тут имела, а ее неприязнь к Малфутке только слепой бы не заметил.

Вот и в тот серый сырой вечер на исходе квітня месяца, едва Липиха завидела из окошка ткацкой стоявшую на высоком забороле боярыню Малфуту, как выругалась

грязно и неподобающе.

– Вот же, сучье вымя, отрыжка овечья, опять на дорогу пялится. Мужа ли ждет, али, наоборот, глазом своим черным колдовским путь его запутывает? От этой ведьмы древлянкой всякое ожидать можно.

Липиха в досаде сплюнула; смотрела на светлый силуэт боярыни на дальнем забороле, гневно кривя маленький рот над пухлым двойным подбородком.

В покое за спиной ключницы несколько дворовых ткачих усердно работали. Постукивали рамы станов, споро ходили челноки в руках умелиц. Еще не настало время зажигать лучины на поставцах, но уже смеркалось, и тучная фигура Липихи у окна загораживала свет, и ткачихи недовольно косились на нее. Но Липиха словно и не замечала их недовольства. Да и что ей до них, когда она тут полноправная хозяйка. Всегда так было, и при первой жене Свенельда, боярыне Межаксее, да и при этой древлянке дикой. Липиха, родом словенка новгородская, некогда кормилица-мамка воеводы, а ныне его ключница, даже сулужи своего любимца не собиралась отдавать хозяйские ключи, какие носила у пояса. Сам Свенельд ей это позволил: он любил и жаловал свою мамку, какая и несмотря на почтенные лета с хозяйством справлялась умело. А то, что Липиха на привезенную им древлянку косо смотрела, его не волновало.

Одна из ткачих все же попросила ключницу не закрывать проем, отойти от света. Другая и вовсе обмолвилась: де нет дива в том, что боярыня Малфута супруга высматривает, соскучилась поди – ведь он почитай что с отъезда Игоря к древлянам в Дорогожичи к жене не заглядывал. Но Липиха оглянулась на говорившую столь резко, что даже подвески-колты ударили ее по толстой щеке.

– Цыц у меня, ноздря поросычья. Взяли обычай голос подавать, когда не спрашивают. Того и гляди отправлю вас из светлой горницы коровники чистить.

И удалилась, важно позвякивая связкой ключей у пояса.

После ее ухода ткачихи разговорились. И пусть новую боярыню-древлянку тут не больно жаловали, но и к строгой Липихе особой приязни не испытывали.

– Важничает, словно это ее терема тут. Вон прежняя боярыня Межаксева умела ее на место ставить, а эта дикая побаивается, – заметила, пропуская уток под нить, одна из мастериц.

– Ну сравнила. Межаксева из боярского рода была, она сама павой ходила, ей никто не указка был. А эта древлянка только зыркает темным оком да молчит.

– Вот уж действительно темным, сорочьим. И что в ней наш Свенельд нашел? Разве киевские боярышни хуже ее, что он привез эту невесть откуда?

– На все его воля, – отошла к кадке с водой немолодая толстая ткачиха. Зачерпнула ковшом-утицей, отпила глоток, а сама в окошко посмотрела на силуэт боярыни Малфуты на забороле. – Знаете, а мне ее порой даже жалко. Вон Липиха нас всех сюда перевела, у древлянки почти никого в услужении, кроме старух приживалок, не осталось. Худо ей, наверное, жить в одиночестве в пустой хоромине теремной. Да и Свенельд что-то не спешит к своей избраннице. Может, и разлюбил?

– А ты бы шла пожалела ее, – хмыкнула еще одна мастерица. – Нет, девоньки мои, пусть Липиха и ворчит на Малфуту, да только в этой древлянке и впрямь есть что-то такое... Как глянет порой, кровь в жилах стынет.

И опять ткачихи гадали, чем приворожила удалого красавца Свенельда древлянка: и худая, и смуглая, как чернавка с грядки, и щеки запавшие, только косы и хороши – черные как смола, длинные, в руку толщиной будут. Но не за косы же полюбил ее Свенельд, раз взял сулужью? Вот прежняя его боярыня Межаксева была краса – статная, румяная, беленькая, как сметанка. А эта... Словно и отъестся никак не может на харчах теремных, да все сидит в углу с котом своим. И зачем ей тот кот? Кошки в теремах живут своим ловом, их удел мышей в закромах гонять, а боярыня-древлянка подобрала где-то этого заморыша и теперь откармливает его сливками да куриными потрошками, даром, что сама едва куснет.

– А я вот слышала, – подала голос самая молоденькая из работниц, – что мутит Малфуту эту от пищи. Может, непраздна она?

– Может. Только когда это она успела-то? Свенельд все больше в Киеве пропадает, сюда едва заглянет порой и надолго не остается.

– Но ведь для этого дела и не нужно долгого умения, – захихикала молоденькая работница. – Да и ласков всегда Свенельд с ней в приезды, холит, наряжает богато.

– Ну а потом уносится опять на несколько седмиц в Киев, словно ему там медом намазано.

Ткачихи рассмеялись. Стали судить да рядить, где именно в Киеве Свенельду медом намазано, не иначе как в тереме Ольги, княгини пресветлой. И уже тише зашептались о том, что вот бы кто хорош был для раскрасавчика Свенельда, так это княгиня. Даже Липиха как-то обмолвилась, что ее соколик Свенельд как раз княгине под стать. Зато вот Игорь жену не больно жалуется.

Тем временем сама Малфутка одиноко стояла на высоком забороле. Глядела на проложенную в низинах широкую дорогу, куталась в светлую пушистую накидку, под которой прижимала к груди единственное близкое ей тут существо – черного котенка. Котенок сладко мурлыкал в полудреме, и от этого Малфутке было не так тягостно на душе. Она понимала, что ее тут не любят, что она тут чужая, что не пришлось ко двору. Вон, даже прошедший мимо по стене охранник глянул неприветливо, а отойдя, сплюнул три раза через плечо да зашуршал кольчугой, доставая из-за пазухи оберег. Малфутка грустно вздохнула, опять взглянула туда, где в сгущающихся сумерках пустынно светлела дорога. Ну где же ее муж, ее сокол ясный Свенельд? Ей ведь нужно весть ему важную сообщить... Она уже не сомневалась, что дитя носит под сердцем. А он... как налетит, зацелует, вытащит на пир со своими боярами да гриднями, напьется хмельного меду, так что слуги его под руки в опочивальню втаскивают. А к утру словно и не пил – вскочил на коня и умчался. Она все не говорила ему, пока сомневалась, спросить у кого бы, посоветоваться... Но ей ведь и поговорить тут толком не с кем. Вот только с котеночком приبلудным...

Опять принялся моросить дождь. Малфутка подняла к небу лицо, подставила его холодным каплям. Надо же, какая дождливая весна в этом году, солнышко совсем не балует, все прячется в серой мути, из которой то и дело летит холодная влага. И от того на душе так тоскливо... А ведь как она радовалась, когда Свенельд вез ее из полюдья в Киев! Думала, что ждет ее отныне жизнь счастливая и бесхлопотная. А вышло... совсем одна она осталась.

Оправив на голове широкую шаль, перекинув через плечо одну из длинных черных кос – так и звякнули серебряные подвески на ней, – боярыня Малфутка стала осторожно спускаться по сходням в усадьбу. Внизу, среди бревенчатых срубных построек, было темно. И тихо так... Откуда-то со стороны людских долетал приглушенный гомон, кузня еще бухала за поворотом, а тут... Малфутка стояла, прислушиваясь.

Она всегда знала, что в каждом жилище существует своя незаметная жизнь. Сколько бы людей ни садилось трапезничать у очага, всегда незаметно рядом обитают домовые духи. Малфутка и ранее ощущала их присутствие, однако в последнее время стала замечать их более ясно. Может, это оттого, что некогда волхвы обучали ее чародейству? Странное то было время, да и запомнилось все, как будто спала она долго, видела сон, да все позабыла, когда за ней Свенельд приехал. Друг Малфутки, молодой ведун Малкия, как-то сказал ей, что она со временем вспомнит прошлое. Ей порой и казалось, что вспоминает, марилося всякое: то как будто с лешаками она зналась, то словно волколака приманивала, желая расколдовать, а то и как будто скрывалась от кого-то. Она о том пробовала со Свенельдом поговорить, да он лишь отшучивался. Мол, чего только не бывает в древлянских чашах, мороков там... ну чисто киевлян на торжище. И все же Малфутка понимала: что-то важное ускользнуло из памяти. И сама себя ощущала какой-то другой. Она – и как будто и не она. Да и странным ей казалось так отчетливо замечать то, о чем другие даже не подозревают.

Вот и сейчас, остановившись среди хозяйственных построек, Малфутка почувствовала рядом чье-то присутствие. Видеть не видела, а знала, что возится в козьем загоне дворовой, лопочет своим любимицам козам что-то успокоительное, а там под высокой

кровлей шуршит сеном овинник. И не было бы в том ничего странного, если бы только она и ранее их так хорошо замечала. Но раньше она скорее догадывалась о них, а теперь слышала... и видела. А видела она, что из-под стрехи овина смотрят на нее желтые светящиеся глаза, смотрят недобро, даже словно ворчание некое раздается. И она поняла, что это овинный дух – овинником называемый.

Малфутке бы испугаться, но отчего-то она не боялась. Да и котенок у нее в руках по-прежнему мурлыкал преспокойно и довольно. А как она уже стала понимать, ее домашний любимец тоже чуял соседних духов-обитателей, но волновался только, если было в них что-то необычное или недоброе. И Малфутка шагнула вперед, вглядываясь в блестящие огоньки сердитых глаз овинника.

Она стояла, вслушивалась в это ворчание, словно овинник ругался злобно. И совсем не обратила внимания, когда позади нее раздалась шаги и голоса, не расслышала позвякивание связки ключей. Лишь когда из-за поворота на нее едва не налетела шедшая вместе со сторожами-обходниками Липиха, когда та вскрикнула от неожиданности, Малфутка будто очнулась. Резко повернулась, смотрела на всполошившуюся ключницу и холопов.

На круглом полном лице Липихи недоумение сменилось обычной раздраженной гримасой.

– Ты чего это тут в потемках таишься, боярыня? Ума у тебя кот наплакал, а степенности и достоинства еще меньше, если толчешься тут, как чернавка какая навозница. Шла бы к себе, я уже вечернюю трапезу велела тебе отнести. А ты... Что, спрашивается, ты тут делаешь? – уже с подозрением спросила Липиха, даже велела одному из сторожей посветить вокруг, будто эта древлянка могла с кем-то тут встречу назначить.

Свет спугнул овинника, он исчез, глазами-огоньками уже не посверкивал, да только его недовольное бормотание по-прежнему долетало из-под стрехи. И такое громкое и раздраженное, что просто дивно, как это ключница и дворовые ничего не замечают.

– В овине крыша давно прохудилась, – сообщила Малфутка то, на что гневался овинный дух. – Весна нынче дождливая, вот и протекает где ни попадя. А это неладно, надо перекрыть кровлю-то.

При этих словах Липиха перво-наперво оглянулась на дворовых, а потом вдруг выпрямилась во весь свой невеликий рост, грудь выпятила, пузо под богато шитым передником выставила.

– Что это делается, боги пресветлые? Да неужто ты, древлянка дикая, упрекаешь меня в нерадивости?! Да я хозяйством не первый год заправляю, все у меня учтено и продумано, за всем я присматриваю и указаний какой-то приبلуды лесной не потерплю! Ишь, явилась сюда и норов свой выказывает! Я боярину пожалуйу на твое самоуправство и придирки, скажу, как ты меня за службу верную хаешь...

Липиха говорила еще и еще, совсем забыв, что с боярыней разговаривает. Да и Малфутка смутилась, пятилась от раскричавшейся бабы, на посмеивающихся дворовых и глянуть боялась. Чужая она тут и нежеланная. Ей и с разгневанным овинником было легче общаться, чем с людьми, которые испытывали к ней лишь презрение и неприязнь, не любили, не жаловали. От огорчения она не сообразила, что ругает-то ее как раз та, кто служить ей обязана. Поэтому, так ничего и не ответив, Малфутка поспешила прочь, почти перебежала широкий двор, поднялась по ступеням крыльца, легкой тенью кинулась по переходам к своему терему и остановилась, только захлопнув за собой тяжелую дверь.

Липиха же еще какое-то время лютовала, даже треснула одного из сторожей по затылку, чтобы облегчить душу. А потом задумалась.

– Чего же она толклась тут в потемках? – проговорила задумчиво.

– Да она все время где-то таится в переходах, ведьма древлянская, – потирая ушибленный затылок, заметил сторож. – Людей сторонится, с кошкой своей все возится, словно эта тварь бессловесная ей ближе простого люда.

Липиха согласно кивнула своим богатым повоем, поправила покрывавшую его цветную шаль, но потом все же повелела, чтобы завтра же овинные работники подлатали крышу. Самой себе не хотела признаваться, что сразу поверила древлянке.

Малфутку в темных переходах встретила старенькая горбунья приживалка.

– Матушка-сударышка наша явилась, лапушка наша чернокошая. А мы-то уже обыскались, – лопотала старушка дребезжащим голосом. – Трапезничать изволите идти? Кашка-то на столе горячая и духовитая, молочком и медом приправленная. Небось ты в лесах диких древлянских такой и не едала.

Каша действительно оказалась на диво вкусной. Малфутка ела ее, неспешно окидывая взглядом свою богатую горницу. Красиво тут, свод над головой узорами из переплетающихся трав и цветов расписан, широкие половицы выскоблены добела, лавки покрыты ткаными яркими ковриками, сундуки крест-накрест обиты медными полосами, красиво поблескивающими при свете высоких свечей в литых шандалах. Думала ли когда-либо древлянка Малфутка, что в такой роскоши ей жить придется? Но все равно не было ей тут счастья. Одинока она и заброшена... даже милым любимым соколом своим оставлена. Вон он опять подарки ей прислал из Киева: медовых пряников отправил, рулоны заморской парчи, ларчик с притираниями ароматными. Но что ей все его дары, когда сам не спешит?

Малфутка аккуратно облизала ложку, отодвинула расписную миску и кивнула приживалкам-служанкам, мол, доедайте. Те так и кинулись, толклись в углу возле горшка, стучали ложками, чавкали.

– А вы молочко домовому у порога поставили? – спрашивала у них Малфутка. Те кивали, не переставая есть. – А кикиморе моток пряжи в подпол кинули, чтобы не скучала?

Опять кивают. Уже привыкли, что боярыня о каждом домашнем духе печется более, чем о себе самой. Вон сказала, чтобы уходили, оставили ее: не хотела сегодня сказок их слушать, косы сама взялась расчесать на ночь.

Ее широкое ложе было мягким и... холодным. Она металась по пышным подушкам, сбрасывала меховые покрывала. Душно. Дождь идет за окошком, шуршит по вставленным в частый переплет стеклышкам. И грустно так... И Свенельда все нет. А ей ведь о ребеночке сказать ему надо.

Соскочив с ложа, как была в одной рубаше, с обтекавшими ее едва не до колен густыми черными волосами, Малфутка уселась перед зеркалом. Овальное, из гладкого посеребренного листа меди, оно почти не искажало ее отражения. Малфутка поставила по бокам две высокие белые свечи, стала вглядываться в полированную гладь, шепча наговоры, вызывая образ того, кого любила без памяти, чье дитя носила и даже не имела возможности сказать о том. Хоть бы весточку ему послать. Но приедет ли? Все в делах, все в заботах. Все для Киева старается, для Ольги, княгини киевской... будь она неладна, разлучница.

– Ты услышь, услышь меня, милый мой разлюбезный, – шептала Малфутка, вглядываясь в темноту за своим отражением. – Покажись, отзовись, мой любезный друг, услышь печаль-тоску мою. Явись, покажись.

Но белесый свет отражал только ее смуглое лицо с ярким широким ртом и высокими скулами, под которыми тени обозначали легкие ямки, нос с горбинкой, темные большие глаза под круто расходившимися бровями. И еще отсвет падал на край ее расстеленного ложа, белые полотняные простыни, легкий рысий мех откинутого в сторону покрывала, по которому скакал и играл черный котенок. И вдруг котенок замер, выгнув спину, зашипел сердито и испуганно. Древлянка обернулась к нему. Знала, что ее зверек всегда чувствует необычное. Не тех привычных домашних духов, не кикимору теремную, шуршащую кинутой пряжей в подполье, не легкие семенящие шажки домового. Эти звуки улавливала и сама Малфутка. А вот когда появлялось *это*...

Казалось, пора ей привыкнуть, что в тереме этом происходит нечто неладное, да она уже и не цепенела от ужаса, как ранее, однако и теперь прежний страх не проходил совсем. Вот и вглядывалась во мрак по углам. Котенок все шипел, скаля маленькие белые зубки, а его светло-зеленые глаза были направлены... Малфутка бросила взгляд в угол,

где стояло высокое резное кресло. И показалось ей, что звенья бревенчатой стены за ним словно бы стали колебаться... как будто дымок легкий потек с них.

Мутный дым постепенно начинал принимать очертания невесомой фигуры. Они становились все более четкими, хотя и оставались полупрозрачными, так что даже была видна бревенчатая стена позади. Но призрачную гостью уже можно было рассмотреть: стала хорошо видна облегавшая ее высокое сильное тело длинная рубаха, почти такая же, как была и на Малфутке, даже с похожей вышивкой на рукавах. Босая была и волосы распущенные – длинные, светлые как лен, ниспадающие почти до колен, как расчесанная пряжа. Теперь Малфутка могла ее точно рассмотреть: бледное до синевы лицо, горделивые дуги бровей, закрытые, как во сне, глаза с длинными ресницами. Красивая... была бы, если бы не веяло от нее таким холодом и жутью...

Малфутка, бурно дыша, сжимала в кулачке лунницу так, что до боли натянула шнурок оберега на шее. Кричать хотелось... но она молчала, словно кто печать на уста наложил. Так всегда бывало, когда из темных закутов возникало это странное видение... блазень, таинственный и печальный. Малфутка смотрела, ожидая того страшного мига, когда призрак начнет открывать глаза.

Котенок шипел, потом утробно зарычал, уши его были прижаты, зубки оскалены. И призрачная гостья сперва посмотрела на него. Глаза у нее были светлые, незрячие, мертвенно-пустые. Она даже вроде бы силилась улыбнуться, но лицо ее только подергивалось. Она медленно стала поворачиваться, не двигая станом, не поворачивая головы, будто ее вращали над полом некие потоки. Она была легкой, но при этом уже казалась бы почти реальной, если бы не висела на добрый локоть выше половиц. И вот она заметила Малфутку, медленно поплыла к ней. Древлянка не могла двигаться, почти не ощущала, как зашевелились волосы на затылке, а на лбу выступил холодный пот. Страшная гостья подлетела почти вплотную, смотрела, потом ее неподвижное лицо начало подергиваться, глаза расширились, стали ужасными. Вот и губы зашевелились, точно она пыталась что-то сказать, даже брови сошлись к переносице от натуги. А потом она стала изменяться... как и ранее бывало.

Она еще что-то беззвучно говорила, но уже по лбу, от ровного пробора потекли темные тени, становились все глубже, превращаясь в глубокие морщины, набрякли мешки под глазами, исказился округлый подбородок, пошла жилами только что гладкая шея. Женщина-блазень старела прямо на глазах, ссыхалась, горбилась, скрючивалась. И вот уже в воздухе висела старуха, всклокоченная, седая, с жилистыми когтистыми руками, которые она тянула к замершей Малфутке, руки эти дрожали, на старческом изможденном лице проступала невыразимая мука, беззубый ввалившийся рот пытался что-то сказать, кривился в немом крике, глаза почти вылезли из орбит от натуги. Ее трясло, глубокие морщины становились трещинами, черными, извилистыми; вот трещины стали расходиться, кожа сползала клоками, отлетала шелухой, обнажая скелет, череп с жутким оскалом мертвой улыбки, исчезли в провалах глаза. И словно вихрь подул, Малфутка почти обоняла трупную вонь бестелесного духа. Миг – и опять висела перед ней в воздухе молодая красавица, но голова ее бессильно свешивалась, точно ее клонили вниз тяжелые белые волосы, лицо было чистым и спокойным, отсутствующим, глаза покорно закрыты. И все. Ее единым рывком утянуло в звенья стены. Будто и не было ничего. Только свечи подле зеркала заколыхались, отбрасывая по углам мятущиеся блики, да холодом веяло.

– О мать Макошь, защити, – выдохнула Малфутка. И одновременно ощутила, как с нее спало оцепенение. Опять слышала, как утробно рычит ее котенок, но это был уже реальный звук, который издавало живое существо.

Малфутка кинулась на ложе, заскочила с ногами, вжалась в подушки в изголовье, схватив и прижав к себе котенка. Он мелко дрожал в ее руках. Малфутка гладила его, успокаивая, и постепенно стала успокаиваться сама.

– Тише, тише, мы никому о том не скажем, – шептала.

А отчего никому, Малфутка сама не знала.

Она долго не спала, лежала, сжавшись в комочек, даже когда обласканный котенок перестал дрожать, заурчал успокоительно. И звуки стали такими привычными и спокойными: выводил трели сверчок, стучал в окошко мелкий дождик, кряхтели

за дверью во сне ее старенькие прислужницы, где-то на заборках перекликалась стража, можно было различить, как спит по дому, цокая когтистыми лапками, домовый. А там и полупрозрачная Дрема проплыла легкой тенью, дунула на свечу, загасив, наслала сон...

Проспала молодая боярыня долго, крики горластых петухов и оживление в тереме ее не разбудили. Лишь когда в дверь решительно застучали, она наконец очнулась, отозвалась еще хриплым со сна голосом. Дверь отворилась широко и резко, на пороге возникла Липиха.

– Все спишь, сударушка? А того не ведаешь, что радость великая у нас: хозяин прибыл на ясной зорьке. Тебя беспокоить не велел, но ведь пора и честь знать: светлый день на дворе. А Свенельд сейчас в баньке парится, и ты, как заботливая жена, должна прислужить ему, обмыть с дороги.

Малфутка так и подскочила. Спешно скручивала узлом рассыпающиеся непокорные волосы, скалывала их гребешком, шаль накидывала, уже выбегая за порог. Но все-таки остановилась на лестнице, зашептала что-то быстро, поклонилась кому-то и только потом вышла наружу.

– Чего это она? – удивилась Липиха. – Кому кланялась-то?

– Не иначе как домового заприметила, – подсказала старушка-горбунья. – Сама знаешь, что домовый всем хозяйским духам голова, вот боярыня наша и просила его наказать баннику не шалить в пару-то.

Но Липиха только фыркнула насмешливо.

– Вечно ты свои прибаутки рассказываешь, бабка Годоня. Поговори мне еще, вещуника.

Малфутка уже к баньке подбегала. Как в хозяйстве полагалось, баня располагалась не среди самих теремных построек, а в стороне, в низине подле быстро бегущего студеного ручья, у широкой заводи. Пар от нее валил, пахло буковым сладким духом, березовыми настоями. Свенельда она увидела в предбаннике, сидел он, откинувшись к стене на покрытой сукном лавке, раздетый, сильный, только на бедра сукно светлое наброшено. И был он такой... такой влажный, сильный, мускулы так и бугрились на его сильных руках, широкие плечи влажно блестели, выпуклые пластины груди сейчас казались расслабленными, а живот с легкой порослью волос весь в квадратах тугих мышц. Малфутка не могла глаз от него отвести. Судорожно вздохнула.

Свенельд с ласковой улыбкой повернулся к жене. Его светлые, почти соломенные волосы, потемневшие от влаги и пота, спадали мокрыми прядями на весело блестящие зеленые глаза. Взгляд был лукавым, понимающим. Он сразу увидел, как затуманились ее глаза, как бурно вздымается высокая грудь.

– Ну иди же ко мне, – протянул он длинную руку, поманил.

Она так и кинулась. Целовала его жадно и лихорадочно, в глаза, в губы, в шею, сильные плечи обцеловывала, бедра гладила, опять в глаза смотрела затуманенным горящим взором.

– Свен мой, ладо мое, муж мой желанный...

Свенельд сам стал задыхаться, лохматил ее рассыпающиеся пышные кудри, целовал в мягкие яркие уста. А потом одним сильным движением опрокинул на лавку, целовал в горло, водил сильной ладонью по холмам груди, рвавшимся из шнуровки рубахи, покусывал ее напрягшиеся соски. Он вошел в нее легко, она словно втянула его в себя своей жаркой истомой, готовностью, жадностью. Свенельд даже застонал от такого ее желания. Она была такая... подобного он ни с кем никогда не испытывал. Свенельд медленно двинулся в ней, легко и скользко погружаясь в ее лоно, покачиваясь, как на горячей волне. А она так тянулась к нему, заурчала голодной кошкой, выгнулась.

– Я твоя...

– Я с тобой все забываю.

Малфутка едва не плакала. Ощущала, как по телу расходятся круги невероятного наслаждения.

– Любый мой...

– Древляночка...

– Ближе, еще ближе, – молила она, обнимая его, прижимаясь. – Сильнее. Возьми меня всю... без остатка.

Их страсть всегда была бурной и жаркой. Они будто сразу становились единым целым, полным жара и влаги, стука сердец и неги, горячего бреда, когда и слова – не слова, и чувства сродни бреду, а наслаждение... Оба вскрикнули, не сдерживаясь, ибо подобное трудно было сдержать в себе.

– И что ты со мной делаешь, Малфутка, а, чародейка моя? – произнес через время Свенельд, поднимая над ней тяжелую, будто хмельную голову.

Его лицо было влажным от пота, и она ласково провела кончиком пальцев по его темным бровям, по переносице, по тонкому ястребиному носу. Он хотел еще что-то сказать, но ее пальчик как раз застыл на его губах, она не дала и слова молвить, так поцеловала. Она была ненасытной, и ее жадность к нему вновь зажигала в нем вожделение, и он, еще бессильный, вновь отвечал ей, а потом волнообразно двинулся, как будто в ее воле было вернуть ему силу и новый яркий запал.

Разговаривать смогли, только когда страсть их отпустила.

– Хорошо, что банька в стороне стоит, – произнес Свенельд, откидываясь на спину. – А то бы потом дворовые могли похвалиться, что ведают, как стонет и вопит их боярин. Хотя... И так, наверное, знают, как ты мила мне.

Его жена ничего на это не сказала. Но подумалось: знали бы, то скорее ей бы служили, а не надменной Липихе. Да и что может думать дворня, когда боярин все в Киеве пропадает, а сюда только изредка заглядывает. Но уж в эти наезды он только ее, только Малфуткин. И в ее воле как сладостно утомить его, так и вернуть к жизни.

Малфутка легко поднялась, стала накладывать поленья в печку, которая совсем прогорела за время их любовного безумства. А когда та загудела, вновь раскаляясь, под руки повела мужа, уложила на полок, обхаживала березовым веничком, смоченным в рассоле. Свенельд только покрывал от удовольствия. Потом и он ее обходил, в пару и брызгах, пару поддал, так что все поплыло вокруг. А потом они оба выскочили и кинулись в студеную заводь, Малфутка весело визжала, Свенельд хохотал.

Когда они, довольные и расслабленные, пили в предбаннике квас, Малфутка все же решилась заговорить.

– Я тут... Мне сообщить тебе важное надобно.

Он чуть повернул к ней лицо, смотрел спокойными зелеными, как лесное болото, глазами. Его древлянская жена, какую он привез и сделал своей боярыней... полюбовницей сладкой, о которой сам Игорь князь мечтал. И Свенельд поймал руку ее, повернул к себе ладонью, на которой белел старый шрам от пореза. Ох и многое же узнал о своей избраннице Свенельд за это время.

Малфутка смотрела на него будто с неким смущением, потупилась стыдливо. С чего бы это? Чтобы его раскованная и горячая древлянка да смущалась? Вон как спокойно разгуливает при нем нагишом, только ее черные кудрявые волосы покрывают ее худощавое жилистое тело, пристают к высокой груди волнистыми змейками. Да, гладкой и пышнотелой ее не назовешь, но ведь таковой и должна быть лесная охотница, найденная им в древлянских лесах. Охотница... Или еще кто... Ибо Свенельд знал, что лесные древляне считали его женой ведьмой, да и сам он видел ее иной, когда ее приковали к столбу, сжечь хотели... Но сама она забыла свое прошлое. И это хорошо. Свенельд взял ее в жены, и незачем ей ведать, какова ее подспудная сущность. А уж свою власть над ней Свенельд хорошо знал. В его силах было покорить тот колдовской

морок, то злое наваждение, какое пыталось побороть ласковую и простодушную сущность древлянки Малфутки. И еще она была нужна Свенельду. Нужна и без полагающегося приданого, ибо для Свенельда куда важнее то, что Малфутка умела искать в чащах источники с чародейской водой, живой и мертвой. А это такое богатство, что... что и сказать страшно. Это поважнее любого приданого будет. А что люди говорят, мол, привез из чащ дикарку без роду-племени, то Свенельд еще утрет им всем нос. И когда уляжется все, как возвратится князь Игорь в Киев да уверует, что Малфутка не та чародейка, какую он некогда полюбил... Эх, уладилось бы все скорее. Что уладится, Свенельд не сомневался, верил в свою удачу. Как и верил, что вновь поедет в полюдь в древлянские чащи, а его жена-древлянка поможет ему распознать, где бьют из земли источники живой и мертвой воды, цена которым просто несказанная. А Игорь... И Свенельд подумал, как хорошо, что Малфутка забыла свое прошлое, забыла, что некогда ее превратили в ведьму Малфриду и князь Игорь едва ли не ел с ее рук.

- Ну, что смущаешься, суложь моя милая? Говори, что хотела.

«Суложь моя милая», - повторила про себя Малфутка, блаженно полуприкрыв глаза.

- Так вот... Сперва не сказывала, так как не уверена была, потом тебя долго не было. Но теперь-то я знаю...

Она еще пуще зарделась, отвела со лба влажные кудряшки.

- Понесла я, Свенельд. Ребеночек у нас будет.

И улыбнулась застенчиво, бросив на него искрящийся счастливый взгляд.

Но Свенельд не улыбался. Смотрел на нее серьезно, и его зеленые глаза становились будто стеклянными. словно думал о чем-то далеком-далеком...

- Неужто не рад? - отшатнулась от него Малфутка. Сидела на коленях подле лавки, снизу вверх беспомощно и растерянно глядя на мужа.

Он по-прежнему молчал. Опустил ресницы, оставался неподвижен, только желваки на скулах заходили ходуном. Потом резко встал, зашел в парную - там зашипело, когда он плеснул квас на раскаленные камни. Малфутка осталась в предбаннике, слушала, как он сильно стегает себя веником, как охает, но не расслабленно, а как-то зло, будто бьет себя до боли. Резко вышел, облился холодной водой из ушата, схватил свежую рубаху, быстро надел на мокрое тело. Когда он уже обувал сапожки, Малфутка робко попыталась ему помочь, но Свенельд резко отстранил ее руку. И тогда она не выдержала:

- Что не так, Свенельд? Я ведь сына от тебя понесла... или дочку. Раз уж наша с тобой Малуша осталась у волхвов и найти ее нет возможности.

Это упоминание о некогда рожденной их дочери как-то странно повлияло на Свенельда. Он тихо застонал, потом вдруг погладил Малфутку по голове. В глазах уже не было прежнего холода, однако и тепла не было.

- Да, твоя Малуша была моей дочерью. И еще у меня есть сыновья Мстиша и Лют от прежней жены. А твое дитя... Уже и не знаю, от кого оно.

Малфутке стало больно. Распирающая боль заполонила грудь, давила с такой силой, что на глаза навернулись слезы. Свенельд это заметил, но словно пуще рассердился.

- Я женой тебя брал перед всем Киевом, все знают, что моя ты боярыня. И о нас много говорят. А твой приблудок... Ты ведь древлянка, Малфутка, вот и должна знать, что у того, кто живую и мертвую воду употребляет, не может быть потомства. Я уже более полугода пью живую воду. Мог ли я зачать тебе дитя?

Он резко встал и вышел, грохнув дверь. Она осталась сидеть, молчала ошарашенно и оглушенно. В ту пору, когда они вместе с варягом Свенельдом бродили по древлянским болотам, она сама ему рассказывала, что пьющий чародейскую воду остается молодым и сильным, однако не имеет способности зачинать детей. Вечная жизнь не совместима с продолжением рода - это закон. Так выходит... От кого же тогда ее ребенок?

Малфутка долго просидела без движения в опустевшей баньке. Сперва просто сидела без сил и мыслей, потом медленно оделась, шагнула через порог, даже забыв поклониться строго требовавшему почтения баннику, пошла по склону вверх к хоромине. Повернулась, только заслышав шум отъезжающего отряда. Она видела, как Свенельд пронесся мимо – в опушенной соболем шапочке, в красиво отлетавшем при скачке малиновом плаще. Скакавший за ним воевода Торбьерн, завидев Малфутку, вроде как и рукой ей помахал, но его приветливая улыбка замерла, когда увидел, как пронесся мимо нее Свенельд, не взглянув на жену. Его дружинники тоже это заметили, проезжали мимо, недоуменно переглядываясь.

Она медленно и устало возвращалась в терем. Рубаха надета как попало, сама растрепанная, босая, взгляд погасший, а в бессильной руке волочилась по земле шаль. Прошла мимо, не замечая, какими взглядами обменивается челядь. Лишь когда поднималась на высокое крыльцо, услышала позади себя довольный голос торжествующей Липихи:

– Ну что? Я же говорила, что недолго ей тут боярыней разгуливать. Вон, умчался от нее наш сокол ясный, словно от порчи какой. Так что помяните мое слово, выгонит он ее взащей, чтобы взглядом своим сорочинным не зыркала тут на добрых людей.

Глава 2

Однако, вопреки предсказаниям Липихи, Малфрида осталась. Люди в Дорогожичах, поболтав да посудачив, решили, что не ссора с женой заставила Свенельда так скоро покинуть усадьбу, а нечто иное. Ибо уже к вечеру прискакал дружинник Свенельда Ярц и сообщил страшную новость: убили древляне дикие Игоря князя. Казнили его люто, вместе с его малой ближней дружиной. Только одного кмета отпустили, чтобы тот сообщил в Киев о расправе.

Ярец лично явился сообщить об этом Малфутке. Молодой гридень хорошо относился к боярыне, помнил ее с тех пор, когда Свенельд только познакомился с ней, в Искоростене поселил. О самой их размолвке, похоже, не ведал. Да и кого сейчас волновала ссора супругов, когда тут такое творится? Ярц рассказывал, что весь Киев бурлит, никто не знает, чего теперь ожидать, все гадают, кого на княжение ставить придется. Ведь сын Игоря Святослав еще дитя совсем, а другой его сын Глеб, какого он в Новгороде посадил, слишком слаб, чтобы править, да и, как сообщали, все больше с христианами время проводит, а к верховной власти не рвется. Так что будут дела...

Все это Ярц рассказывал в большой гриднице, где собрались люди Свенельда. Боярыня сидела на высоком кресле, смотрела на Ярца странным взором, словно с трудом понимая услышанное. А за ней столпилась дворя, сперва все оторопело молчали, потом заговорили все сразу, бабы голосить начали. И Малфутка вдруг прикрикнула на них, да так властно, что и Липиха растерялась, слушала, как и все, как боярыня спрашивает у Ярца:

– Али древляне не понимают, что им за смертоубийство князя грозит? Ведь теперь все рати русские на них накинута, кровью залется Древлянская земля.

Ярец недоуменно теребил кудрявую бороду, огладил белесый рубец на щеке.

– То-то и оно, что странно все это. Но древляне не так и просты, что-то страшное замыслили. Что такое, я не ведаю. Да только Ольга испуганной после разговора с гонцом выглядела. Словно исполох на нее напал, тряслась вся, разговаривать ни с кем не стала, заперлась в покоях.

– Может, просто о гибели мужа кручинится? – пыталась найти объяснение Малфутка.

Ярец пожал плечами. Что тут ответить? Боярыня вон все верно соображает, однако теперь, когда князя нет, а воинство кому-то возглавлять надо, да и престол кто-то занять должен, еще неясно, как дело-то обернется. И хотя люди привыкли, что во время походов Игоря княгиня Ольга ладно на Руси правит, однако она женщина, а в отдельных княжествах сидит немало сильных князей, какие захотят показать, что и им власть по плечу. Особенно когда пойдет весть, насколько княгиня напугана и будто не в себе.

Малфутка приказала челядинцам накормить гридня и устроить на отдых, а сама поднялась к себе. Сперва думала о том, как же древляне на подобное решились, что теперь на них пойдут войной русичи, будут мстить за князя, что и Свенельд пойдет в тот поход, он ведь посадник древлянский, ему первому с них спрашивать да карать. И теперь ему не до нее... Совсем не до нее. Да и неясно, как долго она будет тут хозяйничать, когда она беременна и сама не знает от кого.

Малфутка твердо знала, что с момента встречи этой зимой со Свенельдом она и не помышляла ему изменять. А вот что было до этой встречи? И вот тут начиналось самое странное. Она помнила, как жила у волхов древлянских, как они обучали ее, чародейкой сделали... потом в памяти был черный провал. И дальше она помнила себя с того момента, как вдруг очнулась в какой-то курной избе и с ней был волхв Малк... или Малкия, как он себя называл. И вот тогда-то этот Малкия и сказал, что со временем она вспомнит еще кое-что. И ведь вспоминала же порой, во сне даже видела. Но потом все исчезало. Словно кто-то посторонний не давал оживлять те воспоминания. Или от беды заслонял.

Но одно Малфутка уразумела: с той поры, как она звалась у древлян Малфридой, и до того, как Малк опять назвал ее Малфуткой, прошло немало времени. Она по себе это чувствовала, по разговорам со Свенельдом это поняла, по его недомолвкам.

И советник княгини Асмунд, правая ее рука, тоже начинал звать Малфридой. Но этот-то откуда узнал? Да и разве не Малфридой окликнул ее Игорь князь при первой же встрече?

Думая про князя, Малфутка ощущала странное недоумение. Было у нее чувство, как будто знала его ранее. Да и князь повел себя так, словно она была важна для него. Липиха вон говаривала, что это Малфутка заставила князя в полюдь то несвоевременное отправиться. Но Липиха баба злобная и дурная, она лихое скажет, не подумавши. И все же... Все же... Почему Малфутка так часто вспоминала князя? Может, оттого, что ее многие о нем спрашивали. Вон тот же Асмунд с вопросами подступал, даже Свенельд вопрошал время от времени, да еще и поглядывал так испытующе. Но Свенельд мог просто взревновать, памятуя, как жарко и пристально смотрел на нее князь Игорь. Она и сама тогда опешила, а еще... Еще был на ладони у Малфутки шрам, невесть когда полученный. И о нем почему-то знал Игорь. И вот когда Малфутка смотрела на сей шрам, и начинало ей мариться всякое: будто сидит она где-то в шатре, обещает что-то Игорю, а он... Он милым ей казался, красивым... желанным. И это было так странно.

От подобных воспоминаний Малфутка совсем выдохлась. Такое чувство было, словно ломится она в тягучую темноту, продирается к чему-то сокрытому, теряя силы. Даже голова разболелась, кругом пошла. И раздражало жалобное мяуканье котенка. Только его голос и раздавался подле нее в пустой темной горнице. Пустой... Ибо Малфутка всегда жила тут в одиночестве, в стороне от остального людного терема, горниц и светлиц, где обычно собиралась по вечерам челядь.

Малфутка все же кликнула кого из своих старушек-прислужниц. Ответа дождалась не сразу, потом различила шаркающие семенящие шажки, и в проеме двери возникла согнутая чуть ли не пополам фигура ее горбуны Годони.

– Вот что, Годоня, принеси-ка нам с Мороком поесть.

Мороком Малфутка назвала своего котенка. Как будто иное имя ее черному питомцу и не подходило. А ведь был вон какой ласковый: как позвала, сразу же вскочил к хозяйке на колени, ластился, смотрел желтыми во тьме глазами, лбом под ладонь тыкался, урчал, хотя и одновременно мяукал жалобно.

Вернувшаяся Годоня стала расставлять на столе крынки, при этом все приговаривая:

– Вот, все, что нашла. Вот сыворотка, вот каша пшенная, а вот грибочки прошлогоднего засола, тугие еще, крепенькие да острые. Тебе, сударушка, да еще и в твоём положении, небось как раз таких и хочется. А вот погляди, я и капустки квашеной принесла, кислой да пряной, беременные бабы до такой страсть как охочи.

Малфутка и впрямь с удовольствием зацепила ложкой капусты, ела с удовольствием, маринованным сочным грибочком закусила. И только через миг до нее дошло, что Годоня знает, что боярыня непрадна. А ведь никому о том не сказывала.

– Откуда тебе, – Малфутка судорожно проглотила, – откуда знаешь, что я дитя под сердцем ношу?

Движения горбуны стали медленнее, она подняла к боярыне сморщенное, как печеное яблоко, лицо. Малфрида и во мраке видела ее крючковатый нос, запавшие старческие губы, дряблые веки на маленьких, по-мышинному поблескивающих глазах. И взгляд был такой осторожный.

– Да я ведь служу тебе, боярыня. Остальные вон под Липихой ходят, а я все при тебе. И как не прознать, когда ты и ветошь в бабьи дни ни разу не просила, да и на кислое и соленое налегаешь, ну да и мутило тебя пару раз по утрам. Я-то стара, но как бабьи дела проявляются, не забыла еще.

И тут, в какой-то миг, Малфутка поняла, что они с Годоней смотрят друг на друга в полной темноте. Свечи старуха так и не зажгла, а ведь видит все. Ну и Малфутка видит, ей что при свечах, что во мраке, без разницы. Когда-то волхвы говорили Малфутке, что это один из ее чародейских даров, а вот у горбуны как это получается?

Наверное, на лице боярыни появилось недоумение, и Годоня то заметила. Застрекотала сразу же торопливо, что вот сейчас она и кота хозяйского покормит, что нечего ему по столу лазить. И закискискала, наливая в миску молока из кувшина, все так же в темноте. Малфутка проследила, как горбунья, сопровождаемая довольно поднявшим хвостик котом, прошла в угол, при этом обогнув по пути табурет, не задела. Выходит, и впрямь все видит?

Малфутка так и спросила, мол, неужто можешь видеть в потьме?

Годоня поворачивалась медленно, а взглянула из-под выступавшего горба – лицо испуганное и злое. Сказала через миг:

– Да ведь и вы, боярыня, в свечах не нуждаетесь. Но я о том молчу. Как и не заикнулась никому, что вы в тягости.

Она выжидала, что Малфутка ответит, но та молчала. Она обычно и не приглядывалась к этой старушенции, как и не думала о ней особо, а та, похоже, все примечала. И сейчас они точно договор заключали: молчать обо всем.

На следующий день в тереме было шумно: уезжали и приезжали всадники, где-то голосили бабы, воины собирались в группы, толковали приглушенно, и все их разговоры были о предстоявшем походе на древлян. Малфутка слышала те речи, как и услышала, как кто-то сказал сердито при ее появлении: древлянка. Будто ругательство какое. А встретившийся ей теремной тиун едва ли не под ноги плюнул.

– Все беды от этого проклятого племени, – молвил зло в спину прошедшей мимо боярыни.

Она старалась держаться спокойно. Свернула за угол, смотрела, как бабы выбивают перины на галерейках, как метут двор метельщики, от поварни вкусно пахло свежей выпечкой. Все вроде как обычно, да только все вокруг хмурые и недовольные. И опять отовсюду, как эхо, звучит – древлянка проклятая.

Возле овина Малфутка задержалась. Здесь работники возились, перекрывая по ее наказу кровлю. Она смотрела не столько на них (приелись уже до оскомины мрачные взгляды челяди), сколько в переплетение балок, где неожиданно увидела маленькое лохматое существо с кошачьей мордой. Сидит себе оvinник, болтает коротенькими ножками. И как его другие не замечают? И еще создалось впечатление, что оvinник довольным выглядит, даже скалит маленькие зубки, словно улыбается боярыне. Рад, что крышу успели починить. А то вон какие тяжелые тучи плывут по небу, наверное, опять скоро польет. И день такой хмурый, холодный, ветреный, никак не скажешь, что месяц травень уже на подходе. Еще ночь да вторая минет – и праздник Живы настанет.

После полудня и впрямь небеса разверзлись, пошел ливень, заслонивший все плотной стеной, принесший сырость и холод. И уже не прекращался до вечера, шумел однотонно и громко, как река. Люди судачили, что поля заливают, что вышедший из берегов после таяния снегов Днепр никак не схлынет. Однако больше разговаривали о том, что последует за гибелью князя, о том, что скоро будет большой военный поход, как бывало прежде, когда древляне выходили из-под власти Руси да замыслили против полян недоброе.

Само собой о таком с боярыней древлянкой никто не разговаривал. Она, как и ранее, одиноко сидела у себя в светелке, гладила котенка Морока да слушала шум дождя по кровлям теремных строений. О Свенельде думала. Как-то теперь промеж них все будет? Гнать он ее не велел, однако вряд ли теперь их семейная жизнь заладится. Пока она не услышала от него, что он из-за чародейской воды зачать дите не может, она ведь так счастлива была! Да и что ей было до нелюбви дворни, до придинок Липихи, если ее Свенельд с ней был. А теперь... Теперь за все добро и ласку Свенельда она может подарить ему приبلудного ребенка, какого сама не ведает, где и с кем зачала.

В какой-то миг Малфутка вдруг поняла, что не желает это дитя. Обычно бабы богов благодарят, когда новую жизнь в себе ощущают, а ей вспомнились речи о том, как женщины сами избавляются от плода. Вот бы и она так... Ибо если она вытравит

ребенка, если скажет Свенельду, что ошиблась, что не было у нее никакого дитяти – может, и сладится у них как-то?

Малфутка почти обрадовалась, что додумалась до такого. Однако как сделать подобное? Это ведь грех великий, в этом мало кто помогать решится. И Малфутка неожиданно подумала о Годоне. Что горбунья не так и проста, было ясно. И если сговориться с ней, если спросить совета и помощи... Вот она сейчас же позовет ее и прямо так и спросит, мол, где и как. Да наградить щедро пообещает.

Неожиданно Малфриду отвлеч от этих мыслей какой-то шум за окном: слышались крики охранников на высоких заборках, кто-то велел открывать ворота. Малфутка распахнула ставень окошка, гадая, кто мог прибыть в такое ненастье? В потемках дождя было не видеть, все вокруг казалось расплывчатым, однако сквозь мрак боярыня разглядела, как отворяют створки ворот, мечутся вниз фигурки с факелами, а потом во двор въехал одинокий всадник.

К прибывшему от крыльца поспешила Липиха, низко кланялась, что-то гомонила пронзительно и скоро, слов не разберешь, но суется и желает угодить. Неужто Свенельд вернулся? Малфутка вглядывалась, пока не поняла – не он. И хоть приехавший был с ног до головы закутан в широкий кожаный плащ, все же и с коня соскочил не так, и росточком был пониже, и двигался иначе, чем быстрый порывистый варяг Свенельд. Малфутке стало даже неинтересно. Опять небось вестовой из Киева прибыл. Странно только, что Липиха так суется, вон бежит под проливным дождем, верещит громко, в дом приглашает.

Но вскоре Малфутка поняла, что гость направился по крытым переходам к ее хорошине. Скинув котеночка с рук, она огладила светлое с золотым парчовым оплечьем платье, колты оправила вдоль лица, разгладила складки ниспадавшей из-под опущенной куницы шапочки вуали. Пока Свенельд о разрыве ей ничего не говорил, она все еще его боярыня, вот и должна встретить прибывшего, как полагается жене богатого воеводы-боярина да еще и посадника целого племени.

Голоса уже раздавались совсем близко, в покой вбежали ее прислужницы-старушки, зажгли спешно свечи, оправили покрывала на скамьях. Горбунья Годоня еще разравнивала тканый коврик у порога, когда в проеме возникла Липиха, грубо оттолкнула.

– Вон пооди!

И почтительно склонилась, пропуская прибывшего.

Малфутка сперва только и видела, что кожаный плащ, с которого потоками стекала вода, большой капюшон был надвинут, затеняя лицо, так что видны были только губы. Яркие губы, красивые, похожие на спелую сочную вишню. Под губами видна мягкая ямочка, а сам подбородок округлый, белый, никогда не знавший бритвы. Итак, ночной гость – женщина.

И тут прибывшая резко откинула большой капюшон. Голова ее была непокрыта, зачесанные назад русые волосы чуть растрепались на висках, чело обвивает тонкий золотой обруч, и в тон ему мерцают округлые сережки в ушах. А лицо... Сильное лицо, волевое, строгое. Красивое. И глаза такие пристальные, светло-серые. Казались бы ясными, если бы не горели таким огнем внутреннего чувства.

Малфутка и раньше видела в Киеве княгиню Ольгу, считала ее видной и привлекательной, оттого так болезненно переносила все те слухи, что ее Свенельд равнодушен к русской княгине. Да и сам он не сильно таился от жены, голос его всегда теплел, когда о княгине заговаривал. Пожалуй, с их первых встреч Малфутка об этом знала, волновалась всегда, когда Свенельд оставался в Киеве. Одно успокаивало: Ольга была всегда на виду, она мужняя жена, самого князя Игоря суложь... Была. Теперь же горькая вдовца. И вот она прибыла к Малфутке. Ночью. И смотрит так... словно ничего важнее для княгини нет, как боярыня Свенельдова.

Малфутка невольно потупилась под ее напряженным взглядом. И ощутила раздражение. Пусть эта Ольга и хороша, но чем же лучше ее? И Малфутка, даже не поклонившись княгине-сопернице, сказала спокойно:

– Здрава будь, княгиня, Ольга пресветлая.

От звука ее голоса застывшая на пороге Ольга будто очнулась. Резко оглянулась на столпившихся сзади челядинцев, на угодливо улыбающуюся Липиху.

– А ну вон пошли все. Чтоб духу вашего тут не было!

Захлопнула дверь, и еще не стих топот челяди по ступеням, как она кинулась через горницу к Малфутке, упала на колени у ее ног, схватила за руки.

– Помоги!.. Я ведь знаю, что ты можешь! Ты могущественная колдунья, я то знаю, и я молю тебя: помоги!..

Сказать, что Малфутка была поражена, – ничего не сказать. Она стала торопливо поднимать Ольгу, успокаивать, но та все цеплялась за нее, дрожала мелкой дрожью, умоляла:

– Мне и волхвы о тебе сказывали, и Асмунд говорил, даже боярин мой Свенельд признался, что ты могущественная древлянская чародейка. Такая, которая все может. Говорят, никто с тобой на Руси не сравнится. Вот и помоги, развею беду неминуемую.

Оказалось, что все ее прежнее спокойствие было лишь заслоном для бушевавших в княгине чувств – страха и отчаяния. Теперь же она словно не выдержала, уронила этот заслон, и все ее горести и беды так и хлынули потоком, лишив воли и силы саму Ольгу, напугав и обескуражив Малфутку. Она стала вырываться из обхвативших ее рук княгини, пятилась. А та волочилась за ней по полу на коленях и все твердила, чтобы помогла ей, ибо такие силы идут на Русь, что мало кто помочь может, что тут нужно небывалое чародейство, а человека, способного на такое, подле Ольги как раз и нет. Вот только сказывали ей... и все на Малфутку ссылались. Малфридой называли.

– Малфридой? – переспросила Малфутка.

Это варяжское имя некогда придумал для древлянки Свенельд, только он так порой мог назвать ее. И этим же именем она назвалась, когда встретилась с древлянскими волхвами в глухой чаще. Но сейчас, когда это имя прозвучало из уст чужой ей княгини, оно вызвало в душе Малфутки такое смутение, что и передать нельзя. На нее вдруг так и повеяло каким-то забытым далеким временем, какой-то прошлой, утраченной жизнью. И появилась уверенность, что Ольга поможет ей открыть то, что затерялось в минувшем, чего она, как ни силится, вспомнить не может...

– Встань, княгиня! Негоже тебе вот так... передо мной. Встань, говорю!

От ее резкого голоса Ольга будто очнулась. Медленно поднялась, смотрела потерянно.

– Ты отказываешь мне? Мне!

И нахмурила соболиные брови.

– Мне не смеют отказывать!

– А я тебе еще ничего и не ответила.

Малфутка отошла, села на ларь под растянутой на стене пушистой шкурой и указала на место подле себя.

– Рассказывай, что привело ко мне.

Ольга медленно опустилась рядом. Тяжело скинула свой мокрый плащ, весь забрызганный грязью, да и платье под ним хоть и лучилось парчой, но тоже было грязью измазано, сапожки расписные в комьях глины. Видно, неслась, себя не помня, княгиня до самых Дорогожичей по размокшей под дождем дороге, косы вон растрепаны, и косы эти знатные – тяжелыми петлями едва не до пола упали.

– Ну, что поведать мне хотела? – вновь спросила Малфутка.

– А ты будто не знаешь? Убили, казнили древляне князя нашего. Нашего... Ведь и твой он. Или забыла уже, как вы с ним любились?

Малфутка несколько раз моргнула. Взглянула на шрам на ладони. Она помнила князя там, в Киеве, когда он хватал ее за руки и кричал на нее. А выходит... Выходит, в их далеком прошлом было нечто такое, из-за чего Ольга ставит их имена рядом. И даже вдруг подумалось: а не от князя ли киевского она дитя под сердцем носит?..

Нет. Она помнила, что Свенельд нашел ее у древлян на исходе месяца просинца, и с тех пор она ни с кем более не бывала, не любила. Игорь же все это время был в иных землях. Так что зря на нее Ольга напраслину возводит. Однако... Однако отчего так волнуется ее сердце при мысли об Игоре? Отчего лишь единожды виденный ею князь снится ей порою?

– Не знаю, что и ответить тебе, княгиня, – отозвалась Малфутка задумчиво.

Та лишь махнула рукой.

– Не хочешь – не отвечай. Все равно я уже давно признала, что ты и есть та чародейка Малфрида, от которой мой муж голову терял, забывал с тобой все, меня забывал, сына нашего... Ну да нет больше Игоря, казнили его древляне люто. Знаешь как? Деревьями разорвали. И осиротели мы теперь... вся Русь осиротела.

Она говорила вроде как спокойно, но глаза медленно наполнились слезами, тяжелые капли потекли по гладким щекам. Гладким, как у отроковицы юной, а ведь годочков Ольге было немало. Вон как ее не единожды принятая живая вода в красе держит. Да и душа у княгини не состарилась, если так убиваться может, если мудрость многолетняя не убавила в ней страстей. Если слезы сами собой льются при упоминании о погибшем муже...

– Как теперь буду без Игоря – не ведаю, – говорила Ольга осевшим от сдерживаемых рыданий голосом. – Ты-то со Свенельдом сошлась...

– А ты? – все же осмелилась спросить Малфутка.

Ольга как будто удивилась, глянула на боярыню, потом пожала плечами.

– А, Свенельд... Люди разное о нас с ним болтают, ну да люди глупы. Для меня же не было никого важнее и милее мужа моего Игоря, и за него готова я мстить люто.

В ее голосе зазвучал металл, глаза вмиг высохли, стали ледяными. И вдруг схватилась за горло, зажмурилась, зашаталась, словно держала на плечах ношу непомерную. И опять к Малфутке:

– Помоги! Земля у меня из-под ног уходит, сама Русь шатается, а без твоей помощи я не обойдусь. Не одолею древлян, если не поможешь. Понимаю, что твое они племя, да только Свенельд рассказывал, что не сладко тебе с ними пришлось, что чуть не сгубили тебя.

И опять Малфутка ничего не понимала. Но отчего-то было ощущение, что не лжет Ольга. Помнила еще: когда уезжала со Свенельдом в Киев, соплеменники глядели на нее со злобой и отвращением, за обереги хватались, плевали ей вслед. Она тогда вся в радости обретенной любви была, ни на что внимания не обращала, списывая ненависть древлян на простую зависть, что полюбил ее сам посадник из Киева, что с врагом племени она сошлась. А ведь похоже, расспросить лучше бы следовало. Того же Свенельда расспросить. Она и пыталась, но он все отшучивался, принимался целовать ее, и она враз все забывала, растворяясь в жажде его любви. Даже поверила, что полюбит ее Свенельд сильнее своей почитаемой княгини. Но все одно ревновала тайком. А Ольге, похоже, до Свенельда и дела нет, вон все об Игоре толкует да чего-то требует от Малфутки.

– Ради всего, что Игорь для тебя сделал, заклинаю: помоги! Люди говорят, что ведьмы и любить по-настоящему не могут, но если хоть что-то ты чувствовала к мужу моему, прошу – поддержи своими чарами, не оставь, позволь расплатиться за гибель его лютую!..

Вот так, то плакала и просила, то вдруг, видя недоумение Малфутки, злиться начинала, почти угрожать. И вдруг заговорила об ином, о делах государственных, стала рассказывать древлянке-боярыне то, о чем только на Думе боярской говорят. Сказала,

что древляне хитро и коварно поступили, погубив Игоря именно сейчас. Некогда собранные князем ратники по домам своим разбрелись, люди устали от похода на Византию, их непросто будет принудить вновь облачаться в брони да идти в поход. Наследник же Игоря, Святослав княжич, еще мал, четырех лет он всего от роду. И при таком князе-мальце она, баба-правительница. Пока Игорь был в силе, с властью Ольги все считались, ибо за мужем была, его воинская мощь ее охраняла. А теперь, когда не стало мужа-защитника, кто под рукой женщины оказаться захочет? Тот же воевода Свенельд рати имеет немалые, богат да прославлен. Захоти он – и вече его на княжество выкрикнет. Ибо древлян сейчас надо опасаться, как никогда ранее, могучи они ныне, как никогда ранее не бывали.

Малфутка была испугана ее речами горячечными. Хотела было спросить, чем же сейчас древляне так опасны, но Ольга говорила не переставая. Была как в забытии и просто обрушила на Малфутку целый перечень имен незнакомых ей людей, какие теперь, когда не стало сильного князя, могут выйти из повиновения единой Руси, могут и себя на великорусский престол выставить. Какой-то богатый Гиля Смоленский или Тудор Черниговский, у которого воевода Претич хоть и молод, но уже не менее прославлен, чем сам Свенельд. Назвала и рвущегося к власти мужа сестры Игоря Предславы, Володислава Псковского, который перво-наперво захочет отделить от Руси северные земли, недаром выманил у Ольги обитавших заложниками в Вышгороде своих детей. Да еще найдутся и такие, кто Глеба Новгородского, старшего сына Ольги и Игоря, захотят на княжение кликнуть. Но Глеб – он христианин, к тому же хил здоровьем и покорен всякому, вот при нем-то боярская вольница и растащит Русь, какую Олег с Игорем так кропотливо и жестоко собирали в единую силу.

– Но пока-то Русь сильна, – не выдержав, перебила ее Малфутка. – Разве ты не сможешь собрать войска со всех подвластных Киеву земель ради такого великого дела, как кровная месть? Кто из них смеет тебе ответить отказом, когда в том их честь? И все зависит от того, как за дело примешься. Тебя ведь все разумницей великой кличут, отчего же не повернешь все так, чтобы за гибель князя вышли ратью великой? А там... Можешь и руку свою обещать победителю, а можешь и просто время тянуть да срамливать их между собой, пока вновь в силу не войдешь.

Ольга смотрела на древлянку-боярыню, широко открыв глаза.

– А ведь ты, видят боги, не глупа. Недаром же муж мой во всем тебя слушался. Да и не зря ты сумела удержать подле себя такого непростого сокола, как Свенельд Древлянский.

Свенельд Древлянский... Посадник, который хорошо знал дикие земли ее племени.

– Вот пусть Свенельд и поведет рать на древлян, его это дело, – спокойно произнесла Малфутка, сама дивясь тому, как легко отправляет любимого мужа в поход. А что ей еще остается? Не будет делами занят Свенельд, с ней захочет разобраться. Ему-то вряд ли любо, чтобы она оставалась его супругой... беременная невеста от кого, принесшая в его род приبلудное чужое дитя. Поход же его от этих соображений отвлечет.

Ольга какое-то время молчала. К ней на колени неожиданно забрался Морок, и княгиня машинально стала гладить его по черной пушистой шерстке. Малфутке это понравилось. И вообще странно, но она сейчас жалела эту женщину... соперницу свою.

– Гонец передал, что древляне послов ко мне высылают, сватать за своего князя Мала.

Вот это новость! Малфутка так опешила, что и слова не могла вымолвить в первый миг. Неужто Мал Древлянский совсем сдурел, раз рассчитывает высватать жену убитого им князя? Но, с другой стороны, у славян имелся обычай, согласно которому победитель брал к себе жену поверженного врага, да со всем ее добром. А приданое Ольги – Полянская земля. Если не вся Русь. Однако обычай этот столь древний, что только у смердов да в диких селениях еще и выполняется. Никак не в градах на Руси.

Подумав немного, Малфутка молвила:

– Я знаю Мала Древлянского. Он древнего хорошего рода, в нем кровь прежних наших князей. И все же скажу: не чета он тебе.

Ольга скривила в горькой усмешке яркие губы.

– Но сам Мал так не считает. Его слово такое: пойду за него – быть миру в наших землях, да и древляне в Руси останутся. Это разумно. А неразумно иное: никто из удельных князей главенство древлянина не потерпит, ибо не древляне Русь во единую силу собрали.

Казалось, что заботы о Руси ей были важнее всего. Одно слово – княгиня. Отчего же тогда так испугана, отчего прибежала к ней, к жене своего воеводы, и помощи у нее просит? Чтоб та на Свенельда повлияла? Ну да ведь власти у Ольги над ним куда более. Сама то знает, поди. Или... опять про чародейство заговорит, будь оно неладно. Ибо эти речи только дивили Малфутку.

Но Ольга заговорила о том, что скоро придут гонцы от Мала и ей предстоит ответ перед ними держать.

– И что ответишь им?

– Не знаю, – вздохнула Ольга. – Воевод своих к ним выставлю, пусть решают.

– Да на палю их, послов этих!.. На колья острые посадить вели!

Ольга молчала какое-то время, только рука ее все так же продолжала ласкать свернувшегося на ее коленях Морока.

– Ты что же думаешь, мне такое приказать не хочется? Да я бы... Огнем и мечом прошлась бы по непокорному племени древлян... если бы могла. Однако... – она вздохнула горько и глубоко: – Весть дурную я получила, боярыня. Ужасную весть. Оставленный в живых дружинник Игоря передал мне еще кое-что от них. Ведь не просто так они осмелились князя киевского казнить. Силу они за собой чувствуют. И войска собрать сумели, Свенельд тот же проморгал, и с соседними племенами волынян да уличей сговорились объединиться. Но хуже всего то, что древляне светлых богов отринули. Отказались от подателей света и урожая, а стали почитать смерть – Морену и Чернобога жестокого. И заручились их помощью, для чего отдали им в жертву дружину да и самого мужа моего... А такая жертва, как правитель целого края, силу немалую божествам придает. С такой силой они не то что людей погубят, они и против светлых небожителей восстать смогут. Поэтому у древлян сейчас такая дерзость. Все темное и нелюдское будет им подчиняться, любая нежить за них встанет. Леса древлянские и так всяким колдовством полнятся, сама то, поди, знаешь, а теперь... Теперь и представить страшно, что они могут. Твой муж Свенельд некогда победил нечисть древлянскую, но ее сейчас у древлян куда больше. Али не ведаешь, что темная сила всегда скорее на зов откликнется, чем светлая, всегда возрадуется и восстанет, когда люди ей подчиняться начнут? Волхвы древлянские всегда сильнее наших были. И если эти чародеи, да еще при помощи темных богов, выступят против нас... Уж и не знаю, сможет ли Русь против подобного устоять. Ну, что ты так глядишь на меня? Возьмешься помочь теперь? Мне сказывали, ты можешь.

Малфрида медленно поднялась, глаза ее были огромными и испуганными.

– О небо, да на что же это они решились, кто надоумил такое злодейство совершить? Темные боги... Они ведь никого не жалеют, никому особо не покровительствуют, а все больше жертв просят. И волхвы древлянские... Народ бы свой пожалели. Ибо теперь...

Она боялась и произнести это вслух. Понимала, что теперь в древлянских лесах воцарилась страшная беда. Светлые боги отступили, не будут нести урожай, не будут посылать детей матерям, а станут взамен поднимать тех, кто уже умер. Мор и болезни отнимут жизнь у людей, но не уложат в сырую землю, а пустят бродить кромешниками. Смена зимы и лета прекратится, все живое будет гибнуть, только морок и наваждения расселятся там, где раньше жили люди. Опустеют древлянские селения, зарастут бурьяном тропы, а там, где раньше торги шумели, только духи лесные будут справлять свои праздники. И если кто из древлян уцелеет... Останутся ли они людьми?

– Зато свободными станут, – подсказала ей словно с издевкой княгиня.

– Но свобода ли это, если не будет для чего жить?

Ольга внимательно смотрела на взволнованно поднявшуюся древлянку, видела, как та побледнела, как застыло в страхе ее лицо.

– Ну что, возьмешься ли помочь мне своим чародейством?

Малфрида нервно облизнула внезапно пересохшие губы.

– Меня некогда волхвы в чащах обучали всякому. Потом же... Потом Свенельд меня увез. А больше я ничего не помню. Спрашивала было у мужа, но он не отвечает. И я не ведаю, отчего меня считают колдуньей. Но уже поняла, что ваши поляне уверены, будто любая древлянка чародейка. Но я ничего не могу...

Она развела руками, испытывая беспомощность, хотя где-то в глубине души у нее осталось ощущение недосказанности. Но не говорить же княгине о своих странных снах и обрывочных воспоминаниях?

Княгиня уловила колебания Малфутки. Взгляд ее стал острым, в лице появилось что-то жесткое.

– А вот мне сказывали о тебе иное, – вымолвила она со злобой, даже согнала с колен котенка. – И Асмунд, и Свенельд твой, и черниговский воевода Претич о тебе рассказывали, что ты одним взмахом руки валила людей, что ураган снопы, что молнии из пальцев выпускала и слыла у древлян могущественной чародейкой. И что сила в тебе имеется немалая. Отчего же теперь таишься? Опасаешься недоверия к чародейкам люда, злости толпы страшишься, что затаилась? Ну так поможешь мне, я тебя от всех обороню, властью наделю, защищать стану. Помоги мне только! Ведь против чародейства люди не сдюжат. Тут другая сила ведовства и чар потребуются.

Малфутка видела, как нетерпеливо и гневно полыхают глаза Ольги, но не знала, что ответить. Но княгиня не торопила, ждала ответа. Наконец Малфутка вымолвила:

– Свенельд всегда сказывал, что люди сильнее нечисти, что могут совладать с любыми чарами, если не убоятся...

– Значит, не хочешь, – перебила, выдохнув с ненавистью Ольга. – Тоже воли для своего дикого племени захотела? Ну что ж. Значит, и не любила ты Игоря, не хочешь отомстить за него. Но учти: если отступлюсь от тебя, то и Свенельд твой тебе не поможет, значит, пропадешь тут... совсем одна!

– Да не могу я! – почти взмолилась Малфутка. – Не чую себя чародейкой, не могу!..

Но Ольга уже отвернулась, резко забросила на плечи широкий кожаный плащ, пошла к двери. Но у порога остановилась, как будто что-то обдумывая. И сказала, не поворачиваясь:

– У тебя еще есть время на размышление, Малфрида. Но я одно скажу: если поможешь, я открою тебе, где твоя дочка Малуша. В том мое княжеское слово, а оно крепче булата каленого.

И вышла, захлопнув тяжелую дверь перед лицом кинувшейся за ней древлянки.

Глава 3

Малуша... Так некогда Малфрида нарекла свою дочь, рожденную по большой любви от варяга Свенельда.

Она родила ее, когда жила в обучении у кудесников-волхвов древлянских, когда стала изгоем у людей, а волхвы взялись ее обучать, сказав, что она многое может постичь, если отринет обычную жизнь. И у нее получалось. Она заучивала сложные заклятия и заговоры, училась творить чары. И ей хотелось всего этого, хотелось стать чародейкой. Однако волхвы поставили одно условие: когда она родит, она должна отдать им свое дитя. Она согласилась. Ей тогда так хотелось, чтобы сплетаемые ею слова и звуки стали однажды подлинным чародейством. Да и не сделают ее ребенку зла волхвы, ей это сам верховный кудесник Никлот пообещал.

И она отдала им свою дочь, нареченную Малушей...

Это было давно, словно в какой-то иной жизни. А может, и впрямь в иной? Малфутка многого из прежней жизни не могла вспомнить, а вот о маленькой дочке вспоминала часто. Найти бы ее, принести Свенельду как бесценный дар их странной, возвращенной среди походов по чародейским лесам и болотам любви. Уж ее-то Свенельд не смог бы назвать приблудной, ей бы он обрадовался. А Малфутка могла бы надеяться на прощение... И как хотелось погасить это постоянно живущее в душе беспокойство о маленькой, невесть куда сгнувшей Малуше.

И вот Ольга сказала, что знает, где ее доченька. Сказала так, что Малфутка сразу ей поверила. Даже не успев особо поразмыслить, откуда княгине известно про их со Свенельдом ребенка.

Малфутка долго металась по пустой опочивальне, все не находила себе места. И вдруг поняла, что не только приезд Ольги так взволновал ее. С ней самой будто что-то творилось. Она чувствовала, что ее переполняет некая странная сила, ей хотелось скакать, кружиться, кричать во весь голос. Малфутка закусила косу, стараясь сдержать рвущийся крик. Не отчаяния, не боли, а какого-то бездумного непонятного торжества.

И тогда откуда-то издали долетел грохот. Гроза! Первая в этом году весенняя гроза! Перун Громовержец катил по небу в своей колеснице, раскидывал огненные яркие молнии.

Малфутка, как хмельная, подошла к окну, резко распахнула ставень. Ее обдало потоками дождя, и это было так славно! Она смотрела во мрак, ее глаза расширились, она замечала все: мокрые кровли строений, лужи во дворе, бревенчатые вышки у частоколов. Казалось, она видит сквозь ночь и дождь отдаленные холмы Дорогожичей с избами и бревенчатыми тынами, видит даже волновавшиеся под ветром верхушки дальних рош, залитые водой луга.

Быстрой вспышкой ослепительно мелькнула молния. И тотчас же прогремел оглушающий раскат грома, теперь совсем близкий, мощный. Малфутка не испугалась, ей было радостно... до удивления радостно, раньше она за собой такого не помнила. Она улыбалась грозе, она почти подпрыгивала на месте, приплясывала, самой себе казалась странной, однако ни на что бы не променяла это кипение в крови, шум в голове, легкий и звонкий...

Когда гроза стала удаляться, Малфутка была вся мокрая, шапочка куда-то делась, волосы взбились пышными непокорными кудрями, стучало оглушительно сердце. Гроза уходила, и Малфутка начала ощущать некое успокоение. Но не усталость: это было сытое, покойное чувство, умиротворение и уверенность... Уверенность в чем? Она этого не понимала, только чувствовала, что она что-то может. Но что?

Она не удивилась, когда, оглянувшись, увидела позади себя ставший уже знакомым призрак.

– Что явилась? Ну что тебе надо от меня?

Ее кот шипел привычно, но Малфутка не боялась. Сама шагнула к призраку, и странная беловолосая женщина поплыла к ней навстречу, протянула руки, которые на глазах

стали стареть, набухать венами. Лицо искажалось, но она, словно через силу, продолжала приближаться. И Малфутка сама протянула к ней руки, казалось, еще миг, и она коснется этих скручивающихся пальцев со сползающей кожей. И вдруг, когда блазень почти проходил сквозь нее, древлянка разобрала мольбу:

– Отомсти за меня... дай покой...

Малфутка закашлялась, точно глотнув трупного смрада. А как глянула... Опять видела прозрачную красавицу, исчезающую в кладке стены.

– Да кому отомстить-то?

Никакого ответа. Блазень исчез. Как ни странно, это разозлило Малфутку. Она пошла сама не ведая куда. Мелькнула лестница, куда-то проскочил тенью домовой. Домовой? Так отчетливо Малфутка его еще никогда не видела. А он угодливо склонился, открыл перед ней дубовую дверь, пропуская. Она прошла, двинулась сперва по галерее, окружавшей терем, потом под дождем во мраке пересекла широкий двор, шлепая тонкими расшитыми башмачками по лужам двора. Заметила кутиху, забившуюся под лестницу, хозяин дворовой вел ее, указывая путь, как будто она ему повелела. Малфутка с любопытством рассматривала его большие перепончатые уши, длинную бороду, метлу на плече. Дворовой все оглядывался, будто ждал наказа, но она не знала, не ведала, как с ним заговорить... А ведь было странное ощущение, что раньше она знала, как с подобными созданиями общаться. Сейчас же сказала просто, по-человечески:

– На волю хочу. Выпусти!

Он сделал знак, но потом поднял маленькую трехпалую лапку, будто упреждая о чем. Боярыня поняла: впереди у ворот горел фонарь – масляный огонек в подвешенной под навесом клетке. Прячась под бревенчатым настилом от дождя, там сидели охранники, кутались от сырости в плащи, переговаривались негромко. Малфутка и дворовой понимали, что так просто мимо них не пройти, и тогда на помощь явилась Дрема. Малфутка и раньше ощущала ее присутствие, а теперь разглядела: серая унылая старуха в широкой стелющейся за ней накидке, полупрозрачная и тихая. Она мелькнула тенью – и стражи сразу позасыпали, уронили головы в клепаных шлемах, почти повиснув на древках копий, один даже на землю лег, руки сложил под щеку, улыбался во сне. Малфутка легко переступила через него, и, когда послушный дворовой уцепился за тяжеленный брус засова, когда откинул его с неожиданной в его тщедушном теле силой, она вышла за распахнувшуюся створку ворот.

Больше она ничего не помнила.

Пришла в себя от ощущения некоего неудобства: что-то твердое давило в щеку. Малфутка подняла голову, просыпаясь, и увидела, что лежит в какой-то роще на поваленной трухлявой коряге, и в щеку ей давит обломанный сучок. Она села, озираясь и не понимая, как тут оказалась. Было сыро – в воздухе висела мелкая морось, низко над верхушками деревьев плыли серые тучи. Платье на Малфутке было все забрызгано грязью, башмачки насквозь мокрые, но отчего-то она не зябла. Растрепанная, грязная, но какая-то спокойная. Даже не сильно дивилась, что тут оказалась. Вот и встала, пошла, сама не ведая куда. Стала понемногу соображать, поняла, что уже давно рассвело, что она все в тех же Дорогожичах: вон вышки частоколов на холмах виднеются, внизу петляет раскисшая дорога, видны избы с темными от дождя соломенными крышами.

Первыми ее заметили бабы у колодца: смотрели на простоволосую растрепанную боярыню в измызганном светлом платье, дивились ее отсутствующему взгляду. Она прошла мимо, будто и не заметив их. Но бабы засуетились, послали самую молодую сообщить о боярыне, которую с самого утра челядь разыскивает. Вот ее скоро и нагнал один из прислужников на пегой кобылке, стал уговаривать вернуться с ним в терем, упреждал, что ключница Липиха уж больно лютует из-за ее пропажи, обещает Свенельду на жену его пожаловаться.

Малфутка с трудом понимала, о чем речь. Но имя любимого мужа заставило ее очнуться.

Послушно забралась на лошадь, сидела, будто подремывая, пока он вел под уздцы кобылку вверх по склону.

– Вы часом не захворали, боярыня? Вся ведь вымокла до ниточки, а жаром от вас так и пышет.

Она молчала, сама не понимая, что с ней приключилось. Да и не приснилось ли ей все это? Домовой, кутиха, дворовой с перепончатыми ушами?

Дворня с интересом смотрела на нее, она слышала их речи:

– Чего это с ней?

– Батюшки, а вымазалась-то как! По земле, что ли, каталась?

Малфутке же было смешно. Опустила голову, скрывая за рассыпавшимися кудрями улыбку, даже не глянула, кто накинул на нее теплую шаль, повел заботливо.

В ее горнице засуетились прислужницы, бабка Годоня приказала кому-то принести лохань с теплой водой, сама мыла боярыню, вытирала насухо, одела в чистую полотняную рубаху. А сама все поглядывала на нее пытливо и серьезно. Вроде как обычное бабье любопытство, но Малфутка заметила, что в маленьких глазах горбуны таится некая довольная хитринка. Да и вообще Годоня выглядела как-то необычно: шустро бегала, суетилась, едва не подпрыгивала от усердия. Ничто не напоминало о ее старческой слабости, казалось, силы так и рвутся наружу.

– Это все от грозы, сами небось понимаете то, – как будто угадав ее мысли, произнесла старуха.

Малфутка промолчала. Но опять появилось ощущение, что они с этой горбатой приживалкой имеют какие-то общие тайны, что-то связывающее их.

Когда принесли еду, Малфутка внезапно ощутила, до чего голодна. Залпом выпила крынку жирного, еще теплого молока, рвала руками зажаренную на вертеле курицу, вареники с творогом щедро полила сметаной. Почти управилась с миской, когда на лестнице раздались тяжелые шаги, послышался визгливый голос Липихи.

Ключница вошла важно, на толстом лице потаенный гнев. Но в кои-то веки Малфутка не сжалась при ее появлении, спокойно смотрела на подбоченившуюся в проеме двери Липиху, облизывая остатки сметаны с ложки.

– С чем явилась ко мне?

У той даже задрожали толстые щеки, лицо побагровело.

– Она еще и спрашивает!.. Шлялась всю ночь, как волочайка, пришла такая, как в кустах ее изваляли, и еще и ответа требует. Нет, видят боги, что навели порчу на нашего боярина, раз он такую, как ты, недостойная, в супружницы взял. Его прежняя боярыня была пава павой, а эта... И как ты себя с княгиней повела, что та умчалась в ночь, будто изгнали? Другая бы в ножки пресветлой княгине падала, только бы удержать да гостеприимство оказать, ревела бы белугой, только бы услужить, а она даже не кликнула назад с порога. Вот пожалуюсь на тебя, бесстыдницу, Свенельду, расскажу все – уж он-то тебя вожжами отстегает!

Ключница никак не могла остановиться в своем гневе, говорила еще и еще, не смущаясь ни толпившихся сзади слуг, ни того, что честит при них боярыню. Малфутка же оставалась спокойной, на ключницу и не глядела, а взяла на колени котенка Морока и играла с ним. Но вот она подняла на Липиху свои огромные черные глаза, – взгляд такой, что и камень прожжет. Никогда ранее скромная древлянка на властную ключницу не смела так смотреть, и та даже опешила, умолкла.

– Что, выдохлась? – спросила с усмешкой боярыня. – И теперь я спрошу: кого погубили в этой хороmine? Чья невинная душа мается тут, не находя успокоения? Женщины душа. Видом она ядреная и пригожая, росточком меня пониже будет, а волосы светлые, как чесаный лен. И стареет она прямо на глазах, умирает мгновенно. Погляжу, ты уразумела, о ком спрашиваю?

Малфутка заметила, как изменилось, побледнело только что полыхавшее жаром лицо ключницы, как расширились от страха ее глаза, отвисла челюсть, затрясся тяжелый двойной подбородок. Теперь Липиха смотрела на Малфутку с ужасом, потом озираться быстро начала.

– Вот-вот, правильно смотришь, – усмехнулась Малфутка. – Вон же она за тобой появляется, тянется к тебе.

Ничего такого не было, она просто хотела пошутить над зловредной бабой, но та шарахнулась в сторону, завертелась вьюном, замахала руками, будто отгоняя кого. Это смотрелось почти смешно, и Малфрида решила прибавить жару: выкрикнула, что сейчас блазень вцепится в Липиху, утащит. И та вдруг заорала не своим голосом, кинулась, как каженица, прочь, голосила, просила кого-то отпустить ее. Или впрямь ее блазень схватил? Но ведь не было же никакого блазня? Однако, видать, Липихе и впрямь было кого бояться.

Малфутка не сдержала смеха. Слышала, как Липиха с криками носится по дому, верещит. Вон по лесенке как ее чеботы застучали.

– Хоть бы ты шею себе на сходнях свернула, постылая! – процедила Малфутка сквозь зубы с непонятной для самой себя злостью.

И вдруг и впрямь что-то случилось. Крики Липихи резко оборвались, послышался грохот, а потом настала неожиданная тишина. А через миг прозвучал чей-то пронзительный испуганный визг, поднялся гомон взволнованных голосов.

Малфутка выскочила из горницы, миновала переход, оказалась на наружной галерейке и увидела внизу под сходнями распростертое тело Липихи со странно вывернутой головой и застывшим лицом, с которого еще не сошло испуганное выражение.

– Убилась! – вопила какая-то баба. – Хозяюшка наша упала, убилась! Шею свернула, скособочила!

Со всех сторон сбежалась дворня. Малфутка сама не заметила, как выскочила во двор, склонилась к телу мертвой. Мертвее не бывает, когда голова почти назад отвернута. И как это она так угораздилось, ступени-то на сходнях ровные да широкие, перила удобные. Или и впрямь столкнул кто-то невидимый?

Малфутка подняла голову, увидела устремленные со всех сторон взгляды – испуганные, суровые, злые. Она медленно выпрямилась, оглядела всех.

– Кто был подле нее? Кто видел?

Таких оказалось немало. И хоть все видели, что сама Липиха сорвалась с лестницы, однако ведь никогда ранее не бывало, чтобы важная ключница каженицей бесноватой носилась. А тут выскочила от боярыни сама не своя, будто гнал кто.

«Нечего им давать опомниться», – решила Малфутка, чувствуя на себе подозрительные взгляды собравшихся. Спокойно приказала поднять и отнести в терем тело ключницы, да начинать готовиться к погребению.

– Надо бы еще к Свенельду послать гонца, – подсказал кто-то.

Всхлипывавшая рядом баба молвила:

– Она ведь выкормила его своей грудью, мамкой его была. Из самого Новгорода ее привез, любил, почитал.

Почему-то Малфутке не хотелось вмешивать в это Свенельда. Потому и сказала, что не таковы сейчас дела в Киеве, чтобы ее муж все кинул ради мамки старой. Ништо, завтра его покличут, когда хоронить время придет. И сказала это она так повелительно и твердо, что люди посмотрели на нее с удивлением, не узнавая в этой властной и сильной женщине свою обычно тихую и пугливую боярыню.

Потом Малфутка поднялась к себе, покликнув только одну горбатую Годоню. Та явилась, смотрела на боярыню с прежней веселой искоркой в глазах. Видела, что той тревожно,

вон все ходит по покою с котом на руках.

– Ну рассказывай, – приказала Малфутка. – Вижу ведь, что ты все поняла. Давай же теперь и мне объясни.

На сморщенном старушечьем лице Годони будто тени запрыгали – столько чувств отразилось.

– Но разве ты сама всего не уразумела, боярыня? Если ты ее призрак видела, если она к тебе являлась, то сама можешь догадаться, что это предшественница твоя, Межаксева боярыня. А явилась она именно к тебе, ибо ты не простая баба. Ты такая же, как и я.

Малфутка не сводила с горбуньи пытливого взора.

– Годоня... А ты... ведьма?

Та сперва втянула голову в плечи, отчего ее горб словно навис над ней, потом взволнованно подскочила к двери, выглянула, нет ли там кого? Малфутка услышала, как она что-то бормочет в темноту переходов, потом бабка перевела дух, вернулась к боярыне.

– Все, я домового упредила, чтобы сообщил, если кто появится. А тебе бы понимать, матушка-боярыня, надо, что в голос подобное говорить тут не следует. Люди-то невесть что могут подумать да злое сотворить с такими, как мы.

Она сказала «мы» и ждала, что Малфутка ответит. Но та молчала, и Годоня стала ей рассказывать.

Что у Свенельда и до Малфутки жена была, та знала, как и знала, что двое прижитых от боярыни Межаксевы детей Свенельд отправил на воспитание к Ольге. Но это уже после кончины Межаксевы, а до этого... Плохо жил со своей прежней суложью Свенельд, ругались они да ссорились, и ладу между ними не было. И все из-за того, что Межаксева страшно ревнивой была. Свенельд ведь мужик видный, на него любая засмотрится, да и он порой любил погулять с девицами да молодками. Но пуще всего бесилась Межаксева из-за того, что Свенельда княгиня Ольга привечала. Ну уж Ольга его приманивала, или он сам к ней жался, тут еще как посмотреть. Свенельд-то при Игоре и Ольге высоко взлетел, у него и почет, и сильное войско под рукой, и власть. Межаксеvu он за себя брал, чтобы укрепить свое положение, породнившись с ее родом, одним из самых прославленных и нарочитых в Киеве. Вот Межаксева и считала, что она честь прибывшему в Киев варягу оказала, да все норовила власть над ним показать. И все княгиней его попрекала. А то речи были опасные, вредные. Дойди они до кого из бояр Игоря, еще неизвестно, как бы князь на это поглядел.

– С Липихой Межаксева тоже не ладила, – рассказывала Годоня, суча перед собой сухонькими, как птичьи лапки, ручками, будто сеть плела. – Властной была боярыня, ну да и Липиха любила волю проявить. Но тем не менее какие-то свои тайны между Межаксевой и ключницей имелись. Порой они запирались вместе, а чем занимались – никто не знал. Но после такого Межаксева всегда довольная и веселая была, даже с Липихой приветливо держалась. И вот однажды... Более солнцеворота назад это было. Вернулся как-то Свенельд из полюдья, прибыл к жене в Дорогожичи, и вроде ладно они встретились, он одарил ее богато. Но потом, видимо, опять что-то промеж ними случилось, ибо вышел Свенельд от жены сердитый и раздраженный, сел на коня и уже выезжал в ворота, когда она выскочила, как была в одной рубахе, на стену усадьбы, кричала, что, мол, она ему покажет, что до самого Игоря дойдет и сообщит ему, что мужу-князю давно знать бы следовало. Многие то слышали, но многие и считали, что дура строптивая та Межаксева. Да только через седмицу померла вдруг боярыня. Еще днем на тройке каталась, сама правила, едва не загнав вороных, вечером с санными девушками песни пела в девичьей, наливки хлебнула да все похвалялась, что Свенельд у нее в кулачке, как птица пойманная, и никуда от нее не денется. А потом, слегка захмелев, поднялась к себе в опочивальню и... не вышла больше. Мертвой ее нашли поутру. А отчего померла? Никто не знал от чего. Да вот только я видела, что вечером перед сном к ней Липиха поднималась.

– Неужто Липиха убила боярыню?

Годоня заерзала на месте, сказала, что ран на теле боярыни не было, и не отравили ее, волхвы уж гадали со всем пристрастием, ибо родня Межаксёвы особо на этом настаивала, дивясь, отчего это их родичка ни с того ни с сего померла. Однако волхвы ничего подозрительного не обнаружили. Умерла боярыня – и все тут, сказали. Сообщили Свенельду о смерти супруги, он похоронил ее, как полагается, с почетом. А уж Липихе с тех пор еще большую власть дал. Да только пошел слухок, что душа Межаксёвы неуспокоенной осталась, что появляется она порой в тереме Дорогожичей, и жутко так возникает...

– Да знаю я, – отмахнулась Малфутка, не желая слышать подробности того, что и сама не раз видела.

– И я знаю, – тихо отозвалась Годоня. – Как и поняла, что Межаксёва не единожды к тебе являлась. Раньше ко мне приходила, потом к тебе повадилась. Она ведь поняла, что в тебе есть сила.

– Какая сила?

Горбунья хитро хмыкнула, опять засучила ручками-лапками.

– Да уж такая. От меня могла бы и не таиться. Такие, как мы, всегда друг дружке помогаем.

И прищурилась хитро:

– Я вот о чем спросить хочу: готова ли ты праздновать этой ночью? Завтра Живин день настает, волхвы обряды поведут против темных сил. Но то завтра, а сегодня как раз наша ночь, колдовская, могучая! На Лысой горе все наши соберутся. Ну и ты... Как, явишься ли туда али нет?

Малфутка судорожно глотнула. Была наслышана уже, что есть под Киевом такое место особенное да недоброе, где порой невесть что творится. Люди туда и днем редко заходят, а селиться там и вовсе никто не думает. Ибо там собираются на свои сходки всякие ведьмы, колдуньи и чародеи, творят всякое непотребство. И вот теперь Годоня как нечто само собой разумеющееся говорит, что Малфутке следует там быть.

– Твои же соплеменники древляне что-то наколдовали, отчего сила великая разливается везде, и, пользуясь этим, кто только ни явится нынче на Лысую гору. Говорят, сам Кощей из полуночных краев прибудет, да и жертву себе уже отметил. А это далеко не часто случается, чтобы сам хозяин подземных сокровищ к нам на полудень прилетал. Помнится, еще до вокняжения Аскольда с Диром он тут показывался, я там была, помню то чародейство великое. Времена тогда были глухие, мы много что себе в ту пору позволять могли, самого Кощея зазывали. Но с тех пор он больше не являлся. И вот нынче опять чарами мощными повеяло, да такой силы силенной, что я и не упомню. А ведь Киев с тех пор неслыханно разросся, по Днепру начали русичи ладьи водить до самого Греческого моря, народу тут тьма расселилась, и христиане приезжают, ворожат тут своими молитвами. Но и их силу нынешнее волшебство пригнуло. Так что будет сегодня забавщина-небывальщина, наберемся мощи чародейской, сколько бы потом волхвы ни молили Перуна и Живу развеять наши чары. Ну что ты молчишь все, боярыня? Ты со мной или как?

– С тобой... – как эхо отозвалась Малфутка.

Годоня довольно потерла сухенькие ладошки, захихикала.

– Что ж, новенькую на разгулище привести всегда славно. Да и тебе будет на что там поглядеть, чему порадоваться.

И предупредив, чтобы Малфутка была готова, как стемнеет, Годоня выскочила за порог почти вприпрыжку.

Но к чему надо было быть готовой, Малфутка не могла понять. Да и в тереме люди долго гомонили, обсуждали неожиданную кончину Липихи, готовились к завтрашнему погребению. Годоня несколько раз заходила, ворчала, что как назло дворя никак не уймется, а вон уже сумерки настали, небо затянуло тучами, ветер шумит.

– Ты бы наказала Дреме уговорить людей, – попросила горбунья. – Дрема-то тебя враз послушается.

– Я не могу, не знаю как, – растерялась Малфутка.

– Али слово заветное подзабыла? – прыгала на месте в нетерпении Годоня, смотрела сердито. А потом вдруг что-то сообразила, постучала себя по лбу костяшками пальцев. Сама же улыбнулась, растягивая старческие синеватые губы, отчего стал заметен ее единственный, похожий на клык зуб: – Ах я недогадливая! – качала она головой в темном платочке. – Ах непутевая. Я думала, что ты, как и все наши, после такой грозы силой полна, а это ведь ребеночек в тебе мешает сущность свою чародейскую почувствовать. Ну что за морока нам, ведьмам, когда в нас новая жизнь зреет! Никакое чародейство из нас не идет, лишь тлеет, как тихие уголья под пеплом. Ну уж ладно, сама я управлюсь да тебе подсоблю.

Что она делала, Малфутка не ведала, да только через время приход Дремы и впрямь ощутила. Не так ясно, как ранее, во время грозы, но все же тень унылую различила. Сама подремывать начала, да котенок разбудил, скакал возбужденно, мяукал, не давая впасть в забытие. А ведь весь остальной терем уже погрузился в тишину, даже охранники на стенах перекликаться перестали.

Вот тогда-то и пришла вновь Годоня, принесла горшок с какой-то пряно пахнущей смесью, хихикала. Старуха была рада, но рада такой нехорошей радостью, что Малфутка не могла справиться с дрожью.

– Я помогу, помогу тебе, – скалила единственный зуб горбунья. – Давай раздевайся, обмажемся сейчас, сразу легче станешь.

Сама она уже сорвала с головы платок, трясла жалкими седыми космами. Разделась донага и стала натираться, размазывая по искаженному кривому телу темную жидкую грязь, которая, однако, тут же впитывалась, только запах сильный оставался, пронзительный и резкий, так что в глазах защипало.

Малфутка тоже разделась, натиралась, отвернувшись от Годони, то ли стесняясь наготы, то ли не желая видеть уродливое голое тело горбуньи. Но только темная жижа впиталась в ее кожу, как смущение это враз прошло. Она повеселела, почти с наслаждением растирая между грудей и по животу вязкую холодноватую мазь, вдыхала ее крепкий запах. Кожу ее стало сперва покалывать, потом она приятно потеплела, голова чуть кружилась, по спине пробегали мурашки. А сама кожа становилась гладкой и какой-то... легкой, что ли? И непонятная радость переполняла.

«Так, значит, я и впрямь ведьма? Как и она. – Малфутка с улыбкой посмотрела на пружинисто прыгавшую рядом Годоню... – Да, я ведьма Малфрида, – подумала с удовлетворением. – Они все меня так называют. Как же это славно!»

И только поняла это, – не вспомнила, а именно поняла, – то сразу торжество ощутила, а еще любопытство и радость. Сама бы заскакала не хуже Годони.

– Что теперь делать? – спросила.

Годоня тут же приволокла две метлы, уже протянула одну древлянке, но спросила, умеет ли та летать на такой. И видя ее растерянное лицо, даже сплюнула с досады.

– Я как деву невинную соблазняю, вот уж кикимора щекочи! А ведь вижу – я не чета тебе, ты посильнее меня чародейка. Ну и что же нам теперь делать? Мое помело двоих не выдержит.

Но вскоре нашелся ответ. Годоня сказала, что после того как боярыня Малфутка повелела исполнить просьбу овинника, тот к ней особо расположен, вот и выдаст им самого сильного козла. А на козле лететь лучше, чем на помеле, только вот не так быстро.

Они обе спустились во двор. Тела их слабо светились – и горбатое искривленное Годони, и стройное, длинноногое Малфриды, с едва заметно выпирающим животом, покрытое, как накидкой, тяжелой массой кудрявых волос. Заметить их кто из челяди – вот уж подивились бы. Но Дрема в эту ночь хорошо постаралась, тихо все было в большой

усадебке воеводы Свенельда, только сверчки выводили свои долгие трели да где-то вдали протяжно кричала выпь.

Малфриде от всего происходившего хотелось смеяться, разбирало бурное веселье. Почти вприпрыжку подскочила к овину, кликнула овинного хозяина. Тот спустился из-под стрехи – лохматый, коротконогий, его маленькие красные глазки светились сегодня пуще обычного. И так же засветились глаза большого черного козла, которого он им вывел, лопотал что-то негромко и хрипло, когда подсаживал ведьм на его спину.

Шерсть большого черного козла была мягкой и приятной для голых ног. Он проблеял, потом легко поднялся над землей, вылетел в проем в крыше овина и полетел сперва над двором, мимо бревенчатых сараев, потом все выше, поднялся над тесовыми и соломенными кровлями, миновал дозорную вышку у ворот с храпевшим, опершись на копье, охранником. Так близко к нему пролетели, что Малфрида ради шалости даже толкнула его в плечо голой пяткой. Стражник опрокинулся, звякнув доспехом, и еще пуще захрапел. А черный козел с красными глазами уже перелетел заборы и острые бревна тына, взмыл над склонами холма, летел, забирая в пустоте короткими ногами с раздвоенными копытцами.

– Ох любо! – захихикала Годоня, вцепившись в козлиные рога и направляя его, как иной наездник направляет удилами лошадь. – Ох и радостно!

Малфрида захохотала – громко, торжествующе, легко. Ее глаза вспыхнули желтым огнем, зрачок сузился, как у хищной птицы, черные волосы полоскались по ветру, а все существо охватило ни с чем не сравнимый восторг. Она завизжала пронзительно.

Все вокруг было окутано ночным мраком, но Малфрида все видела. Вон внизу показалась проложенная между возвышенностями широкая дорога в Дорогожичи, в стороне были видны похожие на стога сена кровли селения, а вскоре они миновали и округлые возвышенности курганов. Порой то там, то тут мелькали желтоватые огоньки в избах, поднимались сторожевые вышки, а потом слева от себя древлянка увидела тускло светящуюся ленту широкого Днепра.

– Хорошо же летим! – восклицала Годоня. Малфрида хохотала и обнимала ее. Подумать теперь было страшно, что бы она делала, не окажись эта горбунья ведьмой.

Когда они пролетали над теремами на горе Щекавице, заметили, как от подножия горы появилась еще чья-то парящая тень. Малфриде стало любопытно. Отведя рукой разметававшиеся волосы, она смотрела, как к ним приближается голый пузатый мужик с всклокоченной бородой с почти стоявшими дыбом волосами. Он летел на такой же толстой и широкомордой, как и сам, свинье, держался за ее уши.

– Ха, ха, кум мельник! – окликнула его Годоня. – Жив еще, ведьмак!

– А что мне сделается! – весело отозвался тот. – Людям-то надобно муку молоть, вот и склоняются передо мной, хоть и за береги свои хватаются.

Теперь он совсем поравнялся с ведьмами на козле, было видно, как запылали желтым светом его глазки, когда он стал разглядывать спутницу Годони.

– А это кто же с тобой?

– Я Малфрида! – гордо воскликнула та.

– Да неужто сама Малфрида! – Ведьмак даже спотыкнулся на лету. – Неужто та самая?

– Я ведь знала, что она особенная, – визжала Годоня. – Сразу поняла, что наша в ней суть!

Ведьмак захохотал и стал описывать вокруг них круги, то подныривал снизу, то залетал сбоку, почти терся о бедро Малфриды толстым боком, подмигивал. Она отталкивала его и смеялась.

– Да угомонись ты! Над Киевом никак пролетаем, – сказала Годоня, которую стала раздражать навязчивость мельника на свинье.

Башни и городни киевских строений темными громадами высились на кручах, стали видны корабли у подножий гор, там, куда подняло их половодье разлившегося Днепра. Река смутно светлела во мраке, расходилась широко и вольно, куда ни кинь взор. Кое-где над ее поверхностью темно курчавились верхушки деревьев на залитых паводком островах. Другой берег Днепра темнел где-то вдали за разливом, уходя далеко в непроглядную темень. А прямо под ними выступали бревенчатые вышки скученных теремов на горе, показалось и светлое каменное строение под шатровой кровлей. Годоня кивнула в его сторону.

- Вон каменный терем Ольги, любовницы Свенельда твоего.

Малфрида вдруг ощутила, как кольнуло в душе. Казалось бы, волшебная ночь не оставила места для прежних переживаний и огорчений... а выходит, оставила... И Малфрида вытянула руку к терему, будто хотела бросить что-то в него, направить заклятие, разнести, чтобы камня на камне не осталось, чтобы сгинула под руинами красавица княгиня. Однако ничего не вышло. Они полетели дальше, каменный терем Ольги исчезал позади, только кое-где светлели внизу огни на капищах града, там, где денно и ночью служители-волхвы жгли свои неугасимые священные костры.

Годоня сердито плевалась всякий раз, как они облетали капища. Сказала:

- Хорошо еще, что Днепр залил низины Подола. Там христиане свою церковь возвели, но вольный Днепр поглотил ее. Останься она, мы не могли бы так близко подлететь.

- Христиане? - повторила Малфрида и зарычала зверем: в ней пробудилась присущая всем древлянам ненависть к этим погубителям чародейства.

Они поднимались все выше, ворвались в тучи, и вот облака уже простирались под ними, волнистые и бесконечные в переливах сиявшего в вышине ясного света луны. Снизу она не была видна, закрытая пеленой туч, тут же они будто попали в иной яркий неповторимый мир, когда полнолицая колдовская луна озарила поднебесье, отчего растекавшиеся облака стали похожими на белесое бесконечное море.

От подобной красоты Малфрида возликовала, вскинула руки, сцепила пальцы на затылке, удерживаясь на козле только силой ног, как умелая наездница. А может, она и была наездницей? Когда-то... После всего сегодняшнего Малфриду это не удивило бы.

- Гляди, гляди, наши летят! - визжала Годоня.

В лунном свете они были хорошо видны - темные силуэты колдунов и ведьм, чародеек и ведьмаков. Некоторые еще сохраняли людской облик, а кто-то и превратился уже невеста в кого: летела на помеле какая-то огромная жаба пупырчатая, белая коза несла на себе голого мужика с бараньей головой, развевались длинные волосы худенькой девочки, почти ребенка, в венке из полевых цветов, полнотелая молодница на хрюкающем борове сама похрюкивавшая от восторга, сотрясающаяся всем своим грудастым литым телом.

Годоня постепенно стала направлять козла вниз, они опять нырнули в темное облако, рядом во мгле мелькнули чьи-то светящиеся глаза, оскаленная довольная рожа подмигнула и уплыла во мрак. И вдруг снизу стали появляться голубоватые сполохи. Летевшие рядом колдуны радостно закричали, веселясь:

- Эй, гуляй, гуляй, гуляй! Наши уже волшебные огни запалили! Разгулище началось!

Малфрида почти не заметила, когда они приземлились и оказались на открытом широком пространстве, на вершине огромного холма. Вокруг носилась и мелькала толпа странных голых существ, все в призрачном белесо-голубоватом свете от множества разложенных по кругу костров. Самый большой костер в середине, такой же непривычно голубоватый, горел почти тихо, если его гудение и треск не были заглушены собравшимися тут. И все они скакали и плясали вокруг него, ликовали, голубоватое пламя бросало отблески на их лица и морды, оскаленные и почти безумные от переполнявшей их радости, отражалось в разноцветных мерцающих глазах - красноватых, желтых, зеленых, как гнилушки на болоте в безлунную ночь.

Малфрида сперва только озиралась, потом двинулась в сторону большого голубого костра. Она почему-то знала, что это особый огонь, который не несет колдовству вред, не развеивает его, как обычное пламя отца Сварога, а, вызванное чарами, только приумножает колдовскую силу. И в его призрачном ярком свете с визгом, рычанием, ревом и хохотом носились и плясали причудливые тени. Едва Малфрида к ним приблизилась, как ее тут же увлекли в бешеный быстрый хоровод. Кто-то сжал ее запястье мокрой лапой, кто-то обнял, щекотал спину легкими коготками, кто-то быстро и пылко поцеловал – она и не успела разглядеть кто. Ибо кого тут только не было! Мускулистые ведьмаки в накиннутых на головы рогатых личинах, тоненькие нагие девочки, хорошенькие как русалки, толстобрюхие лохматые бабы, сухенькие старички с длинными бородами. И все они, нагие, растрепанные и веселые, плясали, хохотали, пели, бежали в хороводе вокруг голубого пламени, на котором стоял огромный котел, а несколько старух с важным видом, словно не замечая царящего вокруг ликования, бросали в булькающую в котле жидкость пучки трав и засушенных гадюк, корешки и измельченные цветы, шептали что-то, мешали огромными половниками, готовя особое священное пойло, колдовское угощение, какое будут употреблять все присутствующие. Ибо приготовленное в эту ночь зелье таило в себе невероятную силу, которая наполнит колдунов и ведьм чародейной мощью на предстоящий год.

В стороне играли на выточенных из человеческих костей сопилках какие-то лохматые колдуны, а огромный толстяк с лысой, как коленка, головой и мощной, как столб, шеей бил в барабан с натянутой человеческой кожей.

– Бум, бум, бум! – разносилось над колдовской Лысой горой, куда в эту ночь не осмеливался явиться ни один смертный, куда был закрыт доступ любому, кто не принадлежал к колдовской братии.

Малфрида носилась по поляне, с кем-то целовалась, с кем-то кружила и плясала. Она тут была впервые, но понимала, что тут она своя. И сама не заметила, когда присоединила свой голос к общему пению, как будто знала, как тут надо петь, что-то мурлыкала, потом подпевала странные, до сего мига незнакомые слова, шипела по-змеиному, заливалась собачьим лаем, опять пела в хоре красивых молодых и звонких голосов.

Крутившаяся рядом горбунья Годоня вдруг перекувыркнулась через голову и превратилась в статную молодницу, заплесала, припрыгивая, вокруг толстого голого мельника. Маленький белоголовый мальчонка, оскалившись пухлым клыкастым ртом, взобрался на плечи мускулистого бородатого мужика, хихикал и хлопал в ладони. Одна из ведьм, голая красавица, вся увешанная гадюками, вдруг поднялась в воздух, стала носиться над головами пляшущих, потом как будто превратилась в огромную черную птицу, закаркала по-вороньи. И тут же вприсядку перед огнем прошелся какой-то длинноротый колдун, настолько лохматый, что не поймешь сразу, то ли зверь, то ли человек, то ли лешак, забредший невесть откуда.

В толпе подзадоривали:

– Эй, жги, жги, жги! Выказывай умение всякий, кто может! Яви, кто на что горазд!

И тут же кто-то обернулся жуткой искореженной корягой, двинулся со скрипом среди хохотающих и весело расступавшихся ведьмаков и колдуний, размахивал ветками-руками, а по нему уже карабкались развеселившиеся чародеи, рыженькая худая ведьма залезла на самую верхушку, болталась, цепляясь на сучьях, потом выпятила тощий задок и так испустила газы, что повалила едва ли не половину танцевавших. Те так и покатались по земле, хохотали, дрыгали голыми ногами.

Малфрида заходила от смеха. Она с кем-то опять плясала, обнималась, по ее голому телу шарили чьи-то щупальца, кто-то сладострастно сжимал ее грудь. Она испытывала жгучее возбуждение, потому и не сопротивлялась, когда возникший как будто из-под земли толстый мельник подхватил ее на руки, понес куда-то. Он уже не казался ей некрасивым, она урчала, целуя его в колючий от бороды рот. Но мельник, едва положил ее в сторонке, почему-то стал мешкать, принюхиваться и вдруг отскочил длинным прыжком.

– Да ты никак брюхатая? Никак дитя человеческое под сердцем носишь?

– Что с того? – почти застонала Малфрида, подбираясь к нему на четвереньках,

выгибаясь, как кошка, касаясь грудью травы. – Что с того?

Однако толстый мельник стал пятиться.

– Нельзя с тобой! Силу потеряю.

И, обернувшись зайцем, ускорил прочь, затерялся среди пляшущих нагих тел.

Малфрида почувствовала себя обделенной, растерянно смотрела, пока рядом не возник крошечный старичок с обвисшим животом и куцей торчащей бородачкой.

– Что, оставил тебя любовничек? Нечего беременной любить с чародеями. Твой ребенок от простого смертного, он кого хочешь силы лишит, с тобой любить никто из наших не захочет.

– Да не нужен мне этот ребенок! – почти прорычала Малфрида. – Избавьте от него!

– Ха! Раньше надо было о том волноваться. Сошлась бы с ведьмаком... А это... Себя только и вини, шалава!

И убежал, мелькнув тощим обвисшим задом, к другой молодежи, обнял, увлек ее в сторону от хоровода, где уже страстно спаривались колдуны, получая ту силу, какая возникает только при сближении с таким же полным чар, но никак не с тем, кто этими чарами не владеет.

Малфрида завывала по-волчьи. Что же это такое? Она была полна страсти, в ней бурлила особая чародейская мощь, но тот, кто рос в ней, такими силами не обладал и отгонял от нее любого, кто ценил полученные в эту ночь волшебные чары. Значит, ее дитя несло ей только невзгоды. Да и откуда оно взялось? Ведь даже Свенельд отказался от него, брезгливо и отчужденно...

И тут... Малфрида сперва не поверила своим глазам. Ибо стоило ей только вспомнить про своего мужа, как она неожиданно увидела его. Нагого, развеселого, пронесшегося мимо в хороводе вокруг большого костра.

Малфрида медленно встала, как будто вмиг выпав из оглушающего безумия разгульной ночи. Она не могла ошибиться, это был именно ее Свенельд. Но откуда? Она стала вглядываться, пока среди голых плясунов вновь не разглядела его. Так и есть – варяг Свенельд. Он был весел, она узнала его смех, видела, как он обнимает каких-то молодых, лапает их, целует в подрагивающие груди. Но едва потянул одну из них прочь, как ведьмочка вырвалась с визгом, причем визг был отнюдь не кокетливым, скорее испуганным, истошным. Он к другой приник, тянул с собой, но и та ускользнула, вырвалась, даже поспешила взобраться на все еще плясавшего у костра оборотня-корягу.

Малфрида потрясла головой. Уж не примерещился ли ей ее муж разлюбезный? Воевода Свенельд, посадник древлянского края, боярин киевский... и тут?

В такое невозможно было поверить. Малфрида была уверена, что Свенельд и на вытертую овчинку не наделен силами чародейства. Да, он сознался, что пьет живую и мертвую воду, но ведь вода эта колдовской силой не наделяет. Да и еще Свенельд прославился тем, что некогда жестоко бился с нежитью в Древлянской земле. А ведьмы и колдуны таких не привечают. И все же Малфрида была уверена, что это он, узнала его литое поджарое тело, растрепанные светлые волосы. Красивый, как всегда. Но отчего же выбранные им ведьмы так шарахнулись от него?

Малфрида хотела порасспросить кого, да ведь кто выслушает? Вон в какой раж все вошли.

И все же она отметила, что не везде шло такое безумие. И то один, то другая из колдунов порой выходили из бешеного хоровода, шли туда, где сидел выбранный на это разгулище главарь, кланялись. Сам же хозяин разгулища, худощавый и босой, враскоряку сидел на огромном, выточенном из огромного пня седалище, нагой, как и все тут. Он сутулился, и казалось, что наброшенная на его голову турья личина с большими рогами как будто клонит к земле его голову. В какой-то миг Малфриде померещилось, что хозяин разгулища смотрит в ее сторону. Она хотела было подойти, указать ему,

что тут воевода киевский. Но не подошла. Неужто она выдаст рогатому хозяину своего любимого мужа? Неужто укажет на того, кто тайно пробрался на разгулище и пытается... Да что хотел тут добиться ее Свенельд? И что будет, если она его выдаст? Наверное, все эти беснующиеся чародеи что-то чувствовали, недаром те колдуньи так кинулись от Свенельда. Но все же... нет, Малфрида ни за что не хотела, чтобы его разорвали на мелкие кусочки. Что же ей делать?

Тем временем хозяин ведьмовских игрищ неожиданно поднял руку, закричал в толпу:

– Мастерство покажите! Силу, полученную на Лысой горе, явите.

Веселый гомон у костра как будто приутих, колдуны и ведьмы потянулись к его своеобразному трону. Хозяин указывал на кого-то из толпы, и тот выходил вперед, являл силу. То невысокий коренастый мужик вдруг поднатужился и на глазах у всех превратился в горячего вороного коня – вставал на дыбы, ржал, сверкая огненными глазищами; то старушка вдруг с невиданной ловкостью перевернулась через себя и обернулась такой красавицей, золотоволосой и белотелой, что ведьмаки завывали восхищенно. Мальчонка со стриженными, будто у холопа, под скобу волосами превратился в гусака, поводил вскинутым клювом, смешно приплясывая красными лапками, загоготал. Потом вперед вышла молодлица грудастая, показавшаяся Малфриде смутно знакомой, перекувырнулась и вдруг... опустила на четвереньки горбуньей Годоней.

Толпа так и взорвалась от хохота. Говорили:

– Слабовата, как всегда, ведьма из Дорогожичей. Зелья ей подайте, колдовского зелья, а то горбунья и до дому не сумеет долететь.

Годоня засеменила к котлу у голубого огня, закрывала седую растрепанную голову руками, словно стыдилась. Но ей уже налили в миску чародейского варева, она стала лакать его еще дымящимся.

Малфрида все высматривала в толпе Свенельда, пока не увидела его совсем близко, стоявшего в обнимку с двумя развеселыми ведьмами. Он скользнул по ней взглядом, словно не заметив. Да, это он... Или нет? Малфрида узнавала его высокие скулы, нос с горбинкой, видела знакомые морщинки у глаз, когда он смеялся. Он... или все же не он? Она вдруг поняла, что ее смущает: на нем не было ни единого шрама. Она хорошо знала тело мужа, много раз целовала его белесые рубцы на груди и бедрах, знала маленькое родимое пятнышко у правой ключицы. Сейчас же ничего этого не было, тело Свенельда было гладким, без малейшего изъяна, словно кто снял с раскрасавчика варяга слепок, будто... будто превратился кто в него!..

От этой мысли древлянке стало как будто легче. Хотела было подойти к этому... к этому «Свенельду», но в это время кто-то прошел мимо, грубо оттолкнув ее. Она увидела, что это старик, высокий и жилистый, широкоплечий, отчего его тело казалось совсем молодым. А сам ведь седой, длинная грива волос отросла ниже лопаток. А как он чуть повернулся, как осветил его волшебный костер, стали видны черты лица, строгие и значительные. Белая борода гладко расчесана, а глаза черные как ночь, и брови тоже черные, будто смолой наведенные.

– Что, Коста, это все, на что твои годятся? – с усмешкой обратился он к облаченному в тулью шкуру с рогами хозяину разгулища. – Все, на что способно их чародейство?

Он откинул голову и расхохотался – громко и зло. И вдруг вскинул руки, стал несказанно увеличиваться в размерах, изменяться... Все выше рос, шея вытягивалась, пошла сероватой чешуей...

Колдуны и ведьмы отпрянули, закричали в страхе. А посреди поляны уже вращал темноглазыми мордами чудовищный змей-ящер, сучил когтистыми лапами, бил огромным острым хвостом. Толстое неуклюжее тело переваливалось, медленно поворачиваясь к собравшимся, пополз длинный хвост. На поляне после шума и веселья тишина показалась оглушающей. А чудовищный ящер откинул на толстой чешуйчатой шее плоскую уродливую голову и зашелся глухим смехом, как залаял.

– Чудище! – пронзительно и испуганно закричал кто-то. И тут же все кинулись кто куда,

завизжали ведьмы, заплакали дети, ругались колдуны. Разбегались.

Одетый в турью шкуру чародей на пне подскочил, выкрикивая:

– Это древлянин! Кудесник древлянский! Колдуйте против него!.. Ваши заклятия его обезвредят!..

Но все в испуге разбегались, а кто не успел, те падали под ударами длинного шипастого хвоста. Кого-то ящер-змея успел схватить страшной пастью, затряс головой, так, что у попавшего к нему только руки и ноги замотались, как у куклы тряпичной.

Малфрида побежала вместе со всеми, в мешанине тел ее толкнули, она упала, закричала. А потом вдруг что-то произошло. Еще не уразумев, в чем дело, Малфрида оглянулась и заметила, как к ящеру спешно выскочил так называемый Свенельд... или тот, кто обратился в него. Он был все еще наг, но теперь его оружием стали неожиданно выросшие длинные клыки. Он прыгнул на раздутое тяжелое тело змея, впился в его толстую шею, рванул, вырвав из нее кусок, жадно припал к отверстой ране, словно желал выпить змеевой крови. А ведь и впрямь пил, ибо тот вдруг забился, заскреб лапами, которые вдруг превратились в руки, и змей уже был не змей, а извивающийся голый волхв. Лишь чудом вырвавшись, он стал отползать, пока не превратился в обычную гадюку, молниеносно исчез в траве, затерялся. Свенельд же оглянулся и... Теперь Малфрида точно знала, что это не ее муж. Она видела перед собой некое полуистлевшее существо, со страшно вращавшимися выпученными в окровавленных глазницах глазами на огромном голом черепе, жутко скалящееся улыбкой мертвеца. И вдруг ей показалось, что глядит это существо именно на нее. От него так и веяло каким-то иным миром – бесконечно древним, безжалостным, торжествующим...

И тут она потеряла сознание.

Когда Малфрида очнулась, разгулище уже почти опустело, голубые огни угасли. Только хозяин в турьей накидке все еще был тут, суетился среди поверженных тел, отдавал указания, кого как лечить, а кого просто отпоить колдовским зельем, чтобы имели силы добраться назад и там оправляться.

Возле Малфриды оказалась Годоня, стала ее ощупывать.

– Цела! Вот хорошо-то!.. А то как бы я свою боярыню утром в тереме представила, как бы объяснила, что с ней.

– В тереме? – удивленно повторила древлянка, словно не понимая, о чем это Годоня волнуется.

– В тереме, в нашем тереме. Возвращаться нам надо, а то вишь, какая беда тут приключилась. И как же наши ведуны не рассмотрели, не почувствовали, что на Лысую гору волхв-чародей древлянский проник? И зачем, спрашивается? Мы-то в их земли не суемся. У них – их чародейство, у нас – наше. Это уговор. Этот же все равно сюда пролез. Силой своей хотел похвалиться, что ли, душегубец проклятый? Ведь у древлян сейчас сила такая, что никто из наших бы не помог. Вот только Кощей и сладил с ним. Повезло, считай, что Темный на разгулище явился, подсобил. Ведь и его нынешняя древлянская сила не больно радует, как и не радует, что другому темному владыке, сопернику Кощееву, целое племя поклоняется.

– Кощей? – переспросила Малфрида, поднимаясь.

– Кощей, Кощей Бессмертный. А он могучий чародей, вечный. Хотя и его силы не хватило бы, чтобы на полудень добраться, тяжело ему отлучаться от своего злата подземного, в нем вся сила Кощеева, оно же и удерживает его на далекой полуночи. Однако теперь все изменилось в колдовском мире, древляне наколдовали всякое, солнце даже не проглядывает, отчего вся сырость эта и дожди непроходящие. Вот Кощей и смог проникнуть сюда на краткий срок.

Малфрида вспомнила, как о необычной колдовской силе древлян говорила ей и княгиня Ольга. И отчего-то не по себе ей сделалось. Чего же хотела от нее светлая княгиня, когда тут такое... Вон, всего один волхв древлянский смог разметать всех колдунов на Лысой горе. И если бы не Кощей...

- Так это Кощей в мужа моего превратился? – только и смогла вымолвить Малфрида.

- Догадалась? Кощей всегда принимает чужой облик, когда меж людей возникает. А тут Свенельда ему еще продали. Киевские бояре, которым возвышение Свенельда страсть как мешает, сговорились да заплатили Кощею, чтобы помощника Ольги ему отдать жертвой. Так что не долго тебе боярыней Свенельда хаживать. Ну ничего, ты жена его, вот и достанется тебе все, чем он владел. Богатой будешь, уважаемой, никто слова поперек тебе не скажет. Ты рада?

Малфрида была потрясена. Вернее, не Малфрида, не ведьма, которая пробудилась в ней в эту колдовскую ночь, а древлянка Малфутка, которая любила, как душу свою, зеленоглазого варяга Свенельда. И она внезапно ощутила такой ужас, что и грудь заболела. Ей вдруг стало все равно, что Свенельд отказался от нее, она только вспомнила, что любила его, что она жена его...

- Так Кощей погубит Свенельда?

- Ну, погубит или живьем заберет – это уж как ему заблагорассудится. Он ведь всегда себе лучших выбирает – девиц ли пригожих или молодых в самом соку. Так исстари повелось, чтобы в жертву ему лучших отдавали. Вот и теперь...

Она резко умолкла, когда рядом раздался глухой и сильный вздох, словно дышало нечто огромное, почти бесконечное. И какой-то мертвенный тяжелый голос произнес:

- Все ты верно объяснила, горбунья. Чародейка из тебя хоть и никудышная, но умом тебя боги не обидели.

Годоня даже взвизгнула от страха, припала к земле комочком, дрожала вся. Малфрида в первый миг тоже едва не кинулась невесть куда. Но сдержалась. Была в ней некая сила и злость, оттого что этот Темный решил забрать Свенельда... ее Свенельда, ладо ее! И она произнесла:

- Я не хочу, чтобы ты тронул моего мужа, Кощей. Мой он – слышишь ты, чудище полуночное!

Только после этого она повернулась. Посмотрела. Он возвышался рядом, огромный, закутанный в длинную накидку, полы которой шевелились как будто сами по себе. Голову его покрывало что-то темное, лица видно не было, лишь взгляд угадывался – подавляющий, мертвый, но и исполненный интереса. От всего его существа исходило ощущение дикой, внушительной силы. Такой чудовищной, что Малфриде потребовалась вся ее твердость, чтобы не поддаться панике, не бежать. А начать торги... Ибо она уже решила, что будет бороться за любимого, что не позволит погубить своего Свенельда.

Кощей вдруг засмеялся – если это можно было назвать смехом. Словно где-то рвалось и лопалось что-то запертое, как будто стон краткий возникал и срывался, будто кто-то заливался сухим, похожим на кашель лаем.

У Малфриды застыла в жилах кровь, но вместе с тем она все больше начинала гнеться. И с гневом в ней росли силы. Глаза ее полыхнули желтым светом, узкие зрачки вглядывались во мрак под накидкой Кощей, но если обычно она четко видела впотьмах, то теперь различила... ничего не различила, только смерть костистую видела, плоть, давно переставшую быть плотью, и пустоту там, где обычно живет душа. Холодом и мраком веяло от Кощей.

Он вдруг вскинул руку, пелена его накидки взвилась, разрослась, закрывая все вокруг. Потом медленно опустилась, будто скрыв и вновь явив все. Миг – и они были одни. Промелькнули мимо какие-то тени, кто-то застонал, кто-то вскрикнул удивленно. И вот они вдвоем стоят на той же поляне, но нет уже ни Годони, ни чародея в турьей накидке, ни кого иного. Только ветер дул порывами, развевая длинные волосы Малфриды.

- Где все? – почти буднично спросила Малфрида.

Черный силуэт немного склонился к ней, из мрака проступил страшный оскал, как будто Кощей улыбался.

- Ты не боишься, – в его глухом голосе слышалось удовлетворение. – Значит, я не ошибся

в тебе.

Нет, она боялась. Сердце стучало, тело сотрясала мелкая противная дрожь. Кощей подавлял ее, и ведьме стоило неимоверного труда повторить свой вопрос.

– Куда ты дел всех?

Кощей повел плечом.

– А кого куда. Восвояси отправил, кого по домам, а кого просто подальше, там сами разберутся. Колдуны ведь, хоть и ничтожные, но с чародейством все же знают.

Вокруг них была обычная темная ночь, такая глухая, как в предрассветные часы, когда все замирает и наступает полная тишина. Только ветер веял, разметывая слабые огни догоравшего колдовского костра. Подле него еще валялся на боку перевернутый большой котел, еще слышался слабый запах разлившегося колдовского варева.

– А ведь я искал тебя, Малфрида, – произнес Кощей своим тяжелым голосом, словно откуда-то издали, хотя стоял совсем рядом и осматривал ее с таким интересом, что древлянка кожей ощущала скользящую цепкость его взора. От этого Малфрида стала замерзать, куталась в свои волосы, как в накидку, колени поджала, обхватив их. Но ответила, как огрызнулась:

– Что-то всем ныне Малфрида понадобилась. А я и не знала, что я Малфрида. Но тебе-то я зачем?

– С собой хочу позвать. Пойдешь?

– Нет.

Но уже ощутила, как он будто притягивает ее к себе, а потом показалось, что он взял ее за руку своими костистыми ледяными пальцами, и кисть ее стала застывать, мерзнуть почти до боли. Малфрида рванулась, зарычала на него утробно, изо рта даже выросли клыки, глаза засветились. От него шла такая волна силы, что и в ней будто что-то отозвалось, ее ногти вдруг стали острыми когтями, и она взмахнула свободной рукой, рванула этот мрак под его капюшоном, почти с удовольствием ощутив, как зацепила, как заскрежетала по кости... Кости? Или камню? Или ледяной остов задела? Или то, что у этого Бессмертного еще могло называться плотью.

Кощей отпустил ее руку, засмеялся и жутко и равнодушно, но в то же время одобительно.

– Вот сколько у тебя сил, когда ты подле меня. А пойдешь со мной, познаешь такую мощь, что все иное уже не будет для тебя ничего значить. Ни игрища эти слабосильные, ни людские страстишки, ни людской суд. Я смогу тебе это дать. Но для этого надо, чтобы ты сама захотела встать подле меня, согласилась служить мне. Ты ведь такая сильная ведьма!.. С тобой вместе мы многое сможем! Я, имея всю силу потустороннего мира, всю мощь холодной кромки между мирами, – и ты, рожденная женщиной, имеющая теплую кровь и возможности высылать потустороннее колдовство в сей мир. Я буду повелевать из-за кромки, а ты станешь проводницей моих сил в мире людей. И еще...

– Ничего не еще!.. – огрызнулась древлянка. – Я не пойду с тобой. И живой ты меня не возьмешь!..

Она кипятилась, была испуганна и зла, он же молчал. И вдруг ответил, что живой он ее и впрямь не возьмет – нет там жизни, куда увести ее хочет. И ему нужна лишь частица ее доброй воли, лишь кивок согласия. Чтобы получить от него могущество, для нее и этого достаточно. Она сможет и кромку навещать, и бывать в этом мире смертных, но жить полной жизнью среди людей она больше не сможет. Но нужна ли ей эта жизнь среди мелкого и склочного люда, который ненавидит и губит таких, как она? А вот за кромкой она бы многое могла. Ей бы повиновались, она бы познала силу власти и роскошь, она бы стала посещать иные миры, и везде ее почитали бы за силу колдовскую и умение.

– Да нет у меня никакой силы, – застывшими от исходящего от Кощея холода губами отозвалась древлянка. – Даже Годоня говорила, что не может ее быть у меня, пока

ребенка ношу.

Она хотела дать ему понять, что беременная ведьма – всего лишь баба брюхатая. Он же желал подчинить ее своему древнему и бездушному чародейству, он умел как уговаривать, так и подавлять. Вот и пусть узнает, что нет теперь в ней никаких сил чародейских. И другая теперь у нее жизнь. Пусть и нелегкая, но своя, без этого жуткого повелителя, чья воля уводит ее от мира Яви куда-то... куда и заглянуть страшно.

Кощей молчал. Долго.

– Вот оно что... – раздался наконец, как шелест ветра, его мертвенный голос. – Вот оно что. Я об этом и не подумал. Только подивился, отчего ты за Годоню цеплялась, чего не сама... даже не узнал тебя сразу из-за этого. А ты, оказывается, совсем без сил своих.

И вдруг захохотал. Опять его жуткий смех дробил пространство, щекотал в голове, отчего хотелось броситься на землю, впиться в нее когтями и клыками, зарыться...

– Что ж, оставайся, пока не пришло тебе время разродиться. Человечий дитенок... он просто человеческий. Но ты придешь ко мне, придешь за своим Свенельдом, раз уж он мил тебе. Или за тем, что я тебе от него оставляю!

Кощей вновь стал смеяться зло и торжествующе, когда Малфрида вдруг кинулась к нему.

– Не тронь Свенельда! Я пойду за тобой, если оставишь моего мужа.

Он молчал какое-то время. И вдруг произнес:

– Вряд ли я смогу тебя взять сейчас, беременную. Нерожденная жизнь в тебе там замрет, погубив и тебя саму. А Свенельд... Меня жертвой человеческой вызывали, ее свежей кровью помечали Свенельда, а первая жертва сильнее того, что дают взамен. Мне дали за него злато. Много злата. А в злате моя сила.

– Я дам тебе больше, чем уплачено!

Малфрида сама не знала, отчего это произнесла. Но была убеждена, что сможет откупиться от проклятого Кощея. Вот и стала торговаться.

– Ты ведь злато любишь, Кощей Бессмертный. Чем больше у тебя злата, тем ты сильнее, в нем твоя сила.

– То только мое злато! – настороженно произнес Кощей, в его мертвенном голосе впервые появилась некая интонация. И Малфрида поняла, что она на правильном пути. Стала говорить, что она богата, что муж ее богат, они смогут заплатить. Даже когда Кощей опять помянул, что первую жертвенную кровь, раз жертва принята, нельзя отринуть, она продолжала доказывать, что полученное за отказ от Свенельда богатство поможет Кощей, добавит ему сил, порадует его.

– Мне много золота понадобится, – наконец поддался на уговоры Бессмертный. Хотя в нем уже не было души, жажда золота заменила ее и дала ему новые стремления. Жадность взволновала его, он стал слушать.

Малфрида торопилась. Ибо видела, как огромный силуэт Кощея как будто стал таять. Видать, где-то уже звучали отдаленные крики первых петухов, изгоняющие ночь, призывающие зарю. Малфрида понимала, что время ночного чародейства истекло, идет рассвет Живиного дня, когда уже никакие чары не способны устоять перед светом солнца. Хотя какого солнца? Столь темные силы владели здешним небом, что за всю весну и солнце не смело выглядывать из-за туч. Но все же близился рассвет, ей надо было спешить, пока это странное существо не исчезло.

Малфрида почти подползла к нему, даже руки протянула.

– Говори! Ты согласен взять выкуп за Свенельда?

Она злилась на его молчание, видя, что он начинает растворяться в сером мраке.

– Пора мне, – выдохнул с тяжестью, как будто ему трудно было дышать. – Ты мне

заманчивое предложение сделала, древлянка. И все же трудно мне будет отказаться от слова, данного над кровавой жертвой. И чтобы все осталось в ладу в темном мире, ты перекроешь кровь жертвы иным жертвоприношением. Однако непросто это будет.

– Я справлюсь!

– Не спеши. Ибо за отказ от своего Кощеева обещания я потребую от тебя не только возы добра и мехов, не только золото-серебро, но и тьму людских жизней, причем не просто каких-то там рабов для заклятия, а именитых и важных людей. И умертвишь ты их без применения каленого булата, какое мне не любо. Причем сделаешь это до наступления Купальских праздников. Если не управишься в срок, Свенельд исчезнет, как и не было его. Сможешь такое сотворить?

– Смогу!

Кошей засмеялся, но совсем не как ранее – тихонько, дребезжаще, будто сотня мелких духов возликовала в его огромном темном силуэте.

– И последнее скажу, – удаляясь, шелестел голос Кошея. – Я оставлю вас со Свенельдом в покое, если ты принесешь мне в жертву того, кого носишь под сердцем.

Малфриду пронзила дрожь. Еще недавно она сама подумывала избавиться от этого ребенка, невесть с кем зачатого, мешающего ей. Но сейчас, при мысли, что она выносит это дитя, сроднится с ним, а потом отдаст этому чудищу...

– Согласна!

Она прошептала это, как будто сил сказать такое в голос уже не осталось. Чувствовала взгляд Кошея из темноты и вдруг поняла, чего он ждет. Поэтому собственными клыками укусила руку, и когда выступила капелька крови, показала ее Кошее.

– Кровью тебе в том клянусь!

Он исчезал. Его голос звучал уже из далекого далека.

– Добро. Ряд заключен. Луна и ночные духи тому свидетели. Не выполнишь обещанного, я имею право вас обоих взять. Согласна?

У нее хватило сил только кивнуть.

Он же сказал:

– Мне любо, что ты на подобное решилась. Я ничего не проигрываю и не теряю. А напоследок и тебя одарить хочу. Я верну тебе память. Ты все вспомнишь... Вновь будешь знать колдовские заклинания и заговоры, вновь познаешь все, что умела, поймешь, каково это – быть ведьмой... Но силу ты вернешь только как разродишься. И тогда...

Она не услышала в налетевшем порыве ветра его последнее слово. Но успела заметить, как он взмахнул полый черного савана уже из какой-то разверзшейся темной воронки, исчез... А на нее будто навалились какие-то вспышки, силуэты людей, мельтешение лиц и оскаленных морд, свист стрел и вой духов. Они словно были везде, наваливались извне и поднимались из глубины ее самой, переполняли ее с такой силой, что она завывала, ощутив сильнейшую боль. Схватила за голову, которая, казалось, сейчас разорвется от перенапряжения, закричала от напиравшей боли, повалилась на землю, каталась, закрываясь руками, молила погодить, не так скоро... Но они мелькали и наседали, она как в бреду узнала своего наставника, кудесника Никлота, узнала облик чернобрового седого Маланича, молодого древлянина Малка, иных людей, существ, гадов, духов; узнала скалившегося волколака, узрела искаженные ненавистью лица гонителей... а еще и чудищ над болотом, степняков на быстрых лошадях, корабли под парусами... Как взаправду ощущала прикосновения князя Игоря, видела его синие глаза под седой прядью, ощущала боль капкана на щиколотке и задыхалась от клубов едкого дыма костра, над которым стояла привязанная она сама.

Все это разом ворвалось и заполонило ее, оглушило, отупило. Ее человеческая сущность не могла вмиг поглотить столько враз нахлынувших воспоминаний и знаний.

Ее корежило и катало по земле, из носа и ушей хлынула кровь, волосы сбились в колтун, тело было исцарапано и испачкано. Потом она выгнулась, застыла, по телу ее пробежали судороги, она сучила ногами, глаза вылезли из орбит, скалились зубы, по телу тек пот.

Где-то опять прокричали петухи. Но Малфрида не услышала их. Она лежала неподвижно, походя сейчас больше на труп, чем на боярыню из Дорогожичей, которой люди кланялись. Она не шевелилась, погрузившись в глубокий сон, более похожий на обморок.

Глава 4

Византийские мастера для княгини Ольги возвели на киевской Горе большую светлую хоромину из камня: обрамленное пузатыми колоннами белокаменное крыльцо с торжественно восходящей лестницей, вдоль фасада галереи на круглых подпорах, большие окна с полукруглыми сводами окружала затейливая резьба, ввысь поднимались шатровые кровли, крытые яркой черепицей. Красиво, богато, солидно. Как раз под стать такой правительнице, как Ольга Киевская. И все же варягу Свенельду среди этих стен тяжело дышалось, словно белокаменные своды давили на голову, не давали сосредоточиться. А ведь Свенельду было о чем подумать. Поэтому, едва бояре стали покидать высокую светлую гридницу княгини, еще толпились в белокаменных сенях, обсуждая полученные известия, как Свенельд торопливо протиснулся промеж них и кинулся прочь. Миновал мощный плоским камнем двор, взбежал на окружавшую княжеские постройки стену городни, где едва не столкнулся с охранником, кинулся мимо, пока не застыл под знакомой косо наклоненной кровлей градских заборов, прижался виском к деревянной подпоре, вдохнул знакомый запах старой древесины. Эта подпора тут небось еще со времен Олега Вещего стояла, а до сих пор запах бука улавливается, не развеяли его ветры над Горой, не смыли дожди.

Постепенно мысли стали успокаиваться. Свенельд прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Столько событий произошло в последнее время, столько надо сделать. С чего начать? Ехать ли на погребение погибшей мамушки Липихи? Посылать ли людей на поиски невесты куда пропавшей жены? А может, ляд с ними со всеми, а ему лучше обмозговать, как теперь быть с Ольгой, или обдумать да оценить возможности и силы соперников? Ибо теперь, когда Свенельд уже ощущал свою силу, он неожиданно понял, сколько у него недругов в Киеве. Старые боярские роды, ведущие свое начало от князей-основателей Кия, Щека и Хорива, смотрят на него косо и явно замыслили недоброе. У Свенельда есть свои люди при них, сообщают, что бояре сплотились против него, чувствуют, что теперь он может на княжескую шапку замахнуться. Ведь Ольга что? Вдовица прежнего князя, один сын ее далеко, да и того мало кто на княжение позовет, второй – дитя малое, глуздырь совсем. Ну не Ольге же, в самом деле, над Русью стоять! А поддержать княгиню может только он, Свенельд. Если сам не захочет взять под свою руку и дружину, и Киев, а там и всю Русь.

Свенельд понимал, что сейчас у него есть возможность ухватить жар-птицу удачи за хвост. Если не опалится ее огнем. Когда уж тут кручиниться о смерти мамки Липихи, когда заботиться, куда его боярыня пропала. Ему бы власть удержать, взлететь на сильных крыльях, подчинить... саму Ольгу. И сказать ей то, что таила душа его: как она мила ему, что если все еще хочет быть княгиней, то пусть назовет его князем. А он и ее подле себя посадит, как жену свою, как суложь любимую, желанную... И княгиню. А что? Была Ольга княгиней при Игоре, станет княгиней при Свенельде. Она согласится! Свенельд знал, что нравится ей, что только узы брака с князем Игорем удерживали ее от того, чтобы открыться. И если он позовет – она придет в его объятия.

Но пока Свенельд не решался заговорить с княгиней о подобном. Ее бояре, ее советники-волхвы окружали Ольгу плотным кольцом, да и она сама за ними хоронилась, словно понимала, что от нее Свенельд потребует. Вот и смотрит, как будто он из верного воеводы врагом ее вмиг сделался. А того не ведает, глупая, как у него душа болела за нее. Видел он, с каким лицом она выслушивала весть о кончине мужа своего Игоря. И что ей тот Игорь! Ведь давно между ними не было нежности, одни заботы государственные, Игорь все в разъездах да походах был, иных любил... Свенельд не стал додумывать до конца мысль, кого именно, как оказалось, любил Игорь. Зато он вспомнил, как княгиня вышла из гридницы, когда узнала про смерть мужа, как в переходе кинулась всем телом о каменную твердую стену, как завывала по-волчьи. Даже толстая кладка камня не сокрыла ее истошных криков и рыданий. Именно тогда Свенельд понял, что те ласковые взгляды княгини, какие порой ловил на себе, ничего не стоят перед тем чувством, какое она испытывала к Игорю. Но Свенельд утешил себя мыслью, что это княгинюшка так не только с горя, но и от страха рыдает. Ведь одна с малым княжичем у власти осталась. И кто поддержит ее? Разве такое когда бывало, чтобы женщина над воинством стояла? Ибо править на Руси может лишь тот, за кем сильная дружина.

Над высокой кручей Горы, над разлившимся Днепром пронесся сильный порыв ветра.

Свенельд подставил ему лицо, вдыхал жадно. И ощутил влагу на лице. Ах, этот бесконечный сырой дождь, которому, казалось, не будет конца. Вон на Живин день тихо как отгуляли, волхвы не устраивали шумного торжества, понимая, что гибель князя не повод для ликования. И каковы бы требы они ни возносили на капищах, но и в светлый праздник Живы не смогли вытребовать у небес солнышка. Неудачу свою объясняли тем, что это чародеи древлянские мешают им ворожить, что идет с их стороны нечто темное и мрачное. Ну да кому как не посаднику Свенельду знать, на что древляне способны.

По сути он ожидал, что древляне могут покончить с Игорем. Как и понимал теперь, что войны с древлянами не избежать. А вот отчего так дерзки древляне, озадачивало. Конечно, он прознал, что князь их Мал вел переговоры с соседними племенами бужан и волынян, но ведь Свенельд уже успел перекупить сговорившихся с Малом послов соседних племен, больше им заплатил и был уверен, что не полезут волыняне и бужане в сечу ради древлян. Знает ли о том Мал? Советники его небось знают, они неглупы. И все же Мал ведет себя так, словно не боится мести. И все эти рассказы, что у древлян сейчас новое сильное колдовство, что и в чащи их не проникнешь, что не опасаются они русских ратей. Мол, их чародейство... а плевал Свенельд на их чародейство! Он твердо знал, что сильный человек победит любую нежить наколдованную, справится с любой жутью. Случалось уже, не подивят его ничем древляне. А вот посеять раздоры на Руси, когда ни один, ни другой из детей Игоря не в силах воинство против восставшего племени возглавить – это они могут. Ольга ведь женщина, а при княжиче за кормильца Игорь боярина Асмунда оставил. И если Святослав теперь первый наследник, то и Асмунд высоко стоит, может править от имени воспитанника. Вот только рати достойной нет за Асмундом. А за Свенельдом есть. Ольга же может опираться только на отряд варягов Игоря, каких он в Киеве оставил. Эти до последнего будут верны княгине, эти отомстить за князя захотят, их золотом не переманишь, для них месть за предводителя – дело чести. И уж только Ольге решать, кому стоять над теми варягами: Асмунду верному или славному Свенельду.

И вот теперь все ждали, что же произойдет, как поведет себя Ольга, да еще какотреагируют на последние новости князя других русских земель. Кто удержит теперь огромную Русь на поводе, не даст взбрыкнуть да вырваться на волю... под власть многих, вдруг понявших, что слабая женская рука не удержит такие удила? Вот он бы, Свенельд, смог удержать.

Свенельд уже второй день думал обо всем этом, на совете все больше отмалчивался, размышлял. От этих мыслей не отвлекло ни известие, что Липиха убилась, ни весть о пропаже жены. Хотя, может, лучше сделать вид, что только эти домашние дела его и волнуют, уехать в Дорогожичи да понаблюдать издали, как тут все пойдет? И как долго будут спорить бояре с посланцами иных князей, и кто потребует веча, а кто и захочет оградить Ольгу от древлян и станет помогать ей удерживать власть. Ибо уже пошла весть, что в Припять вышли струи с древлянскими послами, идут к Днепру. Эта весть особенно интересовала Свенельда. Ведь по здравому разумению древляне против Руси не выстоят, им бы затаиться и к войне готовиться, а они еще и на переговоры идут. И выходило, что есть у древлян основания верить в свою силу и не страшиться кары за убийство русского князя.

От этих мыслей голова кругом шла. Свенельд провел устало по лицу ладонью, стал смотреть с заборов, как на соседней горе Детинке носились кругом вскачь всадники, показывали свое умение. Это свободное пространство на Детинке было как раз недалеко от гостевого хазарского подворья, чтобы воинственные и грозные соседи Руси могли видеть, каковы наездники-удальцы на Руси имеются. А ведь и впрямь удалцы. Вон как ладно у них получалось. С городни Свенельд видел, как лихо несутся конники на горячих скакунах по кругу, как на всем скаку рубят выстроенные по центру колья, как свешиваются с седел, поднимают брошенные шапки, как на полном скаку пронзывают под лошадиным брюхом и тут же с ходу метают сулицы в соломенного истукана в стороне. А еще поговаривают, что русы уступают степнякам в умении сражаться верхом! Вот пусть хазарские торговцы и посмотрят на таких вот неумелых!

Некогда Свенельд сам воевал в степях, знал, что именно там русские витязи перенимают у печенегов умение и от стрелы уворачиваться, и откидываться в стремени за лошадиный круп, уходя от рубящего сабельного удара. Ну а этих удалцов привел не кто иной, как молодой черниговский воевода Претич. У парня едва первая борода

пробивается, а уже прославился в степных дозорах, охраняя порубежье со Степью. И прислал его князь Тудор Черниговский. Вроде как для помощи прислал, но ведь заодно и показать так хотел, какие славные витязи под его рукой ходят, что он сила, и если что... то и его можно выкрикнуть князем Руси, если вече соберется. А то вон и Гиля Смоленский захочет свою власть проявить, если не отстанет открыто от Руси, став самостоятельным правителем. А там и родич Игоря Володислав скажет, чтобы новгородцы кричали его на княжение. Новгородцы же хитры, с них станется требовать княжью шапку для слабосильного сына Игоря Глеба, какой в их руках послушен и покорен будет. Да что там говорить: вон в самом Киеве бояре захотят кого-то своего на стол киевский посадить, потеснив Ольгу и маленького Святослава. Этим власть варягов уж страсть как приелась. Все норовят припомнить, что они по роду древнее и нарочитее будут, чем пришлый род Рюрика. А на самого Свенельда смотрят так злорадно, как будто уже решили для себя его участь. Ну, это мы еще поглядим, кто кого! Вот переговорит он с княгиней и...

Тут Свенельд вдруг понял, что не знает ответа Ольги. Это ранее она его возвеличивала и приближала, ныне же сторонится, едва взглянет, едва слово скажет. Теперь она все больше с варягами Игоря толкует. Вон у нее какие ярлы из отряда Игоря остались – и Лейв, и Грим, и Хакон. Ольга их возвысила, их и Асмунда, который с этими варягами дружен и почитай что свой среди них, хотя по матери и славянин смоленский. А вот верного Свенельда княгиня сторонится... Свенельду стало грустно. Эх, Ольга!.. А он ведь ей даже про то поведал, что его Малфрида – чародейка, когда княгиня была напугана вестями о колдовской силе древлян. Успокаивал: дескать, что все их колдовство лесное, когда тут, в Киеве, сама прославленная чародейка Малфрида обитает. Он думал так княгиню успокоить, а она, как услышала о Малфриде, вмиг поменялась в лице. Он сперва думал, что ревность бывшая в ней пробудилась, ведь знал, как Ольга ревновала Игоря к чародейке. И лишь потом узнал, что Ольга той же ночью сама помчалась в Дорогожичи, с Малфридой о чем-то долго толковала. А о чем они говорили – никому не ведомо. Ольга молчит о том, да и Малфрида куда-то пропала, не выспросишь у нее. Свенельду даже намекнули, что его боярыня просто испугалась гнева мужа, после того как мамку его с лестницы спихнула. Свенельд не хотел об этом думать. Хотя и знал, что не на простой древлянке женился, сам некогда видел, какой она может быть... когда нечто темное и злое брало в ней верх.

Позади на забороле послышались неторопливые шаги. Свенельд не спешил поворачиваться, угадал уже по этой неровной поступи, что это приближается кормилец княжича Асмунд. Некогда этот муж был славным воеводой, ходил под рукой Игоря. Ну да в последнее время прихварывать заметно начал и все больше делами тут, в Киеве, заведовал. А ведь мог Асмунд с помощью живой и мертвой воды вернуть себе прежнюю силу и от хворей избавиться. Тот же Свенельд не пожалел бы для него заветной склянки. Ведь у Асмунда богатств хватило бы и золотом за новую жизнь расплатиться. Но не желал он того. И Свенельд догадался, что старый воевода подался в христианство. Да и не забылось еще, как тот сокрушался, когда днепровским половодьем церквушку христиан на Подоле разрушило. А эти почитающие чужого Христа люди странные, их и живой водой не приманишь, все о душе своей пекутся. Мол, пить чародейскую воду – это губить душу. А для христиан душа важнее даже жизни. Станный народ, упрямый.

– У тебя дело ко мне, Асмунд? – медленно повернулся к кормильцу варяг.

Асмунд стоял рядом, кутаясь в серую накидку с красивой меховой опушкой. И голова у него была серая, русые гладкие волосы сединой присыпаны, как и длинные вислые усы. Лицо худое с вечным налетом щетины, будто ему, одному из нарочитых мужей, и побриться лишний раз недосуг.

– Послушай, Свенельд, – глядя куда-то в сторону, начал Асмунд, – тут боярыня твоя объявилась.

– Где? – встрепенулся Свенельд.

– У входа в детинец стоит. Воротники ее внутрь не пустили, приняли за бродяжку. Она и впрямь как бродяжка смотрится: грязная, растрепанная, одетая в лохмотья, как будто с чучела огородного какую-то дерюгу стащила. Но я ее увидел из окна и поспешил тебе сообщить, пока дворя всякого болтать не стала.

Свенельд так и кинулся, пронесся по заборолу, только полы его шитой золотом накидки заполоскались. Сбежал вниз, почти расталкивая собравшийся во дворе детинца люд, поспешил к воротам. Так и есть, она, Малфутка... или все же ведьма Малфрида? Что-то в ней было иное, на милую улыбчивую Малфутку сейчас и не похожа. Затравленно озирается, сама хмурая, волосы взъерошены, лицо грязное, к тому же и впрямь в рубище вырядилась, как бродяжка.

Свенельд еще не протолкался к ней сквозь толпу во дворе, как у ворот подле Малфриды оказался верхом молодой черниговский воевода Претич. Он как раз въезжал в арку срубных ворот, когда вдруг резво соскочил с седла и к ней:

– Малфрида? Ты?

И этот в ней только ведьму видит. Откуда знает? И не опасается, не смущается ее странным видом, а просто просиял, за руки стал хватать.

– Али ты не признала меня, Малфрида? Али забыла, как мы с тобой воевали с печенегами в крепости Малодубовец?

Она какое-то время смотрела на него. Ишь, выглядит как нищенка, а взгляд, осанка, манера держаться чисто княжеские.

Свенельд наконец приблизился, быстро скинул с плеч свою сверкающую накидку, закутал жену, стремясь скрыть ее непотребный вид. Она как и не заметила, все больше на Претича глядела, хмурила темные брови, как будто силилась что-то припомнить.

– Не лезь, Претич, – отстранил его Свенельд. – Это жена моя.

– Жена? – удивился черниговец.

Н-да, в таком виде ее и супружницей признать неудобно. Свенельд постарался поскорее увести ее прочь от любопытных взоров, но она вдруг остановилась, увернулась из-под обнимавшей ее руки Свенельда, и к Претичу:

– Претич! Ты? Ну и витязем же ты стал, соколенок!

Похоже, и впрямь признала да обрадовалась. Вон как улыбается. Свенельду стало не по себе. И с кем только не яхшалась его Малфутка... Уж лучше бы ей и оставалась – тихой да ласковой. А то – Малфрида. И что он теперь с ней делать будет, с отродьем чародейским?

Претич весело подбоченился:

– Что, хорош? Я больше не тот мальчишка, которому ты голову морочила. – И добавил уже серьезнее: – А я-то как часто вспоминал тебя, Малфрида, все разыскать силился.

И едва обниматься к ней не полез, пришлось Свенельду вмешаться, почти оттолкнуть излишне рьяного черниговца.

Сверху, с заборолов, на них глядел Асмунд, со стороны хмыкали в бороды киевские нарочитые бояре Свирька и Прастен, иные кмети оборачивались, бабы дворовые перешептывались и посмеивались. Свенельд услышал, как варяжский ярл Грим сказал кому-то: он-де давно понял, что боярыня Свенельда и есть та самая чародейка, с которой их князь любился.

У Свенельда горело от стыда лицо, пока уводил жену, ощущал спиной множество взглядов. Они свернули за ближайшие постройки, обогнули частокол капища, пошли по широкой улице верхней Горы. Малфрида шла рядом вроде как послушно, но черных глаз не сводила, рассматривала пытливо, словно что-то силилась прочесть у него на лице. Не отвела взора, и когда они вошли в его городское жилище, когда Свенельд затворял за ними дверь в истобке, взмахом руки выгнав сидевших там челядинок.

– Чего пялишься? – неожиданно грубо спросил, когда они остались одни.

– Да вот спросить хочу...

- Это я должен спросить, где тебя леший носил? Ты боярыня моя али кто?

Она наконец отвела взор, окинула взглядом помещение. В небольшое окошко вливался свет серого дня, со двора доносилось протяжное кудахтанье наседки, где-то бухала кузница.

- Раньше ты меня сюда не приводил, - сказала она, разглядывая резьбу на лавках, тканые полосатые дорожки на широких половицах, алое сукно на длинном столе. - Все от людей прятал в Дорогожичах.

- Как же тебя было не прятать, когда любой молодец залетный может похвалиться, что знал тебя? И мало ли что между вами было... Мне же честь семьи надо было блюсти, раз выбрал тебя своей боярыней.

- Выбрал... меня... - тихо повторила она и вздохнула, словно с каким-то облегчением.

Свенельд же оставался суров, сел в противоположном углу, как будто и находится подле нее ему было тяжело. Малфрида смотрела на него, чуть склонив голову к плечу. Вот он, ее ладо, ее муж ненаглядный. Хорош собой, сильный, нарядный, уверенный в себе. К такому любая пойдет не раздумывая... А он выбрал ее. Как древлянке Малфутке и мечталось когда-то в глухих чащах.

Но сейчас она видела его как будто иначе, чем ранее: и как Малфрида-чародейка, и как наивная доверчивая Малфутка. Как Малфутка, она его еще любила, а вот как Малфрида... Отчего-то вспомнилось, как некогда древлянские волхвы разбудили в ней ненависть к нему, требовали, чтобы погубила по их приказу посадника Свенельда. Он же спас ее от ярости древлян, женой сделал, но все же не мог полюбить, как ей того хотелось. Чувствовал, какова она на самом деле... ведьма древлянская. Но еще Малфрида понимала и некое роковое сплетение их судеб: они со Свенельдом сблизились и она родила ему дочку, потом стала его женой, и значит, они связаны так, что она не может сделать ему зла, должна оберегать его, ибо ведьмы охраняют тех, кто им близок, и не могут погубить. Погубить ближнего для них - это принести себе самой гибель, это уведет их из мира живых в мир теней. Как Малфутка, она торговалась с Кощеєм за любимого мужа, а как Малфрида - понимала, что правильно поступила, встав на его защиту. И как Малфутка, она просто хочет сохранить его для себя. Но вот хочет ли она быть его женой как Малфрида?

- Что смотришь, будто я диво невиданное? - не выдержал наконец Свенельд. И словно вспомнив о чем-то, грубо спросил: - Ты что с моей ключницей Липихой сделала, а? Сообщили, что ты с лестницы ее столкнула. Да как ты осмелилась на такое?

Она вдруг прервала его громким залиvistым смехом. И в нем было нечто столь нехорошее, что у Свенельда волосы зашевелились на затылке. Нет, его древляночка милая никогда так не смеялась. Так кто же перед ним?

А Малфрида глядела на него уже без тени улыбки.

- Я и не прикасалась к твоей мамке Липихе. Но я, похоже, знаю, кто погубил ее. Женщина не из этого мира, высокая и статная, с длинными белыми волосами, которая старится и умирает в считанные мгновения. Блазень, живущий в твоём тереме в Дорогожичах. Знаешь такую? Вижу, что знаешь, - кивнула она, заметив, как он побледнел, встать было хотел, но вновь осел на лавку.

Свенельд старался взять себя в руки, унять неожиданную дрожь. Откуда Малфутка могла знать про Межаксеvu, жену его прежнюю? Его и поныне род Прастена попрекает, как будто Свенельд повинен в кончине их родички. Ведь сгинуть в единую ночь... А родне Межаксева жаловалась на Свенельда, всякое наговаривала на мужа. Она была опасна, она поняла, что Свенельд мечтает ни много, ни мало о самой княгине, вот и грозила сообщить о том в детинце, самому князю Игорю. Кто бы ей поверил? Да уж нашлись бы такие. А это грозило Свенельду потерей всего, чего достиг. Его бы изгнали, сам Игорь не потерпел бы его подле Ольги. А Межаксева все свое: скажу кому надо, да скажу. Вот тогда-то Липиха и решила ему помочь. А как - он только позже узнал, когда явился на погребение Межаксеvy и Липиха тихим шепотом ему все рассказала. Он ведь тогда привез из древлянских лесов воды чародейской, живой и мертвой. Межаксева красавица была, стариться не хотела, вот и потребовала, чтобы

муж и ей водицы той дал. Он-то просьбу ее выполнил, да только Липиха по своему разумению поступила. Водица мертвая все болезни лечит, хвори на корню в теле изводит, но может и погубить, если сразу не принять живой воды, продляющей жизнь и младость. И вот Липиха, дав Межаксеве испить мертвой водицы, склянку с живой на обычную воду заменила. И боярыня стала стариться и умирать у нее на глазах, в труп разложившийся превратилась, а потом... Липиха ее вновь sprysнула из склянки с мертвой водой – и Межаксева стала как была. Только мертвая.

Когда Липиха Свенельду все то поведала, когда бухнулась в ноги, причитая, что если бы не избавились они от боярыни, та бы немало бед Свенельду принесла, он только молчал потрясенно. На устроенной тризне по жене и смотреть на Липиху не мог. А потом отпустило. Сообразил, какую услугу ему мамка оказала. И простил ее, даже возвысил. А выходит... Выходит, блазнем бесплотным стала его Межаксева.

Малфрида с усмешкой наблюдала за лицом мужа. Потом вздохнула, как будто с сожалением, поглядела в окошко как-то скучающе.

– Успокойся, боярин. Мертвая помстилась за себя, успокоилась и больше не появится. Но тебе сейчас иная беда грозила, и куда более страшная. Продали тебя бояре как жертву Кощею темному, ну да я уже выторговала твою жизнь. Не расплатилась еще, да только теперь ты мне поможешь. А не поможешь... плохо будет и тебе и мне.

Свенельд потряс головой, словно отгоняя наваждение. Что она говорит? Ну, про блазня... это понятно. А при чем тут какой-то Кощей?

– Ты разозлить или рассмешить меня захотела, Малфрида?

Так, значит, для него она прежде всего Малфрида... не Малфутка. Ну да значит, теперь так и быть.

А Свенельд вдруг рассмеялся – легко и беззаботно, как только он умел. Еще улыбаясь, постучал себя костяшками пальцев по лбу.

– Дуришь меня? Кошеем стращать надумала?

Она смотрела на него и молчала. И постепенно ее муж перестал смеяться, даже ощутил неприятный холодок под ложечкой.

Свенельд был наслышан о страшилище русских сказок, Кошее зловещем. Мол, живет где-то на дальнем севере могущественный и страшный кудесник, полутруп-получародей искусный, хранитель огромных подземных сокровищ, питающий свою колдовскую силу от этих богатств. Еще сказывали, что в древности ему самых пригожих девиц и молодых в жертву приносили, чтобы он оставался в своем крошечном мире, чтобы не сошел к людям. Но ведь сказки все это. А чтобы этому темному Кошее и ныне живого человека пообещали, да еще нарочитого воеводу... Чудачества какие-то, басни бредовые. Скажи Свенельду об этом кто иной, а не его древлянская ведьма-жена, он бы и впрямь только смеялся. Но Малфрида сама была связана с темными силами, она была частью их. А каковы могут быть эти силы, Свенельд испытал на собственной шкуре. Недаром же был он посадником древлянским, ему приходилось встречаться с нелюдями в чащах и сумеречных болотах тех краев, схлестывался с ними, с самим змеем Смоком сражаться приходилось. Да, будучи посадником у древлян, всякого насмотрелся Свенельд, и то, о чем пели под перезвон струн слепые гусяры, что-де витязь Свенельд нежить рубил-губил, не только сказкой-страшилкой для него было. А теперь... Неужели это темное колдовство, которое так не любила и презирала деятельная и живая душа Свенельда, теперь вновь выбрало его своей целью? От этого не только сердце застучит, не только ком в горле станет. С этим так просто не справиться. Да и были у него враги-соперники в Киеве, которые, понимая, что воевода Свенельд им не по зубам, могли и к чародейству обратиться. А против чародейства не всякий выстоит. И хотя Свенельд всегда верил, что человек, если он духом крепок, сильнее любых чар, все одно ему стало не по себе. И все его нынешние сложности, все помыслы о власти и соперничестве за киевский стол показались вдруг какими-то мелкими... будто и нереальными. А вот то, что говорит эта странная женщина... Жена его, им же самим избранная, – удивило и... стыдно признаться – напугало.

– Кто продал меня? – спросил негромко.

– Да какая разница? А вот теперь нам надо...

Но на полуслове Малфрида вдруг умолкла, прислушиваясь. Свенельд тоже различил какие-то голоса извне, топот ног, потом взволнованный голос Ольги прозвучал в сенях.

Тотчас дверь распахнулась и на пороге возникла сама княгиня. Лицо такое бледное, что соболья опушка шапочки почти черной казалась, а глаза горели ярче камней самоцветных на блестящих колтах. Сощурилась было со свету, потом на Свенельда глянула, будто и не заметив, пошарила глазами по истобке, а как увидела Малфриду, так и кинулась к ней.

– Ты пришла, ты все-таки пришла!..

– Пришла, княгиня. И теперь будем думать, как далее поступить. Ибо что у древлян и впрямь чародейство невиданное возросло, я теперь понимаю. Как и понимаю, что не обойтись мне без вашей помощи, а вам – без моей.

Через несколько дней в Киеве только и разговоров было о том, что на подходе древлянская ладья с послами. Люди собирались на склонах киевских круч, всматривались в широко разлившийся вольный Днепр с его уходящими вдаль заводями, с исчезающим в сырой дождливой дымке низинным противоположным берегом. И все гадали – с чем придут послы от извечных врагов-древлян? Мира запросят или войны? Но если древляне на убийство правителя Руси решились, то как теперь осмеливаются являться в Киев?

Разное люди говорили. Одни требовали созвать рать со всех русских земель да наказать древлян. Другие советовали скликать вече и решить, кто станет во главе Руси. Были и такие, кто считал, что с древлянами прежде всего должен разобраться древлянский посадник Свенельд, но на таких даже шикали, говорили, что Свенельд и так много власти забрал, а за противоборство с древлянами и вовсе княжескую шапку потребует. Но в одном люди сходились: дерзких древлян необходимо наказать, показать им, что Русь уже едина и не потерпит самоуправств. Но все же кто возглавит рать против древлян? Уж не Ольга. Куда уж вдовице, да еще с малым сыном полки водить. Пусть лучше мужа себе подыскивает, что же ей теперь остается, как не искать защитника для малого княжича.

В Киеве многие считали, что разбираются в этих вопросах. Чай, они не новгородцы надменные, которые только и могут, что глотки на сходках рвать; и не смоляне, которые только торгами своими и сильны, а в походы уже много лет не выступали. И только они, Киев, стольный град, могут решить, и кого на княжеский стол сажать, и кого в защитники кликать. Но даже за такими заносчивыми высказываниями таился страх: а вдруг случится, что пока они тут судят да рядят, дикие древляне, пользуясь безвластием, пойдут на Киев? Вон, старожилы киевские сказывали, сколько бед и забот было Киеву от древлян, пока Олег их не прибрал под себя.

Но когда ближе к вечеру показался на реке древлянский корабль, жители столицы приумолкли. Киевляне всегда славились как умелые корабелы, всегда торговые гости покупали у них суда, когда шли на далекий полудень в Корсунь, но и здесь еще не видели такой отменной ладьи-насады. Была она длинная, хорошо осмоленное дерево бортов казалось зловеще черным, корма и нос высоко подняты. Порывы ветра раздували квадратный красно-черный парус, а на высоком штевене изваяна оскаленная тварь: на чудище некое похожа, сплошные зубы и глаза.

Гребцов на ладье находилось не больше двенадцати, но на внутренних скамьях сидело еще человек двадцать. К тому же все пространство возле мачты было завалено какими-то тюками. На корме тоже размещались мешки и бочонки, плотно увязанные и покрытые шкурами. Не зная в Киеве, что древляне решились на переговоры как дерзнувшее выказать непокорность племя, так можно и решить, что просто гости торговые прибыли с товаром на киевские рынки.

Древлянская ладья пристала возле Боричева узвоза – широкого подъема на Гору. Ожидавшие внизу на пристани люди перекинули мостки на борт, чтобы древляне могли сойти с удобствами. Послы как-никак.

- Ишь какие, - переговаривались в толпе наверху зрители.

При этом многие стали поглядывать туда, где на заборках городни стояли именитые киевляне. И во главе их княгиня Ольга. Ветер развеивал ее длинное белое покрывало под собольей шапочкой, она удерживала у горла темную, опушенную соболем накидку. Подле нее стояли именитые мужи: бояре в высоких шапках, волхвы в светлых одеяниях, варяжские воеводы в шеломах и кольчугах. Ближе всего к Ольге стояли ее советник Асмунд и Свенельд. А вот за плечом Ольги виднелась женская фигура боярыни Свенельда, Малфутки. Она была в темно-красном одеянии, длинное в тон платью головное покрывало надвинуто до самых глаз, на своих соплеменников-древлян, казалось, и не глядит из-под покрова.

Киевляне шептались, что в последнее время Ольга благоволит к супруге Свенельда, почитай не расстанется с ней. А еще шла молва... что странная эта боярыня-древлянка, вон челядь из терема княгини поговаривала, что все с волхвами та общается, с ними да с Ольгой. И Ольга слушает ее, как никого до того не слушала.

Вон и сейчас княгиня перво-наперво оглянулась к ней, потом вновь посмотрела на древлянских послов, медленно и величаво подымавшихся по широкому Боричеву узвозу, движущихся сплоченной группой, как будто вот так, скопом, они чувствовали себя увереннее.

И вновь киевляне говорили, глядя на них: ишь какие!

Древлянские послы были немолоды, но и не совсем старые, старшины, как говорят о таких. Они были в пышных меховых накидках, головы обнажены, длинные аккуратно расчесанные волосы ниспадали на меховые оплечья, у большинства они были стянутые вокруг головы богатыми золочеными обручами, на шее почти у каждого висела золотая гривна, широкие обручья сверкали чеканкой по металлу. Знатно смотрелись послы, значительно, впору в пояс таким кланяться. Вот тебе и дикие древляне. Иные бояре киевские такого солидного вида не имеют.

На стене Малфрида негромко поясняла Ольге:

- Самых значительных людей к тебе прислали, княгиня. Это старейшины родов, каких у древлян особым почетом наделяют. Видишь, какие длинные у них волосы - это знак благородных родов. Древляне все больше охотники да звероловы, они обычно длинные волосы не отпускают, в лесах да чащах с такой гривой особо не пошастаешь. Ее могут позволить себе только самые почтенные да еще волхвы, те, кто над людьми стоит, правит, а в промыслах не участвует. Честь тебе оказали древляне, княгиня.

- Честь!.. - повторила Ольга сквозь зубы, будто выплюнула какое-то ругательство. - Что ж так мало прислали? Боятся?

Малфрида не ответила. Она тоже не ожидала, что посольство к Ольге окажется таким немногочисленным. Ей же нужно было много лучших людей. Тьму, как повелел Кощей. Но и на этих Малфрида глядела как на мертвецов. Как на жертву. Пусть поведают княгине, чего хотят, а там... Там поглядим.

Она негромко сказала, чтобы княгиня вела себя, как меж ними уговорено. Ольга же только кивнула согласно. Асмунд, слышавший их речи, слегка покосился, но не стал вмешиваться. Заметил только, что Малфрида тихо отошла... так тихо, как будто и не стояла только что подле Ольги в своем мрачном одеянии цвета запекшейся крови. Без единого украшения или вышивки-оберега. Как будто ничья сила не нужна была ей в помощь. Сама себе такое выбрала.

Малфрида прошла по переходам к каменному терему княгини. Стражи ее пропустили беспрепятственно. В самом же тереме было тихо, крытая сукном каменная лестница вела вверх, в широкую просторную гридницу. Здесь упруго изгибались над головой светлые своды, большие окна застеклены прозрачными шариками в частых переплетах, на стенах развешено дорогое оружие, начищенное до блеска, внушительные щиты с богатыми умбонами. Почти все пространство гридницы покрывало алое гладкое сукно. Позади стоявшего на возвышении резного позлащенного кресла княгини на стене широко раскинулся парчовый византийский покров-ковер с изображением расходящихся лучей. Когда Ольга сидела в этом кресле, создавалось впечатление, что лучи исходят

прямо от нее самой.

Сейчас в светлом каменном покое княгини было пустынно, только в углу Малфрида заметила нескольких волхвов, которые ползали на четвереньках и что-то шептали негромко. Такие солидные служители богов, а ползают по указанию древлянки Малфриды.

– Ну что, получается? – спросила она их.

Один из них, худой, скорее молодой, чем старый, но какой-то старообразный, вскинул на нее гневное лицо.

– Если обманула, если потешиться так над нами хочешь... Я сам в ваших древлянских лесах не единожды бывал, заклęcia постигал, но чтобы такую тарабарщину творить... Издеваешься?

Два других волхва, солидные и аскетически худые, тоже оторвались от бересты, на которой были сажень выведены какие-то знаки, и сурово поглядели на боярыню. Это она составила заклęcie безграничного доверия, выбрала самых сильных из местных чародеев и заставила плести чары, тянуть невидимую нить от стены до стены. И каждый, кто переступит через эти невидимые нити, не сможет рассуждать здраво, а будет только доверять послушно. Волхвы водили руками, шептали странные звуки, каким Малфрида их обучила, но она все оставалась недовольной. И что это киевские чародеи такие слабосильные? Не чета древлянским, говорила, чем и обозлила несказанно. Но ведь Ольга повелела повиноваться ведьме во всем.

– Да я бы и сама управилась, – почти прошипела в ответ ведьма, оскалив ровные белые зубы, – сама бы сплела чары, коли б дитя под сердцем не носила.

Это они понимали. Даже самая могущественная чародейка обречена на бессилие, когда беременна. Но все равно... чтобы ползать... Она же только и твердит, что сил у них маловато, чтобы просто кинуть с руки заклęcie.

И тут Малфрида, видя, что они все еще мешкают, наклонилась к главному из них, этому молодцу старообразному, и сказала негромко, чтобы лишь он услышал:

– Похоже, что сила у тебя только на разгулище на Лысой горе была, Коста волхв. Но в турью шкуру тут рядиться ты уже не можешь.

Его глаза широко распахнулись. Пробормотал: неужто это она с Кощеем там была? Но Малфрида уже отходила. Застыла за креслом княгини, стояла, опустив голову с надвинутым до глаз покрывалом, лишь порой поглядывала со странной улыбкой, наблюдая, как Коста и прочие с новым усердием стали наводить знаки, сличая с рисунками на бересте.

Но вот за дверью раздался гул голосов, шаги, движение. Волхвы, как раз успев закончить, поспешили отойти. Двери тут же распахнулись, стремительно вошла Ольга – быстрая, порывистая, серые глаза почти белыми кажутся от напряжения. Каково это ей – древлян поганных в лучшей своей гриднице принимать!..

Малфрида стояла, потупив очи. Ни на кого не глядела, но все улавливала: и как Ольга торопливо взошла на возвышение и опустилась в кресло, как сопровождавшие ее ближайшие советники и воеводы занимали места на скамьях. А потом Малфрида ощутила приближение самих древлян. Как – и сама не понимала. Но словно видела, как они неторопливо всходят в невиданный ими доселе богатый каменный терем, как стараются держаться степенно, не выказывая восхищения княжескими палатами.

Она подняла глаза, только когда они начали входить в дверную арку. Потом взглянула туда, где стояли, сцепив пальцы и опустив головы, полянские волхвы. Их губы почти не шевелились, но Малфрида знала, что они наговаривают ее заклęcie. Она сама стала его нашептывать, хотя понимала, от нее сейчас мало толку. Но все же...

– Инда согни, шшш, кара, белла, согни выю, нррааа...

Действительно, нечто невразумительное на первый взгляд, если исходить из местных наговоров, где уже забыты все звуки леса и ветра, звериный говор, где остались только

слова. Но что такое слова? Они почти не несут магии, они слабее...

Малфрида следила за послами, как они переступают незаметные на полу знаки. Волхвов среди них нет, никто ничего не почувствовал. Вот то один, то другой шагал через заветную черту, она следила за их поступью – двое или трое из них были в сапогах, обмененных на торге, но большинство в обычных древлянских постолах, хотя и богато отделанных, выложенных проволочными узорами, украшенных речным жемчугом. Постолы придерживали завязанные крест-накрест ремешки с металлическими пряжками, обертывая ноги поверх меховых онучей до самых колен.

Только когда все послы выстроились полукругом перед княгиней Киева, Малфрида взглянула на их лица. Некоторые показались смутно знакомыми. Но для себя ведьма отметила главное: они были уже под действием заклятия. И хотя продолжали держаться достойно, но словно утратили прежнюю невозмутимость, оглядывались по сторонам, цокали восхищенно языками, даже улыбались. Ну чисто дети престарелые... доверчивые. Значит, получилось заклинание у Косты и его приспешников.

Ольга приветствовала их словами:

– Вижу, гости добрые ко мне пожаловали.

Ее нарочито спокойный голос никак не вязался с ее прежней порывистостью движений. Могла себя держать в руках княгиня. Малфрида даже подивилась ее силе духа, ощутила уважение. Ведь общалась с княгиней все предшествующие дни, знала, как ту гнет страх и ненависть. А вот поди же...

Древляне кланялись Ольге неглубоко, с достоинством, как и положено мужам в летах – лишь чуть склоняя длинноволосые головы. Но улыбались.

– Да, явились мы, княгиня.

– Так говорите, что привело вас ко мне?

– Ты сама, поди, знаешь, – выступил вперед их выборный, степенный седой старик, высокий и значительный по виду. Вот только его светлая, приветливая улыбка как-то не вязалась с его почтенным обликом – будто умиляет и радует старого древлянина что-то. – Ведь мы уже отправили к тебе посольного с вестью. Ты знаешь, что случилось.

Ольга смотрела на них и молчала. Послы стали переглядываться, словно в недоумении. Потом начали говорить, вроде как и по отдельности, но почти перебивая друг друга.

– Мужа твоего мы убили, Игоря Киевского...

– Он как волк расхищал и грабил наши земли...

– Наши люди собрали вече и порешили: если волк повадился к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьем его.

– Вот и погубили мы Игоря, чтобы нас не погубил. Это мудро и справедливо.

– А наши князья хорошие, потому что берегут Древлянскую землю...

– Князь Мал среди наших правителей самый значительный и родовитый, пойдя за него.

– Куда же тебе теперь самой без мужа? Муж любой бабе нужен. А Мал у нас – молодец в самом соку.

– Тебя Мал выбрал в жены.

– А сына твоего Святослава мы тоже к себе возьмем. И сделаем с ним все, что захотим, если ты не будешь послушна мужу.

Тут Ольга резко встала, и древляне вмиг как по команде утихли.

Малфриде с ее места не было видно, что отразилось на лице княгини, но понимала, что Ольгу более чем возмутила подобная открытая доверчивость древлян.

И они это уловили. Перестали улыбаться, смотрели исподлобья. Лишь кое-кто стал коситься по сторонам, заметив, что вместе с княгиней повставали и ее воеводы. Но не трогались с места, не сводя глаз с Ольги.

Несколько мгновений в гриднице было тихо. Малфрида неожиданно отметила, что ее развлекает создавшаяся ситуация. Надо же, древлянка Малфутка бы сейчас вся дрожала от страха, а вот душа ведьмы Малфриды только забавляется происходящим.

Наконец княгиня взяла себя в руки. Сказала спокойно:

– Это все, что вам велено передать мне?

Старшина послов негромко, но твердо произнес:

– Остальное тебе передавали с посыльным, княгиня. Ты знаешь, о чем речь. И знаешь, что будет, если с нами что-то случится. Знаешь, какой силой владеют теперь древляне и... кому мы приносим жертвы!

«Чернобогу и Морене приносят, – почти весело думала Малфрида. – Мне бы хотелось на такое поглядеть».

Но она заставила себя вспомнить про Игоря, который любил ее... и которого любила она... кажется, что любила. Она попыталась возродить в себе ненависть к этим людям, но ничего не получалось. Ей было просто любопытно.

Ольга медленно опустилась в кресло. Молчала. Постепенно стали успокаиваться и окружающие. Малфрида заметила, как на Ольгу глядит ее Свенельд. Один миг, один жест княгини – и он неведомо что может сотворить.

«И как же мы с ней будем делить его?» – подумала ведьма, и вдруг поняла, что это ей уже не так и интересно. Она вообще ощущала в последнее время какое-то охлаждение к ранее обожаемому мужу. Но ей забавно было видеть, как Свенельд смотрит на княгиню.

«Думаешь, ты нужен ей, Свенельд разлюбезный? Нет, ей нужна только я! Она слушает меня во всем!»

Малфрида смотрела в затылок княгини, разглядела даже, какой узор вышит на ее шапочке над собольей опушкой: крылатая Гамаюн, полудева-полуптица, знающая обо всем на свете. Своеобразный оберег, дающий мудрость. Ну же, княгиня пресветлая! Или забыла, что с тобой обговаривали?

Ольга вдруг сгорбилась на миг – то ли от взгляда ведьмы, то ли под грузом обязательств.

– Я все понимаю, – изрекла негромко. – И вот что я вам скажу, мужи именитые: любезна мне ваша речь! Мужа мне уже не воскресить, но хочу воздать вам – послам и сватам от нового суженого! – воздать честь перед всеми людьми, перед всем Киевом! Но это завтра. Ныне же идите к своей ладье, ложитесь в ней спокойно почивать, утром же я пришлю за вами.

По мере того как Ольга говорила, ее слабый голос крепчал, становился громче. Она выпрямилась, ее тонкие руки крепко сжали резные завитки на подлокотниках кресла.

– И когда явится к вам посыльный от меня, когда поклонится и пригласит в палаты мои, отвечайте ему: «Не поедem на конях, ни пешими не пойдем, но понесите нас на ладье прямо на Гору Киевскую!» Так я честь вам выкажу, мужи именитые! Пусть все знают, что уважаю ваше племя и князя его!

Древляне сперва недоуменно переглянулись, но вот один из них улыбнулся, потом второй. Приосанились, поглядывали горделиво на советников Ольги. Малфрида видела, как понуро опустил голову Свенельд, как молча и с достоинством выдержал их самодовольные взгляды Асмунд. Варяги тоже держались невозмутимо, только ярл Грим словно тихо выругался, отвернулся с искаженным яростью лицом. И это особо порадовало древлян. Выходили гурьбой, сияющие и величавые.

Ольга же, едва закрылась за ними дверь, спешно вышла из гридницы. Малфрида последовала за ней. Нашла Ольгу под лестницей, уводящей в горницы. Та жалась в углу, будто дворовая девка, плечи ее подрагивали. Но едва зашелестел подол длинного одеяния Малфриды, резко обернулась. Быстро смахнула слезы.

– Все ли, как решено, я сделала?

Спросила вроде как послушно, но голос... как проклятие насылала.

Малфрида медленно кивнула.

– Все так, княгиня пресветлая. Одно плохо – мало их. Мне больше понадобится.

– Мало? Пока мало! – выкрикнула Ольга, и ее серые светлые глаза потемнели от ненависти. Яркие губы решительно сжались. – Ибо будет их еще много! Столько, сколько надо, чтобы смыть кровавый след из царства злой Морены для мужа моего!

«И чтобы откупиться от Кощея за моего мужа!» – довольно отметила Малфрида. И вспомнила утробный глухой голос темного повелителя: «Тьму их хочу. Но чтобы не каленым булатом...»

«Будет тебе жертва, чудище! – подумала. – И это только начало».

Глава 5

Черную ладью древлян вытянули на берег и установили у воды подле самого Боричева узвоза. Приподнятая на деревянных катках, она выглядела еще внушительнее, хотя и слегка кренилась на один бок. Древляне удобно расположились в ней, тем более что привезенные для невесты Мала дары уже достали и на возах отвезли в палаты Ольги. Но сама княгиня даже не вышла посмотреть на них, а вот Малфрида, Свенельд и Асмунд оглядывали все с придирчивым интересом. Там были богатые меха, драгоценные украшения, бочонки с медом, кожи, крицы сырого железа.

Малфрида самолично отбирала драгоценности, а все остальное повелела продать как можно быстрее.

– И за золото да серебро, на мену не отправлять! – строго наказывала она Асмунду, который слыл хорошим торговцем.

Асмунд только покачал головой. Что всем тут теперь распоряжается чародейка, он понял. Некогда при Игоре всем руководила, теперь при Ольге. Ладно уж, он помнил, что вреда от ее советов не было. Правда, Асмунд заметил, что сама Малфрида не просто не вспоминает об их прежнем знакомстве, а как будто сторонится его. Вон со всеми, с самой княгиней говорит дерзко, как всегда умела, а ему только кивнет и отходит нахмурившись. А ведь он зла ей никогда не делал.

Еще Асмунд заметил, что Малфрида все Косту подле себя держит, все шепчется с ним о чем-то. Ну, понятное дело: ведьма и волхв понимают друг друга. Да только Коста как будто еле переносит ее, с ней он все больше угрюм да неприветлив, и хоть и кивает согласно на ее речи, но порой вдруг так и кинется прочь. Именно кинется, как будто ему дурно с ней, как будто воздуха ему подле чародейки не хватает. Но потом опять возвращается, слушает внимательно.

По наказу чародейки княгини древлянским послам на ладью отправили угощение. Асмунд сам проследил, чтобы не обделили ни в чем гостей нежеланных, чтобы выдали им все лучшее: телятину, испеченную с яблоками да приправами в глиняных глечиках, из муки лучшего помола пироги с капустой, большой горшок ячменной каши с маслом и на меду. Древляне такими яствами у себя в лесах редко баловались, вот и уплетали за обе щеки угощение. С восторгом пили настоящее ромейское вино – темное, сладкое и густое. Они поднимали кубки за невесту князя Мала, не подозревая, что в вино им подмешаны сонные травы. Вот и позасыпали все еще до того, как ночь загустела.

Ладью со сладко похрапывавшими под натянутым тентом древлянами охранял отряд отборных кметей княгини. Они никого не подпускали к приезжим, а там и поливший как всегда к ночи дождь разогнал людей. Темно стало, тихо, только со стороны Горы доносился некий шум. Ибо там, где Боричев узвоз поднимался к детинцу, перед самыми воротами в древнее городище, где располагались палаты Ольги, ныне, несмотря и на дождь, былолюдно. Горели и дымили под дождем смоляные факелы, стражники стояли стеной, ограждая все подходы, никого не допуская туда, где на площадке перед воротами кипела работа. Множество полуголых, измазанных глиной мужиков долбили землю, копали лопатами, рыли глубокую яму, выбрасывали комья земли наверх, где иные работники укладывали ее в тачки и увозили в ворота детинца, насыпали горой, чтобы вернуться порожними и вновь нагружать...

Яма росла прямо на глазах: сперва просто работали лопатами, потом землю из глубины принялись поднимать на специальных воротах на веревках. Торопились, чтобы получилась она глубокой и широкой. Свенельд менял уставших копателей на новых, сам вымазался сырой глиной, этого щеголя и не отличить теперь было от обычных смердов-работников, но он не унимался, заражая всех своим ражем.

Княгиня несколько раз выходила посмотреть. Стояла, кутаясь в длинный кожаный плащ, из-под наброшенного башлыка горели ее глаза, губы были жестко сжаты. Когда возвращалась в детинец, видела, как, будто курган, вырастает посреди двора детинца высокая насыпь свежевзрыхленной земли. Один раз спросила, где ее чародейка. Асмунд ответил, что та почивать пошла.

– Почивать? – удивленно переспросила Ольга. Скривила полные губы в кривоватой

усмешке. – Вольготно же ей спать, ведьме темной. А я вот оттого, что замыслено, глаз не могу сомкнуть. Ну да решено. И месть моя древлянам будет страшной. Чтобы на века люди запомнили! Чтобы все знали, каково становится на моем пути!

Асмунда пробила дрожь от того, каким голосом она это сказала. Да, довелось ему дожить до такого, не отвел длань Христос пресветлый. Не миновала старого воина чаша сия...

Он взглянул в лица несущих дозор варягов. Эти даже довольными выглядят. И ночной морозящий дождь их не разогнал, вон, стоят недалеко от ямы, попивают из рогов пиво, некоторые тоже помогают копать. И всем им кажется ладным, что повелела Ольга. А той приказала древлянка Малфрида. И было у Асмунда ощущение, что боярыня Свенельда, хоть и сама древлянка, люто ненавидит свое племя. Видать, было за что. Асмунд не ведал, куда она подалась, когда Игоря оставила, а раз Свенельд нашел ее у древлян... Да еще как нашел! Шила-то в мешке не утаишь, слыхивал Асмунд, что кмети Свенельда рассказывали, будто бы с костра снял ее посадник.

На рассвете движение перед детинцем прекратилось, копатели расходились устало со своими ломами и лопатами, убрали прочие орудия. Асмунд подошел поглядеть. Яма получилась огромной и глубокой, из нее веяло холодом и сырой землей, как из могилы. Асмунд невольно содрогнулся и едва удержался, чтобы не перекреститься. Нет, не стоит показывать, что почитает Христа, многим это не понравится. И он только велел распорядиться, чтобы доставали из складов сукна, все, сколько имеется, да самого лучшего, крашенного в алое, как в кровь. Пусть закроют яму перед детинцем, разровняют да прижмут булыжниками, чтобы ровно лежало, а булыжниками теми пусть обозначат края ямы, чтобы свои случаи не оступились.

К рассвету дождь закончился. Утро вставало серое и туманное, дул ветер, неся по небу блеклые облака, затягивавшие небо от края до края, на водах Днепра шли темные волны. Древляне еще сладко спали, укрывшись своими роскошными меховыми плащами, иные храпели громко. Когда их стали будить, не сразу и очнулись. Сперва один из них вскинул голову с разметавшимися во сне длинными седыми волосами, потом другой приподнялся, позевывая.

– Новый день настал, гости древлянские. Просыпайтесь, княгиня вас для чести великой зовет.

Древлянам было лестно, что будить их явился сам посадник Свенельд. Стоит рядом, нарядно одетый, только усталый какой-то да хмурый. Хотя и чему радоваться, если ему теперь выслуживаться надо перед теми, с кого раньше дань брал для Киева.

Древляне стали распахивать сонных товарищей, указывали на ожидавшего в стороне Свенельда, на одетых в богатую броню варягов.

– Вон, уже зовут. Пора. Княгиня Ольга хочет нам честь оказать.

Самый нарочитый из древлян важно поднялся, огладил длинную бороду, подбоченился. И стал говорить, как Ольга им и наказывала: мол, не пойдем пешими и конными не поедем, а хотим, чтобы вы вознесли нас на Гору на своих плечах в ладье нашей.

Свенельд выслушал их и поклонился низко, коснувшись рукой земли.

– Что ж, нам неволя; Игорь наш убит, а княгиня хочет замуж за вашего князя.

Он подал знак, и тут же сильные кмети подошли к ладье гурьбой, стали поднимать ее да раскачивать.

Древлянские важные бояре сперва даже испугались, хватались за борта да друг за дружку, чтобы не упасть. Но варяги и русичи были умелыми, им не единожды приходилось таскать волоком и на себе суда, когда пороги днепровские проходили. Вот и осилили, подняли на крепкие плечи ладью, столпились по бокам ее, поддерживая за осмоленные, посаженные внахлест доски насады.

Теперь древляне уже смеялись. Они все были мужи именитые и уважаемые, а вот катают их, будто девок на качелях на Масленицу. Несут неспешно по пологому, плавно извивающемуся узвозу вверх, осторожно несут. На повороте вроде как замешкались, кто-то поскользнулся на влажной после дождя земле, качнули корабль с древлянами. Один

из старых послов даже сказал: мол, все, хватит, оказали честь, и будет. Они чай не обрылихие, которые на дулебах ездили. Теперь и пройтись могут. Но их продолжали нести. С Горы сбежали на подмогу несколько человек, сменили усталых, понесли с новыми силами быстрее.

Древляне расчесывали спутанные волосы, оправляли свои меховые накидки, надевали на грудь широкие гривны. У некоторых они были большие и круглые, не меньше миски какой, да браслеты у древлян были богатые, головные обручи узором чеканным украшены. Покрасоваться хотелось старейшинам. А ведь когда только отправлял их Мал, побаивались ехать, даже поговаривали, что недаром Мал посылает их, старых, какие уже и оружия носить не могут. И случись что с ними, древлянская земля мало потеряет, сильные да молодые воины дома остались. Но все же надеялись, что Ольга пожалеет их из уважения к старости и сединам. Да и волхвы успокоили, сказав, что Ольга побоится поступить дурно с древлянами, у которых сейчас такая сила жуткая и необоримая. Похоже, правы оказались волхвы, вон какой прием им княгиня оказала. Еще вчера они бы в такое не поверили, а вот сейчас, когда едут в ладье на Гору, на спинах сильных полянских мужей и варягов заносчивых, то в пору возгордиться. Надобно будет все запомнить да потом дома обо всем поведать, похвалиться.

Вот и ехали, подбоченившись да посмеиваясь. Видели сверху мощные бревенчатые стены Киева, видели стражей за частоколами, но самих киевлян в отличие от вчерашнего дня вышло навстречу довольно мало, да и тех потом куда-то отогнали.

Узвоз делал очередной поворот, стал круче, нос ладьи с оскаленной мордой взмыл выше, древляне хватались друг за дружку.

– Гляди, гляди, – указывали вперед.

Там, где между башнями у детинца были распахнуты градские ворота, раскисшую после дождя землю укрывало богатое алое сукно. Вся улица впереди была устлана алым ковром, придавленным по краям тяжелыми камнями. Восхищенные послы даже как будто саму Ольгу на забороле не сразу заметили, но, заметив, заулыбались.

– Богато встречаешь нас, Ольга. Любо нам это.

Она не отвечала, смотрела на них как-то мрачно, была нарядная и величавая. Кто-то из древлян указал на стоявшую за княгиней, как и вчера, странную высокую женщину в темно-алом – она как будто подалась вперед, смотрела на них жадно, черные глаза горели. Один из древлянских старшин даже сказал, что вроде как знает ее, но не может припомнить, кто такая.

В проем градских укреплений между башнями носильщики вступали осторожно и медленно, двигались по алому сукну аккуратно вдоль лежавших рядами тяжелых булыжников, лодку на плечах несли так плавно, как и легкая речная вода не несет. И вдруг Ольга наверху резко взмахнула рукой.

Лодку качнуло так сильно, что древляне едва ли не попадали. Их вроде как опустили, они видели еще красные от натуги лица носильщиков... а потом полетели вниз, грохнулись так, что никто не удержался на ногах. И оказались в полумраке. Вращали головами, еще ничего не понимая.

Их обступали земляные сырые стены, кого-то накрыло сползшим красным сукном, кто-то перевернулся через скамью, барахтался, сился подняться, кто-то застонал, ушибившись при падении. А сверху, склонившись над краем ямы-ловушки, в которую они угодили, смотрели столпившиеся на ее краю киевляне.

Меж них вдруг появилась яркая и нарядная Ольга. Стояла, уперев руки в бока. Ее голос прозвучал громко и пронзительно:

– Ну что, убийцы мужа моего, хороша ли вам честь?

Тут они опомнились, вскочили. Стали карабкаться, стараясь выбраться, измарались сырой глиной, срывались на скользких стенках ямы.

И тут случилось самое страшное – на них полетели комья земли. Много. Все, кто собрался наверху над ямой-ловушкой, бросали на них сырую тяжелую землю, словно

ливень из тяжелых комьев обрушился на дно.

Древляне закричали, лезли вверх, срываясь и опрокидывая друг дружку, толкались, стремясь подняться повыше, туда, где ясно и светло виднелось серое небо. А по краям могилы для живых злорадно и страшно кричали люди. Все так же закидывали древлян комьями земли, она тяжело и больно била их по головам и плечам, засыпала глаза, ее тяжесть опрокидывала, не давала вздохнуть...

Некоторые из древлянских старшин прямо по телам своих соплеменников карабкались наверх, наступали на них, цеплялись за края ямы. Их грубо спихивали вниз. Один из древлян даже поймал за сапог кого-то из кидавших землю варягов, повис, едва не утащив того вниз. Варяг тут же выхватил меч, но в него вцепилась одетая в алое ведьма. Кричала:

– Без булата! Не рубить!..

И сама ударом ноги в голову сбросила посла вниз, на задыхавшихся внизу старейшин.

– Пощади! Смилуйся! – раздавалось из-под земли.

Ольга строго крикнула:

– Так хороша ли вам честь?

Один из барахтающихся на уже покрытых землей телах простонал:

– Горше нам Игоревой смерти... Пощади!..

И умолк под комьями тяжелой мокрой глины, возился еще под ней какое-то время, пока не затих. А землю продолжали набрасывать с каким-то упрямым остервенением, молча, толкаясь, все были грязные, сопели натужно.

Ольга, пошатываясь, отошла, оперлась спиной о бревенчатую стену детинца, чтобы не упасть. В лице ни кровинки, глаза широко распахнуты, зажала тяжелой от перстней рукой рот, сдерживая крик. Ее люди продолжали бросать землю, и вскоре там, где были заживо погребены древляне, появился небольшой холм. Его споро утрамбовывали множеством ног, толпились, приминали. Но уже как будто стали отходить от злобного ража, Ольга видела, что сам непоколебимый Грим ярл пошатываясь отошел в сторону, осел сперва на колени, потом на четвереньки и его стало мучительно тошнить. Да и лица иных, усталые, потные, решительные, постепенно хмурились, становились мрачными, потом какими-то растерянными. Даже Свенельд, до этого приминавший землю вместе со всеми, прошел мимо как пьяный, глаза были пустые, страшные.

Ольга заставила себя выпрямиться.

– Асмунд! Вели бочку самого лучшего меда сюда катить, а также пусть несут самого пенного пива, ароматного заморского вина выстави. Тризну моему супругу начнем отмечать прямо здесь. На костях жертв по нему. Веселиться будем, чтобы Игорь мой знал, что не останется не отмщенным!

Воины смотрели на княгиню кто с удивлением, а кто и с уважением, дивясь ее выдержке. Ольга первая подняла золоченый кубок, выпила его весь, словно ее мучила жажда, проливала на свое светлое с золотом платье багряные капли. Казалось, кровь убитых без булата жертв проступила на ней. Потом сказала, что хоть до сей поры ее люди и держали киевлян в стороне, но подобное долго от людей не утаишь, кто-то да проболтается. Пусть же пока они продолжают пировать, но к ночи...

Она словно не решалась произнести, но рядом, как кровавое видение, появилась Малфрида.

– Ночью вы их выкопаете, – сказала твердо, глядя странным взором на рассеявшихся прямо на притоптанной земле воинов, на разносивших им угощение дворовых из Ольгиных палат. – Отгуляете, попотчуете всех, кто подойдет, напоите допьяна, о всяком говорите, кроме случившегося... А как ночь настанет, разгоните народ, ну и как обговорено. Эй, Свенельд! – окликнула она вернувшегося к пирующим мужа: – Слышь, что говорю: ночью отвезешь древлян, куда я приказала.

У Свенельда был странный вид. Он медленно прихлебывал из рога, смотрел перед собой пустым взглядом. Малфриде пришлось его тряхнуть за плечо.

– Неужто не понимаешь, что это и жертва по Игорю, и задаток за тебя? Остальное я улажу.

В чуть раскосых зеленоватых глазах Свенельда появился какой-то огонек. Смотрел на Малфриду из-под нависающих мокрых прядей, потом вырвал плечо из ее цепких пальцев.

– Знаешь, а Малфуткой ты была мне более мила. Я ведь так надеялся, что смогу уберечь тебя от таящейся в тебе темной силы... от Малфриды. А теперь от той славной Малфутки ничегошеньки не осталось.

Древлянка только хмыкнула.

– Та Малфутка не смогла бы спасти тебя от Кощея.

И опять стала объяснять, что и как сделать. Но ей не нравилось, как он на нее смотрит. Муж, а ведь как на гадину какую-то глядит. Ишь, какой трепетный. Это ее раздражало. И не было в ней сейчас нежных чувств к нему, не было той светлой и решительной любви, из-за которой она встала на его защиту против самого Кощея.

В Киеве в тот день чего только и не говорили: гадали, куда это ладья с древлянами подевалась, уплыли или... Шептались про это «или». Кое-кто и правду проведал, но таким не верили. Не желали верить. Но отчего-то все стали побаиваться Ольгу. Даже в теремах нарочитых бояр Прастена и Свирьки говорили о ней со страхом, уже не упоминали, как хотели отстранить от власти вдову князя, не вели разговоры о созыве веча. Когда к Прастену зашел хмельной и веселый после тризны у детинца молодой черниговец Претич, боярин осторожно стал у него выпытывать о древлянах. Но Претич толком ничего не знал, сказал только, что подле детинца всех угощают щедро, что веселятся вовсю, пляски устроили на мягкой земле, потом воинскую борьбу. Ну, все, как и полагается на тризне. Ну а древляне? – выпытывал у него боярин Прастен. Претич пожимал плечами. Где-то заперты, сказал подумав. Их в град варяги на плечах прямо в ладье внесли, но на тризну не кликали. Еще бы, ведь пировали, поминая убиенного ими князя, на такое убийц не зовут. Прастена эти объяснения не устраивали, стал подливать Претичу в чарку, думал разговорить его, но дождался только, что опьяневший Претич пустился в пляс. В пылу даже выхватил свою изогнутую на хазарский манер саблю, да как начал ею ловко размахивать... Боярин Прастен поспешил отойти, а то этот шальной еще и его заденет.

Ночью Прастену не спалось. Ветер раскачивал старую яблоню у окошка, где-то вдали выла собака, темно было и душно, как перед грозой. Вскоре вдали и впрямь загрохотало. Боярин поднялся, осторожно слез с ложа, стараясь не разбудить жену, и, накинув опашень, вышел из опочивальни, поднялся по галерейке на стену своей укрепленной градской усадьбы. В потемках углядел тень стража над воротами усадьбы, тот во что-то вглядывался. Прастен подошел к нему.

– Что там?

Страж только сделал знак рукой, во тьме и не разберешь что, но Прастен и сам понял – тихо надо держаться.

Ибо откуда-то извне раздавались какие-то неясные звуки. Щелканье бича, скрип колес, шаги по гравиям между тынами. Вон и силуэты в полумраке стали проступать, угадывались белые бока волов. И влекут те волы широкие возы, накрытые рогожей. Что в них лежало – во тьме не разглядишь. Но тут мрак прорезала вспышка молнии, и Прастен в этот краткий миг успел заметить свешивающуюся из-под рогожи с одного из возов ногу. Древлянская постела померещилась, ремешки с бляхами окручивали пушистый меховой онуч. Больше ничего не было видно во мраке, который стал еще темнее после ослепительного света небесной стрелы Перуна.

Когда охраняемые возы проехали мимо, когда звуки затихли в стороне, боярин Прастен

вернулся к себе, тихо лег возле мирно похрапывающей суложи, смотрел в складки богатого полога над головой.

«Так вон оно что с древлянами. Ну и Ольга, ну и княгинюшка. Да такая что хошь сотворит. Особенно коли прознает, что я уже с черниговским Тудором связался, что обещал отплатить ему, если меня на киевский стол его люди выкрикнут. Нет, сейчас надо затаяться. И Свирьку предупредить, чтобы помалкивал и не лез ни во что. Ну а то, как Ольга древлян-то этих... Если весть об этом до Мала в чащи дойдет, если он с волхвами своими помститься пожелает, пойдет войной... если еще и чародейство нашлют, на какое древлянские чародеи великие мастаки. Нет, теперь надо нам в Киеве всем скопом держаться, не то такие дела грядут... борони боги!»

Долго еще ворочался на ложе Прастен, вздыхал, кряхтел, пока боярыня его в бок не пихнула, чтобы утомился.

Тем временем возы с мертвыми древлянами уже миновали крайние Лядские ворота в городской стене Киева. Далее начиналось предместье Околоградья, а за ними пустынное место, где совершались захоронения. Курганы располагались там скученно, каждый принадлежал определенному роду, в каждом хранился прах сожженных тел сородичей киевлян. В положенные дни поминания чуров здесь былолюдно, сходились семьями и родами, совершали подношения, просили духов предков охранить живых сородичей от всякой напасти. Однако ночью сюда не любили приходить, всякое об этом месте говаривали, страшно там было. Потому-то сопровождавшие возы с телами заживо погребенных древлян охранники, которые и до этого двигались молча, не зажигая огней, тут вообще притихли. Шли, озираясь во мраке, вглядывались в шумевшую ветром предгрозовую ночь.

Свенельд шагал впереди возов, держался за обереги, заговоры шептал. Когда при вспышке молнии неожиданно увидел перед собой силуэт в красном балахоне, едва не вскрикнул.

– Леший тебя заberi, Малфрида! Напугала.

– Это тебя-то, победитель древлянских чудищ?

Она негромко рассмеялась. Но Свенельду было не по себе. Так и стояла она перед ним в быстром свете молнии – движимое ветром темно-алое покрывало, горящие глаза, блеск зубов в довольной улыбке.

– Я все сделал, как повелела, – сухо произнес он. – Ни единой гривны с убитых не снято, ни единой пряжки или обручья-браслета, кольца остались на руках. А на последнем возу лежит золото и серебро, полученное за дары от древлян. Кубки там, чеканные блюда, дирхемы серебряные. Хватит ли?

Она отошла, сновала между возами, что-то говорила негромкое, ни к кому не обращаясь. Свенельд не поворачивался в ее сторону. Понимал, что ведьма для него старается, сказала ведь, что выторгует его... А ему все равно тяжело с ней. Силы небесные, да разве не так давно он не любил с ней? Не он ли спешил к ней в терем Дорогожичей, надеясь, что нежностью своей да лаской отринет от нее эти темные силы. Ведь только так чародейку можно вновь сделать человеком. Откуда Свенельд это знал – уже не помнил. Но думал, что сладится у них с его древляночкой. А потом он возьмет Малфутку свою в полюдь в древлянские земли, и она поможет ему находить в глухих чащах дивные источники живой и мертвой воды. Так ему мечталось. А вышло... Свенельду и приплати теперь кто, он и тогда больше бы не смог ее коснуться. Пусть и жена его, боярыня признанная. Которая еще и родит ему невесть от кого. И он почти с нежностью вспомнил о своих сыночках от Межаксевы – Мстиславе и Люте, которые жили под покровительством Ольги в ее вышегородском тереме. Там же росла и девочка Малуша, которую некогда принесли древляне из лесов, сообщив, что ему эту дочку родила Малфрида. Девочка и впрямь была на него похожа, но он все равно никогда не выказывал при ней отцовских чувств, так просто, наблюдал порой за малышкой издали. Вот к сыновьям от Межаксевы он тепло родительское испытывал, гордился, какие они ладненькие и смышленные растут. Ольга их хорошо воспитает, взамен погибшей Межаксевы... но о Межаксеве сейчас думать не хотелось. Это ведь Поле Вне Града, и недалеко от того места, где сейчас стоял Свенельд, расположен курган, где и ее прах покоится.

Тем временем Малфрида все оглядела (как и видела-то в таком мраке? Ведьма!) и показала, куда снести всю поклажу – как мертвых, так и украшения. Люди Свенельда послушно принялись выполнять повеление. В низине между двух курганов уложили всех рядком, разложили на телах богатство и к возам поспешили, как будто подле волов им было спокойнее, чем возле этой странной боярыни Свенельда.

– Все, уходите! – властно приказала Малфрида.

Щелкнули бичи, засопели рогатые волы, послышался скрип телег и торопливый топот ног, приглушенное понукание. Однако Свенельд все же задержался. Приблизился к Малфриде, смотрел на ее слабо проступающий во мраке силуэт. Порыв ветра скинул с ее головы покрывало, разметал волосы. Она стояла и смотрела на него, прямая, как меч.

– Я, наверное, должен поблагодарить тебя, Малфутка.

– Должен, – почти весело отозвалась она. И через время сказала совсем иным тоном – задумчивым, чуть печальным: – Сперва я очень испугалась за тебя, хотела побороться с этим... Но сейчас я уже просто выполняю условия сделки. Клянусь самым Перуном Громовержцем – ты даже предположить не можешь, каковы эти условия. Но я уже дала слово и сдержу его. А теперь уходи!

Порыв ветра прошумел почти рядом, вновь сверкнула молния. Волосы Малфриды разлетелись, и, мерещилось, они шевелятся, будто живые. Темные глаза ведьмы казались огромными. А вот ее улыбка... В ней было нечто решительное и жутковатое. И все же, когда Свенельд уже отходил, спросил через плечо:

– А не страшно ли тебе? Может, мне лучше быть где-то поблизости. Я ведь... Знаешь, я ведь тоже кое на что способен.

– Знаю, мой витязь. Но уходи! Уходи!

В ее голосе чувствовалось раздражение, и он ушел.

Малфрида же спешила, ей надо было успеть до начала грозы. Она вынула из-за пояса маленький нож и стала спешно выводить полагающиеся знаки на земле вокруг мертвых тел древлян. Она вспомнила все, чему ее научили древлянские волхвы, однако опасалась, что в ней самой нет ни капли силы, чтобы заклинание подействовало. Одна надежда, что и голодный Кощей ждет своей жертвы и подношений. Вот у кого в услужении она оказалась. Ее учителя-волхвы такого и предположить не могли.

Хорошо видя в темноте, она начертила вокруг разложенных жертв круг и обвела его знаками. На самих древлян она и не смотрела – не интересно. Правда, один раз ей показалось, что за ней кто-то стоит, и она нетерпеливо оглянулась. Никого. Значит, просто бродячие духи давно умерших встали из могил и движутся во мраке, заинтересованные шевелением на их законном месте.

– Да пошли вы! – отмахнулась Малфрида. Она уже не была Малфуткой, чтобы шарахаться от всяких бестелесных призраков.

Закончив приготовления, Малфрида села и, обхватив руками колени, стала ждать. Видела, как ветер волнует травы, как искореженно застыли мертвые тела древлян – мясо для поедателя Кощей. С душком уже, наверно. Интересно, любит ли Кощей с душком? Зато без применения булата, след которого на мертвечине не нравится Кощей.

– Ну и где же ты? – зло выкрикнула Малфрида.

Порыв ветра... А потом будто тишина, но ведьма так близко ощутила холод, что даже подалась в сторону. Казалось, кто-то невидимый и могущественный стоит за ее спиной, дышит на нее замогильной стыlostью.

– Я здесь. Ты звала, и я рядом.

Она расширила глаза, всматриваясь. Кожу от напряжения будто покалывало, зубы стало сводить. Что-то и впрямь поменялось, теперь она могла увидеть сероватые тела блазней, нечеткие, расплывчатые, сгрудившиеся вокруг нее. А потом они словно развеялись,

и прямо перед собой она увидела темное пятно: оно все ширилось, вибрировало, двигалось. В нем не было ничего человеческого, но Малфрида не могла отделаться от ощущения, что оттуда на нее глядят холодные жадные глаза. Ей стало страшно.

– Боишься меня?

Этот голос... этот то ли вздох, то ли утробный стон.

– Я принесла тебе задаток за Свенельда.

– Хорошо...

И вдруг она отчетливо увидела, как из темного отверстия появилось нечто. Сперва ей показалось, что это огромный червяк, толстенный змей, но потом она все же разглядела, что это был огромный язык – серо-зеленый, чешуйчатый, широкий у темной воронки, но сужающийся на конце. И кончик этого языка стал шарить вокруг, потом протянулся в сторону мертвых древлян, покрыл их и утащил, словно слизнул. Миг – и ни одного из них уже не было в очерченном кругу. Зато Малфрида расслышала, как рядом кто-то сытно и глухо глотнул. Вот так просто? И так жутко?..

Исчезло и золото. Как – Малфрида даже при своем особом зрении не смогла уследить. Она была потрясена силой того, кто общался с ней. Она закрыла глаза, ибо ей вдруг стало противно смотреть. Хотя знала, что не увидит его, не увидит, кем он был на этот раз, но слышала его довольное похихикивание – такое почти детское или старческое, но множественное, как будто разом засмеялись сотни детей и старух.

– Хорошее мое, блестящее мое...

Голос – сильный и глухой – весьма отличался от смеха. Сколько же умерших душ жило в Кощее?

– Я не могу явиться к тебе сейчас, – услышала она голос Кощея. – Где присутствует Перун – мне лучше не являться. Но я принял твой задаток. И вот тебе за это.

Малфрида все же открыла глаза, когда ощутила, как ее легонько царапнуло по лицу что-то, потом упало на колени. Сперва показалось, что курячья лапка, потом поняла – конечность темного нелюдя. Рука без кожи, с темными длинными когтями, еще миг назад была огромной, потом стала уменьшаться, и вот перед ней лежала засушенная рука размером с обычную человеческую.

– Гадость какая!

– Не скажи. Это моя рука, и в ней есть сила. Себе я новую отращу, а эта дается тебе как оберег. Ты еще поблагодаришь меня за него. Она тебе помогать будет.

Ветер вдруг стих. Черная волнующаяся воронка перестала вращаться, замерла.

– Когда следующая жертва?

Стали падать первые капли дождя. И показалось, что черная дыра-воронка резко начала сокращаться.

– Скоро! – почти крикнула Малфрида, понимая, что сила Перуна изгоняет крошечника Кощея.

Все. Косая искривленная молния протянулась от неба до земли, громыхнул гром. Малфрида сидела под струями дождя, не зная, услышал ли ее Кощей.

Гроза лютовала долго. Ведьма брела в сторону Киева, блаженно подставляя лицо холодным струям дождя. Ах, как хорошо было! Как благоухала земля, как упоителен был воздух, какая сила была разлита в нем! Казалось, поднимешь руки – и полетишь! Но не летела. Кожу покалывало, по спине пробежали мурашки, от нее шел пар, легкость переполняла все существо, но взлететь она не могла. Что-то тяжелое давило ее, не пускало, не давало сил. Может, дитя, что росло в ней? А может, оберег Кощея, спрятанный за поясом? Казалось, черные тоненькие коготки покалывают и через одежду.

- Гадость какая, - вновь повторила Малфрида, уже подходя к хижинам Околограда.
Поскользнулась на мокрой траве и чуть не упала. Расхохоталась. Как же хорошо ей было в грозу!

Глава 6

По приказу Ольги ей нашли киевлянина родом из древлян. Такие встречались в граде – то невольниками их привезли, то сами явились, да и не спешили возвращаться. Вот такого и привели к Ольге: крепкого здорового мужика, который давно жил в Копыревом конце, женился на дочери кузнеца-гвоздника и сам успел мастером стать. Назад в чащи его теперь и калачом не заманишь. Привыкли жить богато, пользуясь своим положением.

Поэтому этот древлянин Малыга (ох уж это «мал», столь частое у древлянских жителей!) не сильно и обрадовался, когда Ольга сказала, что собирается его отправить посыльным к прежним соплеменникам.

– Да я давно больше не древлянин, – разводил кузнец руками, – одно имя у меня древлянское и осталось. Отчего же они меня слушать начнут? Да я и селища своего уже не припомню, как же сошлюсь на родство? Свой я в Киеве. У меня старшему сыну годочков десять, а древлянская родня едва ли и помнит меня.

– Поедешь! – спокойно приказала Ольга. – Только древлянин и сможет пробраться сквозь чародейские чащи. А я коня тебе дам в дорогу, – и еле сдержала улыбку, заметив, как вспыхнули глаза Малыги при этой вести. Еще бы – древлянину и коня! – Справный такой конь тебе достанется. Вот ты и поедешь на нем до самого Искоростеня или там в град князя вашего Малино. Там сообщишь, что не пришлось мне по душе древлянские послы – стариков каких-то прислали, а мне важные мужи нужны, не старейшины, а сами бояре, которые что-то значат да к слову которых прислушиваются. Вот и передашь князю Малу и волхвам его такие слова: что если вправду просят они меня за Мала, то пусть пришлют лучших мужей. Чтобы с великой честью мне пойти за князя Мала, а иначе не пустят меня киевские люди. Понял ли?

Малыга почесал затылок, поправил удерживающий отросшие волосы ремешок.

– Понять-то понял. А те старейшины, каких ранее присылали, они что? И впрямь так плохи?

Ольга про себя отметила, что о гибели древлянских послов он еще не знает. Копырев-то конец в стороне от самой Горы находится, весть туда еще не дошла. Да и ее люди распускают слух, что княгиня отправила древлянских старейшин на житье в свой град Вышгород.

– Ты сам старых послов оценивать будешь, а, Малыга? Или, может, лучше пойдешь коня себе выбирать? Только хорошего бери, какой послу моему под стать будет.

Мысль приобрести просто так коня волновала Малыгу больше всего иного. Но все же, уже от порога, он решился спросить: дескать, весть ходит в Киеве, что черное колдовство идет от древлян, а это страшно. Мало ли что в пути случится?

– Потому и выбрала тебя, пень древлянский! – даже ножкой топнула княгиня. – Ты ведь древлянин, тебя то колдовство их не коснется. Неужели не ясно?

Когда обряженный в добротный кафтан и гордо восседающий на крепком каурум коне Малыга миновал последние заставы Киева, Ольга отправилась на капище Перуна. Перун считался покровителем русского воинства и особо покровителем князей. Женщин он как будто не больно жаловал, но ведь Ольга по сути и была сейчас князем. И она велела отвести к волхвам на капище сильного круторогого вола на закланье божеству, чтобы умилиствовали, чтобы доволен был Громовержец. Одно тревожило Ольгу: Перун не может не знать, что помимо него ведьма княгини богатые жертвы отдает и темной силе. Ну да как одаривает темного, так и помогает ей, Ольге. И Ольга подняла глаза на изваяние Перуна: высокий столб с красивой резьбой, посеребренное навершие которого лишь символично изображало человеческие черты. Только усы у изваяния были выполнены мастерски: длинные и извивающиеся, они почти достигали подножия и были щедро покрыты позолотой.

– Я обращаюсь к тебе, Перун! Я – княгиня Руси! И прошу, чтобы ты таковой и оставил меня. Ибо я сейчас лучший правитель, моя власть ведет к объединению земель, к укреплению того, что сделал так почитавший тебя мой названный отец Олег Вещий

и продолжил мой муж князь Игорь. Я обращаюсь к тебе, Громовержец, и прошу помочь отомстить за мужа, отомстить жестоко и страшно, и каждая моя победа будет посвящена тебе, великий воитель небес! И никто не окажет тебе такого почета, как я.

Она долго пробыла на капище, сама следила, как убивали ее жертвенного вола, как ловко и умело волхвы полоснули его по сильному горлу, как спокойно и медленно рухнул на колени вол, будто уснул. Это было добрым знаком – Перун принял жертву без недовольства, он прислушался к речам женщины-правительницы. Потом Ольга наблюдала, как щедро волхвы окропили кровью жертвенного животного изваяние Перуна. Ей позволили на это смотреть, ибо Ольга была не просто женщина. Она была сейчас сама власть, и от власти она не желала отказываться!

На другой день в Киев прибыл из северной Руси посланец княгини волхв Искусеви. Да не один, а с ее старшим сыном Глебом, которого, по сути, умыкнул из Новгорода, дабы тамошние не пытались объявить слабосильного старшего сына Ольги своим правителем. Ольга выслала за ним Искусеви, едва пришла весть о казни Игоря, и велела привезти Глеба во что бы то ни стало. Пусть же теперь новгородцы шумят, что им не впервой князей Руси дарить, но пошумят да разойдутся, а у нее предполагаемый князь в Вышгороде отсидится.

Ольга взглянула на Глеба – и горько на душе сделалось. Разве о таком наследнике мечтали они с Игорем, когда Глеб только родился? Слабый, подверженный чужому влиянию, а хуже всего, полностью подчинившийся окружавшим его христианам. Глеб вел жизнь тихую и неприметную, все более радея о душе, чем о власти, для которой был рожден.

Рядом с цветущей матерью Глеб смотрелся увядшим и старым. Чародейскую воду он не принимал, ратными ученьями себя не обременял, худ был, уныл лицом. А ведь Ольга помнила, какой он был маленьким – ясноглазый и разумненький. И она еще пуще обозлилась на почитателей чуждого Руси Христа, превративших ее сына в такого покорного и тихого раззяву...

– В Вышгород тебя отошлю, сыне, – сказала Ольга Глебу как-то устало и равнодушно. – Там сейчас спокойно, люди там надежные.

– Как прикажете, матушка.

Вот всегда в нем это – как прикажете... Разве так князю пристало отвечать? Вон Святослав уже и сейчас норов выказывает, годков ему совсем мало, а ведь сокол растет. И именно для Святослава хочет сохранить киевский стол Ольга, вся надежда у нее на него.

Отправив Глеба подальше с глаз, Ольга приказала привезти в Киев Святослава. И уже в первый же день по приезде маленький князь перевернул с ног на голову весь терем на Горе. Бегал, носился, от нянек прятался, волхва Косту с ног сбил на лестнице, так что тот расшибся в кровь, да еще на кухне козьи каташки швырнул в котел с дружинной похлебкой, пришлось все наново готовить. И если еще год назад Святослав и не говорил толком, то теперь болтал без умолку, донимая всех кучей вопросов: почему птицы летают и не падают, почему Днепр разлился и не входит в берега, и куда это светлый Дажьбог солнышко от людей спрятал, а еще почему в каменном тереме матушки пахнет не так, как в Вышгороде с его бревенчатыми стенами и подклетами. Причем для мальчика разговаривал он на диво хорошо, а еще отчего-то среди всех выделил ведьму Малфриду и стащил у нее какую-то мерзкую лапку засушенную, так что Малфриде пришлось гоняться за княжичем по всем заборолам, пока не отняла. Но она как будто и не сильно осерчала на него, смеялась, дурачилась с ним.

Но Ольга следила, чтобы ее сын пореже бывал с Малфридой, велела своим людям, чтобы не допускали того к ведьме: Святослав с его говорливостью беспрестанной мог и выболтать при ней про Малушу, а Ольга надеялась, что именно ради дочери так старается для нее чародейка. Правда, с тех пор она о Малуше не заикалась, ну да и Святослав, под впечатлением от шумного Киева после тихого Вышгорода, как будто сразу забыл о своей маленькой подружке. Его иное волновало: ему бы то посмотреть, как молодой воевода Претич с конниками своими упражняется, то в оружейной спрятаться и возиться там с самострелами и шестоперами, то начал требовать от Асмунда, чтобы выдали ему коня, как князю полагается, и старому воеводе пришлось

самолично обучать маленького князя ездить верхом. Святослав сидел в седле, закусив губы от страха, но не хныкал, цеплялся руками за гриву, а там, через день-другой Ольга едва не прослезилась, видя, как ее малыш уже уверенно держится верхом, порывается и удила коню в рот вложить, править сам. Но не только Ольга умилялась сыном. Служилые варяги так и говорили о нем – орел кричит рано, а степенные бояре при виде княжича довольно усмехались в бороды, говоря, что вон какой наследник у Игоря и Ольги растет. Ольге было любо слушать те речи. Значит, смиряются непокорные, значит, признают, что есть законный наследник рода Рюрика.

Только со Свенельдом у Святослава не ладилось. Однажды Ольга выскочила на крик сына и увидела, что варяг тащит дрыгающего ногами княжича, как собачонку приبلудную, прочь от оружейной. Почти швырнул его расквохтавшимся нянькам.

– Ты что же это себе позволяешь! – возмутилась за сына княгиня.

Свенельд поднес к губам прокушенную княжичем руку, подул на нее.

– Ишь, волчонок. Вели лучше за ним приглядывать, а то нянек тьма, а дитя без присмотра. Вон ныне в оружейной булаву шипастую норовил со стены стащить. А коли бы на него упала? Ты сейчас благодарить, а не хаять меня должна, княгиня пресветлая.

Вроде все и верно, но Ольге не понравилось, как раздраженно посматривал на ее сына Свенельд. Да и Святослав его не любил. Ольге пришлось напомнить посаднику: пусть не забывает – Святослав князь! Но тот только хмыкнул.

– Князем он станет, когда дружины свои поведет. А пока глуздырь и есть глуздырь. Так что не навешивай его на меня.

«На тебя навесишь! – сердито подумала Ольга. – Ты и своих сыновей отослал ко мне, не поучаешь сам, как отцу полагается».

Подумать-то подумала, но вслух и слова не сказала. Свенельд – ее ближайший поверенный и советчик, ругаться с ним – особенно теперь – ей нельзя. Но все же поговорить им следовало. И Ольга поманила Свенельда перстом.

– Идем-ка в палаты. Речи с тобой держать буду.

Они пошли рядом, как равные. Но сейчас они и были равны во всем – Ольга, вдовица, власть которой в Киеве после смерти мужа еще никто не подтвердил, и Свенельд, у которого были и дружина, и богатство, и почет. Многие смотрели им вслед, иные даже гадали: а не сейчас ли решится Ольга приблизить Свенельда настолько, что и ложе княжеское ему станет своим? Раньше, при Игоре, о таком и шептаться опасались, а ныне едва не всякий о том поговаривает. И ведь что таиться – ладная из них пара бы вышла. Ладная-то ладная, но возвышение Свенельда все же многих не устраивало. Да и боярыню его нельзя списывать со счетов: чародейка как-никак, Ольга вон к каждому слову ее прислушивается.

Ольга провела посадника в одну из светлых горниц своих каменных палат. Некогда по ее приказу там начали выводить на сводах красочную роспись, чтобы стало тут так же ярко и богато, как в ее прежнем деревянном тереме. Но со всеми последними делами как-то стало недосуг этим заниматься, работа осталась неоконченной: выступали на побелке округлого невысокого свода замысловатые завитки трав, рвались куда-то цветастые птицы с распростертыми крыльями, будто вознамерившиеся полететь, но застывшие, неоконченные. У простой лавки в углу лежали оставленные малярами ведра и краски, кисти осиротевшие. И вообще тут было все одиноко и неприкаянно, как и в душе самой княгини.

Ольга распахнула широкое окно, ее белая головная вуаль заполоскалась на ветру.

– Мне все крики тех древлян снятся, – произнесла неожиданно.

Свенельд чуть вздрогнул.

– А мне, думаешь, нет? Я воин, чего только и не повидал на своем веку, а тут... Может, пусть и мне Коста приготовит того пойла забвения, каким всех тут потчует, чтобы

о зарытых древлянах не сильно помышляли?

Ольга отрицательно качнула головой.

– Нельзя. Нам с тобой нельзя, Свенельд. Мы должны все помнить.

– Ты сказала «нам», – заметил с нажимом ее варяг. – Значит, сама понимаешь, что нам теперь надо вместе быть.

Княгиня не придавала значения его голосу, который вмиг стал ласковым, как кошачье мурлыканье. Не поворачиваясь, она смотрела из окна на необычно широкий разлив Днепра, на проплывающие над ним темные тучи, уже который день скрывавшие от мира солнце.

– Вишь, какая весна в этом году, Свенельд, – произнесла негромко. – Ты знаешь, отчего она такая, ты все знаешь. И вот что я тебе скажу, витязь, – она повернулась к нему, посмотрела строго: – Пока месть моя не свершится, пока не покажу всей Руси, что смогу покарать непокорных, других забот у меня быть не может. И на тебя, на твою помощь я надеюсь больше всего.

Свенельд пожал плечами, усмехнулся.

– Другой бы спорил – я не стану. Когда это ты на меня положиться не могла, а, Ольга? Однако и мне надо знать, кого ты видишь во мне: только помощника... или еще кого?

Теперь глаза его уже не лучились лукавым весельем. Княгиня слышала его напряженное неровное дыхание. Но заговорила совсем не о том, о чем думал варяг:

– Ты вон возвысился моими стараниями, Свенельд, ты богат стал и могуч. Теперь и мне скоро указывать начнешь. погоди! – взмахнула она широким рукавом, резко подняв руку и не давая ему слова вставить. – Я вот спросить хотела: неужели не жалко тебе, что ты древлянского посадничества лишился? А водица чародейская? Разве не жаль, что не ведать тебе теперь ее, не пить ее живительную силу? Я ведь по себе знаю: кто однажды изведаль силу чародейской воды, уже не может без нее, ощущая себя слабым и потерянн, став как все, чувствуя приближающую старость. Неужели ты согласен от всего этого отказаться? И разве некогда данная присяга Игорю не вынуждает тебя не о любви и власти думать, а месть совершить прежде, чем сможешь далее замыслы свои выкраивать?

– Я ни от чего не отказывался, – вскинул голову Свенельд, скрестил на груди сильные руки в богатых золоченых обручьях. Смотрел на княгиню из-под ровно подрезанной над бровями челки. – Но ты знаешь наше северное изречение: «Только раб мстит сразу, а трус – никогда». И разве мы не решили уже, как поступим, когда втроем с Малфридой у меня в тереме договаривались? Поэтому ты знаешь, что я на все согласен. Другое дело, мне надо знать: что я получу от тебя? Именно от тебя, Ольга?

– Я не стану пока с тобой ни о чем таком говорить, Свенельд. Ибо тебе сейчас не меня обхаживать надо, а жену, которая не только мне служит, но и о тебе заботится.

Взгляд Свенельда при этих словах затуманился. Подумалось ему вдруг: а не придумала ли Малфрида все те страхи? Кошей... Силы нежити. Приходилось ему с ними сталкиваться. И ништо, осилил. Ну не за женин же подол ему теперь прятаться? Да и сама Малфрида вроде интерес к нему потеряла, как заметил Свенельд в последнее время. При встречах едва глянет, сама все больше с княгиней общается, а то с волхвами, с Костой тем же все уединяется да шепчется, ворожат все что-то. Конечно, после того что они с послами древлянскими сотворили, надобно ворожить, утихомиривать слухи, чтобы весть о том не разлетелась до поры до времени. Да только Коста от той ворожбы просто тает – исхудал совсем, волосы словно еще больше поседели, глаза ввалились. Как будто ведьма силы из него тянет. Вон Асмунд сказывал, что уже дважды брал из тайных закровов для Косты живую и мертвую воду, чтобы новые силы волхву дать. Зато жена Свенельда, наоборот, хорошеет: поправилась, румянец во всю щеку, глаза горят, ходит стремительно и порывисто, смеется звонко. Но отчего-то краса ее больше не волновала Свенельда, против того, избегать жену начал.

– Малфрида... – задумчиво произнес Свенельд, как будто в этом ее ведьмовском имени

таилось нечто неприятное для него. Надо же, а ведь некогда именно он придумал для древлянки Малфутки это звучное варяжское имя. Даже хмыкнул при этом воспоминании, откинул ладонью челку с глаз, тряхнул головой как-то залихватски. – Ну что ж, скажу тебе, Ольга, что все, что было между мной и Малфридой, осталось в прошлом. На людях она все еще женой моей слывет, но мы с ней оба ныне знаем – не пара мы. И оба чувствуем, как отдаляемся друг от друга. Когда нашел ее в древлянских лесах, все по-иному было, а теперь... И она то знает. Ибо носит под сердцем ребенка не от меня.

Ольга только чуть крепче сцепила пальцы. Вон оно как. И ей отчасти стало жаль Свенельда. Ну не Малфриду же княгине жалеть, не чародейку эту, которая некогда чуть не увела у нее мужа любимого Игоря. Вон и Свенельду женой стала, как будто в Киеве нет баб краше этой длинноногой смуглянки древлянской. Но вот любви его так и не смогла заполучить, глупа слишком, чтобы такого удержать. А вот она, Ольга, знает свою власть над варягом, знает, что он сам дает ей эту власть, в надежде получить взамен желаемое. И все же Ольга понимала, что согласись она дать хоть обещание Свенельду, хоть намек на будущее сближение, ведьма Малфрида ей этого не простит, что бы тут ни толковал ей Свенельд.

– И тебе безразлично, воевода, что теряешь могущественную жену-чародейку?

Что-то в ее тоне задело варяга. Но виду не подал, даже подмигнул лукаво.

– Пока не прогоню ее – никуда от меня Малфрида не денется. Моя она.

– Нет, Свенельд. Теперь Малфрида моя. Разве не понял этого? Все в Киеве о том говорят. Слышал, нарекли ее ведьмой княгини. Да и самой Малфриде лучше со мной: я ее оградил от всех, дала возможность спокойно жить и чародейству своему предаваться. А ей свои силы испытать так же любо, как мне, скажем, на охоте оленя подстрелить, проверив, на что я годна, каковы мои умение и ловкость. Именно я Малфриду обхаживаю и холю, все ей позволяю, в палатах княжеских поселила, она ест на серебре. Какой бабе такое не любо? Чтобы и власть, и почет, и богатство, и свобода, какую пожелает. За это Малфрида верна мне, моя она. А еще за помощь я обещала ей...

Тут Ольга осеклась. Надо же, едва не сболтнула при Свенельде о Малуше. Нет, такого дара она ему не преподнесет, не укажет, чем приманила ведьму. В ее руках должна быть чародейка, не у Свенельда, который много хочет и сможет отдалить от Ольги Малфриду, если сам сообщит, где Малуша живет.

Ольга искала, что же сказать Свенельду, видела, что он смотрит пытливо. И быстро выпалила:

– А за помощь ведьмы я пообещала ей отказаться от тебя!

Несколько минут Свенельд молчал, смотрел на княгиню, едва ли не рот открыв. И вдруг выдохнул:

– Вот сука!..

Ольга гневно вскинула брови, губы поджала, сдерживая гнев, чтобы не кликнуть стражу, рынд своих верных – вытолкать дерзкого взашей. Но сдержалась. Да к тому же уже через миг поняла, что не к ней слово бранное относится.

Свенельд вдруг заметался по горнице, глаза горят. И все жену поносил: мол, что ему эта Малфрида и все чародейство ее, что все ее приказы и влияние, раз она за его спиной свои наузы вяжет. Ишь что удумала, судьбой мужа располагать по своему усмотрению. Он ее из чащ древлянских привез, он возвысил ее, а она теперь сама решила подчинить его Долю, сама решает, с кем ему быть, кого любить. Да когда такое было, чтобы жена мужем верховодила? Чтобы какая-то чародейка древлянская решала участь первого из воевод Руси!

Ольга ждала, пока он выговорится. И слушать его ей было и смешно и... сладко. Вон ей рассказывали некогда, как ее муж Игорь к каждому слову Малфриды этой прислушивался, а Свенельд ради Ольги даже прогнать ее готов. И когда Свенельд стал уже о том открыто поговаривать, Ольга остановила его:

- Али подзабыл, что тебя спасает Малфрида?

Но он только отмахнулся.

- Спасает. Гм. Я, что ли, сам ни на что не годен?

Ольга поправила разметавшиеся складки вуали на плечах. Усмехнулась.

- А вот пойдешь со мной на древлян, там и поглядим, что ты за сокол.

Свенельд был задет насмешкой в ее голосе. Неужели она думает, что он в чем-то уступает этой беременной бабе... чародейке брюхатой... которая сейчас и ворожить даже толком не может?

- Я-то пойду, Ольга, - произнес. - Я не из робких. А вот ты, Ольга? Ты вон Малфриду приблизила, но сама же боишься ее. А я... мы... мы ведь многое можем. Вместе. И Русь в наших руках будет послушной и единой. Как ты того и хочешь.

- А про сына моего что ты скажешь? Про Святослава?

Варяг удивленно вскинул брови. Меньше всего он думал об этом мальце. Святослав, сын Игоря и Ольги, наследник рода их... А выйди за него Ольга, разве Свенельд захочет, чтобы этот капризный глуздырь однажды стал князем Руси да мужу своей матери приказывал? Этого только Ольга желает, а он, Свенельд... Уж он постарается избавиться от такого наследника. И родит ли от Свенельда Ольга или нет, но он скорее захочет видеть своими наследниками сыновей, Мстислава или Люта, родную кровь свою, а не своевольного сына Игоря. Но и сына Ольги, которая на все ради Святослава пойдет.

Ольга не дождалась ответа, но он был и не нужен ей.

- Ты все понимаешь, Свенельд. Да я скорее пообещаю Малу за него пойти... его это присмирят и успокоит... на время. А тебе я такого даже сказать не могу, не хочу обманом и напрасными надеждами отвлекать. Но мы с тобой всегда будем рядом, всегда будем опираться друг на дружку. Ибо иначе мы станем врагами - а этого и тебе и мне не нужно. Вместе же мы многое сможем. А там, глядишь...

Она ничего больше не добавила, сама еще ничего не знала, но вдруг смутилась и торопливо пошла прочь. Свенельд один остался стоять у открытого окна. Глядел на широкое приволье за окном, на мир, в котором он никогда не станет править. Ибо он не встанет против той, которую любит. И она это знает. Знает, что она ему как глоток воды в зной. Вот и пользуется этим.

Он услышал, как сзади стукнула распахнутая Ольгой дубовая дверь, зашелестели ее одежды, когда начала спускаться, и вдруг различил ее неожиданный возглас. Быстро повернулся и увидел, как Ольга пятится от дверного проема, из-за которого, из темноты перехода, как темно-алое видение, надвигается на нее Малфрида. Улыбается, блестит зубами и глазами, переводя взгляд то на Ольгу, то на Свенельда. И жутко так глядит... и насмешливо. Но как заговорила - голос звучал спокойно:

- Пусть Асмунд даст Косте еще живой водицы, совсем ослабел твой волхв, княгиня.

Сказала это Ольге, как чернавке какой повелела. Но Ольга тут же отправилась выполнять ее приказание. Свенельд же прошел мимо жены, так ничего ей и не сказав. Только шаг ускорил, услышав позади ее веселый злорадный смех. И не было в нем больше ничего, что бы грело душу Свенельда.

Тем вечером Малфрида поясняла княгине, что Коста творит особое чародейство, свыше его сил, вот и тает.

- Когда-нибудь он не осилит положенного, и тогда... Тогда я иного кудесника буду искать, княгиня.

- На Искусеве и не надейся.

- А жаль, княгиня, Искусев силен, он бы многое мог.

- Он не любит тебя.

- Меня мало кто любит, но я справляюсь и сама.

- Справляешься ли? – осмелилась все же заметить Ольга. – Тогда почему сама не ворожишь, а все волхвов моих мутишь?

Малфрида, не глядя на нее, усмехнулась.

- Мое время еще грядет. Но сегодня вот что скажу тебе: вывели мы с Костой, что гонец твой благополучно доберется до Искоростеня, ему поверили и все выполняют, как ты пожелала. И вскоре явятся к тебе новые послы-сваты. С ними же ты поступишь так...

Когда рассказала, Ольга лишь кивнула согласно. Что ж, как говорится, взялся за гуж... А Малфрида еще сказала, будто успокаивая, что как бы ни жестока была Ольга с древлянами, это только сил ей придаст, ибо жестокость внушает страх, а страх – основа власти.

- Все у тебя получится, Ольга, верь мне. Вместе мы многое можем.

«И эта говорит «мы», – усмехнулась княгиня. – Без меня они ничего не могут, ни Свенельд, ни эта. Ну ладно, пусть помогают, коли так».

Но сама Ольга чувствовала себя такой измученной и взволнованной предстоящим, что позвала Асмунда, повелев и ей выдать чародейской воды, ибо ей требовались силы. Асмунд без вопросов выполнил приказание, ни о чем не расспрашивая. Верный заботливый Асмунд. Игорь точно знал, кому он может доверить свою семью.

- Почему ты так добр ко мне, Асмунд? – спросила Ольга, глядя на пожилого варяга и сжимая в руках у груди два флакона с волшебной водой.

По суровому лицу боярина тенью промелькнула улыбка – светлая, умиротворяющая.

- Ты же знаешь, в кого я верю. А он и сам был добр и призывал к милосердию.

- Ах да, Христос, – уже без интереса подытожила Ольга. Надо же, какой-то сын плотника, а сколько людей в него уверовали. Даже самый лучший из ее бояр.

Она всегда пила мертвую и живую воду без свидетелей. Не хотела, чтобы ее кто-то видел в эти мгновения. Как ее крутит и гнет, когда она пьет мертвую воду, когда чувствует, как стынет тело от мертвящего холода этой воды, как непослушно двигаются руки, как стягивает кожу, словно та вот-вот лопнет... Главное не смотреть на себя в это время, ибо это ужасно – видеть, как старишься в несколько мгновений... Поэтому Ольга всегда прежде накрывала шалью зеркало на стене. И только глотнув живой воды, только ощутив, как горячая волна проходит по телу, как покалывает кожа, как словно волосы шевелятся... даже тяжелые косы княгини взлетают и опадают под напором силы... она ощутила уже знакомую бурлящую радость. Почти подскочила, сорвала шаль с зеркала, смотрела на себя. И нравилась самой себе. Вон она какая, княгиня Руси, правительница самовластная! И глаза у нее сияют, и кожа без малейшего изъяна, губы как сочный плод, умытый росой, шея просто лебединая.

- Эй! – крикнула Ольга, распахнув дверь в прихожую. – Жеребца мне к крыльцу. Проехаться хочу!

Она носилась в седле с мальчишеской лихостью. Взывала на дыбы своего серого в яблоках злого коня, рвала удилами его рот, принуждая повиноваться, посылала коленями через препятствия. Сила так и бурлила в ней. И Ольга побывала и на учениях воинов на горе Детинке, радостно взидала, как ловко упражняются с мечами умелые кмети, видела, как верные ей варяги борются захват, как лучники мечут стрелы, как метают камни с пращи; съездила и в крепость Самватас, где готовились к походу ее основные войска, осматривала их снаряжение, беседовала с воеводами и ярлами-варягами, потом погнала коня по дороге до самых дальних застав. Там было тихо. Люди все больше уходили от этих рубежей, рассказывая, какая жуть дикая сочится из леса со стороны древлян. Но Ольге в тот день не было страшно. Рассмеялась, услышав речи заставников, что им бы было спокойнее, если бы княгиня к ним волхвов прислала. Даже

пообещала прислать к ним самого Искусеви. Что ж, пусть этот ведун успокаивает охранников да борется с древлянским колдовством на подступах. Все одно он в Киеве только ругался с Малфридой да донимал Ольгу речами, что не следует ей с темными знаться.

В Киев княгиня вернулась, когда уже смеркалось. Серый жеребец шел под ней усталым шагом, бока и удила его были в пене, а княгиня хоть бы что: легко соскочила с седла, велела подавать трапезу. Аппетит у нее был волчий, смеялась и шутила с прислугой, с маленьким Святославом едва ли не возню начала, когда тот под столом стал стягивать с ноги матери сапожок, толкалась с ним, дразнила его и смеялась. Святослав смотрел на развеселую мать влюбленными сияющими глазенками – такими же синими, как у Игоря...

– Ты самая лучшая! Ты моя мама! Ты княгиня! И даже Малфриды лучше!

Ольга хохотала. Надо же, ее постреленок днем все Малфриду затрагивает да требует ее к себе, но вот мать... Мать для него все. И она сбережет для него киевский стол! Чего бы это ей ни стоило. Ибо такого князя Русь еще не знала!

Той ночью Ольга спала глубоко и сладко. Ее уже не мучили кошмары, когда из земли рвались мертвые древляне, тянули к ней измазанные глиной руки и грозились отомстить. Зато снился ей Свенельд, но не воевода ее, ярл варяжский, а словно селянин какой, босой, растрепанный, в расстегнутой на груди рубахе. Он гонялся за Ольгой среди цветущих полей, догонял, ловил, целовал ласково... Княгиня улыбалась во сне.

В Киеве всякое рассказывали: что нежить расшалилась пуще обычного, что домовые стали являться людям когда ни попадя, что водяники на рассвете пугают набирающих воду баб, что-де корова у кого-то заговорила голосом человеческим, а куры вдруг стали выводить цыплят о шести ногах. Дива происходили повсюду, и все как один понимали, что это надвигается на них древлянское колдовство. Но пуще всего волновало людей, что солнышко так и не выходило на небо, что дожди идут без передышки, а это грозило гибелью урожая: яблоки не завяжутся, мед пчелы не насобирают, пшеница сгниет. По приметам было самое время начинать косить травы, а как это сделать, если мелкий дождик сеет с неба как мука, скошенное сено, как ни вороши, сгнивало, и дождик мелкий и бесконечный люди так и прозвали – сеногной. Люди боролись с напастью, как велось исстари. Выбрасывали за околицу печную утварь, горшки, огнива – все, что связано с огнем. Разжигали на перекрестках костры из вербы и ракиты, умелые лучники метали стрелы в тучи из тугих луков, крестьяне замахивались косами на каждую приближающуюся тучу, словно желая ее разрезать пополам, лишить силы. И везде остриями вверх лежали грабли, бороны и косы, чтобы отринуть дождь, но только мокли понапрасну. Люди шли с подношениями на капища, больше всего несли для Дажьбога, прося согреть землю теплом, и для Перуна, чтобы отогнал тучи.

Тем временем стали поговаривать о приближении нового посольства от древлян. И все знали – это древляне сотворили такое лихолетье, их волхвы-колдуны ворожат да насылают напасти на полян. Поэтому когда однажды в полдень у Боричева узвоза появилась новая древлянская ладья, почти весь Киев высыпал на кручи. Люди шумели и кричали, кто кулаками грозил, кто камни метал. Охранники княгини едва оградили лучших древлянских мужей от толпы, провели к палатам Ольги.

Княгиня встретила гостей у ворот детинца, закутанная в широкий плащ из мягко выделанной кожи с золотистой прошивкой. И опять за ней стояла Малфрида, не поднимая глаз из-под опущенного на глаза покрывала, сыто улыбалась, сжимая у груди засушенный оберег Кощея. Скоро, ох скоро получит Владелец Кромки свою жертву. Вон сколько древлян прибыло, на этот раз куда больше, чем в прошлый, держаться пытаются горделиво, хотя под дождем их одежды намокли, золоченые украшения поблескивают тускло.

– Вон как люди твои нас приветствуют, княгиня, – выступил вперед один из древлянских бояр. Вытер стекавшую с пышной шапки на лицо воду. – Так-то покорность проявляют поляне к тем, кто отныне станет над ними?

– Вы князя их казнили, – сухо отвечала Ольга, – чего же вы ждали? Не хлебом

и солью же вас приветствовать? Мои люди того не поймут, на меня саму ополчиться могут. Но не волнуйтесь, в моих палатах уже и столы накрыты, и бояре-советники собрались, судить да рядить с вами будем, свадебные дары обговаривать.

От этих слов древляне заулыбались. Не все, конечно, некоторые и поглядывали испытующе.

– А где те, кто до нас прибыл? Где достойные старшины древлянские?

– Или вы не поняли меня, гости-сваты? – вскинула голову княгиня. – Я не вывожу их сюда, чтобы люди киевские не выместили на них свою злобу. Вы морок на нас и ненастья наслали, так отчего же хотите, чтобы радовались древлянам? А теперь идемте со мной.

Но едва они прошли в ворота киевского детинца, едва стали разглядывать высокие городни на Горе Кия, едва восхищенно зацокали языками, разглядывая высокие белокаменные палаты терема Ольги, как она их остановила.

– Не впущу вас к себе, пока не помоеетесь с дороги. Вы из колдовских чащ прибыли, и откуда мне знать, что недобрый дух вашего чародейства не внесете под мой кров, не нашлете порчу на сына моего? Нет, ступайте сперва в бане попариться, обмойтесь и перекусите, а уже потом сяду с вами за столы дубовые, стану угощать вас да выслушивать, что жених мой Мал Древлянский передал.

Они переглянулись, довольные, что Ольга назвала Мала своим суженым. А то, что опасается их с дороги в хоромы пускать... Понятно, банька-то все дорожное смывает, развеивает, всегда очищает душу и тело. Без этого в дом не всякого пустят, таков обычай. Ну и сами древляне были не прочь... того... согреться и обмыться после дальней и трудной по такой погоде дороги. Самое оно им это сейчас – парком потешиться.

Княгиня поежилась под дождем и пошла к крыльцу, а помощница ее, эта девка в алом, поманила сватов за собой.

– Сюда, гости дорогие, за мной следуйте.

Они переглянулись, отметив, что говор-то у нее древлянский.

– Ты никак из наших будешь? – спросил ее один, пока она вела их за мощные бревенчатые строения по гладким плитам двора. – Вон и лицо твое как будто знакомое.

– Я древлянка, – согласно кивнула она. – Ольга меня к себе приблизила, чтобы я ей обычаи наши поведала да рассказала, что к чему, какое волховство у древлян сильное, что и не всякая рать против него выстоит.

– О да! Не всякая, – соглашались они и гордо улыбались. – Не зря же мы на все пошли, чтобы против самой Руси выстоять. Знаешь о том, поди?

– Как не знать? Только боятся волховства в Киеве, оттого и баню для вас приготовили, чтобы не наслали порчу ни на саму Ольгу, ни на княжича, ни на бояр ее.

– Сговоримся – и не будет ей никакой порчи. А иначе...

Они усмехались довольно, переглядывались.

Баня, как и полагалось, стояла отдельно от остальных построек. И была она знатная, широкими бревнами выложенная, крыша тесаная, а сверху парок из отдушин струится. В стылом воздухе ощущался аромат березовых веничков да настоянных трав. Послы вошли в просторный предбанник, с удовольствием заметили, что тут уже стоят енды с квасом и брагой хмельной, окорок копченый, курятина с подрумяненной корочкой, сало с розовым боком и сочной прорезью, мед в сотах, капуста квашеная в бочонке у порога. После дальней дороги древляне с удовольствием скидывали промокшие меховые накидки, стаскивали тяжелые золотые наручни. Кто за столы садился да к браге принимал, а кто сразу раздевался донага да в парную. А еще их подивило и обрадовало, что подано им все на богатых золоченых блюдах, кубки высокие камнями самоцветными разукрашены. Древляне дивились на все это, цокали восхищенно языками.

- Такого почета эти гордые поляне древлянам еще никогда не оказывали. Вон как нас угощают! Не зря, значит, мы Морене жертвы приносили, Чернобогу поклонялись. Сила теперь у нас!

Уже шипел рассол на раскаленных камнях, обволакивало все густым паром, размягчались тела и мысли усталых гостей.

Малфрида на дворе стояла и смотрела, как густеет пар над шатровой кровлей баньки. Ольга подошла и встала рядом.

- Пора ли?

- Пора, княгиня.

По ее знаку тут же подбежали к бревенчатой баньке расторопные челядинцы, подперли бревнами двери, обложили стенки заранее заготовленными вязанками сухого хвороста, почти до самой кровли завалили, да еще и смолой облили для пущей надежности. Изнутри доносились веселые голоса древлян, слышалось, что поют довольноно, хохочут. У Ольги дрогнули губы, сощурились глаза, она резко отвела руку в сторону.

- Огня мне!

Она первая шагнула вперед, подсунула трещащий смоляной факел под вязанки.

- За тебя, Игорь мой! Да возрадуешься ты в светлом Ирии, что отмщение постигло погубителей твоих. И не видать тебя злой Морене, если такую жертву возношу за тебя!

Они все подходили с огнем, будто выполняя некий ритуал: и ярлы Игоря Грим и Кари, и посадник Свенельд, и бояре Прастен и Свирька, и усталый изможденный волхв Коста. Каждый говорил что-то свое, словно совершая священнодействие. Пламя быстро разгоралось, повалил под дождем густой белесый дым. И в это время из бани стали раздаваться громкие встревоженные возгласы, перешедшие в полные ужаса вопли, отчаянные, безумные, резкие. Древляне стучали изнутри, голосили, проклинали, молили, но все заглушало это полное отчаяния «А-а-а-а!», когда уже не остается места мыслям, когда есть только боль и ужас.

Разгоравшееся пламя отражалось в широко распахнутых черных глазах Малфриды. Она тоже так мстила древлянам, она возвела им тот костер, на котором они некогда хотели спалить ее как ведьму. Мсть – она такая сладкая!.. И еще ей подумалось: что бы ни говорили все прочие, бросая в огонь факелы, но последнее слово должно остаться за ней. Именно она отправит сгоревших тому, кому нужны жертвы, погибшие не от каленого булата.

Тут ведьма увидела боярина Асмунда. Он смотрел на огонь и молчал. А данный ему факел все еще горел в его руке.

- Что же ты мешкаешь, кормилец княжеский? – приступила к нему Малфрида.

- А ты?

Какой-то миг они мерили друг друга взглядами, и первой отвернулась ведьма, не выдержала его спокойного скорбного взора. Словно почуввав его силу, уступила. И это поразило ее настолько, что она и думать ни о чем не могла, будто силы ее ушли, остались лишь волнение и страх перед чем-то непостижимым. Малфриде понадобилось немалое усилие, чтобы опомниться, взять себя в руки. Вот это да! Это же просто Асмунд, старый вояка, которого она знала еще при Игоре, с которым у нее были вполне приятельские отношения.

Крики в бане поглотил гул разгоравшегося пламени. Малфриде надо было спешить. Она с силой вырвала у Асмунда оставшийся без применения факел и шагнула прямо в дым. Почти не видя ничего, задыхаясь от жара, она сказала:

- Это тебе жертва, Темный. Только тебе!

И бросила факел в огонь. Быстро выхватила из-за пояса иссушенную когтистую лапку и сотворила ею знак, который, как откуда-то знала, соединит ее с Кошечем. И едва

не задохнулась, так вдруг пахнуло на нее паленой человеческой плотью. Но только на миг, ибо исчезло вдруг все, и тела горевших исчезли. А откуда-то из гудевшего пламени словно вздох раздался, глухой и громкий одновременно, будто кто-то с силой втянул в себя воздух.

Малфрида, кашляя и сгибаясь пополам, отступила от дыма и жара и оказалась в руках Свенельда.

- Совсем рехнулась? Еще бы миг, и в огонь бы шагнула.

- А ты бы пожалел?

Свенельд отвел ее прочь, лицо суровое. Потом все же спросил:

- Я выкуплен? Я ведь, как ты и наказывала, самые лучшие золотые блюда на стол выставил, кубки византийской работы не пожалел.

- Все верно, посадник. Но это еще не все.

- Ну что ж...

Он судорожно вздохнул, оглянулся, когда с треском рухнула кровля бани, взметнув к небу сноп горящих искр. Лицо Свенельда было бледным и решительным.

- Ольга приказала через день выступить на древлян. Пока только с малой ратью.

- Знаю.

- Все-то ты знаешь!

Он казался раздраженным. Пошел прочь, ничего больше не добавив.

Позже, когда дворня растаскивала остатки сгоревшей бани, люди только дивились, до чего сильный жар был. Все выгорело – ни сосудов драгоценных, ни костей проклятых древлян не осталось, сгорело все, как и не было ничего.

Глава 7

За переправой через речку Тетерев начиналась древлянская земля.

Поезд княгини Ольги сделал тут последнюю остановку, перед тем как двинуться в этот чародейский, глухой край.

О чародействе княгине всю ночь рассказывали местные порубежные десятники. Мол, страшно на той стороне Тетерева, дико, жутью веет. Раньше все не так было, раньше они то и дело с местными древлянами сходились, приторговывали, на гулянки местных девок приглашали, обозы постоянно переправлялись по мосту. А теперь... Древляне ушли неведомо куда, а те, что появляются, вроде как и не люди вообще. Посмотреть – вроде люди, а как взглядишься – лица у них теперь диковатые и бессмысленные, как вырезанные на истуканах на капище, далекие от всего земного. Вот и стали гнать их прочь, а те, кто отважился пойти в тот лес за рекой, – сгинули. Да и если скотина забредала на ту сторону Тетерева, за ней из опасения не ходили, а сама она никогда не возвращалась.

Слушая все это, Свенельд только хмыкнул.

– У страха глаза велики. Порубежники, похоже, сами себя пугают. Скоро будут вздрагивать от всякого шороха и маму звать.

Но по Свенельду не поймешь, шутит он или серьезен. И когда он вечером вышел к переправе через Тетерев – к нему никто не захотел присоединиться.

Посадник смотрел на переправу. Некогда его стараниями тут перекинули мост – мощный, уже почерневший от времени, целиком сложенный из исполинских дубовых стволов. Теперь же посредине его зиял проем, – стражи разобрали кладку, словно надеялись так закрыть путь нежити с той стороны. Герои, ха! Завтра же он заставит их залатать пробоину, чтобы не бездельничали и не пороли напраслину. А то как им на тот берег перебраться, не вплавь же через реку пускаться с пресветлой княгиней?

Свенельд в душе не одобрял желание Ольги самой отправиться посмотреть, что творится у древлян. Но ее разве переубедишь! И если она кого и слушает, то только Малфриду. Но именно чародейка посоветовала Ольге пойти в поход, чтобы древляне убедились, будто княгиня по своей воле к ним едет, причем с малой дружиной. Тогда они поверят, что сладилось их сватовство, не будут волноваться, куда оба их посольства пропали. Иначе... Иначе они сами пойдут на Русь. Как с войсками, так и с помощью темных сил, которых у них нынче столько, что и сказать страшно. А Русь сейчас еще слаба, еще не собраны войска с отдаленных краев, еще мнят о себе что-то удельные князья. И пока надо выиграть время.

Посадник зол был на такие советы своей боярыни, но понимал, что думает сама Ольга. Если она покажет, что не боится древлян, ей дадут войска. Но сам он переживал за Ольгу, зная лучше других, насколько хитры и коварны древляне. Ведь не единый год был у них посадником. Да и с чародейством их недобрым сталкиваться приходилось. Даже сейчас, когда Свенельд стоял на берегу Тетерева, ему казалось, будто что-то глядит на него из лесного сумрака. Лес-то на той стороне... Ранее Свенельд в теплое время к древлянам не ездил, все больше в холодную пору, когда полудье начиналось. Может, поэтому древлянский берег казался ему словно незнакомым, чужим, зловещим.

Лес на той стороне и впрямь выглядел неприглядно. У реки он зарос деревьями, любящими воду, – серым тополем, осокой, ивой. Но Свенельд помнил, что некогда там было открытое пространство, а ближе к чаще он сам еще в первый год посадничества повелел расчистить просеку, проложить большак. Но где теперь тот большак? Только деревянное изваяние Велеса Путевого в кустах указывало, где некогда начинался путь. Теперь же даже само изваяние божества дорог едва проглядывает из оплетавших его вьющихся растений, словно укутал его кто. А дальше...

Ладно, проберутся, прорубят путь. Не отступать же теперь. А все эти чары... Свенельд поехал. Его донимало ощущение, что за ним смотрят из сумерек чащи. Чей-то взгляд неторопливо и пристально обшаривал его лицо. В нем была какая-то равнодушная безжизненность, которая пугала сильнее всякой угрозы. Но Свенельд только тряхнул

головой. Что ему все эти страхи! У него вон на поясе каленый булат меча. А против этого никакая нежить не устоит. Он это знал.

И все же когда рядом прозвучал спокойный голос, Свенельд вздрогнул.

– Ты тоже это чувствуешь?

Она, Малфрида. Стоит в своем багряном балахоне, обшаривает глазищами противоположный берег.

Свенельд криво усмехнулся.

– А тебе самой как на родину возвращаться?

– На родину? – удивилась она. – Ах да. Познает еще меня эта родина!..

Улыбнулась так, что во мраке только зубы сверкнули. Или клыки? Она ведь так и осталась ведьмой, вопреки всем его стараниям. Вон и брюхатая, а все равно веет от нее чем-то нелюдским.

Малфрида, как и Свенельд, ощущала это пристальное непонятное внимание. Казалось, сам лес глядит на нее сквозь завесу мелкой вечерней мороси. Можно и испугаться... но она не боялась. Этот лес не был ей враждебен, она была с ним почти сродни. А вот люди... древляне... соплеменники... морок их возьми! Она ехала к ним с той же целью, что и княгиня: отомстить!

– Завтра на рассвете тронемся, – различила она голос Свенельда.

– Хорошо, – кивнула Малфрида.

Глянуть на них со стороны, так и не скажешь, что супруги разговаривают: стоят чужие, далекие друг от друга. Все, что еще недавно их связывало, как быльем поросло. Но Малфрида помнила, как просила за него Темного... С чего бы это? – дивило ее теперь. Проснувшись в ней суть ведьмы уже не ведала той всепоглощающей любви, какая была присуща древлянке Малфутке. Да и Свенельд теперь чувствовал себя не мужем ее, не покровителем, какой мог защищать ее, сделать счастливой, а просто спутником, которого с ведьмой связывают некие общие дела. Она казалась ему чужой, отстраненной, но ведь и не обойтись без нее. И он заговорил о насущном: сказал, что к древлянам они возьмут с собой не более сотни дружинников – много брать не следует, но этого вполне хватит, чтобы охранять княгиню да выполнить то, что они решили. И основу их отряда составят люди черниговского воеводы Претича: он парень честный, на него можно положиться, да и нечего Претичу в Киеве толкаться, представляя там силу своего князя Тудора Черниговского. Претич, правда, ворчит, что его людей пешими взяли, когда каждый из них конник отменный. Ну да он в древлянских лесах не ходил: это не степи, даже не светлые дубравы северянской земли с исстари проложенными тропами. Поэтому верховыми в путь тронулись лишь немногие: лошадь пугается, чуя нечто неживое. Правда, неживое при свете дня вряд ли силу имеет, а они решили ехать только по светлому времени.

Тут Малфрида наконец подала голос:

– Ты не сильно надейся, соколик мой, что нежить у древлян теперь только во мраке появляется. В подвластном Морене краю и солнце-то мало проглядывает. Поэтому главное, чтобы Коста и другие волхвы достаточно в силе были. Пусть выспятся сегодня всласть, а завтра я им подскажу наговоры, которые отведут чары с нашего пути. А кметям, что своим, что Претича, вели взять с собой по головке чеснока и по горсти соли. Не самый сильный оберег от нечисти, но все же помочь сможет.

Сказала это и пошла туда, где подле сруба сторожевой порубежной башни ее дожидался Претич. Свенельд про себя отметил, что этот парень вьется вокруг его жены, но посадника это не задевало. Только немного удивляло, как прикипел черниговец к его боярыне. Причаровала, что ли? Может, и причаровала. Ведь Малфрида понимает, что со Свенельдом у них все окончилось, а ей, как любой бабе, свой мужик нужен. Так думалось Свенельду. И думалось вполне спокойно. Да и Претич ему нравился, не ругаться же с ним из-за какой-то брюхатой чародейки. А вот с кем бы Свенельд поговорил иначе, это с неким волхвом Малкиней. Некогда этот Малкиня вернул ему

Малфутку, сам просил увезти подальше от древлян. Хитрый сукин сын! Обрюхатил бабу и посаднику подсунил. Ничего, Свенельд еще поквитается с ним. Уверен был, что этот волхв-советник князя Мала когда-нибудь попадется ему. Ибо если Свенельд и стал сторониться чародейки-жены, это вовсе не означало, что он простил обиду хитрому Малкине. Ведь если бы не Малкина, если бы не дитя, какое носила Малфутка, Свенельд мог бы спасти ее от ведьминой судьбы. А теперь... Свенельд не знал, что делать, когда слышал в стороне развеселые смешки Малфриды и Претича. Для всех ведь она его жена, боярыня из Дорогожичей, она должна честь его рода блюсти, пока он не объявил ее свободной. Но как тут расстаться с ней, когда нужна она им с Ольгой?

А Малфрида уже и думать забыла о муже. Болтала с Претичем, выслушивала, как он рад, что к древлянам его взяли. Претич-то прославился своим умением со степняками сражаться, но ему любопытно и с лесным племенем повоевать. Этот молодой, рано выбившийся в воеводы парень явно нашел свое призвание в войне, он был отважен, ловок, он ощущал оживление и раж, если встречал опасность и мог проявить свою удаль. Жестокость войны его как будто не касалась.

– Я только одного не люблю – в тереме среди крынок с квасом да поучающих стариков прозябать. Вот тут уж скука меня берет, сонным становлюсь, толстею, тупею. А позови кто в дорогу, только свистни – жизнь сразу меняется. И несут меня крылья, словно соколом враз становлюсь. Но ты ведь поймешь меня, ты ведь поворотим мой воинский, не забыла, чай? Я-то не забыл. Потому и радостно мне, что вместе едем.

Малфрида слушала его с улыбкой. Этот веселый парень со смелым взором и россыпью веснушек на молодом лице видел в войне только радость, не замечая ее страданий, война была его ремеслом. Вот он и старался стать в ратном деле мастером-умельцем, и получалось у него это, действительно получалось, раз в таких юных летах смог над людьми подняться. Ну да Малфрида его руку некогда видела, поняла, что путь его будет долог и прям, не свернет с него Претич. И милый он такой... такого и приголубить хочется. Но нельзя ей любиться до поры до времени, если хочет ведьмой оставаться. Она и так... почти не чародейка. Брюхатая баба... Причем сама не ведает, от кого это нежеланное дитя. Ну а то, что вспоминалось... Лучше бы и не вспоминать вовсе!

– Иди-ка отдыхать, хоробр, – вздохнула она, чувствуя в темноте ласковый взгляд Претича. – Посты вон проверь, и на боковую. Завтра долгий путь будет.

– Да какой там долгий, – отмахивался Претич. – Я ведь уже выпросил, что до городка Малино еще до полудня доберемся. А на коне... Эх, что за напасть пешими ходить, когда на добром коне мигом бы добрались.

«Не выйдет», – думала Малфрида, вглядываясь в темноту за рекой, где по-прежнему ощущалось чье-то пристальное внимание. Ночь была тиха, но ветви порой раскачивались, будто ветер шевелил. А Претич ничего не замечал. Ворчал: и воины почитай все пешие, а коней взяли только для княгини и для пары воевод, да еще и вьючных с собой тянут. Вот и будут шагать, мерить дорогу своими двумя. А там...

– Шел бы ты все же почивать, голубь сизокрылый, – вздохнула ему чуб Малфрида. – Аль не чуешь, что неладно в ночи этой?

Но Претич одно и ответил, что с ней ему ничего не страшно. Что знает ведь, какова она. Но все же послушно ушел, а Малфрида еще постояла, вглядываясь в сумрак.

Однако ночь прошла спокойно, лишь дозорные порой перекликались да вздрагивали, когда из темноты долетали крики ночных птиц. Утро же встало росистое и свежее, пахло речной сыростью, но хоть дождь не моросил. Когда по перекинутым через мостовой провал бревнам переезжали реку, филин ухнул в чаще, провожая рассеивающиеся сумерки, да дятел отстучал кому-то таинственное сообщение. Древлянский лес встретил их самым обыденным птичьим базаром, шумел листвою, да поскрипывали деревья, точно переговариваясь.

И все же лес за последнее время сильно изменился: от проложенного некогда большака и следа не осталось. Могучие дубы и буки словно сошлись, выпятив на дорогу толстые корни, березы и сосна наступали со всех сторон, подлесок стеной стоял. Приходилось прорубаться, расчищая тропу. А далее и вовсе бурелом пошел, путь был завален корягами, словно ураган промчался. И самое странное, что завал уже успел порастить

травой, будто всегда тут лежал. Ближайший гридень Свенельда, Стоюн, указал воеводе на свежие следы когтей на стволе поваленного дерева.

– Никак медведь?

Свенельду все это не нравилось. Будь они без Ольги... Он огляделся, прислушался к лесу. Где-то в чаще проревел тур... или еще кто. Под кронами было сумеречно, комарье доносило, сырость пробирала, вокруг трава и колючки, земля совсем раскисла от дождей.

С завалом провозились долго. А как тронулись – опять путь перекрыли толстые рухнувшие стволы. Опять работали так скоро, как могли, но только для того, чтобы, проехав еще немного, снова столкнуться с препятствием.

– Древляне, что ли, проезд нам заваливают? – сокрушенно хлопнул себя по ляжке Претич.

Вновь возня с завалом бревен и коряг, опять задержка. Тут и рвавшийся вперед Претич понял, что конному отряду так просто не проехать. Знали древляне, как огородиться от соседей, вот и берутся дружинники. Пока одни таскают, другие стоят в дозоре, следят напряженно. Вроде и тихо все было, но отчего-то не по себе людям становилось. Каждому казалось, что лес вокруг живой.

Свенельд попробовал крикнуть, позвать кого. Его голос прозвучал так резко и громко в тиши леса. Даже звеневший поначалу в кронах птичий перезвон теперь смолк, и гнетущая тишина подавляла.

Опять поехали по узкой тропе, под нависающими влажными лапами ветвей. С каждым шагом лес становился все глуше, мощные деревья стояли так близко, как будто никакого большака ранее тут и не водилось.

Свенельд ощущал досаду: вот докажи теперь княгине, что некогда он сам следил за проложенным большаком, что ранее тут совсем близко стоял первый погост, еще при Олеге поставленный, куда свозили древлянскую дань. Теперь же Свенельд был уже не уверен ни в чем. Не было тут более привычного большака, где и конному отряду несложно было проехать, где волокуши с поклажей таскали, где путника встретить было столь же привычно, как в лесной долине Хрещатика под Киевом. Теперь же тут глушь и мрак, все заросло травой и мхами, какие в этой глухомани будто и солнца никогда не видели. Сучья в навалах бурелома торчали то как острые мечи, то будто руки утопленников. И все же, когда за очередным завалом блеснула вода небольшой лесной речушки, путники обрадовались. Ведь река – это уже путь, это движение, выход к поселениям.

Рано обрадовались. Ибо не успели и разойтись как следует, опять пришлось останавливаться: тропа вдоль реки была перегорожена почти сплетенными нависшими деревьями. Кмети ругались, вновь брались за топоры. Ольга, устав сидеть в седле, решила сойти с коня, даже отошла с Малфридой чуть в сторону, смотрела бобровые запруды на лесной речке. Самих бобров хотела увидеть, однако Малфрида сказала, пусть не надеется:

– Бобры, как и лесная нежить, сейчас просто наблюдают за нами. Им любопытно.

– Что, неужто и нежить любопытствует? – попробовала отшутиться Ольга.

Малфрида смотрела куда-то в сторону, потом показала рукой. Ольга взглянула и... слова не могла молвить.

Там, в полумраке под деревьями, она явственно увидела странное: мелькали беззвучно в хороводе некие существа в легких рубашках бледно-зеленого цвета, почти сливавшиеся со стволами осин, между которыми они вели свое коло. Нечеловеческая легкость и гибкость была в движениях странных пляшущих силуэтов, но не было в их плясе радости и ликования. Еще Ольга могла различить сквозь их рубашки очертания тел, видела, как легко завивались их зеленоватые волосы, а вот лица какие-то блеклые, почти неразличимые, полупрозрачные.

– Нявки это – души умерших лесных мавок, – почти буднично пояснила рядом

Малфрида. – А сама мавка вон она, почти над нами.

Ольга так и обомлела, увидев почти прямо над собой прильнувшую к дубовой ветке странную девицу, растрепанные волосы которой смешивались с листвой. Мавка наблюдала за ними блестящими темными глазами, а как встретила взглядом с княгиней, сразу улыбнулась – задорно и насмешливо. У княгини же волосы шевельнулись под облежавшим голову покрывалом: видела, как сверкнули в полумраке тесно сидящие мелкие зубы лесного духа. И стало ясно, что мавка эта и молода и стара неимоверно, так как возраста у нее нет, что она вообще не живет – она нежить.

Княгине стало страшно, но Малфрида спокойно стояла рядом, и Ольге достоинство не позволило кинуться прочь. Просто молча повернулась и пошла к людям. Малфрида двинулась за ней, как будто загораживая княгиню от внимания леса. А две другие сопровождавшие княгиню женщины – старая горничная и молоденькая чернавка – словно и не заметили ничего. Ни духов, ни мавку в ветвях. Зато борть на сосне углядели, большую, дубовую, долбленую. Такую устанавливают на дереве один раз и навсегда, укрепив крепкими сырыми ремнями. Медоносов в лесу хватало, и прислужницы Ольги стали беспечно переговариваться, вспоминая, как некогда покупали на рынке древлянский вересковый мед, сладкий, легкий, хмельной. Теперь-то такого долго не удастся попробовать.

Ольгу подивило, как эти люди не ощущают, не видят того, что происходит вокруг. Самой же ей выказать страх не позволяла гордость. Малфрида взглянула на нее с уважением, хотя видела, что Ольга стала белее облежавшей ее щеки вуали. Хотела даже подбодрить ее, сообщить, что пока волхвы шепчут подсказанные ею наговоры, нежить близко не подступится. Но тут внимание ведьмы привлек Претич, который вдруг стал волноваться. Пара его людей заметили за деревьями какую-то тень да отошли поглядеть, и как в полынью канули. Их сперва стали кликать, но попусту. Претич уже вознамерился отправить кого из кметей на поиски, но Малфрида его удержала:

– Отдай их в жертву лесу, воевода. Кто-то должен был пострадать, дабы мы прошли, иначе нельзя. Остальным же это наукой будет.

Претич сперва не соглашался. Отдать собственных кметей в жертву лесу? Да с какой стати? Однако и впрямь ни у кого больше не возникло желания отправляться в заросли, наоборот, сбились в кучу, двигались бок о бок, некоторые даже положили руки на рукояти тесаков, копья держали наизготовку, словно в любой миг ожидали нападения. Но тихо все было. Так тихо, что... Никто не хотел признаваться, что ему страшно. И видя, как люди упали духом, Свенельд повелел запевать песню. Сам же первый и начал:

– Погляжу я на рассвет, погляжу, О красе его родимой расскажу...

Воины сперва нестройно стали подхватывать:

– Отпусти меня, родная, в дальний край, отпусти, У печи меня, у прялки не держи, не держи.

И уже все дружно затянули:

– И как вылечу я в мир ясным соколом, Как помчит меня тот конь удалой, – Где же дом мой, где старушка родимая? Да где встретит меня ворог лихой? Ужо я ему!..

Даже присвистывать начали, заулыбались, довольные, что заглушили песней гнетущую тишину леса.

Ольга ехала на своей буланой кобылке в середине отряда кметей, стремя в стремя подле Свенельда. Княгиня была поражена увиденным, молчала, уйдя в свои думы. Она провела всю жизнь среди людей, ее окружали заботой и оберегали, а она, вся в делах, особо о нежитях и не задумывалась. Да и Свенельд ей не единожды говорил, что нежить пуглива и большого скопления людей не выносит, таится и прячется от шумного людского многоголосья. Но тут был лес, древлянский, дикий, полный тайн. И ощущение чародейства было так же осязаемо, как и гудение комаров: неприятно, но приходится терпеть. К тому же Ольга сама вызвалась ехать в древлянские леса, чтобы Мал и его волхвы не заподозрили ее в тайных умыслах, чтобы выиграть время, пока ее люди

собирают рать, готовясь к большому походу на восставшее племя. Ей казалось, что она все верно продумала. И только тут наконец поняла, какая опасность в лесах этих.

Следом за задумавшейся княгиней шагом вели коней ее прислужницы, за ними ехала ведьма Малфрида, коня которой вел под уздцы Претич. Молодой воевода все еще переживал, что пришлось бросить своих кметей, но уже и он начинал подпевать заливчатской песне дружинников. Те весело горланили:

– Разыгралась в жилах кровь молодецкая, Удадь рвется показать себя барином. Полегли враги в степи, едут витязи, –И хазарин побежит за хазарином. Ужо я ему!..

Отряд возглавлял верный ярл Свенельда Торбьерн, не единожды уже бывавший тут. Сейчас он медленно правил своим косматым вороным конем, вглядываясь в лесной сумрак в чаще, сгибался к луке седла, когда ветки нависали уж больно низко, некоторые хлестко успевал срезать острым мечом, который потом укладывал поперек конской холки, чтобы иметь к себе поближе. Да и выглядел Торбьерн, будто приготовился к бою: из-под варяжского округлого шлема ниспадали его медно-рыжие заплетенные в косы волосы, сильный торс в чешуйчатом доспехе, колени покрывают пластины поножей. Торбьерн правил вороным движением сильных ног, оставляя руки свободными, был насторожен, даже заливчатская песня позади его не отвлекала от наблюдения за узкой тропой – всем, что осталось от пролежавшего не так давно тут большака. Ярл не единожды ездил к древлянам со Свенельдом и хорошо знал, какова эта чаща, что может скрываться в ней. Но сейчас эти места казались варягу незнакомыми. Вокруг смыкался стеной какой-то чужой лес, было сумрачно, еще только за полдень перевалило, а деревья едва чернели на фоне серого неба. Торбьерну вдруг показалось, что он понятия не имеет, где находится. Ишь как все заросло. Тролли бы забрали этот лес!

Торбьерн так и произнес негромко – «забери тролли». И тут же почувствовал, как ему на спину что-то свалилось. Торбьерна спасла только многолетняя выучка, которая заставила тело двигаться скорее, чем сообразит голова. Мышцы вмиг напряглись, мешая мощному захвату обхвативших его многочисленных лап-веток, кисть с мечом уже крутанулась, перерубив первые из них, и ярл смог втянуть воздух, готовясь для нового удара.

Со своего места Свенельд только и увидел, как сверху на Торбьерна рухнула какая-то коряга. Посадник резко вскинул руку, закричал, приказывая остановиться и выхватив меч, загородил собой княгиню. А там впереди него ярл возился с каким-то похожим на кустистую корягу существом, конь под ним шарахнулся, взвился на дыбы, и ярл вместе с нападавшим рухнул с седла на землю, продолжая изворачиваться и лягаться, покатился по земле, словно окутанный ветками клубок.

Кмети из отряда сперва опешили, потом вперед кинулся Претич, на ходу выхватывая хазарскую саблю, закричал. Но и потом остановился, наблюдая, как вырвавшийся из оплетающих его сучьев ярл рубит выхваченным из-за пояса боевым топором это барахтающееся и сучащее лапами-ветками существо. Только щепка полетела. Извивающиеся корявые сучья отпадали, некоторые сперва сами собой поползли к варягу, но замерли, когда он с размаху разрубил ствол коряги, словно в этом стволе и была их основная сила. И звук был почти обычный, как будто полено сухое дровосек разрубил.

Претич стоял замерев, широко открыв глаза. Когда одна из полуживых лап-веток рядом шевельнулась, сначала отскочил, а потом ловко и быстро перерубил ее пополам саблей.

– Ужо я тебя!..

Позади княгини испуганно верещали ее женщины. Сама она и не заметила, когда вцепилась в Свенельда. Но вот все стихло, и она словно смущенно отпрянула от посадника, выпрямилась в седле. Видала, как Торбьерн пнул ногой рассеченную корягу, даже ухмыльнулся довольно.

Ольга почти спокойно произнесла:

– Ну и что это было?

Проезжавшая мимо Малфрида ответила:

– Оплетень. Живая коряга, какая может оплести и задушить, если с ней не справиться. Этот рыжий варяг справился.

Она подъехала и с высоты седла разглядывала оплетня. Ну коряга и коряга, или, скорее, живой куст с множеством суковатых веток. Если бы Торбьерн не сумел так скоро вырваться из захвата, сила оплетня лишила бы ярла дыхания, убила, высосала бы кровь. Оплетень всегда опасен, он нелюдь, которому хочется теплой людской крови.

Малфрида сказала Торбьерну:

– Или ты, варяг, слово какое лихое сказал, или отъехал далеко от волхвов. Впредь ближе к своим держись, а то тебя охранительное заклятие не спасет.

– Троллиная порода, – сплюнул ярл. – Сила есть, но тупые и драться не умеют. Нам ведь уже с таковым приходилось сталкиваться, а, Свенельд?

А вот Претичу еще такого видеть не доводилось. На лице парня даже словно веснушки потемнели, так побледнел. Но свои кметы уже подходили, и он невозмутимо подбоченился. Подъехавшему Свенельду лукаво подмигнул.

– А ведь верно ты говорил, варяг-воевода, что против людской силы никакая нежить не устоит.

– Вот и запомни это, – кивнул Свенельд. Не хотел показать, как сам испугался за княгиню. – А вообще нам необходимо как-то послать весть, что сама Ольга Киевская сюда пожаловала. Только так древляне умалят свое чародейство.

Свенельд и Торбьерн о чем-то переговорили, потом Свенельд даже заулыбался, указывая рукой на выступавший из зарослей кряжистый дуб с наростами-ступенями крепких грибов.

– Это деревце нам с Торбьерном уже знакомо. Теперь точно знаю, что скоро появится погост весельчака Милюты. Он из древлян, я сам его тут за старшего посадил, чтобы за привозом дани следил. Этот Милюта толковый малый. А я любого из древлян готов был возвысить, если смекалист да неплохо служит. Чтобы местные понимали, что Русь с их племени не только подати берет, но и поднимает верных. Так ведь, княгиня?

Ольга ничего не ответила. Но когда уже проехали, обронила негромко:

– А вот оружием с древлянами приторговывать ты напрасно начал, Свенельд. Теперь у дружины Мала наверняка имеются каленые булатные мечи русскойковки.

Варяг сразу помрачнел. Сам понимал, что зря, но ведь уже столько лет все ладно у них с древлянами было, и Мал принимал его, как гостя дорогого. Друзе Мал! К лешему его!.. Однако лешего не следовало поминать в этом лесу. Того и гляди явится. И Свенельд только и сказал негромко:

– Кто же знал, что они вот так... Тихи ведь были, покорны. Булатом я позволил торговать, чтобы они себя ущемленными не чувствовали. Зато их договоры с соседними племенами я порушил. – И подмигнул Ольге: – Меня ведь боги разумом не обидели, я умный.

Однако лицо княгини оставалось суровым. Процедила сквозь зубы:

– Умный, говоришь? А шлем тебе не жмет?

Нельзя так было со Свенельдом. Но Ольга сама не понимала, что с ней происходит. Этот лес, темный и днем, таящий опасности, нелюдские дива... Она отчетливо ощущала пристальное внимание леса, словно присутствие чего-то чужого в душе, и от этого гордая княгиня гневалась. Ее раздражали и боязливо хныкавшие сзади прислужницы, и постоянно монотонно бубнящие рядом волхвы, которые за все время, кажись, и голов от тропы не поднимали. Даже на саму себя из-за Свенельда гневалась. Надо же, ведь и возвышала, и хвалила древлянского посадника, сама ему полную волю дала в древлянском краю. И вот что вышло... Игорь... Ей бы хоть могилу его увидеть! Тризну справить, чтобы душа его не маялась, чтобы успокоилась. И уж Ольга постарается,

чтобы по русскому князю была справлена положенная тризна!

Вопреки предсказаниям Свенельда, они еще долго кружили по чаще, продираясь сквозь подлесок и буреломы, пока деревья наконец не расступились. Буреломов уже не встречалось, дорога расширилась, под ногами стало чисто, только трава, сушин нет – явно сюда приходили за дровишками и хворостом люди. И на березах уже видно, где драли бересту. Глухомань осталась позади, и вскоре дымом запахло, стало слышно, как блеет где-то коза.

Они выезжали из зарослей к погосту. Увидели широкую прогалину, на пригорке несколько бревенчатых строений. Пространство между избами засыпано щебнем, утрамбовано, так что не страшна и осенняя распутица. Одна изба – самая большая – окружена неким подобием галереи – навес на подпорах. И там, на привязи, жалобно блеяла коза. Ближе к лесу виднелся колодец с двускатным навесом, возле него брошенное ведерко. Людей же нигде не было, но над зелеными дерновыми кровлями то там, то тут курился дымок.

Свенельд подъехал к погосту, окликнул:

– Милюта, где ты, песий сын? Это я, Свенельд. Встречай гостя!

Ему сперва никто не отвечал, только коза опять жалобно заблеяла. Потом послышался скрип, дверь под навесом слегка отворилась, и из темноты дома на них кто-то посмотрел. Но выходить не спешил. Тогда Свенельд спешился, сам шагнул к дому.

– Свенельд! – невольно позвала Ольга. Ей вдруг стало так страшно! Темный дом, сгущающиеся сумерки, тишина. Даже прозвучавшее блеяние козы показалось словно бы насмешливым и зловещим.

Но варяг не замедлил шага. Только подмигнул на ходу, правда, и ладони с рукояти меча не убрал. Так и шагнул под навес на столбах, ударом ноги распахнул дверь. И вошел. Как в черную дыру провалился.

Из лесу еще подтягивались воины сотни. Озирались, оглядывая все древлянское. Непривычно было, что изгородей нет, лишь кое-где перекинуты от дерева к дереву жерди, чтобы скотина не разбредалась. А еще подивило множество разбросанных черепов животных – козьи, коровьи, волчьи. Обычно такие черепа поднимают на шестах, чтобы отпугивать лесных духов. Тут же их как будто кто-то повалил. А еще заметили, что вокруг всего погоста темнеет взрыхленная полоса вспаханной земли, причем совсем свежая. А подле нее еще одна, но уже подсохшая, как будто притоптанная не то копытцами, не то лапами, а то и какими-то маленькими ножками.

Ведьма Малфрида так и сказала, что это железным лемехом люди ограждаются от духов леса. Но, видать, ненадолго эта черта помогает, ведь не зря же шесты с черепами повалены, видимо, нежить достаточно сильна, чтобы пробираться к самым избам. Малфрида почти буднично поясняла это столпившимся вокруг нее дружинникам, воины слушали, невольно норовя поскорее переступить из чащи за черту, а некоторые начинали и расходиться среди изб погоста. Кто-то пробовал толкнуть дверь ближайшей избы. Оказалось заперто. Но Ольге как будто и дела не было до всего. Нервно мяла расшитые поводья буланой, с седла не спускалась, непрерывно глядя на дверь, за которой скрылся ее воевода, ее верный боярин... милый Свенельд.

Но вот он появился, такой же, как и всегда, в своей алой с серебряной каймой накидке, в высоком островерхом шлеме. Причем улыбался и тащил за собой упиравшегося лохматого мужика в длинной беленой рубахе.

– А ну скажите этому необожженному горшку Милюте, что мы не блазни, а самые что ни на есть русичи. А ты погляди, сколько нас. Чего трясешься-то?

Названный Милютой постепенно успокаивался. Даже поклонился, коснувшись пальцами земли.

– Да будет с вами...

Резко осекся, оглянулся через плечо, словно чего опасался. Но все же dokonчил:

– Да будет с вами милость богов, добрые люди.

Широкая рубаха болталась на нем, Милюта выглядел изможденным, всклокоченным и грязным, как будто о бане вовек не ведал и гребня не знал. А вот на ногах его были добротные сапоги рыжей кожи, едва ли не городской выделки, правда, давно не смазываемые, грязные, с комьями налипшей глины.

– Примешь ли на постой, как встарь, Милюта? – скорее не спрашивал, а приказывал Свенельд. – А то смотри, я саму княгиню киевскую тебе в гости привез. Как такой гостье почет не оказать!

Блуждавшие маленькие глазки древленина остановились на всаднице на буланой лошади, изучали словно с недоверием, но уже не страх в них был, а нечто оценивавшее. Увидел он крало, какую в лесах этих поди и не сыщешь: статную, горделивую, с достойным белым лицом, ясно-серыми, не по-бабьи мудрыми глазами. Еще древленин Милюта отметил, как она одета – непривычно по здешним меркам, но и богато неимоверно. Никакой вышивки с обережными знаками, что придавало ее одеянию почти траурный вид, только дивное сукно цвета лесной фиалки ниспадало до самых шпор, отливая в складках серебром. Голову молчаливой всадницы покрывало тонкое белое покрывало, удерживаемое вокруг чела светлого серебра обручем, причем без всяких подвесок и украшений, даже височных колец не было. И тем не менее чеканка на обруче была затейливой и богатой, да и от всего облика этой женщины веяло таким величием и достоинством, что Милюта ни на миг не засомневался – княгиня! Ольга Киевская, повелительница Руси, из-за которой и разгорелся весь этот сыр-бор, которая единственная может прекратить то, что творится в их несчастном краю.

И Милюта так и рухнул на колени перед копытами ее буланой.

– Пресветлая княгиня... сударушка... так ждали тебя! Теперь все исправится, теперь развеют колдуны чары и вновь засияет над нами солнышко ясное, защечечут птицы, уйдет тьма!

Ольга смотрела с легким недоумением. В какой-то миг заметила, что из других изб тоже повалили древляне – то ли привлеченные восторженными криками Милюты, то ли сами устали таиться и теперь сходились к всаднице в богатых одеждах, перед конем которой ползал по земле их староста. И теперь они все потянулись к Ольге, стали улыбаться почти блаженными счастливыми улыбками. Она видела их измученные, изможденные лица, видела, как загораются их глаза.

– Свершилось! Чернобог не солгал, волхвы не обманули... Прибыла к нашему князю невеста, теперь можно перестать молиться Морене и Черному!..

Только позже, когда Ольга сидела в большой избе Милюты и сам хозяин подливал ей в чашу древлянской густой сыты с брусникой, ей поведали, чем вызвано их ликование. Оказывается, после казни ее мужа (при этом Милюта почти простодушно называл Игоря князь-волк) волхвы сказали, что теперь Русь накинется на древлян со страшной местью и только одно они могут предпринять, чтобы спастись: вызвать силу, которая и Руси может встать поперек. Им следует признать своими темных богов, которые дадут силу тому племени, какое поднимет их над другими. Теперь в лесах уничтожены все капища Велеса, Рода и Даждьбога, но стоят изваяния Морены и Чернобога, которым надобно поклоняться. Эти боги оградят древлян, они пошлют свои рати нелюдей против поработителей. Поработителями древляне считали русичей, справедливо полагая, что Русь не простит непокорному племени убийства князя. Но если Русь забудет обиду, если признает главенство родовитого Мала Древлянского и отдаст за него свою правительницу – волхвы позволят наряду с темными богами поклоняться и светлым. Вот тогда и пропадет это ненастье, духи леса успокоятся, уйдут в свои чащи и навьины миры, позволив древлянам жить, как ранее.

– А тебе-то чем было плохо, Милюта? – подался вперед Свенельд. – Уж кому-кому, а тебе на твоём погосте на что было жаловаться?

Милюта на миг потупился, повозил ногами в киевских сапогах по грязным половицам. Даже отмахнулся, когда его бледная брюхатая жена подала новый ковш с сытой.

– Древлянское племя было несвободным, – вымолвил он, словно повторяя за кем-то

заученные речи. – Олег Вещий нас примучивал, Игорь князь-волк нас примучивал, теперь рати витязей-мстителей на нас пойдут. Был ли у нас выход? Вон Игорь с нас три дани хотел содрать: сперва тебя, Свенельд, прислал на полюдь, потом сам со своим войском явился, три шкуры с нас содрал, а потом еще и с малой ратью опять вернулся, хотел еще взять. Вот мы его и принесли в жертву Морене и Чернобогу. Сказали ведь волхвы после великих гаданий: если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его.

– А Чернобогу зачем же его в жертву отдали? – впервые подала голос Ольга. На Милюту глаз не поднимала, чтобы не видел, какая лют в ее глазах полыхает, а голос оставался спокойный, немного низкий, только с легкой хрипотцой.

– Как зачем? – развел тот руками. – Чтобы силу получить против Руси. Разве прибыла бы ты, пресветлая, в наши чащи, если бы не поняла, как мы теперь могучи?

Сидевшая подле княгини Малфрида расхохоталась при этих его словах.

– Могучи, говоришь? То-то вы трясетесь от всякого шороха и на ловы не ходите, борти медовые с дерев не снимаете, руду в болотах не копаете.

Милюта только согласно кивнул.

– Да, худо нам. Но волхвы о том упреждали. Потерпеть велели до поры до времени. Говорили, что если до Купалина праздника Ольга невестой к Малу не явится – мы на Русь пойдем, на Киев стольный. Как исстари водилось, когда наши удалыцы добывали славу и богатства в набегах.

И Милюта даже подбоченился. Но потом, будто опомнившись, опустил голову, засопел. Через миг опять к Ольге придвинулся, по колену ее похлопал, вроде как миролюбиво и по-отечески, но Свенельд подскочил. Уже и руку вскинул, как для удара, но Ольга сделала знак, призывая успокоиться.

– А если я за Мала все же пойду? – спросила Милюту.

– О, тогда... тогда...

У Милюты неожиданно слезы набежали на глаза, а его брюхатая жена – худая как жердь, только живот под вышитым передником колесом, – едва ли не на колени перед княгиней рухнула.

– Пойди за нашего князя, раскрасавица! Мал у нас хороший! Родовитый, ты чести в том не уронишь! А мы... А я... Думаешь, сладко мне уже который месяц дитеночка перенашивать? Не родят наши бабы, не растут наши дети, а нежить лесная их еще и в чашу требует. Уже двоих я с подворья отдала, словно и не кровиночка они моя. А как же иначе? Нежить с нас дань требует, когда капустой, когда молоком, а когда и дитя забирает. За это они нам дичь прямо к подворью пригоняют, ведь самим в лес теперь пойти губительно. Кто пойдет – уже не возвращается. Вот и сидим у очагов. Нежить-то по-прежнему пламени Сварожьего опасается, дымом печным брезгует. По ночам духи почти в дверь скребутся, когда вспаханная борозда силу теряет. Волхвы сказывали, что дружить мы с нежитью будем, да как же можно это, если они нелюди, если к теплой кровушке тянутся.

Пока она говорила все это да слезы лила, откуда-то с полатей слез старый дед с белой как лунь головой и длинной тощей бородой. Подошел, опираясь на клюку, даже стукнул ею об пол, привлекая внимание.

– Я много лет живу, – сказал неожиданно сильным голосом. – Помню время, когда и Олег над нами не властвовал. А как пришел, то я и сам против него в сече выступал, а потом был среди витязей, что ряд с ним о покорности древлян складывали. Горько тогда нам было, но теперь стало куда горше. Нелюдь – она-то всегда в наших лесах баловала, но добрым оберегом от нее оборониться можно было. Теперь же... Тьфу... Охотники и рудокопы к очагам жмутся, как дети к коленям матерей. И вот что я скажу: если не пойдешь ты, пресветлая, за князя Мала нашего, много жизней безвинно погубленных на твоей совести останутся.

– На моей? – вскинулась Ольга, резко встала, разлив на богатый подол опрокинувшийся

ковш с сытой. – На моей совести? На вдове убитого вами правителя? Так вот что скажу вам: сами вы повинны, что богам светлым изменили. Потому и беды на вас обрушились, ваша это вина!

От ее резких слов, от яркого огня в ее светлых очах древляне отшатнулись. Милюта округлил глаза, его жена попятилась, дед старый замахал руками, будто обороняясь, другие сородичи Милюты отступили, хмурясь.

К Ольге кинулся Свенельд, приобнял за плечо, усаживая на место.

– Тихо, тихо, голубушка! Не неси напраслину. Они свободы своей еще не забыли, помнят ее по рассказам старцев, их пригибать не следует. Вспомни, как с Игорем поступили, когда их прижал.

– Как с Игорем моим поступили?.. Вот пусть теперь и маются!

Свенельду все же удалось увлечь Ольгу за занавеску на женскую половину избы, велел одной из Милютиных невесток взбить перины на ложе для княгини, нести теплой воды. А сам все нашептывал Ольге, что древлян не гневить да пугать надо, а уговорить, чтобы весть послали о покорности Ольги, что едет к жениху она. Но Ольга была так мрачна и подавлена, что Свенельд предпочел оставить ее отдыхать, а сам занялся решением всех вопросов.

Когда же вернулся, то заметил, что Малфриде уже удалось разрядить обстановку, она почти весело разговаривала с Малютой и его домочадцами. Ее местный выговор успокоил древлян, и теперь Малфрида заливалась соловьем, уверяя, что не зря ее Ольга сделала своей приближенной, что княгиня хочет обычаям древлянским научиться, говору их. А то, что бушует порой, то от горячности нрава. Ведь Игорь ее баловал, лелеял, она того же и от Мала ждет. И надо, чтобы кто-то из древлян послал к князю в Малино весточку, что невеста долгожданная к нему едет. А то... Если сгинет в лесах красавица киевская, древлянам еще долго придется терпеть почуявшую силу нежить.

«Ну и умница она у меня! – с неожиданной теплотой подумал Свенельд. – Ну и помощница!»

Стоял чуть в стороне, наблюдая, как вокруг Малфриды собираются в кружок домашние Малюты. Она по чести перво-наперво деду старому место подле себя предложила, потом одному из сыновей Малюты так улыbnулась, блеснув озорным взглядом, что тот просиял и стал поправлять растрепанные вихры. У Малюты тут жили всей большой семьей, старшие сыновья с женами, внуки, братучада, дальние родичи-приживалы, служившие ему как прислуга и питавшиеся от его стола. Некогда, служа на погосте, Милюта богато поднялся и не таким худым и изможденным был, а чисто боярин выглядел. Теперь же вон просто старик измученный, былых шуток-прибауток от него не дождешься. И что ему было от службы у Свенельда отказываться? Все мятежная древлянская кровь. А того не поймет, что в сильном государстве и слабое племя в рост идет. Теперь же... Теперь Свенельд стоял и слушал жалобы родственников Милюты на свою Недолю злую. Ишь как их всех Малфрида в единый миг расположила к себе. Эти не ведали, что с ведьмой общаются, но потянулись к ней, почуяв соплеменницу. Рассказывали, что раньше они смело по своей земле ходили, а тут выбраться за пропаханную межу могут, только если духов задобрят приношением. Вон у Милюты уже двоих младшеньких пришлось увести за вспаханную полосу, оставить в лесу. А что еще потребуется... подумать страшно.

– Все верно, – отвечала Малфрида. – Нежить сама размножаться не может, а вот теплокровного к себе забрать всегда норовит. Духом тот не станет, зато стадо их нелюдское пополнить может. Главное, чтобы потом опять такой полулюдок к своим не примкнул – много бед от того будет. А что же вы хотели? С Чернобогом жить – Недолю свою кормить. Или о том вам волхвы ваши не поведали? Не сказали, что с темной силой всегда так: призвать ее гораздо легче, чем потом укротить.

– Но ведь Ольга приехала же, – заикнулся было Милюта. Но Малфрида только смеялась. И вольно же ей было так веселиться среди этих подавленных людей, которых даже привыкшему к крови и убийствам Свенельду жалко было. А этой хоть бы что.

– Думаете, ее свадьба с Малом вас от власти Морены избавит?

– А как же тогда? Волхвы ведь сказывали, что Морена это та же Макошь добрая, только наоборот.

– А наоборот – значит злая, – беспечно отмахивалась Малфрида. Ее темные глаза лукаво сверкали из-под темно-багряного капюшона, по щеке змейкой вилась волнистая темная прядка. Такой веселой и милой казалась – любо-дорого поглядеть. Да и говорила то, что надо: – Разве не знаете, что Макошь лишь зимой темнеет да силу теряет, а будете считать ее Мореной – она добра вам не принесет. И Макошью доброй уже никогда не сделается.

Древляне переглядывались, лица их все больше печалились. А Малфрида тут же поясняет: мол, забудьте про Морену злую, поставьте опять изваяние Перуна Громовержца, который нечисть не любит, поклоняйтесь ему и требы подносите, вот и поглядите, станут ли вас нелюди донимать.

– А как же указы волхвов? Что, если на нас нагрянут?

– Кто? Нелюди или... киевляне? Но разве мы уже не здесь? Вон же Свенельд стоит, смотрит на вас, улыбается. Даже хлебом с вами поделился.

– Да без жита-хлебушка, какое мы ранее у полян на меха и мед выменивали, совсем худо, – соглашались древляне. – Вепрятина, какую нелюди нам кидают, хоть и хороша, но без ломтя хлеба... не то.

– Вот-вот. И разве ранее не лучше тебе, Милюта, было, когда ты гоголем ходил по своему погосту? А теперь только сапоги киевские у тебя и остались. И вот что я вам скажу, милые вы мои: вам не о свободе думать надо, а о том, как опять подняться да хозяевами себе стать. Пусть и под рукой Киева стольного. Все лучше под полянами жить, чем под нежитью.

«Не переусердствовала бы она», – с тревогой отметил Свенельд. Но не стал вмешиваться, видя, какие задумчивые и покорные лица сделались у древлян. О жене же опять подумал: ну и умница!

Тут подала голос беременная жена Милюты:

– Я как погляжу, ты баба умная, все знаешь. Вот и ответь мне. Я еще когда снег сходил, думала разродиться, но и по сей день отчего-то ребенка в себе ношу. Ребеночек уже и биться во мне перестал, я же как гнию изнутри, все тело пятнами пошло.

Тут и стоявшая поодаль молодлица громко всхлипнула и тоже пожаловалась, вытирая вмиг набежавшие слезы концом головного платка, что ранее биение новой жизни в себе ощущала, а теперь словно замер в ней плод.

– Ну так Морена же мертвое больше живого любит! – блестела зубами в улыбке Малфрида. – Я вон ее не почитаю, надо мной она не властна, вот и чую...

Она приложила руку к животу и... Вдруг показалось, что в ней самой, в глубине ее тела словно рыба била плавником. Дитя давало о себе знать... напоминало... Малфрида застыла, зачарованно прислушиваясь к этим движениям новой жизни. Но тут же хранимая в калите на поясе лапка-оберег от Кощея зашевелилась, будто напоминая, что не ее уже это ребеночек. И это так ошеломило Малфриду, что она словно забыла о жадно внимавших ей древлянах, будто удалилась от них, не слыша их вопросов, не чувствуя устремленных на нее взглядов.

Поглощенная собой, она не заметила, как до этого подремывавший на шкурах в углу волхв Коста поднялся и подошел к плачущей жене Милюты, стал что-то ей говорить, а та, широко распахнув большие светлые глаза, смотрела на него с надеждой. Но тут же резко оглянулась, втянув голову в плечи...

Да и не только она замерла в этот миг, все вокруг всполошились, вслушиваясь в отдаленный и долгий протяжный крик извне. Вскоре стукнула входная дверь, отлетел занавешивающий проем кусок шкуры, и, путаясь в ее складках, на пороге возник Претич.

– Там это... Люди не понимают. Что делать-то нам?

Он не выглядел испуганным, скорее озадаченным. И сразу же нашел глазами Малфриду. Она поднялась. Переглянулась со Свенельдом и вместе с ним пошла на двор.

Большинство людей Ольги древляне постарались расположить с возможными удобствами, благо погост был маленький. Кого устроили по избам, кого в овинах, кого в хлевах со скотиной. Те же, кто еще не пошел отдыхать, разложили посреди погоста большой костер, – подле него было как-то спокойнее, можно было беседовать, делясь впечатлениями первого дня похода. И всех всполошил этот протяжный крик – то ли человеческий, то ли звериный, но исполненный такой лютости, что все враз поднялись, похватили оружие, смотрели, не зная, что предпринять.

Отблески от костра достигали кромки леса. Казалось, что стволы, росшие еще днем в стороне, придвинулись гораздо ближе, и переброшенная от дерева к дереву жердь для ограждения теперь была видна совсем недалеко. Вот на ней-то воины и разглядели девочку. Совсем небольшую, лет пяти-шести, в обычной белой рубашонке, со светлыми, ниспадавшими на плечи косичками. Девочка сидела на жерди странно, как птичка, удерживаясь на перекладине пальцами ног, а руки сложила перед грудью. И почему-то она казалась необычным ребенком: слишком серьезным было ее личико, неживым, не по-детски мрачным, а круглые светлые глаза смотрели угрюмо из-под сдвинутых белесых бровей.

Пугаться такой крохи воинам было бы словно не к лицу, однако отчего-то никто не решился ни подойти к ней, ни подозвать. Вот и переговаривались, не зная, как быть.

– Это дочка моя, – сказал, увидев девочку, вышедший из дома Милjuta. – Раньше мы ее Мюткой звали, до того, как лес ее от нас востребовал. Ну мы и отвели ее в чащу, чтобы других своих детей убересть. Пусть лучше она... ну и ее сестра, какую еще раньше позвал лес. Но с тех пор лес нас не трогал больше, нежить не скреблась в двери, медведи не драли скот и волки не нападали.

– Как же вы раньше оборонялись? – спросил Претич, не понимавший, как можно отдавать свое здоровое и неувечное дитя нелюдям.

– Раньше? Когда это раньше? Раньше лес наш был. Ну, до того как приехал посыльный от князя Мала Древлянского и поведал, что мы теперь под покровительством темных богов. Они и дали нежити небывалую силу.

– Орлы! – только и хмыкнул Претич. Шагнул было к ранее звавшейся Мюткой девочке, руку протянул, будто покликать хотел, но тут же отшатнулся, когда из лесу опять прозвучал этот громкий и полный требовательной ярости вой. Некоторым даже показалось, что это сама Мютка вопит, ибо она задергалась, наклонила головку, поводя ею из стороны в сторону, как будто пьяный мужик с похмелья.

– Мюточка!.. – попробовал слабо подозвать дочку Милjuta, но рядом возникла Малфрида и отстранила его.

– Не зови! Так только разозлишь тех, кто ее отправил. И не человек уже твое дитя, иная в ней душа, нелюдская. Отныне она покликуша – дурочка, какая в услужении у лешего и иных духов леса состоит, через которую они связь со смертными могут держать. Вот они и прислали ее зачем-то. Ты должен знать, чего они хотят, Милjuta.

Древлянин стал дрожать так сильно, как будто его сейчас бить в припадке начнет.

– Ох, ох, да ведь и впрямь требовали. И всего-то козу. Мютка приходила и не своим голосом просила козу, чтобы молока для нелюдей лесных надоить. Мы вон ее и привязали, ждали, кто за козой явится, а тут вы. Ну духи и не явились. А теперь...

– Да отдайте вы ей козу, делов-то, – хмыкнула Малфрида. – Коза – пустое. Главное, чтобы к полуночи лес на нас не пошел, не раздавил.

– Да как он пойдет? – удивился кто-то из кметей. – Да мы его!.. В щепу разнесем! Вон как ярл Торбьерн недавно с оплетенем справился.

– В самом деле, – даже развеселился Претич. – Такого у нас еще не было.

– Дураки! – откликнулся бывавший тут ранее гридень Стоюн. – Мне с нежитью

древлянской приходилось сталкиваться. Это вам не хазары копченые, это страшно.

– Страшнее и злее лютого хазарина или печенега бешеного никого нет! – почти обиженно заметил Претич. – А эти... Детей полоумных нам, что ли, бояться?

Пока они спорили, Милюта чуть ли не бегом поспешил в хлев и уже тащил на веревке давешнюю козу. К бывшей дочке подойти не решился, отступил, оставив козу, которая стала тупо между тенью и светом, потом вроде как назад пойти надумала, но тут покликлуша поманила ее и коза послушно подошла к ней. В следующий миг девочка схватила ее за рога, лихо перекинула через плечо и одним прыжком вместе с козой исчезла в лесу. Показалось даже, будто стволы расступились, пропуская ее. Потом в лесу что-то трещало, ухало, слабое блеяние козы раздавалось все дальше, все тише.

– Все, теперь они успокоятся, – произнесла Малфрида. И обернулась к воинам, которые стояли, разинув от удивления рты: – Отдыхать устраивайтесь, нас сегодня уже не потревожат.

Да, попробуй теперь заснуть. Кмети хватались за обереги, наблюдая, как древлянский лес будто расходится в стороны. Только что костер корявые стволы освещал, а теперь и не разглядеть. Или огонь погас, или разошлись дубы. И дружинники поспешили сразу подбросить в пламя загодя заготовленные дрова. У живого светлого пламени не так и жутко было.

Малфрида хотела было вернуться в Милютину избу, но неожиданно замерла, устремив взгляд на ее высокую кровлю. Отсвет костра туда слабо попадал, но она своим ведьмовским зрением уже видела, что вся крыша у дымного продуха обсажена большими сороками. Птицы сидели непривычно тихо, будто ожидая чего-то. Вещицы, сразу видно. И Малфрида почти бегом поспешила в избу.

Там она перво-наперво увидела Ольгу, которая недавно отправилась почивать, а теперь опять вышла и сидела подле обложенного камнями очага. Как раз под раскрытым сверху продухом для отвода дыма.

– Там, – кивнула Ольга на немой вопрос Малфриды в сторону занавешенной женской половины. – Жена Милюты вдруг рожать надумала.

Малфрида так и кинулась туда, увидела лежавшую на лавке Милютину бабу с разведенными ногами, слабо постанывавшую, а между ее колен возился, как иная повитуха, волхв Коста. Малфрида даже выругалась сквозь зубы. И к Косте:

– Ты что же это надумал!

– Не лезь! – отпихнул он ее плечом. – Я могу ей помочь.

– Что ты можешь, блаженный! Дитя в ней переносенное и уже не жилец. А так ты еще и мать погубишь, она уже гниет изнутри, а помрет – здешние тебя обвинят.

Коста на миг замер, а потом мотнул головой. Малфрида только фыркнула, отошла. Сама понимала, что уже ничего не изменишь, ну да, видать, Коста сам захотел выйти из повиновения. Вот пусть и расплачивается теперь.

Ладно, утро вечера мудренее, а до рассвета ей самой отдохнуть надо. И потеснив на полотах хозяйских детей, Малфрида невозмутимо надвинула на глаза капюшон и заставила себя уснуть.

Глава 8

Под утро в лесу неожиданно началась такая буря, что дым стало загонять обратно в избы. Из-за свирепствовавшего ветра с дверных проемов не отбрасывали шкуры, да и рассвет настал такой темный, что пришлось опять зажечь лучины. Милюта сидел в углу над телом мертвой супружницы и маленьким тельцем мертвого сына. Старался бодриться:

– Я-то не стар, еще жену могу взять... потом, когда все уладится. Но эта у меня была верная подруга и хорошая хозяйка.

Он все же всплакнул немного. А потом к нему подсел Свенельд, стал уговаривать отнести обернутые в шкуры тела в колдовскую чашу. Не сидеть же с мертвыми у очага, когда вокруг вечно голодная нежить шастает? Может, бурю они и наслали. А так, отдав им на съедение свежую мертвечинку, можно и успокоить лесных духов, усмирить ненастье, из-за которого они не могут тронуться в путь. Вот Свенельд и уговаривал Милюту, приложив все свое обаяние и красноречие, напомнил, что всегда ценил его за смекалку и хорошую службу.

– Даже сапоги, что на тебе, я сам тебе некогда подарил. Забыл, что ли? – похлопывал он по плечу понуро сидевшего древлянина. – Как все уладится, вновь служить мне будешь, вновь товары через тебя пойдут.

Когда это будет? И Милюта повторил сказанные недавно слова Малфриды:

– С дикой силой всегда так: призвать ее гораздо легче, чем потом укротить.

– Соображаешь, – согласно кивнул Свенельд.

Вскоре сородичи Милюты без всяких обрядов отнесли мертвых в чашу. Вернулись почти бегом, стараясь не слушать, как сзади что-то урчит и хрустит, ревет и чавкает. На Милюту никто и поглядеть не мог, такой несчастный вид был у этого некогда весельчака и балагура. Да и прочие жители погоста ходили мрачнее темного неба над головой. Подумать, какие времена настали! Ранее они оберегали тела сородичей от нелюдей, сжигали их на светлом огне, чтобы отпустить душу в Ирий. Иначе мертвые могут затаить обиду на сородичей. Но в селении так давно никто не умирал и никто не родился, что теперь древляне сами не знали, чего и ожидать.

Свенельд же ожидал, когда все утихнет. Ему было беспокойно. Судя по тому, как лес мешал проехать посольству, Мал и его волхвы устали ждать ответа и решили, что княгиня отвергла сватовство. Вот кудесники и оградил древлянскую землю такими чарами. Следовало дать им понять, что Ольга смирилась и едет к жениху.

– Я поеду с вестью, – вызвался гридень Стоюн. Спокойно стал надевать клепаный шлем варяжского образца с наглазьем. – Я тут частенько ездил, дорогу найду. Крест честной и вода святая со мной, она оградит меня, если что. Пусть только кто из местных со мной поедет, подтвердит, что везем княгиню.

Ехать со Стоюном неожиданно вызвался сам Милюта.

– Тошно мне тут, хоть в пути тоску развею. Да и в глаза князя хочу поглядеть, увидеть, как он теперь живет... когда на свое племя согласился наслать такое бедствие...

«Хорошо бы все древляне так думали», – решила про себя Ольга, наблюдавшая за сборами. Когда и Стоюн и Милюта уже взгромоздились на коня, Коста подал им мешочек с волотовой травой, которая позволит им видеть нежить. Но Стоюн кивнул в сторону спутника: ему, мол, давай. Сам же вдруг достал из-за пазухи небольшой крест на цепочке, поцеловал уважительно, прежде чем засунуть обратно.

Малфрида это заметила, подскочила к Свенельду, почти рванув его к себе за развеваемый ветром плащ.

– Никак твой Стоюн христиан?

Свенельд молча вырвал у нее полу плаща.

– Что с того? У меня в дружине таких немало. Они ведь помнят, как нам некогда в этих чащах святая вода помогала, вот и уверовали.

– Да ведь христиане... – ее едва не трясло, губы брезгливо кривились. – Да ведь христиане эти... Тьфу на них! Мерзость!..

– И это все, что скажешь? – усмехнулся Свенельд.

Малфриде понадобилось усилие, чтобы подойти к отъезжавшим. Старалась не смотреть на Стоюна, когда говорила:

– Учти, встретишь волхвов Мала, в глаза им не смотри. А о том, что с послами его сделали, даже от самого себя утаивай. Чтоб не вызнали помыслы твои. Поэтому можешь молиться про себя. Волхвов ваша молитва... Ну в общем, они сразу от тебя шарахнутся, если почуют. Может, это не так уж и плохо, что поклонника распятого отправляют, – закончила больше для себя.

Стоюн видел ее брезгливую гримасу, но лишь согласно кивнул. В отверстиях наглазья его светлые глаза казались темными. И он только и сказал в сторону Свенельда, чтобы тот позаботился о его Светланке и сыне, если с ним что случится.

– Обещаю, – прокричал Свенельд сквозь завывание ветра. И добавил: – Ничего худого с ними не приключится. Ты ведь Малу долгожданную весть принесешь, он тебя за это даже наградить захочет.

Сказал это и хлопнул по крупу гнедого, на котором сидели Стоюн и Милюта. Но сам еще долго стоял, глядя им вслед: Стоюн был его верным человеком, опытным десятником и проверенным не в одном походе другом. И случись с ним что... Еще одна причина будет отомстить древлянам.

Ветер бушевал весь день. Лес шумел. Огромные деревья раскачивались, склоняясь друг к другу, где-то в чаще что-то валилось. Из зарослей порой доносились еще какие-то странные звуки – обрывки пронзительных криков, рев не то лесного зверья, не то нечисти. Слышалось множество голосов, резких и визгливых, точно целая свора леших готовилась накинуться на жалких человечишек, которые оказались в их власти. У людей леденела кровь от этих звуков, однако крепились, старались отвлечься за разговорами, разогревали еду да расспрашивали местных об их житье под властью Чернобога. Ругали древлянского князя, но местные даже не спорили, кто отмалчивался, а кто и кивал согласно. Прибывшие русичи не выглядели грозными мстителями за своего князя, хотя и должны были... Может, и впрямь колдовство их так усмирило, а может, они и не враги. И хотя среди древлянского племени и ходили рассказы о былой вольнице, все же и под Русью жили как-то. По сравнению с тем, что сейчас творится, – хорошо жили. А сейчас – эх... Вот и сидят теперь древляне сиднем, боясь носа высунуть за околицу, а нежить вторгается в обжитые места, повалили привычные берега с черепами на шестах, воют, щелкают в лесу, когда селяне опахивают свои жилища. Волхвы предупреждали, чтобы селения опахивали, и очерченная лемехом борозда и впрямь удерживает нежить в чаще. Но вот надолго ли?

К ночи буря как будто стихла. Вмиг. Люди и не заметили когда. Только что все ревело и шумело – и вдруг тишина. А к добру это или к худу, никто не знал.

– Молока дайте домовому, подзадобрите, – подсказала Малфрида. – Домовой с духами чужими сладит, если захочет. Я потом сама с ним схожу к чаще, пусть для меня выпытает у нечисти, что там и как.

Ольга раньше и представить не могла, что своими глазами увидит, как выползет из-под скамьи лохматый темный человечек, подбежит на четвереньках к поставленному у порога блюдцу, примется лакать. Когда на миг оглянулся, зыркнул на княгиню, той едва дурно не сделалось: уж так похож был лицом домовый на Милюту, что, казалось, тот сам вернулся украдкой и теперь шалит в доме.

Свенельда же это даже развеселило.

– Скажу Милюте – не поверит, – смеялся привычный к древлянским дивам варяг.

А потом все вдруг позасыпали кто где сидел или лежал, точно всех вмиг сморила общая

усталость. Только волхв Коста не спал. Сидя на полу у входа, прижавшись плечом к косяку, он зачарованно смотрел, как Малфрида, взяв домового за лапку, будто с малым дитем вышла с ним за порог, двинулись вместе к темневшему в стороне лесу.

«А ведь она беременная, в ней нет чародейства, – подумалось волхву. – Значит, у нее есть могущественный оберег, какой дает ей силу не поддаваться чарам».

Коста догадывался, кто мог дать ведьме княгини такую силу. Не забыл еще, с кем осталась боярыня Свенельда в колдовскую ночь на Лысой горе. Обычно от общения с Кощеем полуночным любой бабе беда неминуемая, а эту Темный не тронул. И теперь она взялась помогать Ольге против враждебных сил. Хотя и в самой Малфриде была темная сила. Может, поэтому Кощей надоумил ее, как действовать? Коста знал, что Морена не ладит с Кощеем, да и Чернобог недолюбливает строптивого колдуна, но все же... Нет, темные силы не несут смертным добра.

Стараясь перебороть слабость, Коста поднялся и шагнул через порог в сени. Вокруг было темно, только одна лучина слабо тлела в избе, и в ее отсвете его тень на бревенчатой стене казалась непомерно огромной. И вдруг Коста увидел рядом еще одну тень, словно кто-то стоял за ним... Он резко обернулся. Никого. И все же рядом кто-то был. Кто-то посторонний и чужой, и в то же время свой, раз чуры позволили ему войти в дом. Волны холодного воздуха подле Косты колебались от неслышных движений какого-то существа. Невидимое в темноте, оно казалось огромным, как сама темнота.

И тогда Коста понял, кто это – дух умершей родами Милютиной жены. Как и понял, что она пришла за ним, ибо ему не стоило ее трогать... Малфрида ведь упреждала.

Когда холодные пальцы скользнули по его лицу, когда сомкнулись на шее... Он кричал беззвучно, с ужасом понимая, что погибает.

Спас Косту домовый. Как и что случилось, Коста не сразу и понял, но сообразил, что уже вопит в голос, смог вдохнуть. От его крика все вскочили, заплакали на полотах перепуганные дети, а подбежавший Свенельд подхватил оседающего у косяка волхва. Тот только лопотал:

– Еще молока домовому, сливок сладких. Он дом охранил, блазня обиженного отогнал...

– Где Малфрида? – оглядевшись, воскликнул Свенельд и тут же кинулся наружу сквозь раскрытую дверь.

Она шла к нему из мрака, спокойно так шла.

– Где тебя леший носил? – выпалил Свенельд, обнял ее, стал ощупывать – цела ли?

И тут же ощутил выпуклость ее живота, хотя под широкой пелериной ее накидки-пенулы этого и не заметишь. Свенельд даже почувствовал, как от нее словно кто-то оттолкнул. Подумал – не ублюдок ли в ее чреве? И ощутил привычную гадливость, как всегда при мысли о нем.

Малфрида смотрела на мужа как-то испытующе. Завидев, как резко он отпрянул от нее, тихонько вздохнула.

– Все в порядке, Свен. Леший тут ни при чем. Похоже, дух отданной на расправу жены Милюты хотел помститься тому, кто стал причиной ее смерти. Но вы вроде как справились? И теперь уже будет тихо все.

При этом Свенельд заметил, как она что-то прячет под полую пенулы у пояса. Что – не рассмотрел.

Они вместе вернулись в избу, видели, как Коста все еще нервно пил из кринки воду. В стороне стояла Ольга. Малфрида прошла прямо к ней:

– Все в порядке, княгиня. Лес поведал, что гонцы твои добрались до князя Мала. И завтра нам следует ждать гостей.

Но на другой день никто так и не приехал. Зато на землю спустился туман – глухой, молочно-белый, закрывающий все вокруг, заглушающий звуки. Казалось, в мире и нет ничего, кроме этой белесой пелены, но от этого легче не становилось. Там, в пелене тумана, таился враждебный лес, от коего веяло чем-то холодным и опасным. Это угнетало.

Угнетена была и Ольга. Деятельная натура, она привыкла всем руководить, а тут приходилось все время чего-то ждать. Чтобы как-то развеять скуку, княгиня принялась обдумывать предстоящую встречу с Малом... «женихом», мать его!..

Сперва надо с ним встретиться и успокоить, дабы поверил ей. Потом необходимо справить тризну по Игорю да принести жертвы светлым богам в его память. Так она и выкупит душу мужа у темных сил, так откроет Игорю путь в Ирий. А потом... Потом будет великий поход, когда уже все поймут, что Ольга не передаст никому власть, а сама достаточно сильна, чтобы побеждать и править. И она даст понять всем, что ее власть законна и мудра.

Вот об этом думала великая княгиня, сидя в закоптелой избе, слыша за перегородкой возню скотины, перешептывание детей, тихий плач женщин, ворчание мужчин. Она смело подходила к любому из них, была приветлива, но держалась с таким достоинством, что перед ней робели. А потом ей вдруг надоело все. И эта курная изба с темным сводом, надоели эти блохи, что лезли со шкур, тараканы на бревенчатых стенах, этот полумрак, запах дыма и навоза. Ольга была готова удивиться, как ее сюда занесло? Вон даже ее прислужницы ноют, вспоминая, как хорошо им жилось в киевском детинце, какой там свежий воздух, сытная еда, чистота и роскошь. А тут...

– А ну уймись вы! – прикрикнула она на своих женщин. – Княгиня ваша терпит, и вы молчите!

Да, именно ей, Ольге, надо развеять эти чары, вернуть небу солнце, ей, словно богатырше из сказа, которой под силу было возвести на небо алого всадника зари.

Раздраженная и злая, она вышла за порог, смотрела на туман, спрятавший за плотной пеленою небо и землю. Холодно вон как, хотя уже и лето настало. Ольге не нравилось уныние на лицах ее отряда. Надо же, такими гоголями выезжали, а тут... Вон сгруппировались вокруг разведенного огня, подогревают на палочках куски мяса.

И тут княгиня увидела, как из пелены тумана показался волхв. Немолодой, но и не старый еще, идет быстро, уверенно. Остановился среди удивленно замерших дружинников, огляделся, провел по длинной бороде рукой, где даже на запястье брякнули навешанные на бечевку костяные амулеты.

– Морок да пощадит вас, хоробры.

Сперва в ответ была только тишина. Потом раздался голос Претича, почти веселый:

– Перун поможет – и никакой морок уже не страшен.

Волхв-древлянин оглядывался, потом остановил взгляд на шагнувшем вперед Свенельде.

– Я знаю тебя.

– Еще бы тебе не признать своего посадника, Пуц кудесник. С чем прибыл?

Волхв смотрел без всякого выражения. Таким же невыразительным был и его голос:

– Ваш гонец сообщил, что гордая княгиня Ольга ответила согласиём на сватовство Мала Древлянского.

– Ответила, – вышла вперед Ольга. – Вдове не пристало долго ходить невестой. И если она не пошла за супругом в светлый Ирий на погребальном костре, ей должно справить тризну на его могиле, чтобы дух умершего успокоился и не мешал женщине найти себе последующего суженого и господина.

Она говорила спокойно, будто и не чувствуя давящей силы темно-желтых неподвижных глаз Пуца. Что он... Вот она – княгиня! И пусть Ольга была простоволоса (жалко, убор

нарядный не успела надеть), с переброшенными на грудь русыми косами, но возможно, так и полагалось невесте, едущей к жениху. К тому же ее гордая осанка, ее красота и молодость, а также ее смелая речь подивили этого бородатого лесовика не меньше, чем перед тем тиуна Милюту. Он даже смутился, отвел взгляд.

– Где наши гонцы? – властно спросила княгиня.

Волхв Пуц судорожно глотнул, приходя в себя, пошевелил седыми бровями, будто обдумывая что-то, и ответил вопросом на вопрос:

– А где же наши мужи нарочитые, какие обязаны были привести тебя к Малу?

Теперь они опять мерялись взглядами, но Ольга только гордо заломила бровь.

– В Киеве ваши бояре и старейшины остались. В заложниках, дабы вы ничего злого ни со мной, ни с людьми моими не сотворили. А вы тут... с вашим чародейством... Учтите, за каждого моего человека киевляне посадят на кол любого из ваших почтенных бояр!

Пуц покачал укоризненно головой.

– Не дело это. Мал к тебе со всем сердцем своим. Со всей Ладой пресветлой...

– И ты смеешь поминать Ладу небесную после того, как сами Морене присягнули?

Ольга, как ни старалась, не могла сдержать гнев. Но тут Свенельд решил вмешаться.

– Зачем тебя послали, Пуц? Ждать ли нам тут Мала или...

– Мал уже выехал из Искоростеня навстречу невесте. Мне же велено провести вас сквозь чащи, дабы встреча та состоялась. Ибо сами вы теперь ни на что не годны.

Волхв сказал это с таким самодовольством, что Свенельду захотелось дать ему кулаком в глаз. Но он только поклонился, тряхнув головой, чтобы упавшие на глаза волосы скрыли их неласковый блеск.

– Добро, служитель. Сейчас невеста принарядится да уборы наденет, а витязи наши закончат трапезу. Ну, и в путь.

Да, пришлось все же Ольге надевать уборы, венец из светлого злата с колтами-подвесками в яркой эмали, в тон им серьги, ожерелье чеканное с голубыми опалами на груди расправила. Женщины еще обхаживали ее, когда княгиня спросила, где ведьма.

– Здесь я, – отозвалась Малфрида, возникнув из темного угла. Ее лицо почти до кончика носа было покрыто краем капюшона. – Но мне нельзя показываться на глаза волхву этому. Я Пуца знаю... – Тут она сделала паузу, словно борясь с обуревавшими ее чувствами. Еще бы, вспомнила уже, что этот служитель был среди тех, кто ловил ее, а потом вез на казнь, по пути отдав на поругание. – Я его знаю, – повторила она, – но и он меня помнит. Может узнать. А это не к добру.

– Понятно, – чуть кивнула Ольга, глядясь в зеркало на длинной ручке, какое держали перед ней. – Как поедем, оставайся в конце обоза, Малфрида. Скажу, что ты моя прислужница, а волхвы не больно к бабам приглядываются.

Тем временем во дворе люди Свенельда уже навьючили лошадей, проверяли подпруги у верховых, покрыли нарядным чепраком буланую кобылу княгини-невесты. Пуц все это время держался в стороне, стоял к ним спиной за вспаханной вокруг погоста межей, перебирая свои амулеты и что-то нашептывая. И все видели, как по его наказу туман перед ним рассеивается, открывается дорога, показываются и расступаются стволы могучих деревьев.

– Никогда еще волхвы у меня в поводьях не были, – громко сказал Претич, поправляя на буланой княгини расшитый яркими узорами чепрак с длинными кистями. – Ну чисто я сам князь-гость у древлян.

– А ну поди-ка сюда, князь-гость, – приобняв его за плечо, громко сказал Свенельд

и увлек молодого воеводу в сторону. Уже тише добавил: – Ты знаешь, зачем едем? Не пировать, а убивать. И возможно, не с такой залихватской удалью, как ты у себя на заставах, соколик, привык. Справишься ли? Нам, возможно, безоружных кромсать тесаками предстоит.

Претич только запихнул под шлем русую вьющуюся прядь, что упала на глаза.

– А тебе такое приходилось, Свенельд? Резать... Гм. Если понадобится, мои справятся.

Больше они не шептались, но Претич уже понял, что другого от его людей не потребуют. И еще понял, что, помогая Свенельду справиться с древлянами, он этим выкажет, что его князь Тудор признал Ольгу правительницей. А ведь его прислали как раз за тем, чтобы мутить бояр в Киеве, Тудор-князь сам о вокняжении на Горе подумывал. Но Претич уже здесь как союзник Свенельда. И если они рядом будут проливать кровь, то по закону воинского побратимства он уже не смеет против него интриговать.

Когда все были готовы и княгиня села верхом, Пуш наконец очнулся, оглядел всех, сорвал пучок травы и, скатав ее в клубок, бросил на тропу перед собой. Тот так и покатился, словно ежик побежал. Пуш двинулся за ним среди расступавшихся слоев тумана. За ним неспешно двинулись остальные. И всем казалось, что идут они через туман, как будто воду собой раздвигая – настолько воздух вокруг был плотен и тягуч.

Ольга ехала на буланой, которую вели под уздцы два дружинника. Она глядела на дорогу между ушей своей лошади, стараясь не озираться по сторонам, хотя все время ощущала рядом, за ветвями и туманом, какое-то шевеление. От напряжения у Ольги ломило спину, но она продолжала сидеть прямо. В ней как будто проснулись неведомые ранее способности: слух обострился, взгляд замечал любое движение в белесой мути, и даже затылком под тяжелым венцом она угадывала всякий проблеск жизни в нависавших над дорогой ветвях. От всего этого мурашки бежали по коже.

И все же они продолжали двигаться вперед. Тихо и скученно, шаг в шаг друг за другом, все – за волхвом. Он же шел широко и размашисто, побрякивая амулетами, стараясь не сводить взгляда с катившегося перед ним пучка трав.

Неожиданно впереди туман как будто стал рассеиваться, появилась широкая проторенная дорога, без всех этих нависающих и наступающих по сторонам деревьев, исчезли то и дело преграждавшие путь похожие на змей корни. И откуда-то долетал звук била. Бум-бум, бум, – словно стучало огромное сердце.

Волхв Пуш остановился, стоял прямой и достойный, на лице читалось удовлетворение.

Свенельд чуть склонился к Ольге и указал вперед, туда, где за расплывавшимися пластами тумана стали вырисовываться нагромождения бревен большой усадьбы.

– Это Малино – вотчина древлянского князя Мала.

Теперь она сама видела: у небольшой реки столпились строения, окруженные мощным частоколом. А чуть в стороне стояло несколько длинных древлянских изб – селение. Оттуда показался народ – стояли группками, тоже разглядывая прибывших. И еще Ольга отметила, что на шестах над главной вышкой нигде нет изображения привычного у полян петушка – вестника зари, птицы, угодной Дажьбогу и Сварогу жаркому. Даже на стрехах изб нигде не выступали привычные изображения смотревших в разные стороны резных коньков – любимцев Перуна. Ну да и могли ли они тут быть, когда сейчас никто из светлых богов не имел власти в земле древлян? Это было непривычно и как-то неправильно. Ольге сделалось не по себе. И все же она выпрямилась в седле, глядя, как распахнулись в усадьбе ворота и стали выходить ей навстречу люди. Сперва кмети показались, стали рядами, опершись на высокие копы. По виду от киевских не отличить – кольчуги, шеломы остроконечные, щиты с коваными умбонами посредине. Потом появились одетые в богатые меха нарочитые люди.

Свенельд стал пояснять, кто тут бояре, кто волхвы древлянские, а вон и сам жених Мал вышел, тот, что невысокий да полный, в украшенном камнями венце да опашене черно-бурой лисы на плечах, с богатой гривной на груди. А молодой волхв подле него – его первый советник Малкиня.

– Этот волхв самый опасный, – неожиданно раздался рядом голос Малфриды. – Он мысли угадывать умеет. С ним будьте осторожнее.

Ольга с удивлением взглянула на свою колдунью: надо же, с чего вдруг опасаться перестала, наперед лезет? Но Малфрида спешно поясняла: этого читающего помыслы чародея непременно надо отвлечь. Она постарается это сделать, пока они иных отвлекать будут. Но это, похоже, не порадовало Свенельда.

– Что, так и потянуло к дружку твоему?

Малфрида как и не заметила злобы в его голосе. Уже разворачивая свою лошадь, сказала:

– Малкине скажешь, что я с вами. Так надо! – добавила с нажимом. – Иначе он все поймет, как если расскажете ему все, что удумали.

Зыркнула напоследок темными глазами и отъехала. Свенельд еле сдержался, чтоб не сказать чего, но сцепил зубы. Но тут Ольга сжала его руку, посмотрела властно. И Свенельд опомнился. Оставив княгиню один на один с вышедшим вперед древлянским князем, сам быстро проехал вдоль строя своих людей да повелел петь во все горло. Что угодно пусть поют, только бы не думать о предстоящем.

Удивленные таким повелением воины сперва переглянулись, но вот запевала затянул, а там и иные подхватили, сперва нестройно, но потом все более слаженно. Даже вышедший вперед улыбающийся Мал попятился, когда русичи вдруг стали распевать во все горло:

– Ягодка к ягодке, Светик ко свету, Милая к милому, Ой, люшеньки-люли, Ой, гулюшки-гули...

Ну конечно же, такое принято, чтобы при встрече жениха и невесты пели свадебные песни. Однако древлянам больше бы понравилось, если бы эти коварные русичи трепетали после всего увиденного в древлянских лесах. А эти поют, вон присвистывать начали, двое витязей чуть ли не вприсядку пошли перед приближающимся конем княгини. Она сама прибыла сюда к Малу Древлянскому. Такого и волхвы не могли предугадать, когда сватов за ней отправляли. В лучшем случае ожидали посольства с приглашением в Киев, а то и на переговоры на сопредельную межу. И вот же она, Ольга Киевская, княгиня Руси.

Мал потом все же заулыбался, оглянулся на своих ведунов и советников. Молодой волхв Малкиня стоял рядом, хмуры брови под серебряным очельем. Приведший княгиню Пуш выглядел растерянным, бояре из окружения Мала одни улыбаться начинали, другие, наоборот, хмурились.

Еще Мал подумал, что зря из Искоростеня с ним не прибыл верховный волхв Маланич. Тот всегда знал, что делать, однако слишком разъярился из-за того, что Ольга отправила к ним с сообщением христианина Стоюна. А христиан в древлянской земле тут же полагалось сажать на острый кол, чтобы погибали в муках. Этому же Мал велел не трогать, не желая обижать посла княгини. Зато Маланич обиделся, заперся в Искоростене.

Сейчас этот посланец-христианин стоял позади князя Мала и, увидев растерянный взгляд того, постарался приободрить:

– Что же ты робеешь, Мал Древлянский? Иди, встречай суженую.

И сам пошел к своим, никто его удерживать не стал.

Но Мал сперва поглядел на своего верного советника-волхва Малкиню. Тот был напряжен, глаза его скользили по лицам весело распевавших русичей. Взгляд задержался какое-то время на насмешливо прищурившемся Свенельде (этому все нипочем!). А потом он смотрел только на Ольгу. Подумалось, что таких женщин – стать, уборы, непривычно смелый, полный несокрушимого достоинства взгляд, – ему еще видеть не доводилось. Но потом ее внешность перестала для него что-то значить, осталось только стремление угадать ее помыслы... Песни и поднятый русичами шум отвлекали его, но Малкиня пристально смотрел в ее затененные длинными ресницами

светло-серые прозрачные глаза... за эти глаза, в ее душу. Ничего особенного княгиня в этот миг не задумывала, просто с чисто женским любопытством оценивала жениха. Она отметила, что и ростом он не вышел, и лицо у него круглое, как луна, и такое же блеклое, да и разъелся, будто хряк. Она так и подумала – хряк. Да, в очах княгини Мал Древлянский и мог показаться не самым пригожим женихом. Особенно в сравнении с Игорем князем – высоким, поджарым, ясноглазым. Его образ вдруг стал таким ярким, что Малкиня даже отвел глаза. Словно увидел того самого Игоря, которому сам вместе с другими выкрикивал на вече смертный приговор. Но тогда иначе нельзя было поступить... Так все решили. И так же тогда думал он сам.

Сосредоточиться Малкине мешали и разговоры стоявших вокруг бояр древлянских. Кто из них негодовал, кто дивился, а кто и посмеиваться начал. Дурмана, что ли, русичи наглоotalись, раз так веселятся? – гадали древляне. А тут еще Мал на него оглянулся и просто оглушил нетерпеливым стремлением узнать, что же это? Может ли он подойти к Ольге пресветлой, к ладе своей ожидаемой и желанной?

– Иди, княже, невеста ждет, – отпустил Мала молодой ведун.

И таким облегчением повеяло на него от Мала, такой радостью.

«Может, и впрямь сладится у них, – подумал. – Может, смирились русичи, поняли, что древляне недаром на поклонение темным пошли, только бы свободу сохранить. И может, прав был верховный ведун Маланич, уговорив их на подобное святотатство...»

Ибо для Малкини все происходящее в древлянской земле было страшным святотатством. Он продолжал служить своему князю, но на сердце будто камень лежал. И все вспоминалось, о чем просил перед страшной кончиной Игорь. Не о пощаде умолял, не за себя ведь боялся, а за племя древлянское, которое может теперь вовсе сгинуть...

Но об этом думать было тяжело, и Малкиня, отгоняя непрошенные, полные раскаяния мысли, шагнул следом за своим князем, чтобы быть рядом и упредить, если что неладное почувствует.

А вот сам Мал не чувствовал никакой опасности, никакого подвоха. Он ликовал. Пришла-таки, склонилась, признала, как исстари велось, что убивший мужа имеет право на его жену. Мал улыбался, не сводя глаз с этой величественной всадницы, в своем блистающем венце прибывшей к нему, чтобы назваться его женой. Ах, сколько же он мечтал о ней, сколько желал ее! И вот она здесь. Значит, правы были его волхвы, решив подчиниться Морене и Чернобогу, значит, получилось все у них, и древляне не только не пострадают от убийства русского князя, а и получат самое ценное, что есть у Руси, – правительницу Ольгу, а с ней и киевский престол для Мала. А еще она подарит ему сына. Ибо на Мала было наложено заклятие, что сына-наследника родит ему только она. И вот она здесь!

Ольге не нравилось торжество в его взгляде, он сам ей не нравился, был ненавистен... Но нельзя так. Она заметила, как позади князя скользнула высокая тонкая фигура волхва в черном – словно ворон темный, словно тень. Малфрида упреждала о нем. И Ольга стала думать о том, как речи с Малом вести, спешила, склонилась столь низко, что ее длинные русые косы едва не подмели дорогу у его ног. Мал тут же поспешил ее поднять, в глаза заглядывал. Ольга же с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть ему в лицо. Но эту мысль пришлось подавить, и княгиня быстро заговорила с Малом, нарушив покон, когда невеста не имеет права первая слова жениху сказать. Однако Ольга была не простая невеста. Она была правительница, которую восставший подданный принудил к браку.

– Нам надо обговорить все условия брачного ряда, Мал Древлянский. Я явилась сама, без сватов, а твои сваты...

– Да знаю уже, – махнул рукой Мал. Улыбался, отчего его круглые бледные щеки стали еще круглее, мягонький носик совсем утоп между ними. – Мне и посыльный твой, и мой Милота то поведали. А свадьба-то наша когда?

Ольга заставила себя выдавить улыбку.

– Скорый какой! Мне еще надо тризну по мужу справить.

- Тризну?

Этого Мал не ожидал, стал оглядываться то на Малкиню, то на отставших было бояр и волхвов. Никто его о таком не упредил. Но Ольга настаивала: хочу, говорит, видеть могилу мужа моего, хочу холм возвести над его прахом. Разве древлян не учили, что князей только так надо провожать в последний путь?

Улыбки и недоумение Мала раздражали ее. Какое ничтожество!.. И этот хряк древлянский хочет сделать ее женой, мечтает с ее рукой стол киевский получить!..

Свенельд стоял позади Ольги. Ее мыслей он знать не мог, но он хорошо знал ее саму, поэтому и заметил, как обычно плавная речь княгини стала убыстряться, как всегда бывало с ней, когда волновалась. А тут еще и Малкиня рядом вертится, нахмурился вон, чуть склонил голову, как будто прислушивается к чему-то едва различимому. Ольга и впрямь говорила негромко, а тут еще эти песни воев позади:

- Ох, меду подавай стоялого, Эх, снопы вяжите пышные, Ох, усадим на них сударя с сударушкой, На честном пиру, Да на свадебном...

Свенельд соскочил с коня, шагнул вперед, а поклонился Малу так размашисто, что его корзно златотканое полыхнуло, как солнечный луч, в этот серый туманный день.

- Прости, что вмешиваюсь, друже Мал, прости и ты, государыня пресветлая, но разве дело, когда столь нарочитые люди дела на дороге обговаривают? Нет, Мал, пусть у вас ныне законы Рода-прародителя и не святы, а у нас все одно принято, чтобы гостей сперва напоили, накормили, в баньке попарили, а потом уже и речи заводили.

Он говорил не останавливаясь, то Мала брал за руки, то Ольгу, то на Малкиню наступал, почти отстраняя его в сторону, зато к невозмутимому Пуцу так подошел, что почти потащил того в терем, стал и иных бояр увлекать, говорить, что свита их вон как старается, распевает обрядные свадебные песни, надо теперь им дать горло промочить, угостить медом и квасом. И добился-таки, что все гурьбой двинулись к воротам Малино, входили с шумом, песнями и гоготом, где уж тут понять, что и у кого на уме. И все же Свенельд улучил миг, когда уже под навершием широких усадебных ворот оказался подле Малкини, и довольно бесцеремонно развернул того к себе.

- Эй, кудесник, тут тебя кое-кто видеть желает.

Кивок туда, где входили во двор три спутницы Ольги. Одна молодая, другая постарше, а третья не разберешь какая - в темно-красной пенуле с надвинутым на глаза капюшоном. Видел, как Малкиня замер, как смотрит, и опять ощутил злость. Так неужели и впрямь от этого хитрого древлянина в длиннополой, как у иного христианского священника, одежде понесла его боярыня? Ведь было же что-то некогда между ними, ведь не зря Малкиня так просил посадника за Малфриду, да и Малфутка потом всегда о нем ласково отзывалась.

Но именно эту его мысль и уловил Малкиня.

- Что? Малфутка здесь? Она не забыла меня?

- Как, забудешь тут, - процедил сквозь зубы Свенельд. - Твое дите у нее под сердцем.

Малкиня удивленно и словно обиженно поглядел на посадника. Но через миг его уже иное волновало: что, если кто узнает в спутнице Ольги ведьму? Ту самую, которую он некогда от костра спас да Свенельду передал, с непрямым условием, что в древлянский край она никогда не возвратится... Так какого рожна, спрашивается, Свенельд опять притащил ее?

Но спрашивать уже было некогда. Свенельд с князем Малом и Ольгой поднимался на высокое крыльцо усадьбы, а Малфрида была тут, рядом, Малкиня даже уловил ее радостные мысли от встречи с ним. Радостные!..

Он бы и сам возрадовался, если бы так не волновался за нее. Вот и схватил за руку, повел за угол, протащил между дворовых построек и хлевов, пока не вывел через боковую калитку в частоколе, повел прочь мимо собравшихся поглазеть на прибытие гостей окрестных селян. Эти же селяне могли и обратить внимание на куда-то спешно

идущего волхва со странно одетой, закутанной женщиной, но сейчас им было не до того. Они давно отвыкли от появления чужих в их унылом суровом мире, где вопли лешего у порога стали привычнее песен и плясок, и теперь только и твердили, мол, кончатся скоро наши напасти, Ольга Киевская смирилась, а значит, не нужно будет почитать темных богов. Теперь-де вновь люди вспомнят Дажьбога и Рода доброго, Перуну поклонятся, и он вновь кинет молнию сквозь тучи, принудив нежить затаиться в чащах и отступить перед силой людей, чтящих небожителей, а не силы мрака подземные.

Вот под такие шумные и исполненные надежды речи Малкия и Малфрида прошли сквозь толпу, стали удаляться, миновали открытое пространство-межу, отделяющую усадьбу от опушки леса. Они скрылись под тяжело нависавшими еловыми ветвями, не заметив, как вслед за ними скользнул еще один из древлян. Не то воин, так как его куртка была обшита бляхами, не то лесной охотник, так как его осторожная поступь была не слышна среди валежин. Лицо его почти затенял куний колпак с низкими полями, только был виден аккуратный прямой нос и сильный выбритый подбородок, чуть раздвоенный небольшой ямочкой.

Древлянин тихо двигался, таясь за обросшими мхом еловыми стволами, в то время как Малкия уводил ведьму по едва заметной лесной тропе.

– А ты не боишься этих лесов колдовских, Малк? – почти весело спросила у молодого волхва Малфрида, когда он остановился и она, невозмутимо расправив подол, уселась на одно из поваленных бревен. Подумала сперва, что ранее эти места были вычищены, дубы разрастались, привольно раскидывая могучие ветви, ели между ними стояли лишь кое-где. А теперь вон сумрак вечный, подлесок кругом пророс, лапы елей шатрами нависают до земли, мошка и гнус выются из-под них даже среди бела дня. Да и был ли день белым? Вон туман вроде как сошел, а все равно сумрачно, неуютно, сырость пробирает.

Малкия смотрел на нее как на чудо.

– Ну а тебя лес древлянский не пугает, Малфутка? Что вообще тебя может напугать, раз ты осмелилась явиться в край, где тебя всякий пронзить осиновым колом сочтет за честь?

– Я Свенельда жена, – почти с гордостью заметила Малфрида. – И я колдунья самой Ольги, для которой ваш Мал что хошь сделает.

– Но оценит ли она это, а, Малфрида?

Он не называл ее более Малфуткой, он почувствовал в ней чужую. Они служили разным правителям, которые враждовали, у которых еще ничего не сговорено, и оба – и Малкия и ведьма, – понимали, что Ольга не желает этого брака. Но все же приехала.

Казалось бы, сейчас, когда вокруг не было скопища людей с их многообразием мыслей, Малкия мог прочесть все, что таит в себе ведьма, но ему это не удавалось. Он сразу ощутил, что она стала сильнее и мудрее, что она может от него заслониться. Или что-то помогает ей заслониться? Малкия чувствовал только темную пелену, которая укутывала ее, как та же пелена скрывала ее тело. Волхву стало не по себе от столь неожиданной и непонятной ее скрытности. Ранее она была открыта перед ним, как лесная прогалина открыта солнечному свету. Теперь же в ней было столько же мрака, сколько таили в себе древлянские чащи. Но все же она хотела, чтобы он кое-что понял. Будто приоткрыла завесу, дав ему разглядеть, что он нравится ей. Мысли эти вспыхивали, как зарницы в ночи, и он сам себя увидел со стороны ее глазами: высокого, тонкого в поясе, но плечистого, с длинными, гладко расчесанными волосами, схваченными серебряным обручем, в чистой черной одежде с усеянным бляшками поясом, со строгим и значительным лицом, с ясными голубыми глазами...

– Ты стал красивым, Малк, – блеснув в улыбке ровными зубами, произнесла Малфрида.

– Ты тоже хороша. Но ты ведь всегда мне нравилась.

Об этом говорить было приятно, но имели ли они на это право? Он ведун, давший обет безбрачия. Она жена другого, того, кто вдруг так болезненно заревновал ее к Малкине, хотя и сам же хотел оставить их вместе.

– Ты ждешь дитя? – как будто только вспомнил Малкия ревнивую фразу посадника. – И как я понял – не от варяга своего?

Малфрида перестала улыбаться. Спросила почти злобно:

– Вот, может, ты и подскажешь, кто ребеночка мне сделал?

Он отвел взгляд. Смотрел, как неподалеку качается лапа ели, будто укрывая кого, будто грозит им кто. Там кто-то был, Малкия ощущал обрывочные мысли духов леса, удивленных и встревоженных проникновением людей в колдовскую чашу, но отгородился от них. Ему сейчас надо было поговорить со своей единственной любовью, которую он сам некогда вручил другому. А то, о чем она спросила... Она сама могла догадаться, кто отец ее дитя. Или не могла? Но от этого легче не становилось. То, что случилось с ней, лучше не вспоминать. Да как забудешь, если после тех, кто глумился и унижал ведьму, в ее теле осталась такая отметина? А он-то надеялся, что теперь у них со Свенельдом все ладно будет. Ладно для них двоих, не для Малкини... Но он давно смирился, что она не для него.

Волхв заговорил о другом. Сказал, что он сам присягал Морене и Чернобогу, на нем их обереги, а с такими знаками его не трогают духи леса, наоборот, они слушаются его. Малфрида всегда считала, что он слабый кудесник, так пусть же поглядит. И он повел рукой в сторону качающейся лапы ели, будто приказывая кому-то уйти. И тут же оттуда заскакал зайцем маленький лохматый старичок с заячьими лапами – только труха древесная с него посыпалась, когда по пути зацепился за торчавшую корягу.

– Видишь, меня теперь любой лесовик слушается. И так же они подвластны любому из наших волхвов, всем тем, кто стоял у жертвенного костра Морены, когда мы приносили ей русских витязей, на кого попали капли крови отданного в жертву Чернобогу русского князя.

Он говорил, стараясь не смотреть на нее. Сказал, что древляне сейчас могут наслать любое колдовство на Русь, любых духов. И то, что в Киеве знают это, добро. Русь никогда не обладала такими кудесниками, какие испокон веков родились в древлянской земле. Да и витязи у древлян отменные, Мал вон какую рать собрал, и когда сойдутся витязи древлянские да еще подвластные духи, да чары колдовские, да еще и союзное племя волянян, если все встанут в единое воинство... Перед такой силой никто не устоит.

– Это ты мне нарочно говоришь, чтобы я Свенельду поведала? – усмехнулась Малфрида и легко откинула с головы капюшон, провела рукой по уложенным короной черным косам, поправила выбившийся на виске волнистый завиток.

В лесу опять что-то ухнуло, затрещало, застрекотало где-то, будто сойка закричала, но может, и засмеялся кто дребезжащим смехом, ветка треснула где-то поблизости. А Малкия смотрел на Малфриду, любовался ее странной красотой. Ну у кого еще такая гладкая смуглая кожа и интересные впадинки под скулами, у кого такая гордая посадка головы и темные жгучие глаза? – и ощущал приятное тепло в груди. Но вслух сказал иное: древлянам после того, как они князя решились казнить, нужны были такие чародейские силы, чтобы чувствовать свою защищенность.

– И вы готовы были погубить свое племя ради этих сиюминутных сил? – искоса взглянула Малфрида. – Разве не ведаете, что становится с теми, кто темным служит? От тех сам Род отступается, люди вымирают и ничего после них не остается. И это жестоко. Очень жестоко, даже я, ведьма, наученная убивать, это понять могу. Ну да ваш Маланич верховный и не на такое пойти может, он власть любит, ему все нипочем, только бы возвыситься. А князь Мал глуп и недалновиден. Волхвы же древлянские упрямы, они последние вольности свои чародейские потерять опасаются. Да и вина на племени после гибели князя. Но вот ты сам, Малкия? Ты ведь всегда светлый был, несмотря на то что в черном ходишь. И вот я вижу, что ты тоже стал поклоняться проклятому Чернобогу и Морене лютой.

– Чернобог нам был нужен, чтобы силу заиметь, – как что-то заученное, упрямо ответил Малкия. – Неужто вы бы нас пощадили после убийства князя своего? Теперь же с нами его сила, вся нежить нам послушна, а Морена... Если ты вспомнишь, то Морена – иная ипостась Макоши доброй.

– Ага. Только злая ипостась. Макошь там в силе, где ее почитают, а не то темное и древнее, что из нее вышло и теперь живет отдельно. Вы сами меня некогда обучали, и ты все это и без меня знаешь. Ладно, до бед древлянских мне дела нет.

– Так зачем же ты прибыла?

– Ну, я... Возможно, я про тебя узнать хотела, – усмехнулась Малфрида, взглянула лукаво, но веселое свечение быстро погасло в ее глазах. И она добавила: – Но вижу, ты с Маланичем заодно. Темным предался.

– Разве был у меня выход? – как-то обреченно вздохнул Малкиня. – Я со своим племенем должен оставаться, меня оно взрастило, ему я служу. И я не мог оставить тех, кто защиту искал от Руси. А ведь Русь уже не единожды примучивала вольное древлянское племя. Теперь же пришел наш черед поквитаться.

Малфрида расхохоталась.

– Вот слушаю тебя сейчас, а такое чувство, что с Маланичем разговариваю. Ох и окрутил же он вас, ох и заморочил! Морене поклоняться решил и вас всех за собой повел. Ну да ладно. Я в том не участвовала. Но по мне, так пусть бы лучше древляне под Русью остались. Дань-то платить племя уже привыкло, только старики порой о былых разбоях и вольностях древлянских помнили, остальные уже свыклись, что с Русью они. Даже выходили из своих лесов на большие торги, союзы брачные с иными племенами заключали, и лад был.

– Лад, говоришь! – подскочил Малкиня. – Это ваш Игорь тот лад порушил, волк ваш киевский! Не было от него спасения. И скажу тебе еще: когда вече собралось решать судьбу волка Игоря, я тоже был за то, что надо его убить, пока не погубил всех, не разорил и уничтожил. И я согласился с Маланичем, когда тот предложил способ избавиться от мести со стороны Руси за убийство князя-волка.

Малфрида смолчала. Она о многом думала в последнее время, многое осмыслила. И понимала, что и ее вина есть в том, что у древлян сейчас такое. Игорь-то за новой данью пошел только после того, как на Свенельда обозлился. Княжеская-то рать поиздержалась в походах, а богатства все у Свенельда рачительного оседали. И она сама к Свенельду ушла... Но она тогда не ведала, как любил ее князь Игорь, это лишь недавно она все вспомнила и поняла, что особенно обозлило Игоря, когда ее подле Свенельда увидел. Но, зная своего мужа, Малфрида понимала, что Свенельд вряд ли бы сделал ее своей боярыней, кабы ведал, что Игорь подобного ему не простит. Посадник древлянский невесту из лесов в Киев вез, не подозревая, что она и есть лада князя его. Игорь же понял лишь одно: и здесь его Свенельд обошел. И войско у Свенельда равное княжескому, и богатства у него, и почтение бояр, и милость княгини, да еще и чародейка Малфрида. Вот и захотел князь помститься Свенельду, а еще скорее сам проверить, насколько верен его посадник, раз имеет дерзость даже на женщину князя посягать. А заодно так он мог показать, что забирает у Свенельда то племя, какое некогда дал на кормление предприимчивому варягу. Для этого он сам должен был пойти в полюдь к древлянам и взять с них дань лично для себя и для своих людей. И это после того, как древляне уже рассчитались со ставшим им привычным Свенельдом, после того, как откупились где данью, где подарками. Но Малфрида не сочувствовала древлянам. Да ей эти древляне... Пропали они пропадом, после того, что они с ней сделали. Но ведь люди все же... А еще она подумала, что никакая дань, пусть и двойная, не хуже того, что с ними их же волхвы сотворили. Ведь вымрут же теперь все, без помощи богов, без сил Рода-прародителя и подателя жизни, без сил Перуна и милости Лады. А не вымрут – уж Ольга с ними за смерть мужа поквитается. Но стоп – о таком думать при Малкине не стоило. Пусть и укрывает ее помыслы оберег Кощеев, но кто знает, насколько силен дар в получившем новую силу ведуне древлянском.

Она чувствовала, как он глядит на нее, и улыбнулась: лукаво и обольстительно, с той долей очарования, какое всегда сквозило в ее белозубой улыбке на смуглом лице, когда глаза ее начинали искриться, а пухлые губы могли отвлечь от серьезных помыслов любого мужчину. Очарование ведьмы... в нем была особая сила. Не важно даже, что эта ведьма на пятом месяце беременности.

Однако сейчас Малкиня как будто не отреагировал на ее лукавое заигрывание.

- А ведь из-за тебя Игорь погиб, Малфрида, - как-то торжественно произнес он.

Она это уже поняла. Но как догадался Малкиня из чащи? И она лишь повела плечом, заметив: дескать, рано или поздно бы Игорь смирился, что она жена Свенельда.

Но Малкиня думал о чем-то своем, его голубые глаза затуманились.

- Игоря никогда не любили у древлян, еще с тех пор, как он, только вокняжившись, подавил их мятеж и наложил более тяжелую дань. Потом, уже при Свенельде, как-то племя смирилось, что под Русью находится. Я сам порой думал, что и так жить можно. А тут Игорь опять - злой, беспощадный, требовательный. Это не Свенельд, с которым договориться можно. Мы ему: мол, все уже взято, со Свенельда своего спрашивай, и наши закрома пусты. Он же: раз пусты, людьми возьму. Вот и брал в каждом селе то по юноше, то по девушке, а когда и по кузнецу мастеровому.

- Но ведь не на жертвенный же алтарь забирал людей! Пристроили бы древлян подневольных, в Киеве такие и сейчас есть, и ничего, многие давно выкупились, но что-то назад в древлянские чащи не просятся, прижились на хлебах полянских, в сапогах да в сукне добротном расхаживают.

- Да ну? Может, скажешь еще, что на рынки рабов древлян не отправляют? Не отдают в неволю, чтобы казну пополнить?

На это Малфриде нечего было ответить: знала ведь, что кроме мехов и меда купцы увозят на дальние торги и людей, а славяне всегда дорого ценились на иностранных рынках.

Малкиня же продолжал свой рассказ:

- Вот после того, как Игорь обобрал древлян и двинулся с войском восвояси, Маланич и предложил, как освободиться от жадной Руси. Сказал, что если принесем невиданную жертву темным, Кровнику и Морене, они силу силенную возымеют, а в благодарность и нам ту силу дадут. И жертвой таковой может быть сам князь и его дружинники. Но как было древлянам взять князя, когда он прибыл с войском отменных витязей, каждый из которых в бою стоит троих, если не более, лесных древлян? И вот тогда Маланич и придумал особую хитрость, какая могла отделить князя от его воинства.

Теперь в голосе Малкини появилось нечто столь необычное, что Малфриде не по себе сделалось.

- Я сам нагнал возвращающуюся с данью дружину Игоря и сообщил, что у меня есть весть для князя. А как мы отъехали в сторону, сказал, что меня отправила за ним Малфрида.

- Я?

- Да, ты, древлянка Малфрида, кудесница лесная. А не та, схожая с тобой, какая стала женой Свенельда. И в доказательство показал ему прядь светлых волос. Или забыла, что когда с Игорем сходилась, ты светлокосой была? Мне ничего не стоило найти среди наших баб такую же светловолосую, а со Свенельдом бы была темнокудрой. Вот я и убедил Игоря, что ты здесь в лесах обитаешь и ждешь его. И князь тогда прямо засветился весь. Сказал своей дружине, мол, идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще. Ну не мог же он им поведать, что из-за лады своей опять возвращается? Стыдно ведь, князь как-никак, а вот так из-за бабы... Но слова те его слышали и наши древляне. Вот и поспешили сообщить, что Игорю мало той дани. А Маланич и произнес перед людным вече древлян те роковые слова: «Если повадился волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его». И ни один из присутствующих не сказал слова против. Игорь же ехал с малой дружиной, я сам его вел дальше от дорог к речке Гнилопяти, где его уже ожидала засада, и...

- Все, молчи! Молчи! - вскричала Малфрида и прямо кинулась на Малкиню, руками с растопыренными пальцами, казалось, в глаза ему сейчас вцепится.

Но молодой волхв легко перехватил ее руки, закрутил их ей за спину, а сам крепко прижал ее к себе, обхватил, удерживая, кричавшую и рыдающую. Она сперва билась, потом просто обмякла от плача. А на Малкиню так и нахлынули ее видения: вот Игорь

на вороном коне в богатых мехах легко скачет вдоль заснеженного Днепра под градом Любечем и смотрит яркими синими глазами на стоящую на пригорке подбоченившуюся девушку в алом шарфе.

«- Ты чья же такая будешь?

- А ничья! Но захочешь - твоей буду!»

А вот Игорь стоит у высокого штевня крутобокой лады, ветер треплет его яркое синее корзно, развеивает темно-русые кудрявые волосы с седой прядью ото лба. Игорь оглядывается на Малфриду и улыбается так нежно.

Или вот князь, с влажными, прилипшими ко лбу прядями, приподнимается на локте и смотрит еще затуманенными от страсти глазами. Шепчет: «Никого и никогда не любил я, как тебя, лада моя, древляночка колдовская».

Или еще... И еще... Смеющийся Игорь, задумчивый, печальный, властный. И в голосе его проступает горечь разлуки: «Обещай, что дождешься меня! Ведь без тебя я как парус без ветра, свеча без пламени, меч без рукояти...»

Нет, это был не тот князь-волк, которого ненавидел Малкиня, ненавидели все древляне. Это был князь Малфриды. Так вот кого любила она... когда рыдала на груди у Малкини, забыв схоронить свои помыслы, забыв, что ведьмы и любить-то толком не могут...

Но было еще что-то в ней, какие-то темные силы всколыхнулись вокруг нее, словно кто-то страшный и незнакомый. Лютый зверь выл в ней, как проклятый всеми вурдалак воет на луну в своем одиночестве. Нелюдь, другая душа ведьмы Малфриды. И на этот вой что-то откликнулось. Неведомая сила вдруг ударила Малкиню в живот, так что он отлетел, покатился по земле, задыхаясь.

Малфрида тоже пошатнулась, а потом вцепилась во что-то под широкой накидкой, склонилась, удерживая. На ее еще залитом слезами, искаженном плачем лице появилось удивление, почти страх. Малкиня пытался привстать, ловя ртом воздух, когда заметил, что из-под полы ее пенулы как будто выскочил большой паук, пополз, побежал по складкам пелерины, уворачиваясь и не давая Малфриде его поймать. Малкиня с удивлением понял, что это нечто вроде руки, странной, сморщенной, когтистой. Гадость какая!..

И вдруг это жуткое существо-рука отскочила и прежде, чем они опомнились, кинулась туда, где вдруг из кустов показалась лобастая медвежья голова. Медведь!.. Но летом медведи сыты и не опасны, а этот пер на них, глухо утробно урча и мотая головой. И только через миг стало ясно, что медведя просто гоняют расшалившиеся, вошедшие в силу дубравицы и лесовики, каким лишь бы зверю голову поморочить. Сами лесные духи только смеялись - беззвучно для людского слуха, но от этого еще более жутко, - а вот медведю от их щеколки и пинков было страшно, он ломил через заросли, не видя куда. И как раз на Малфриду и Малкиню, на людей.

Малкиня не успел схватиться за Моренины амулеты и встать, Малфрида и сойти с места не могла, а когтистая лапка уже с размаху ударила медведя в крутолобую голову, как раз над глазами. Словно перепелка порхнула, а сила удара была такая... может, Малкине даже повезло, что его не так отпихнули. Ибо медведь просто покатился кубарем обратно в чащу, зарычал уже не глухо и недоуменно, а во всю силу, от боли и удивления. И кинулся прочь, только треск и рык по лесу пошел. А все эти расшалившиеся бездумно, чуть не приведшие к беде лесные духи тоже испугались, растеряли привычное веселье, стали кричать, метаться с открытыми ртами, цепляясь корнями-волосами за ветки. Сталкиваясь, дубравицы роняли свои сплетенные из дубовых веточек венки, с их ног осыпалась кора, лохматые лапки лесовиков расползались, и они падали на землю, укатывались кто куда клубками листьев и хвои. И продолжали кричать, причем так отчаянно и испуганно, что не только улавливающий страх иных душ Малкиня слышал их ужас. А лес вокруг зашумел, зашелся рыком, криками, треском, как будто убегал кто... Медведь, лесные нелюди, еще кто-то тяжелый, под чьей ногой громко трещал валежник и ломались кусты подлеска.

Малкиня все же поднялся, схватил амулет с выбитой на нем скалящейся улыбкой, стал что-то быстро говорить. Но отдернул руку: амулет Чернобога неожиданно стал горячим,

как будто божество не помогало, а только злилось. Но помощь уже была не нужна. Лес стихал, кусты и лапы елей качались медленней, все успокаивалось.

Малфрида спокойно подняла оставшуюся лежать на земле отвратительную кисть, отряхнула ее от хвои и спрятала в калиту на поясе.

– Что это у тебя? – спросил Малкиня.

Ведьма одернула накидку, а на волхва взглянула едва ли не с вызовом.

– Что-то, как погляжу, не так и уверенно справляешься ты с разнузданной нежитью, ведун. Если бы не мой амулет, заигравшиеся духи посмеялись бы, наблюдая, как медведь нас дерет.

Малкиня не отвечал. Он понял, что у Малфриды есть могущественный оберег, способный и преграждать доступ в ее мысли, и оберегать хозяйку.

– Что это? – опять спросил Малкиня.

– Подарочек Кощея, – засмеялась Малфрида. – И уж поверь, он понадежнее будет ваших оберегов Морениных.

Малкиня судорожно сглотнул. Подношение от Кощея...

– Кощей не властен в этих землях, – сказал он сурово. – И с Чернобогом они извечные недруги, и Морена у Кощея супруга непокорная, ненавидящая его. Здесь их поле власти.

– Да ну? – насмешливо вскинула темные брови Малфрида. – А вон косолапый-то убежал, как и от рогатины не бегают.

Малкиня вдруг понял, что ему надо сообщить своим о присутствии амулета враждебной силы. Силы даже не светлых богов, от которых темное колдовство оберегало лес, а других хозяев тьмы. Но это значило предать Малфриду, а этого он не мог. Он любил ее, и она это знала. Ах, освободиться бы ему от этого чувства!.. Но людские страсти, людское сердце порой посильнее любых чар бывают.

– Пора возвращаться, – только и сказал он. – Мы долго отсутствовали, на это могут обратить внимание. А если в Малино узнают... – он подумал немного и сказал: – Если тебя кто узнает, я ушлю того подальше.

Они вышли из леса, когда уже начинало смеркаться, темные тучи опять затягивали небо, строения Малино сливались в этом мраке в одну сплошную громаду, как и избы селения на берегу. Было видно, как волхвы по традиции обходят с заклинаниями постройки, чтобы разошедшиеся духи не смели приближаться к людскому жилью. Но они сейчас и не смели. Ибо в усадьбе было сегодня весело: даже сюда, на опушку леса, долетал шум, слышалась музыка и пение. Похоже, счастливый Мал устроил для прибывшей невесты веселое пиршество.

И еще они увидели, как из ворот усадьбы выехал верховой. Видать, его наделили особой силой оберегами, если пускался по лесной дороге ночью. А ведь неся во всю прыть. Малкиня едва распознал гонца в надвинутом на лицо меховом колпаке.

– Кто это из лесных древлян умеет так ловко с конем обращаться? – удивилась Малфрида, наблюдая за конником.

– Это...

Но Малкиня сдержался, не назвал ей имя проехавшего. Мокей вдовый сын, лесной торговец, который с недавних времен стал одним из служилых людей князя Мала. Но Малфриде не стоило напоминать о том, кто некогда возглавлял толпу ее преследователей.

– Да так, один из людей Мала Древлянского, – ответил Малкиня небрежно. И отвлек Малфриду, указывая на еще не запертые ворота: – Вон гляди, муж твой нас ждет. Небось волнуется, где это его женка с волхвом пропадала.

- Волнуется? - как-то грустно переспросила Малфрида. - О нет, Свенельд скорее гадает, куда это Мал в ночь своего человека отправил.

- Ясное дело куда. В Искоростень, сообщить о приезде княгини.

Так, переговариваясь, они и подошли к воротам, где, широко расставив ноги и откинув гордую светловолосую голову, стоял Свенельд. Он отступил при их приближении, пропуская во двор, слова не сказал. Но Малкиню так и оглушило исходящей от него ревнивой обидой. Но это и позабавило, он даже усмехнулся в темноте. Что ж, пускай хоть этот думает, что у него все ладно с чародейкой. Ибо нет между ними ничего, что согрело бы сердце Малкини.

Глава 9

Терем князя Мала в Искоростене был богат. Поселившийся в нем в последнее время верховный волхв Маланич с удовольствием расхаживал по его переходам, касался вычурной раскрашенной резьбы на столбах-подпорах, оглаживал растянутые на бревенчатых стенах пушистые шкуры, ступал по крашенным в алое войлочным дорожкам-половикам. Везде вышивка, везде богатые тканые полавочки, чисто выскобленные половицы. Но особенно волхву нравились светильники в гриднице: они стояли по обеим сторонам княжеского трона-кресла и были похожи на змеев-ящеров на мощных когтистых лапах, с запрокинутыми к потолочным балкам оскаленными пастьми-чашами, в которых горел огонь. Мастерски выполненные, с искусно выделанной чешуей и выпученными глазами, словно оскаленные ящеры испытывали натугу, извергая это мягко пылавшее пламя. Красиво! Мал приобрел их не так давно, все похвалялся ими, говоря, что когда княгиня Ольга прибудет к нему в терем, она поймет, что не за дикого князя выходит замуж, что ее тут ждут роскошь и уют, что лелеять ее Мал будет, любимой женой сделает. Он все время только и твердил, что теперь Ольга свободна и может стать его княгиней, родить ему сыновей. Ничего этому потомку древних древлянских князей так не хотелось, как получить от Ольги сына. Именно от Ольги! Некогда Маланич сам наворожил, что у Мала не родится сын ни от какой иной бабы, только от гордой княгини киевской. Кто бы тогда мог подумать, что так ладно у них получится! Ибо, когда они решили погубить Игоря, Мал с готовностью поддержал их, понимая, что в этом для него единственная возможность получить в жены Ольгу и приобрести долгожданного наследника. Теперь же, когда Ольга прибыла, Мал так и сорвался, так и полетел ей навстречу сизым соколом.

Маланич хмыкнул: каким уж соколом, скорее селезнем, отупевшим от любви, доверчиво кинувшимся в расставленные силки. Ибо с Русью, с ее правительницей надо быть не торопливым, а предусмотрительным. Это и говорил ему Маланич, когда стало известно, что невеста князя увязла в колдовской чаше. Но Мал и слушать ничего не желал, отмахивался, даже ногой топал гневно. Что еще Маланичу надо? – кричал, срываясь на визг. Ольга явилась, сама прибыла, да как докладывают, только с небольшим войском, не с ратью могучей, чтобы мстить, а только с охранниками. И он сам отправится ей навстречу, сам встретит желанную. Вот и поехал.

Маланич же остался в Искоростене дожидаться вестей. Бродит по переходам, размышляет, а заодно... Мало кому бы признался, да только хорошо ему тут, среди такого богатства, где всякий его боится и слушается. Ибо страх – одна из сторон почтения. А роскошь... Проведший всю жизнь в лесах без особых удобств и уюта волхв Маланич неожиданно понял, что роскошь – это одна из составляющих власти. А власть он любил, ради нее и жил. Иначе не интересно.

Сейчас Маланич прошелся по пустой длинной гриднице, туда, где на возвышении между змеями-светильниками стояло княжеское кресло, сел в него, откинувшись на покрытую пушистой рысьей шкурой спинку, поставил ноги на резную, обитую пестрым бархатом скамеечку. Удобно, хорошо, от огней в пастьях змеев-светильников пахнет нездешними цветами. Маланич принялся, представив, как он смотрится на этом месте. Да уж получше рыхлого неуклюжего Мала. Ибо был верховный волхв Маланич мужчина внушительный: высокого роста, худощавый, но статный, плечи прямые и широкие, лицо... Сколько ему лет, Маланич уже и сам не ведал. Когда живешь в чашах да употребляешь мертвую и живую воду, возраст не сильно сказывается. Но длинная грива седых до белизны волос, отросшая ниже пояса, и не менее длинная борода указывали, что чародею немало весен. Однако его темные жгучие глаза оставались по-молодому зоркими и ясными. Особенно их оттеняли белые волосы и одежды Маланича, да еще круто изогнутые черные брови – словно сажей наведенные.

Маланич положил руки с бренчащими подвесками-амулетами на золоченые завитки кресла, оглядел гридницу. Забавлялся, представляя себя князем. А чем он не князь? И хотя во время собраний нарочитых бояр, волхвов и старейшин он обычно стоял за креслом, как советник Мала, все знали, что именно он правит, именно к его речам прислушивается князь. Да еще к речам Малкини. Это немного умаляло ощущение власти у Маланича. Надо же – Малкиня, найденыш, даже не древлянин родом, а просто способный мальчишка, какого некогда разыскивали ведуны на берегах Днепра. Он-то и пожить еще толком не успел, чтобы мудрости полагающейся набраться, а надо же,

сумел извернуться и стать правой рукой у Мала. И Мал, выслушав Маланича, всегда прежде всего к Малкине своему обернется, смотрит пытливо, словно одному ему доверяет. А Малкина... Вот уж наградили боги парня умением – мысли чужие разгадывать. С ним и Маланичу порой непросто. Ну да ведь справлялся же, подчинить себе сумел. И хотя Малкина был разумом не обделен, да только молоко еще на губах не обсохло, чтобы тягаться мудростью с могучим Маланичем. Недаром же Маланич смог и его переманить на свою сторону, когда задумал известить Игоря да уговорить всех отринуть равнодушных небожителей-богов и получить силу от темных, подземных. Но все же от Малкини следовало однажды избавиться. Вот и отправил его с князем Ольгу встречать. Пусть помозгует, как там и что, пусть прочтет мысли княгини и свиты ее, да выведает, отчего она без древлянских сватов вернулась. Ибо исчезновение послов настораживало Маланича. Он бы погадал, но там, за Днепром, власть богов-небожителей еще сохранялась, и он не мог пробиться туда ворожбой.

От размышлений волхва отвлек стук в дверь. Он не подал голоса, просто послал приказ, и стучавший понял, что ему разрешено войти. Страж-воротник, изумленно пялясь на восседавшего на княжеском месте кудесника, сообщил, что прибыл посыльный от Мала.

Посыльным оказался недавно принятый на службу молодой древлянин Мокей вдовый сын. Маланич видел, как этот парень кланяется от порога, идет по алому войлоку дорожки от двери. Этот Маланич был из лесных древлян, но предпочел служить в Искоростене, проявил себя как рачительный и смекалистый в услужении, поэтому Маланич приблизил его, после приставил к Малу как своего соглядатая.

Сейчас Мокей скинул меховой колпак, поклонился низко верховному волхву, коснувшись пальцами половиц.

– Поздненько ты прибыл, Мокей, – обратился к нему волхв. – Что, страшно было ехать по ночи-то?

– Страшно, мудрый, – не стал таиться Мокей. С волхвом-то не сильно и притворишься.

– Зря опасался, нет у тебя веры в чародейство, а ведь я тебе сильно заговоренный амулет дал.

– Знаю, мудрый. Да вот только... Пока скакал в сумерках, они все в чашах таились, я их слышал да и замечал порой, но амулет твой их отваживал. А как совсем стемнело... Конь подо мной был добрый, только он и вынес, когда сама чаша ко мне тянуться лапами начала, пущевики коряги на дороге высовывали. Где уж тут было не бояться.

– И все же ты поехал.

– Как ты и велел.

Маланич видел, что его гонец еще не отошел от испуга: бледный, взмокшие пряди прилипли ко лбу, глаза бегают. Наконец остановились на ровном пламени горевших светильников, и он как будто только теперь перевел дух, поняв, что опасность позади, что подле могучего Маланича ему ничего не угрожает. Значит, верность его сильнее страха. И если страх побеждает только храбрый, то слово держит только верный. Но Мокей, как знал Маланич, еще и честолобив. Для него служить верховному волхву значит подняться. Это Маланич понимал, ведь и сам в свое время не желал провести всю жизнь в чашах, потому теперь имеет право хозяйничать в тереме. А Мокей... Волхв вдруг подумал, что такой удалец бабам должен нравиться: вон какой ладный, статный да сильный, голову вскидывает без робости, лицо смазливое, губы мягкие, глаза ясные, бритый, как у иного щеголя киевского, подбородок разделен красивой ямочкой. Маланич знал, что некогда принятый в один из лесных родов Мокей сумел обворовать дочку самого старосты, женился на ней, но все же потом решил дальше идти. С такой родней, как у его жены, он бы сам однажды старостой мог стать, но не захотел терпеливо ожидать своего времени, предпочел добиваться милости у правителей. И уж он старается, им довольны, Мал даже ему десяток воинов под руку выделил, к себе приблизил.

Маланич разглядывал Мокея, пока не решил, что выждал достаточно и не будет выглядеть нетерпеливым. Теперь же сделал знак, позволяя рассказывать.

Сперва Мокей сообщал лишь то, что Маланич и сам предвидел. Поклонился прибывшей Ольге князь Мал, гостей дорогой назвал, уважил приличествующие законы гостеприимства. Но оказалось, что Мал не просто радушие проявил, а стал заискивать перед ней, спрашивать, что может сделать для желанной, чтобы она к нему расположение проявила.

При этом Маланич нахмурил темные брови. У Мала сейчас сила, он должен ставить условия, на этот счет Маланич особо наставлял князя перед отъездом. А вышло, что Ольга указывает Малу. Ну, допустим, она княгиня и повелевать еще у себя в Киеве привыкла, допустим, она еще обижена за смерть своего мужа, но должна же она уже уразуметь, что ее не править позвали к древлянам, а передать свою власть Малу. И она должна это понимать, раз сама согласилась стать его женой. Она же, со слов Мокея, даже не заикнулась о поездке с супругом в Киев, да и на пиру сидела сдержанная и молчаливая, не притронулась к выставленному угощению.

– Что ты говоришь? – остановил знаком рассказчика Маланич. – Говоришь, от угощения на пиру Ольга отказалась?

– Да, мудрый. Она сказала, что пока не отпразднует тризну по мужу, в доме его убийцы ничего пробовать не станет.

Маланич нарочито медленно огладил левой рукой свою роскошную бороду. На руке не было одного пальца, зато указательный украшал железный перстень со скалящейся зубастой безглазой личиной – изображение железнолицего Чернобога. Маланич взглянул на перстень, будто вопрошая совета. Тааак... По обычаю гость не прикоснется к угощению под кровом хозяина, если не хочет с угощавшим дело миром оканчивать. И все же Ольга здесь, а ее охрана, как отметил Мокей, не чета войску в Малино. Ну да ведь известно, что витязи киевские лучше обучены ратному делу, чем воины-охотники из древлян, пусть даже те в броню, в том же Киеве кованную, обряжены. Мокей особо отметил, что Ольга сейчас не столько гостя, сколько пленница. И все же она смеет держаться с Малом дерзко, о послах, ранее отбывших ее сватать, говорит, что те придут уже к свадебному пиру. А вот пир тот случится не ранее, чем она тризну по убиенному мужу отметит.

За внешним спокойствием Маланич скрывал гнев. Ну уж этот Мал... Да и Малкиня чего жмет, не напоминает, что именно Мал должен диктовать условия, а не эта... невеста где найденная Олегом для Игоря девка из каких-то псковских селищ затерянных. И все же Мокей пояснял, что княгиня держалась непреклонно: сказала, что и суженым Мала признает, и людей из Киева вызовет, и приданое привезет, – все только после того, как насыплет над прахом мужа своего курган и устроит поминки-игрища. Да еще повелела, чтобы Мал прислал на тризну самых лучших своих витязей и воевод, чтобы вся знать древлянская туда прибыла. И в итоге Мал поклялся ей, что завтра же разошлет гонцов по всем подвластным ему землям, и не минет и трех дней, как все нарочитые мужи древлянские съедутся, а сам он уже завтра поедет с княгиней к тому месту на берегу речки Ужи, где прах Игоря покоится.

Маланичу было о чем задуматься. Еще недавно он был уверен в покорности своего князя, а вот Ольга только топнула ножкой, и Мал забыл все, чему его волхвы обучали, да кинулся выполнять ее прихоти.

Тут Мокей отвлек волхва от размышлений, неожиданно подойдя ближе, чем полагалось подходить к кудесникам, едва за руку не взял.

– Выслушай меня, о мудрый! Выслушай, ибо все это только присказка, а сказка... Сказ главный мой в том, что...

– Отойди! – гневно приказал ему Маланич. После проведенной в уединении жизни ему и поныне была тяжела близость простых смертных. – На место, сказал!

Мокей послушно отступил, а взгляд у самого странный – глаза горят, длинные русые волосы руками отвел с лица, почти вцепившись в них.

– Главная моя весть даже не в этом, – сказал торопливым шепотом, оглянувшись, словно опасался увидеть кого в полумраке гридницы. – Главное, что Ольга с собой Малфриду привезла!

Маланич поднялся столь резко, что пламя в пастях-светильниках заколебалось, отбрасывая его тень до самых перекрытий свода, раздваивая ее, растравая, и казалось, что из Маланича темные духи прыснули во все стороны. Сам же стоит прямо, дышит так бурно, что блещат посеребренные амулеты, гроздьями висящие у пояса.

– Малфриду?!

Он оседал на место так медленно, точно за вспышкой на него нашла безмерная усталость. Да и было от чего. Машинально он коснулся беспалой руки, словно вспоминая, как отдал мизинец, чтобы подземный дух поведал ему будущее. И было тогда Маланичу предсказано, что погубит его именно та ученица волхвов, которую они взялись обучить колдовскому умению, которая служить им и подчиняться должна была, а на деле... На деле она выскользнула из-под их власти как угорь, стала жить сама по себе, и сколько бы Маланич ни пытался перехитрить судьбу да разделаться с ней, она всякий раз ускользала, пока однажды не уехала, покинула древлянские края, став женой ни много ни мало как самого посадника Свенельда. Тогда Маланич даже немного успокоился, решив, что без древлянской земли Малфрида и силы особой иметь не будет, к тому же Малкиня заверил его, что вернул ведьме ее былую сущность, сделав девкой Малфуткой, какая и заклятий никаких упомянуть не сможет. Правда, признался, что порой Малфутка будет кое-что вспоминать, но восстановить все, чему ее волхвы обучили, у нее вряд ли получится. Разве что ее вернет к прошлому некто столь могущественный, кого и у людей встретить трудно. А уж боги и духи простой смертной помогать не станут. Незачем им наделять такими знаниями сильную от рождения ведьму, ибо Малфриду волхвы учили именно убивать, причем ее сила может так возрасти, что и для богов начнет представлять опасность.

Взяв себя в руки, Маланич стал расспрашивать Мокея. Как тот заподозрил, что Малфрида тут? Да и она ли это? Может, схожая какая? Хотя... Маланич понимал, что в качестве столь знатной особы, как боярыня Свенельда, Малфутка вполне могла оказаться в свите княгини. Да и Мокей стоял на своем: Малфрида это, и все.

Маланич задумался. Он знал, что некогда Мокей любил чародейку без памяти, он и ныне меняется в лице, если кто-то вспоминает при нем о ведьме. Но это уже не любовь, скорее ненависть, какая порой возрастает из сильного чувства. А ведь именно Мокей вдовий сын когда-то указал Маланичу, где скрывается в лесах Малфрида. В тот раз Маланичу почти удалось погубить ведьму проклятую... Почти. Ибо он сам тогда был под заклятием послушания, по желанию любого мог обратиться змеем-гадюкой лесной. Ну а Малфрида так и сказала: гад ты ползучий, Маланич. И он послушался, обернулся змеей и уполз. Ну да тому же Мокею волхвы подсказали, как лишить Малфриду колдовских сил. И парень уж расстарался, так расстарался, что едва не замучили ее. А потом откуда ни возьмись Свенельд, взял да увез Малфриду... правда, еще до того Малкиня вернул ведьму к образу просто древлянки Малфутки. И как вызнал Маланич, именно Малфуткой и кличут все древлянку в Киеве.

– Как ты прознал, что это она? – спросил Маланич уже спокойно, даже пожалел в душе, что позволил выказать волнение при слуге.

Мокей поведал все складно, даром, что сам из лесов, речи умел вести, как иной волхв ученый. Некогда Мокея и впрямь волхвы обучали, но да не сладились, не было в Мокее дара колдовского, а вот смекалка была.

Он сам не мог понять, как узнал Малфриду в закутанной в темно-багряные одежды спутнице княгини. Может, сперва даже и не узнал, а все равно сердце как будто бухнуло в груди, упреждая о чем-то. А тут еще волхв Малкиня увел эту странную женщину в чашу. Мокей же тайно за ними проследил. Он ведь с наговоренным амулетом был, мог беспрепятственно в лес входить. Вот и пошел следом.

Далее он поведал, как схоронился в чаще, как изгнанный Малкиней лесовик едва не налетел на него, когда убегал, но Мокей остался тихо сидеть, стараясь расслышать, о чем они говорят. Они вон все о светлых и темных богах рассуждали, да о том, что Малфрида дитя носит.

– Так ведьма беременна? – переспросил Маланич так, как будто молодая здоровая баба и понести-то не могла. И вдруг засмеялся. – Вот это славно! Тогда сил у нее нет, тогда никто, даже русские витязи, даже сам их Свенельд хваленый не помешает мне

разделаться с этой гадиной. Ибо сил у нее нет и быть не может.

– Не может, – согласно кивнул Мокей, оправил оберег Чернобога у пояса, стараясь не смотреть на торжествующего волхва. – Я сам понимаю, что не может. Но силы-то у нее как раз есть.

И он рассказал, что случилось, когда расшалившиеся духи выгнали на беседовавших волхва и чародейку медведя. Вот тут-то Малфрида его каким-то особым чародейством отбросила, да еще и нелюдей распугала. А как?.. Мокей не мог пояснить. Сам тогда поспешил прочь, опасаясь, что и его обнаружат. Его и по сей день пугало и отвращало все чародейское, а там, в чаще, было чего испугаться: шутка ли, баба беременная живого медведя отбросила, словно играючи. А ее силу Мокей по себе помнил, не забылось еще.

– Не могла она колдовать, – ровно в забытии повторял Маланич. – Не могла! Ни одна чародейка не в силах такое совершить, если жизнь под сердцем носит. Но она точно в тягости?

– Сама о том Малкине сказывала, – стоял на своем Мокей. – Так что теперь у Ольги своя чародейка есть, поэтому княгиня и не опасается наших чаш.

При упоминании об Ольге Маланич как будто очнулся. Провел ладонью по глазам, отгоняя давнишние видения, заставляя себя задуматься о насущном. Итак, Ольга прибыла с боярыней Свенельда, которая не просто ей служит, а еще и колдовать способна. С одной стороны, понять это можно: Ольге в колдовской чаще своя чародейская сила понадобится, вон, тот же Мокей ранее говорил, перечисляя свиту Ольги, что с ней и воины и волхвы явились. Волхвы ей сейчас не сильно помогут, тут особые заклинания знать нужно, не к светлым богам обращенные, а против тьмы. Такие лишь древлянские ведуны знали, а волхвы Велеса и Перуна умели только взывать к небу... которое ныне Чернобог и Морена густыми тучами закрыли.

И Маланич даже поискал на поясе амулет Морены, в виде толстой грудастой бабы без головы. Древляне и ранее находили подобные изваяния в болотах и боялись их, а теперь он каждое велел хранить, а нашедшему серебром платили да благословляли. И все одно люди со страхом смотрели на древние фигурки Морены... такие древние, что у Маланича дух захватывало. И с такой покровительницей ему нечего опасаться даже происков самой Малфриды. Да и Чернобог с ними, а он, как известно, и распятого бога христиан не сильно чтит.

Маланич поднес к губам изображение на перстне, поймал взволнованный взгляд Мокея и кивнул:

– Ступай, Мокей. Пусть тебя накормят и напоят, потом почивать иди. Ты хорошо справился, я это учту.

Самому же Маланичу не спалось. Он вообще редко когда спал, его иная сила питала. Вот и ходил из угла в угол по гриднице, размышлял. Порой ощупывал свою левую, беспалую руку. Ведь не только о себе он тогда узнавал, не только о Малфриде, которая его сгубить может. Тогда ему сам Вий подземный сообщил, что древлянское племя погубит женщина. И долгое время Маланич подозревал, что таковой и может оказаться ведьма Малфрида. Сильная она была, но сила ее не от света шла. Маланич всегда говорил, что нельзя ее обучать, что погубить лучше. Да его разве слушались? Вот и обучили чародейку всякому умению разить и губить, силу ее развили. Он же опасался ее... не столько из-за судьбы племени, сколько из-за собственной судьбы. Хотя для волхва Маланича что своя жизнь, что племени были едины. Как может племя без него? Он надежда земли древлянской. Иного верховный волхв и помыслить не мог.

Правда, верховным кудесником Маланич стал недавно. До этого власть имел мудрый Никлот, самый древний житель племени, помнивший те времена, когда и князей не было. Когда боги в леса с небес сходили и являли себя людям. Никлот же пил мертвую и живую воду и жил так долго, что и глаза его выцвели. Он считался самым мудрым, и Маланич подозревал, что Никлот знает о желании соперника занять его место. Но старик не мешал ему. Даже наоборот, сгинул однажды невесть куда, как будто специально место освободил, ну а уж Маланич добился, чтобы его избрали верховным служителем. Да только Маланич не забыл, как однажды Никлот сказал ему, что он

не опасается Маланича, раз Малфриде сила дана. Ну и предсказание Вия, что именно Малфрида его погубит... Тогда-то Маланич и замыслил обмануть судьбу, убив прежде ведьму. Думал, так доброе дело для всех сделает, не только для себя. Но вот она опять здесь. Женщина, которая погубит его племя.

Маланич остановился, в груди стеснило от неожиданной догадки. А может, зря он саму Ольгу недооценивает? Вон она у власти удержалась и без мужика. Не долго пока, но держится же. А ныне явилась тризну по убиенному князю совершить. По покону так и полагается, однако Маланич вдруг вспомнил, что ему Мокей о властности и непреклонности Ольги сказывал. Они погубили мужа этой женщины. Что, если все помыслы Ольги только на то и направлены, чтобы отомстить? Но разве с такими мыслями едут к врагам с небольшим войском?

Маланич вышел из гридницы, прошел мимо задремавшего у стены охранника. Был тот час, самый глухой и тихий, когда даже шалившие домовые утихомиривались и разлезались по своим кутам и подполам. Тихо-то как. Только поскрипывали деревянные ступени, когда волхв поднялся на верхнюю галерею. Терем древлянских князей в Искоростене находился на скалистом мысу над рекой Ужой, другие более поздние постройки обступили его полукругом. Маланич стоял, опершись о перила, вглядывался в зыбкий серый отсвет вдаль. Все четче стали вырисовываться силуэты темневшего в отдалении леса, молчаливого в эту пору, когда и нелюди уже не шалят, когда все затихает, и только белесый туман ползет по траве, мутный и похожий на небытие. Слева от Маланича тускло блеснула излучина Ужи, темнели гранитные глыбы утесов на ее берегах. В такое время любая мысль замирает, но именно сейчас Маланич вдруг понял, что ему нужно сделать, и воспрянул духом.

Он не велел будить Мокея, но приказал подготовить для того лучшего коня, какого найдут в конюшнях. В древлянских лесах кони считались роскошью, а этого гнедого Маланич сам оглядел, велел наново перековать. Нелюдь страшится кованного человеком железа, да и лошадей не любит. Как и лошади безмерно страшатся всего необычного, потустороннего. Этого же коня Маланич повелел накормить самым отборным зерном с особыми травами, которые сам подмешал, заговаривая от страха и на силу. Так же осмотрел в хранилищах княжеского терема луки и стрелы, выбрал один из наилучших, крепкий, из древесины трех сортов, усиленный по спинке воловьими жилами, защищенный от сырости толстым слоем гладкого черного лака. Стрелы волхв тоже выбирал отменные, ровные, с узкими острыми наконечниками, оперенные ястребиным пером. Когда ему сообщили, что Мокей уже встал и завтракает в людской, он опять-таки не торопил его. Сам же поднялся в свою горницу, где выбрал наиболее сильные амулеты Чернобога и Морены безголовой, сам шептал над ними заклинания, сам направлял на них силу, даже вспотел. Но главное было подготовить самого гонца.

Когда волхв спустился в гридницу, оказалось, что Мокей его уже ждет. Проведал, что Маланич не единожды о нем справлялся, и сам пришел. Толковый парень.

Маланич оглядел своего поверенного с особым интересом. Отметил его ловкую сильную фигуру, широкий разворот плеч.

– Ты ведь хорошо умеешь стрелять из лука, Мокей?

Парень широко улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы. Подбоченился, откинув за плечи чисто вымытые русые волосы, ногу в добротной постолке горделиво выставил, словно перед кралей какой красовался.

– Али я не в древлянском краю рос, прославленном своими стрелками-охотниками?

– Да, да, – думая о чем-то своем, согласно кивнул Маланич. – Да ты и ездить верхом мастак, не всякий древлянин таким умением похвалиться может. И ты разумен, смекалист, ловок.

Мокей продолжал улыбаться похвале, только в глазах его будто веселье угасло, смотрел пытливо, ждал, чем эту похвалбу волхв окончит, какое поручение даст.

И Маланич сказал: пусть Мокей садится на крепкого гнедого коня и скачет в Малино. Если Ольга княгиня еще там, пусть не подъезжает, а осторонь держится, незаметным станет. Если же Мал уже отправил ее к месту захоронения мужа, пусть следом двинется,

но по-прежнему держится в сторонке, наблюдает да выжидает. И как подвернется случай, пусть метнет в нее каленую стрелу и убьет княгиню Руси.

Улыбка на лице Мокея застыла: он продолжал улыбаться, но это уже была просто гримаса. Спросил как будто через силу:

– Зачем русскую княгиню мне убивать? Да меня по всей древлянской земле проклянут за это. Она ведь прибыла, чтобы мир заключить, дать древлянам возвыситься, помочь им вернуть прежних богов. Устали люди от злых сил, гибнут, жизнь в селищах замирает. А тут всяк знает, что если сойдется Ольга с Малом Древлянским, можно будет опять Роду и Рожаницам поклоняться, призвать Перуна, чтобы молнией утихомирил нелюдей.

Теперь он совсем не улыбался, в глазах угрюмое выражение появилось. Но Маланич терпеливо выслушал все, что тот говорит. И лишь под конец спросил:

– А если она не мириться с Малом прибыла?

Мокей судорожно глотнул, и волхв почти с усмешкой смотрел, как прошелся кадык по его сильной гладкой шее. И сказал:

– Я ворожил сегодня. И знаю, что Ольга скорее погубит все наше племя, нежели станет возвышать Мала Древлянского. И если ее не погубить... Вся Русь на нас пойдет. Погибнет наше племя!

Мокей опустил голову, так что его лицо закрыли сползшие длинные волосы. Что-то пробормотал, но волхв понял: дескать, племя и так гибнет. Но Мокей уже не мог отказаться, он был поверенным Маланича, он его опасался. И Мокей тогда сказал иное: дескать, тот же Мал, если узнает, кто его невесту погубил, велит разорвать Мокея на куски. А ему и податься после свершенного некуда будет, лес ведь кругом завороженный, скрыться в нем опасно, нежить погубит. А нежити Мокей боялся: при одной мысли о ней его лицо исказилось ужасом, глаза остекленели.

Маланич выслушивал его сомнения вполне спокойно. Но едва тот умолк, сказал, что уже все подготовил для убийцы. И коня ему выбрал лучшего, свежим железом подкованного, такой умчит Мокея сквозь любую чашу, никто не догонит. Да и нечего ему леса опасаться, когда у него такие обереги будут, какие целое селище охранить от нежити способны, а еще он даст Мокею мешочек с полынью и толченым чесноком, каких нежить не переносит, даст ему...

Он перечислял и выкладывал все это охранительное добро перед Мокеем. Тот молча брал, лицо его стало замкнутым и решительным. Одни обереги он с поклоном принял и положил в суму, оберег Морены после легкого колебания повесил на грудь. Так же молча и покорно принял лук и стрелы и отправился собираться в дорогу. Маланич сам вышел его проводить, сказал напоследок, что такому ловкачу, как храбрый Мокей, вообще нечего страшиться: по всем приметам видать, о двух головах родился, в любой переделке уцелеет. Ну и прошептал последнее заклинание, чтобы путь Мокея был легок и ничто не могло его задержать. Потом поднялся на привратную бревенчатую вышку и наблюдал, как едет его посланец, поднял руки, благословляя. Если этот ловкач справится, Маланич может считать, что спас свой край от погубительницы! Ибо теперь он не сомневался, на кого указывало древнее пророчество. И чувствовал в себе силы потягаться с самой судьбой!

Мокей ехал, понунив голову, будто в задумчивости, неспешно направлял гнедого по уходящей в лес тропе. Ранее там, у входа в лес, высилось изваяние Велеса, но теперь стоит лишь расколотый обугленный столб, оставшийся после того, как светлых отринули. Мокей остановил коня перед ним, словно разглядывал. И Маланич вдруг ощутил беспокойство: ему не было дела, что станет с самим Мокеем после убийства княгини, но самого древлянина это тревожило. И Маланич подумал, что лучше бы его выборный посланец был менее толковым, а более покладистым. Но с другой стороны Мокей мог возвыситься только милостью верховного волхва, это-то он мог уразуметь!

И Мокей словно слышал мысли Маланича. Вдруг закружил на коне, будто взбадривая его, на дыбы поднял. Маланичу даже показалось, что он рукой махнул. И поскакал. Миг – и скрыли его стволы вековых елей, дубравы густые.

Теперь Маланичу оставалось ждать вестей. Вот он и ждал. Весь день и весь следующий день. И следующий. Стал волноваться. Малино ведь недалеко от Искоростеня, могла бы уже дойти весть, случись что. Но все было по-прежнему тихо. Не страшлось ли что с посланным убийцей?

И вдруг, на исходе третьего дня, волхв понял, что ослушался его Мокей. С такими оберегами этот ушлый парень теперь куда хочешь доберется, в самые дальние пределы древлянского заколдованного края, на саму Русь может податься. Этот нигде не пропадет, этот хитрый.

Маланич только и мог, что послать ему вослед проклятие.

Потом все же пришли вести, но не те, каких волхв ожидал. Явились волхвы-посыльные от Мала с требованием везти из закромов меда стоялые, да собираться оставшимся в Искоростене боярам на пир-тризну, ибо по воле Ольги на берегу Ужи насыпают велик курган, сколачивают скамьи для пира, жарят и пекут, гонцов рассылают в окрестные селища, чтобы являлись люди на поминальное гуляние, чтобы проводили дух убитого князя, а уж потом можно будет и за пир свадебный садиться.

– А Ольга что же, готова?

– Готова, мудрый кудесник! – отвечали. – Уже и в Киев за послами отправила гонца, уже и уборы свадебные примеряет. Но все больше стонет-плачет на кургане, мужа своего Игоря жалеючи.

– Ну а князь Мал как?

– Мал мешать ей в том не решается, наоборот, удалился к себе в Малино, чтобы не отвлекать вдовицу от положенной кручины. С ним Малкиня наш и волхв Шелот, и волхв Пуц мудрый. Князь с ними обговаривает приготовления к свадьбе.

– Так вот скажите Малу, что я запрещаю везти дары на тот свадебный пир! И ничего не дам, пока он сам сюда не явится и не переговорит со мной.

Но это требование было все же чрезмерно. Пусть Маланич и состоял с недавних пор верховным служителем среди волхвов древлянских, но Мал был единственным потомком прежних князей этой земли. И древляне почитали его, слушались. Вот и пришлось Маланичу, крепя сердце, отдать ключи от медовуш и кладовок, от амбаров с запасами. Но он требовал, настаивал, повелевал, чтобы Мал к нему прибыл. Говорил, что это столь же важно, как гнев Чернобога, который Маланич направит на Мала, если тот не появится.

Это была уже угроза и непочтение. И все-таки к вечеру Мал прибыл в Искоростень. На волхва своего поглядел, как волк – мрачно, исподлобья, хмуро.

– Грозить мне надумал, кудесник? Мне, князю Руси!

Ишь, этот уже русскую княжескую шапку примерить готов. Но Маланичу пришлось сдержаться, сказал лишь, что ведь Ольга и так не желала его на тризне видеть.

– Это сперва она не желала, а потом даже молила остаться, упрашивала.

Маланичу это показалось донельзя подозрительным. Но он только и спросил, что же Мал не согласился на просьбы разлюбезной княгини? Тот ответил угрюмо: мол, Малкиня уговорил слушать верховного волхва, он опасается, что Маланич и впрямь колдовство новое найдет на князя и его народ. Но, как отметил Маланич, самого Малкини в свите князя не оказалось. Вот Пуц стоит, вот Шелот верный, а этого угадывающего мысли мальчишки-ведуня меж ними нет.

Шелот пояснил: сам Свенельд настоял, чтобы Малкиня остался на поминальном пиру. Он вообще за Малкиней приглядывает, ревнует его к жене своей. Стоявший недалеко от волхвов князь Мал, услышав это, захихикал дурашливо.

– Видать, замутила ум служителю непорочному избранница посадника.

Маланичу аж огреть его посохом захотелось. Боги, и это наследник древлянских

князей?! Недоумок. Но он сдержался, отвел Мала в сторону и так и сказал: боярыня-то посадника и есть та самая чародейка Малфрида, которую Малкиня от костра спас.

Чего ожидал волхв от Мала при этом известии, он и сам точно не знал. Да только Мал остался спокоен. Сказал, что то Свенельда забота, ну, может, и Малкини еще, раз подле Малфриды вертится. Сам же опять о свадебном пире речь повел. Говорил, что сперва его лучшие люди тризну с княгиней отметят, а потом с великим почетом повезут ее сюда, в Искоростень, и будет у них гуляние, ликование. Ибо все сейчас хотят союза с Русью да вокняжения Мала. Ибо тогда древлянам уже незачем будет поклоняться злым силам, смогут вернуться к любимым и почитаемым прежним богам.

Маланич ничего не стал говорить. А что тут скажешь, он сам настаивал, что возвеличивание злого Чернобога – это лишь временная мера. Поэтому просто ушел, уединился.

Только когда ночь настала, он взял с собой плошку с водой и медленно, почти величественно спустился в вырубленные в гранитной скале проходы, какие с невесть каких пор тут находились. Там, в небольшой пещере, стоял широкий чан со стылой, несколько суток уже неколебимой водой. Служители привели к нему вялую беременную бабу, с тупым, равнодушным ко всему лицом. Она осела у каменной холодной стены, не сразу и подняла голову, когда он зашел, смотрела, как они с младшим кудесником зажигали лучины, а от них подвешенные на цепочках глиняные лампы с узкими носиками. Когда Маланич приблизился, она глядела на него так же тупо и будто непонимающе. Ее вялый рот окружали темные пятна, словно она гнила изнутри.

– Когда тебе срок рожать?

– В начале квітня місяця был по всем приметам.

Значит, почти два месяца перенашивает дитя, которое застыло, умерло в ее утробе, и теперь, разлагаясь в ней, убивает и мать. И в лице ее не было ничего – ни беспокойства, ни интереса. И все же она еще на что-то надеется. Спросила:

– Ты ведь поможешь мне, мудрый кудесник?

Маланич улыбнулся ей, почти отечески положил ладонь ей на чело. Холодное и влажное. Он ощутил гадливость. А вот тому, кому они с мертвым дитем предназначены, такая двойная жертва даже слаще.

– Помогу. Ты ведь за этим шла.

Он стал что-то говорить ей успокаивающее, проводя узкой сухой ладонью по ее расчесанным на прямой пробор волосам. Женщина слушала его негромкое бормотание, как будто даже подремывать начала, запрокидывая голову, открывая бледное горло, тоже с проступившими пятнами. Она не видела, как прислужник протянул Маланичу священный нож – не из металла, а из камня, тонкого и крепкого, с твердым острием, несмотря на древность, потемневшим от крови. Вот и ныне жертвенный нож прошел сильно и глубоко, так что голова жертвы откинулась назад, кровь брызнула и потекла темными потоками. Глаза на миг широко открылись, потом застыли, и тело стало оседать.

Но волхвы не дали женщине упасть, бережно подхватили, наклонили еще бьющееся в конвульсиях тело над чаном, чтобы свежая кровь упала на ровную гладь воды.

Потом, когда вода в чане совсем потемнела, когда оба служителя были перепачканы кровавыми потоками едва ли не до пояса, Маланич велел младшему волхву убрать тело, а сам опустился на колени, разложил изображения-обереги и в ожидании, пока стылая вода успокоится, начал наговаривать заклятие. Голос его то совсем стихал, то повышался, когда Маланич взывал к своим покровителям, которым он служил, к которым был ближе всего из смертных, от кого получал мощь колдовских чар.

Тихо потрескивали огоньки над носиками подвешенных по углам лампад, успокоилась вода в чане, было так тихо, что негромкие бормотания Маланича казались почти нереальными. Но вот вода застыла, Маланич склонился над ней, всматривался в ее темноту, видя свое отражение с такой четкостью, что мог различить его до морщинок

в уголках глаз, мог увидеть даже маленькую родинку у крыла заостренного носа. Его губы почти не двигались, когда он стал творить чародейство. Таких древних заклинаний, какие знали древлянские волхвы, не знали уже в других землях. Рычание зверя, свистящий порыв ветра, шипение гадюки смешивались, изредка перемежаясь словами, и в эту причудливую скороговорку Маланич вкладывал всю данную ему силу, все полученное от связи с богами умение. Шипение его переходило в слово:

– Повелеваю...

Лопотание неразумной твари, почти похрюкивание, оканчивалось фразой:

– Видеть желаю...

Скулеж и скрип, как от поваленного ветром дерева, завершались приказом:

– И дух мой пусть увидит!

И он увидел. Темная поверхность воды пошла кругами, лицо волхва озарилось, словно оттуда, из мрака на него упал красноватый отсвет. Маланич увидел множество костров, горящих вокруг свежего кургана, пирующих людей, многих из которых узнавал, – принаряженных, в вышитых рубахах, с воздетыми с кубками руками. Видел смеющиеся лица, быстрые движения, когда кто-то плясал или проходил, заслоняя свет костров, и на лицо ведуна падала тень.

Широко открытыми глазами, не мигая, он смотрел, наблюдал, выискивал. Пока не увидел ее, Ольгу Киевскую, которой желал скорой смерти. Но вот же она, жива и невредима, сходит с вершины кургана, на которой горит большой яркий костер. Блестят ее дорогие украшения, переливается длинная, волочащаяся по земле ткань плаща. Действительно, таилось в этой женщине нечто такое, что отличало ее от обычных древлянских баб, в ней не было ничего привычного, от кроя одежды и роскоши убора до застывшего мрачного лица. Она странно смотрелась среди улыбавшихся лиц обступивших ее древлян, в их меховых накидках и ушастых шапках. Они были веселы, они ей что-то говорили, кто-то, чтобы привлечь внимание, потянул ее за полу плаща. И тут же рядом оказался Малкиня, отгородил, и Маланич видел, как Ольга чуть кивнула ему, благодаря за любезность. Но уже подошел варяг Свенельд, потеснил от Ольги Малкиню и, взяв княгиню за кончики пальцев, повел в сторону, но при этом несколько раз оглянулся на Малкиню, и взгляд его был нехорошим.

Но Маланича уже волновало не это. Его удивило, сколько света вокруг. Ну, огни, ну, костры... А еще он понял, что все пространство вокруг кургана огорожено поставленными стоймя щитами, свет огней отражался от них, но вот за освещенными щитами не было видно ничего, там царил мрак этой темной беззвездной ночи. И это не понравилось чародею: он знал, что порой так охотники ограждают себя, чтобы пламя казалось ярче, не пугал мрак. Ибо во мраке скрывались те силы, которые могли навредить русичам, а свет защищал их, давал безопасность.

А еще Маланич увидел, как оттуда, из-за щитов, появилась Малфрида. Он вздрогнул, узнав ее, несмотря на то что она была в широких одеждах, даже лицо ее наполовину закрывал накинутый мягкий капюшон. Ведьма несла в руках две баклаги и одну из них протянула какому-то худому волхву, но не из местных. Лицо его было незнакомо, похоже, из иных краев, но непременно кудесник: он ощутил взгляд Маланича, повернулся и какое-то время глядел ему прямо в глаза, как будто чувствовал чужое внимание.

Маланич предпочел отвлечься, стал следить за Малфридой. И увидел, как она украдкой вылила содержимое баклаг в один из бочонков, из которых отроки большими черпаками разливали в подставленные рога и чаши древлянских именитых мужей кому хмельную брагу, кому мед. И те ничего не заметили, веселы были, пили. Маланич даже застонал, его дыхание чуть качнуло воду, и видение стало искажаться, исчезать...

Маланич зарычал по-звериному, сквозь рык выдавил, приказывая:

– Покажи!..

И опять смотрел. Но все же что-то он пропустил. Ибо видел, как какой-то незнакомый

ему молодой веснушчатый воевода ходит от одной группы кметей к другой, что-то говорит им. Воевода молод, кудряв, лицо хоть и ребячливое, но напряженное, и даже опытные по виду бородатые воины слушают, лица их насторожены. Вот он взглянул туда, где стоял Свенельд, а за ним выступал силуэт стоявшей прямо как свеча Ольги. И Маланич видел, как она чуть кивнула, заметил ее спокойное до оледенения лицо. Она сама казалась изваянием, если бы не острый блеск ее глаз, в которых отражалось пламя костров. Она смотрела на орущих, веселящихся древлян так, что Маланича взяла оторопь. Он был далеко, за много верст от того берега реки, где Ольга повелела справить тризну, но ему стало вдруг так страшно... Когда у женщины такой взгляд, она уже не женщина. Она тоже становится Мореной, которой нужна только месть...

Маланич и не вспомнил сейчас про Малфриду, ужаснувшись той, что и была в его глазах погубительницей древлян. Но Малфрида возникла тут как тут, самого Свенельда отстранила, подойдя к княгине, что-то сказала, и Ольга вдруг рассмеялась. Так странно, весело, голову откинула, отчего ее длинные подвески заколыхались у лица. Но так же резко и перестала смеяться, вскинула руку...

Маланич видел... Видел пьяных развеселых древлян, видел, как они неповоротливы, беспечны, вялы... Многие лежат на земле, спят... Спят? Среди такого шума и столпотворения? Да их опоили! Он ведь сам видел, как в котлы доливали что-то, но не мог ни предостеречь, ни помешать.

Кое-что еще замечал Маланич: того же Малкиню, который кинулся к Ольге, что-то кричит, рвется в руках схвативших его охранников. Маланич сейчас почти любил этого выскочку – может, он сумеет, может, он помешает, как-то упредит своих. Ведь древлян было больше, чем русичей, гораздо больше... Но к Малкине резко шагнул Свенельд, рывком откинул с лица длинные соломенно-светлые пряди и вдруг выхватил нож. Ему помешала Малфрида – не подпускала к ведуну посадника, заслоняла собой, пока Малкиню куда-то утаскивали. Рядом возник кто-то из древлянских старейшин, Маланич узнал эту крепкую высокую фигуру в лохматой ушастой шапке и широкой накидке. И он тоже схватился за оружие, пошел на Свенельда как тур. Но не ему было тягаться с киевским воеводой, и тот, ловко уклонившись, сделал сбоку быстрый ловкий выпад, и огромный древлянин осел на колени, повалился лицом прямо к вышитому подолу неподвижно стоявшей Ольги.

Маланич мог только смотреть. Даже нелюдей лесных не мог насладиться, так как все пространство вокруг кургана было освещено и нелюдям оставалось лишь толпиться во мраке да наблюдать, не смея приблизиться к жарким огням. И он видел, как после убийства Свенельдом древлянского старшины и иные витязи-русичи стали разить оружием, их тесаки, их шипастые булавы, их широкие секиры поднимались, вспыхивая на короткий миг, и опускались на столпившихся, топчущихся древлян, как на убойный скот. А те... вроде как и отбивались. Но не все, многие вяло лежали на земле и только вздрагивали, когда витязи переступали через них, пронзая оружием. Маланичу стало казаться, что в тиши подземелья он слышит звуки этой бойни: вопли, стоны, визг стали, влажные хлюпающие звуки, когда металл разрубает плоть, различал короткие предсмертные хрипы... И все вокруг было в движении, кто-то бежал, кое-кто начинал сражаться, некоторые пытались прорваться за стену щитов, словно колдовская чаша могла их спасти от ярости русичей, но именно там, у щитов, и были расставлены киевские убийцы, они отбрасывали древлян копьями, рубили их, валили...

Маланич никогда не боялся крови, он давно забыл, что такое трепет и ужас, но сейчас ему стало страшно... и нашло бессилие от собственной беспомощности. Он был далеко – пусть он переполошит весь терем, вышлет войско... Да и где сейчас в Искоростене взять столько воинов, если он сам больше надеялся на чары и страх, какой внушает людям чародейство. Вот он, почти опустившись на колени, и смотрел, как избивают лучших мужей древлянских, старейшин, кои могли привести своих людей, бояр, каждый из которых имел свою дружину, волхвов, какие и не пытались сопротивляться, кто одурманенный пойлом, кто безоружный, слабый, непривыкший к такому кровопролитию. Маланичу казалось, что он ощущает запах крови. И ему хотелось верить, что все это ему только мерещится – эти жуткие раны, эти выпученные глаза умирающих, брызги крови, которые он различал в отсветах пламени. Порой опять видел короткую схватку, видел, как клинки скользят по клинкам, а живые люди превращаются в кровавые обрубки.

И еще одно заметил Маланич. Ну да, все там сейчас кричат, шум стоит, лязг, но когда в мельтешении света и тьмы мелькали лица пришельцев-убийц, он видел на них непреклонную решимость, и казалось, что каждый из них что-то выкрикивает... короткое и важное. Он понял что. Они повторяют имя Перуна, они каждым убийством приносят жертву богу войны и подателю грома небесного. И когда все это скопище тел и крови, за которым он наблюдал, вдруг озарилось вспышкой яркого пламени, Маланич понял, что не ошибся. Над древлянской чащей началась гроза, вызванная щедрым кровавым жертвоприношением. По тучам шел сам Перун Громовержец, он разрушит силу Чернобога, сметет насланные им колдовские наваждения, загонит назад в лесные чащи подвластную темным силам нечисть.

Изображение стало мутнеть, волхв даже не сразу понял почему. Он стоял почти на четвереньках над чаном, смотрел... Дождь. Но не тот мелкий дождик, какой посылали тяжелые сырые тучи Морены, хозяйки подземных вод и стылости, а очищающий ливень Перуна. И в этой пелене Маланич вдруг увидел Малфриду. С опавшим капюшоном, с мокрой от дождя темноволосой головой и липнущим к телу одеянием, она почти ползала между тел убитых и прикасалась к ним каким-то странным предметом. И каждое такое тело словно сдувалось, словно уходило в землю. Маланич склонился почти к самой воде, задержав дыхание, смотрел, начинал догадываться, что она делает, какие свои жертвы приносит в эту жуткую ночь.

И вдруг Малфрида резко села, замотала головой, прижав к груди этот странный предмет. Птицу мертвую, что ли, или корягу какую-то? Но вот Маланичу показалось, что ведьма перестала озиаться и теперь смотрит прямо на него. Он различил ее волнистые, прилипшие к щекам пряди, увидел ее направленный прямо в его сторону взгляд – то ли удивленный, то ли напуганный. И она замахнулась в его сторону своим орудием, а Маланичу показалось, что оно раскрылось, как пятерня, словно высохшая куриная лапка...

И тут же вода в чаше неожиданно плеснула, вскипела, брызги полетели в лицо волхву. Ледяная вода... А какой жар он ощутил, почти ожог! И, страшно закричав, Маланич схватился обеими руками за лицо, покатился по земляному полу, забился, воя и стелая от нестерпимого жара.

Его нашли в беспамятстве уже под утро. Не дождавшийся приказа прислужник-волхв все же осмелился спуститься в переходы под скалой, когда уже совсем рассвело, когда сменилась стража и князь Мал стал выпрашивать, куда это его верный волхв схоронился. Да и было нечто странное, что бы следовало обговорить с Маланичем. Гроза. Половина жителей Искоростеня выпала этой ночью на улицы, разбуженная в ночи громовыми раскатами с небес. Отдаленными раскатами, без ливня, но с зарницами на горизонте. А ведь древлян уже приучили к мысли, что Перун – это киевских князей покровитель, который защищает их, но который может и Чернобога потеснить. Чернобога-то древляне уже оценили, поняли, сколько бед от него, но и приход Перуна был страшен. Вот верховный волхв и должен был всем пояснить, что же случилось.

Служитель нашел бесчувственного Маланича в глубине скалы, с покрытым багряными ожогами лицом. Глаза вроде как были целы, он смог открыть их, когда его вынесли наверх и его верные Шелот и Пуц сказали над ним заветные слова. Расторопный Пуц даже отправился в чашу, искать живую и мертвую воду, чтобы подлечить Маланича. Откуда у него ожоги, не спрашивали, сами знали, что во время колдовства всякое может случиться. Но этого не знал князь Мал. Он ворвался в горницу, где тихо постанывал на ложе его верховный волхв, хотел было сразу с расспросами подступить, но тут оробел, переминался с ноги на ногу на пороге да теребил богатую гривну на груди.

Но Маланич сам поманил его пальцем. Страшно сверкнул темными глазами со вспученного красным мясом искаженного лица.

– Ты ее впустил, Мал, ее – погубительницу древлян. Теперь же скажи к месту тризны, погляди сам, что натворил.

И ни слова о прошедшей грозе. Но Мал уже не спрашивал: самого беспокойство обуяло, велел спешно собираться. Своего серого коня сдержал только на подступах к лесу,

где стояло сожженное по приказу волхвов изваяние Велеса. Вернее, оно уже не стояло, а лежало, будто кто-то с неведомой силой вырвал его и бросил на дорогу, перегородив ее. Так что пришлось помешкать, пока не расчистили путь. А потом, когда ехали по лесной тропе, дружинники заметили, что не так что-то в лесу, тихо непривычно, словно нежить, убоявшись прошедшей грозы, попряталась в чаще. Только птицы распевали звонко, как в старые времена. Так и сказали – в старые добрые времена, даже улыбаться начали.

Однако эти улыбки застыли, когда они оказались на скалистом берегу у реки Ужи и увидели... О таком и поведать страшно.

А увидели они высокий курган, где наверху темнело кострище от очистительного огня, а внутри упокоились останки князя Игоря, по приказу Ольги Киевской доставленные в дубовой домовине. Все же остальное пространство, все окрестности и склоны высокого кургана были словно покрыты разбросанным тряпьем. Но только издали они казались тряпьем. А были это порубленные и изувеченные тела лучших древлянских мужей. И было их без малого... Страшно и сказать сколько.

Русских же витязей и их правительницы уже и след простыл.

Глава 10

Над Днепром ярко сияло солнышко, тучи ушли, река блестела. После прошедшей грозы наконец-то установилась ясная теплая погода, разлив Днепра отступил, обнажив низинные берега у киевских гор, оставляя за собой мокрые остовы строений, ил и мусор там, где ранее находились затопленные улицы и площади Подола. Картина разрушений выглядела удручающей, но, тем не менее, у людей опять появилась надежда, что жизнь обустроится, что все пойдет по-прежнему, исчезнет так долго витавшее в воздухе ощущение опасности и предчувствие бед. В Киеве народ уже не так опасался древлянских чар, не гадал, что же сулит перемена власти. С тех пор как отважная княгиня Ольга сама поехала в колдовские чащи да помстилась за мужа, совершив по нему великую и кровавую тризну, все стали поговаривать, что она и с властью управится не хуже какого пришлого правителя, да и те же древляне уже трижды подумают, прежде чем Руси угрожать. И все знали, что отольется им кровавыми слезами страшное злодеяние.

В стольный град на Днепре теперь стекались войска из отдаленных пределов Руси. Прибывшие из разных краев воеводы, которые сперва намеревались едва ли не ратовать за своих князей, были поражены, как здесь все стоят за княгиню Ольгу, как готовы поддержать Игореву наследника, маленького Святослава. И посланцам ничего не оставалось, как предложить Ольге свои мечи, чтобы вместе с ней идти на непокорное племя. Об ином и речи быть не могло. Страшная месть Ольги древлянам, ее поездка в их заколдованные чащи многое изменила, у людей исчез страх, зато появилось воодушевление. И когда Ольга, дабы показать представителям иных князей волю Руси, созвала великое вече и сама явилась на него, ведя маленького Святослава за руку, само небо, казалось, сотрясало, так народ выкрикивал ее на княжение, ее и Святослава, наследника Игоря сына Рюрика. Так и порешили: пусть княгиня-мать правит, покуда сын не вырастет.

Об Игоре теперь говорили только хорошее: он-де и восставшие после смерти Олега племена удержал в Руси, он и от диких находников-печенегов отбивался и ряд с ними уложил, он и с самой Византией сражался на равных и так устранил надменных ромеев, что те подтвердили некогда заключенные Олегом договоры, причем Игорь добился расширения выгод и свобод русских торговых гостей. Даже некогда почти пренебрежительное прозвище Игоря «Старый», данное ему еще в юности из-за ранней седины его, теперь произносили с почтением: ибо именно старый человек понимался людьми как мудрый, как отец и судья, наделенный почти божественной властью. Так что без особых раздумий все поддерживали его семью, маленького Святослава уже называли князем-наследником, да и волхвы предрекли, что именно этот князь прославит Русь, завоюет новые земли и проявит себя как могучий воин. А против предсказаний волхвов и князя прочих земель не смели роптать. Как и вызывало невольное уважение то, что первой помощницей мстительницы-княгини стала известная волховка Малфрида.

Теперь Малфрида появлялась подле Ольги во время всех ее выходов, во время переговоров и приемов послов, и хотя сама чародейка ни во что не вмешивалась, все одно шла весть, что именно она помогает Ольге где советом, а где и чарами. Да и как иначе, если Малфрида еще при Игоре состояла, она ему удачу в походе на ромеев предрекла, нагадала да наворожила такое, что и до пролития крови не дошло, и все равно гордые ромеи склонились, поняв русское могущество. Разве это не удача? И удача, Малфридой навеянная. Причем даже поговаривали, что ежели бы Малфрида не оставила князя ради брака со Свенельдом... Но тут особо распространяться мало кто решался. Ибо Свенельд теперь был как никогда в силе, да и колдовства Малфриды побаивались. Всякое о ней говорили, но что она удачу приносит – не сомневались. Считали, что именно она помогла княгине безвредно проникнуть в заколдованные леса да совершить положенную тризну по мужу прямо перед носом погубителя Игоря, Мала Древлянского.

Вот такие новости обрушивались на прибывавших в Киев воевод, и они давали добро на выход против древлян под предводительством той же Ольги. Женщины, чего Русь ранее не ведала. Да и чародейства столь могучего Русь еще не знала. И те же киевляне указывали гостям на тучи, темнеющие в стороне древлянских лесов, объясняя: нам-де Перун помогает, а ворожбу чужую не иначе как Малфрида поодаль удерживает. И там, где мрак над древлянским краем сгущается, еще неизвестно, что ждет витязей – слава

или кончина безвременная.

Ну да слава пока была у воеводы Свенельда: только и разговоров шло, что о его победах над древлянами, над нежитью их жуткой, о том и сказы рассказывали, и песни пели на пирах. Сам же Свенельд ходил по княжеским палатам гоголем, нарядный и величавый, он же возглавлял заседания бояр и воевод в гриднице, где Ольга хоть и присутствовала, но больше отмалчивалась, доверяя своему верному воеводе. Да ведь и Малфрида ему помогает, говаривали. Теперь, правда, многие знали, что боярыня Свенельда дитя носит. Тут бы призадуматься, мол, какая от чародейки польза, если забрюхатела? Но вслух сомневаться никто и не осмеливался.

Маленькому Святославу вся эта кутерьма с приездом такого количества воинов даже нравилась. Этого четырехлетнего наследника Игоря Ольга тоже приводила в гридницу на совет, и он какое-то время мог усидеть спокойно, рассматривал грозных воевод с серьезным любопытством. Святослав уже мог различать их, знал, что от его дядьки Володислава Псковского витязи прибывают в вооружении варяжском: брони кольчатые, шлемы с наглазьями, секиры у них... Ах, как же нравились эти секиры Святославу! Еле сдерживался, чтобы не подойти да попросить показать их, выпросить, как такой секирой управляться можно. От князя Гили Смоленского тоже все больше варягов прибыло, но ведь всякому известно, что под его градом в селении Гнездово варяги имеют обычай становиться на постой да на службу наниматься. А у кого больше золота, как не у князя из торгового Смоленска, что на самом выгодном месте по пути из варяг в греки расположен. Зато витязи из племени северян вооружение имеют хазарское: у многих литые блестящие шлемы с острым верхом, выложенные пластинами на груди доспехи, от пояса почти до икр ниспадают мелкой кольчатой чешуей. Но славяне северянские от хазар не только свое снаряжение переняли, некоторые даже стригутся, как хазары, – голову бреют наголо, оставляя только один клоч на макушке. Святославу это очень нравилось, он тоже хотел, чтобы и его так обрили, да боялся, что матушка заругается. Она всегда ругалась, если он вел себя не с княжеским достоинством. Вон и ныне, когда Святослав завозился на скамье, взглянула на него строго, вроде как и в лице не поменялась, а Святослав оробел. Эх, не такой она была, когда к нему в Вышгород приезжала. Да ну тот Вышгород! Там Святослав маленький был, все с мамками да няньками возился, с Малушей и ее куклами. Стыдно и вспомнить. А ныне... И Святослав привстал, забавно подбоченился в своей вышитой рубашонке да в полосатых штанишках. Это иные мальчишки-глупыри его возраста еще в рубашонках до пят бегают, а он уже не дите, он уже штаны носит, как воин, как князь Руси – так ему внушают. Святослав захотел пойти туда, где сидел кудрявый веснушчатый воевода Претич из Чернигова, хотел напомнить, что тот обещался смастерить ему копьё не хуже, чем у иных черниговских витязей. Но когда уже стал подниматься, ощутил, как рука его кормильца Асмунда не сильно, но властно легла на плечико, сдерживая. Вот и опять сел на свой маленький столец, ковырял носком сапожка большую медвежью шкуру, на которой стояли их с матерью троны княжеские. А сам все думал об обещании Претича: не обманет ли, не забудет про копьё?

Витязи в гриднице опять говорили, обсуждали дела свои. Святославу те дела казались скучными и глупыми. Они все решали, кто где на постое расположится, где им позволено охотиться, кому сколько меда и зерна выделят. Святослав начинал зевать, хотелось вздремнуть, прислонясь кудрявой головенкой к обитому бархатом подлокотнику. Все равно о походе они тут не говорят, все бы им пожрать, как вечно голодным дворовым...

Но тут вдруг неожиданно из-за трона Ольги вперед вышла Малфрида, и разговоры в гриднице стихли.

– Не рассчитывайте на долгое кормление в щедрых землях полянских, хоробры. Я погадала на воде и на тучах, и было мне указание: как только принесем положенную требу в праздник Перуна, как отгуляем день Велеса путевого, настанет наше время идти в чащи древлянские. И князь пусть с нами едет, – добавила она, повернувшись в сторону Святослава.

Маленький князь очнулся от своей дремы, захолопал глазами, потом ясно улыбнулся. Так его не оставят в Киеве? Он тоже в поход пойдет? В свой первый настоящий поход?! И тут же соскочив с лавки, Святослав кинулся к Малфриде, обнял ее колени:

– Я люблю тебя, ведьма!

Даже не заметил, как привстала и опять опустилась на место его мать.

Но тут голос подал кормилиц князя Асмунд:

– Разумное ли требуешь, Малфрида? Святослав еще дитя, а нас сечи ждут, путь наш будет опасен.

Малфрида только потрепала Святослава по кудрявой головенке:

– Князь должен возглавить поход. Это будет его первая сеча, и она будет удачна.

Когда такое говорит волховка-провидица – не поспоришь. Однако Асмунд все же осмелился:

– А если опасность? Князя нужно сохранить для Руси.

– Вот ты и сохранишь, кормилец Асмунд. Отправишься с ним к древлянам и будешь оберегать князя как зеницу ока. Ибо нечего тебе сиднем сидеть в Киеве да церкви на Подоле возводить.

Больше она ничего не говорила, ушла. Святослав потом пробрался к ней в светлицу: улизнул от сюсюкающих с ним мамок-нянек и к Малфриде побежал. С ней всегда было интересно, а сказки какие она знала страшные... до жути страшные, но интересные!

– Расскажи еще, как Свенельд со змеем-смоком на Нечистом болоте сражался!

– Да ведь сказывала уже.

– А я еще хочу!

И она рассказывала, а он, забравшись к ней на колени, слушал. И о том, как Свенельда во время охоты понес оборотень-тур, занес на Нечистое болото, а сам обернулся мышью и сгинул. А Свенельд остался ночью на Нечистом болоте, и о том узнал змей-смок подземный да пожелал убить добра молодца. Но Свенельд отбил от него и даже глаза чудище болотное лишил. И смок то оскорбление запомнил, но не смог сразу отомстить обидчику, ибо петухи уже зарю пропели, рассвет приближался, вот и пришлось змею поганому уйти в глубокие топи до поры до времени.

Святослав начинал ерзать у ведьмы на коленях, подсказывал, что она не упомянула тех чудищ болотных, какие смоку против Свенельда помогали.

– Да ты ведь и так все знаешь лучше меня, – начинала смеяться Малфрида, но Святослав упрямо требовал, чтобы она и дальше рассказывала.

– А о себе что же не скажешь? – неожиданно прозвучал голос от порога.

Там стоял Свенельд, смотрел на сидевших едва ли не в обнимку Святослава и Малфриду, но эта картина не больно умиляла его. Брови варяга были нахмурены, лицо сурово.

– Ты помешал нам, Свенельд! – махнул на него ручкой Святослав, соскочил с колен Малфриды, топнул ногой в расшитом узорами сапожке.

Малфрида умилилась, невольно отметив, как маленький князь похож на своего отца Игоря: синеглазый, темные кудрявые волосы непокорными прядями спадают на тонко прочерченные брови. А вот рот как ягода – материнский. В нем чувственность проступает, но разве есть у Ольги чувственность? Вон сколько одна живет, даже Свенельда милого никогда не приголубит. Хотя, что до того Малфриде? Что ей до любви мужа ее к княгине? Так, полыхнет порой нечто, когда Малфутка в ней пробудится.

– Иди-ка погуляй, Святослав, – мягко направила она малыша к двери. – Сходи к Претичу, скажи, что я велела тебе не только копьё, но полное воинское снаряжение справить для похода. Мы же пока со Свенельдом потолкуем...

Она не договорила, когда Святослав выскочил и, громко зовя Претича, побежал по ступенькам, только тяжелая дверь бухнула где-то в нижних переходах.

Свенельд остановился подле жены. Оба не глядели друг на друга, Малфрида думала о чем-то своем, а Свенельд смотрел в окно, туда, где внизу был виден оживленный Подол, по которому сновали возы, мельтешили фигурки людей, слышался стук молотков на строительстве заново возводимых усадеб. Подол ныне оживлен был с утра до ночи.

– То, что ты назвала определенный срок похода, – добро, – сказал наконец посадник. – А то бы эти вояки пришлые невесть сколько еще препирались и выставляли каждый свое условие. Да и кормить такую ораву граду тяжело. Но зачем же ты Святослава малого повелела взять в поход?

– Это ты сам волнуешься или Ольга прислала?

– А ты как думаешь?

А что ей было думать? Пожала невозмутимо плечами:

– Сам ты пришел. Ольга больше правительница, чем мать, ей надо сына сызмальства князем над Русью выставить. Вот она и не вмешалась. Думаю, одобряет мое решение.

– Твое? Уж больно ты волю взяла, Малфрида.

И опять она небрежно пожала плечами:

– Воля у тебя, Свенельд, ты первый воевода на Руси.

– И тем не менее ты нарушила мой приказ, когда повелела сегодня выпустить древлянского ведуна Малкиню из поруба!

Теперь он не сдерживал своей ярости, оглянулся, его зеленые глаза засветились, как у кошки. А Малфриде хоть бы что, сидит, опустив голову, лица не видать под низко опущенным капюшоном пенулы.

– Разве ты не понимаешь, что Малкиня, советник древлянского князя, сейчас у нас ценный заложник?

– Которого ты едва не порешил в ревности! – негромко отозвалась Малфрида. – А отпустить его я повелела, так как знаю – он не сбежит.

– Конечно, знаешь! Он ведь теперь тебя не оставит, когда прознал, что дитя его носишь. Ему ведь надо узнать, кого ему родит разлюбезная его чародейка.

Тут Малфрида наконец взглянула на мужа.

– Если тебе так спокойнее будет, Свенельд, то дитя я ношу не от Малкини.

– А от кого?

– Не важно. Но одно могу тебе сказать: дитя это уже обещано другому. Кому – не спрашивай.

Она произнесла последние слова так мрачно и обреченно, что Свенельд ощутил, как зашевелились волосы на затылке. Создавалось впечатление, что ведьма ненавидит свое дитя. Но как баба может не любить своего ребенка? Вон со Святославом она как ласкова.

– Кому обещано твое дитя?

Она выпрямилась так резко, что он отступил. Увидел ее глаза – темные, жесткие.

– А тебе-то что, варяг? Твое дело сражаться да власть Ольги подпирать сильным плечом. Но ни до меня, ни до отродья моего тебе дела быть не должно! А теперь уходи. Уходи, пока я не осерчала!

И он ушел. Видел бы кто, как жена его выпроваживает – стыда не оберешься. Но все же даже Свенельд, при всей его нечувствительности к волшебству, ощущал, что от нее идет некая жуткая сила.

Выйдя во двор, Свенельд сразу увидел того самого Малкиню. Ведун сидел на ступеньках терема княжеского, подле пузатой белой колонны, шурился на солнышко с таким удовольствием, словно соскучился по нему несказанно. Хотя после поруба солнце – оно самое желанное. Да и после сырых туч темных, какие по-прежнему висели над древлянскими чащами, не пропуская ясного света.

– Идем! – подойдя к волхву, толкнул его коленом в плечо Свенельд. – Говорить с тобой буду.

Они и говорили: о том, что Малкиню только милостью Малфриды не посадили на кол как одного из убийц Игоря и что он отныне заложник, за которым зорко следят. Еще Свенельд сказал, что они возьмут Малкиню в поход, чтобы тот понял, какое бедствие они с волхвами накликают на племя.

Пока говорил только Свенельд, а Малкиня молчал, и молчал как-то покорно. В конце концов Свенельд не выдержал, бесцеремонно тряхнул волхва за плечо.

– Что молчишь, как необожженный горшок? Или ты слишком велик, ведун, чтобы русскому воеводе отвечать?

Малкиня наконец поднял на него глаза – светлые и чистые, как у отрока.

– Рада бы курица не идти, да за крыло волокут. Поэтому выхода у меня нет. Но кое в чем ты прав, варяг: то, что задумано волхвами, было ошибкой. И теперь много крови прольется. Вот я и согласен ехать с вами, готов даже помогать, сам, если велишь, стану говорить с соплеменниками. Поясню, что теперь лучше признать, что под властью темных сил им хуже будет, чем если вновь окажутся под Русью. Думаю, многие и так это поняли. Однако тебя не только это волнует? Не только это хотел сказать.

Они какое-то время смотрели друг на друга, и Малкиня ответил на то, о чем подумал посадник:

– Не мое дитя у твоей жены, варяг.

Свенельд почувствовал, как краснеет. Угадал, почувствовал, уловил помыслы, как Малфрида и упреждала о нем. Свенельду показалось, что он будто раздетый перед ведуном сидит, все тому о нем известно. И даже едва удержался, чтобы не двинуть древлянина в зубы. Но если Малкиня и эти мысли уловил, то виду не подал. Сказал: да разве он отдал бы Малфутку Свенельду, если бы сперва под себя уложил? Он добра ей желал, знал ведь, что милее Свенельда для нее никого не было. Вот и рассчитывал, что у них со Свенельдом все сладится, а вышло... Значит, не судьба ей в ладу и с милым жить.

Он жалел Малфриду. Жалел, даже зная, что она почти нелюдь. Любил, значит... Свенельду тоже казалось, что он некогда ее любил. Но сейчас не мог. То, что его жена носит под сердцем нагулыша, было его бесчестьем. И он еще добр, что не отказался от нее, по-прежнему все считают его боярыней Малфриду. И он только спросил: чье же у нее дитя, раз не от разлюбезного приятеля Малкини?

Малкиня огладил длинные русые волосы, заложил их за уши, невозмутимо поправил дыру на плече, где ранее красовался серебряный оберег в виде парящей птицы, который у него сорвал кто-то из кметей, когда пленили ведуну.

– Лучше тебе этого не знать, боярин. А если знать хочешь... Подумай сам, что с пленной ведьмой сотворить могут.

Он словно еще что-то сказать хотел, да умолк. Ибо уловил, что Свенельд и сам догадался. И больно посаднику стало, эта боль даже на Малкиню кручину нагнала. Ибо понял он, что таит Свенельд глубоко в себе: ответственность за названную женой древлянку, желание защищать и оберегать. И она мила ему... да только... Малкиня угадал, что в этом «только».

Ведун шагнул к варягу и почти по-дружески положил ему руку на плечо.

– Послушай, посадник, тебе тяжело, а ей еще тяжелее... В ней ведь человек и нелюдь бьются. Помоги же ей, возьми опять на ложе как супружницу, опали страстью яркого

Ярилы, может, и полегчает ей.

Свенельд не сбросил руки древлянина, смотрел перед собой... И Малкия угадывал его мысли: Свенельд хоть и уважал ведьму, но как бы брезговал ею. Ее темная сущность отвращала его от чародейки. Кого бы иного приманивало ее ведьмино очарование, а вот посадника, который всякого насмотрелся у древлян, все необычное только отталкивало.

Он даже сказал, словно забыл, с кем общается:

– Не могу. С любой иной бы мог, а с ней не могу. Раньше едва увижу ее... так и опалит меня желанием. Сейчас же это мне что со зверем сойтись. Это ведь... Тут и мысли угадывать не надо, чтобы понять – не человек она.

Малкия опустил голову. Молчал. Сам бы он мог... Смог ведь даже тогда, когда эта ведьма на Нечистом болоте творила свои самые темные чародейства. Ибо любил ее, несмотря ни на что. Вот бы и ныне... Да только не позволит ему этого Свенельд, это честь его боярскую затронет, после такого он и соображать будет иначе. Сейчас же думает о ней с какой-то грустной нежностью и сожалением... А еще думает о том, что недавно жена ему сказала...

– Что? – встрепенулся волхв. – Кому Малфрида дитя обещала?

Но подобные тайны своей жены, угаданные кем-то сторонним, возмутили Свенельда. Вроде даже как обозлиться хотел на ведуна, но сдержался.

– А сам угадать, что, не можешь? Мне она не говорит.

И еще о чем-то подумал, вроде как была догадка у Свенельда... Малкия хотел прознать ее... но не смог. Вдруг что-то случилось, отчего он вообще перестал читать мысли посадника. Он как оглох внезапно. Нет, не оглох: он слышал, как на заднем дворе птичница подзывает кур, как бухают недалеко в кузне молоты по железу, а княжич Святослав кричит кому-то, что не надо ему маленького копья, пусть большое сделают; слышал, и как голуби воркуют на солнышке, как плещет вода, какую теремная девка льет на спину моющегося крепкого дружинника, смеется, предлагая вышитое полотенце. А вот мыслей стоящего рядом и смотревшего на него Свенельда не мог разгадать. Будто и впрямь дар его покинул. А вот отчего?

Малкия стал резко озираясь. Но все было по-прежнему: стояли у раскрытых ворот в детинец воротники с длинными копьями, несла на коромысле через двор воду челядинка, две другие выбивали на галерее терема дорожки, перекинув их через перила и задорно перешучиваясь с отроками внизу. Совсем рядом Малкия слышал звонкий стук подкованных сапог по плитам двора, на них упала тень прошедшего мимо боярина, высокого, седого, с длинными вислыми усами. Они со Свенельдом почтительно склонили головы, приветствуя. Потом боярин стал подниматься по каменным ступеням в княжеский терем, все так же мелодично постукивая подкованными каблуками. И только как скрылся за широкой, украшенной медными шляпками гвоздей дверью, Малкия наконец ощутил нечто... какой-то слабый отсвет мысли смотревшего на него посадника, угадал даже, что тот удивлен странным поведением озиравшегося, растерянного ведуна. Спросил:

– Ну и что с тобой, волхв древлянский? Что тужишься, аж покраснел?

Вроде как насмехается, но Малкине было не до смеха. Он смотрел туда, куда прошел степенный витязь с длинными усами:

– Кто?... Кого ты только что приветствовал, посадник? Кто этот муж нарочитый?

– Этот? Да это сам кормилец Святослава, Асмунд.

Малкия морщил лоб, хмурился.

– И он из христиан?

Свенельд тоже поглядел на крыльцо, где только что скрылся старый соратник князя Игора.

- Всякое люди болтают. Может, и христианин. Уж больно охоче он церковь на Подоле взялся восстанавливать.

- И он тоже поедет в наши леса? - почти задохнулся Малк. И не успел Свенельд подумать, откуда древлянскому волхву это известно, не успел еще понять, что сам же о том и подумал, как Малкия вдруг схватил его за руки: - Нельзя этого допустить, Свенельд! Нельзя пускать христиан к древлянам! Там, где шатаются эти поклонники Распятого, всякое чародейство замирает, нелюди лесные перестают быть видимыми, исчезают в чаще, сила волшебная становится не крепче нити шелковой.

- Да ну? - хмыкнул Свенельд.

Хотел было что-то возразить, но сдержался, даже отошел подальше от Малкини, чтобы тот ненароком не прочел мыслей. А ведь было же о чем подумать. Гм. Чародейство, оказывается, с христианством не ладит? Он потер переносицу, припомнив, как легко его дружинник Стоюн проехал через лес, полный чар. Стоюн ведь тоже был христианином, еще после того, как ходил в сечу на Нечистое болото да заметил, что нежить как будто уступает тем, кто с крестом. Да разве один Стоюн после того крестился! Посадник знал, что после того похода многие из его дружины стали в церковь на Подоле хаживать, некоторые и впрямь крещение приняли. Сперва просто так крестились, почти из любопытства, а потом и уверовали. Свенельд не насмешничал над такими: всякому воля верить в то, что ближе. Но ведь и в самом деле не единожды замечал, что древляне особенно крещеных не любят. Вон христианские проповедники ходят по градам Руси беспрепятственно, сказки о своем Иисусе рассказывают, их слушают спокойно, даже с интересом - кому же о дивах послушать не любо? - а вот у древлян таких сразу убивают. За время своего посадничества в их краю Свенельд не единожды с подобным сталкивался, но в местные дела особо не лез. А оказывается, так древляне силу своего колдовского края оберегали. Вот и расплодили своих чудищ да духов, огородились волховством, так что мало кто к ним проехать может. А вот крещенный не так давно Стоюн сказал: проеду - и проехал! Может, отваги и лихости в нем было не занимать, а может... Может, и впрямь крест его уберег?

Свенельд надолго задумался, но вздрогнул, почувствовав, как на него упала тень ведуна. Опять мысли подглядывает? И впрямь ему врезать, что ли, чтобы знал свое место? Но тут Малкия сказал:

- Учти, Свенельд: там, где христиане, где они молятся своему распятому богу, не только волшебство развеивается, но и вода чародейская исчезает. А ведь твое богатство, посадник, как раз на торговле живой и мертвой водой возросло. Да и сам ты уже без этой воды жить побоишься. Неужели откажешься от такого ради где-то распятого чужого бога?

Свенельд промолчал. Ведь в глубине души он был уверен, что рано или поздно они одолеют древлян - эка невидаль для Руси опять это племя непокорное подмять! А он тогда опять добьется должности посадника в их краю, опять станет искать источники чародейской воды. Ибо этот смазливый ведун Малкия был кое в чем прав: хлебнувший из источника вечной жизни и молодости уже не сможет без этого жить.

Малкия уловил эти его мысли, даже чуть улыбнулся, отчего его молодое, но давно небритое лицо стало особенно привлекательным. Но улыбка тут же погасла, когда он понял, что для Свенельда важнее сперва покорить древлян, пусть и при помощи христиан, а потом... Потом он подумает, как их изгнать из древлянских пределов.

Свенельд откровенно рассмеялся, видя выражение досады на лице ведуна:

- Что, не окрутил меня? Ладно, чему быть - того не миновать. А сейчас иди на поварню, пусть тебя накормят, а то вон какой худой стал. Отъешься теперь, чтобы твои древляне не говорили, что мы их ведуна тут голодом морим.

При этом он развернулся и пошел прочь, но едва отошел, как на него почти налетел выскочивший из кузни Святослав.

- Прикажи им, Свенельд! - требовал малец-князь, смешно выговаривая вместо «прикажи» «пиказы». - Прикажи, пусть большое копье мне сделают. Воооот такое, - разводил он руки. - Я князь или не князь? Я в поход иду! И мне нужно большое копье,

как у тебя.

– Так уж и как у меня, – усмехнулся Свенельд и, взяв княжича за маленькую ладошку, повернул с ним в сторону кузни.

С высокой каменной галереи княгиня Ольга с потаенной нежностью смотрела на них – своего сына и своего возлюбленного, какой еще недавно был угрозой власти юного князя. Теперь же вон – ведет его, и ценит, что Святослав к нему бежит чуть что. К нему и к Малфриде. И Ольга нахмурилась при последней мысли.

Такой хмурой ее и застал боярин Асмунд. Держал в руках свитки, стал отчитываться, сколько корма коням прибывших дружин отмеряно, где чья рать расположена на постой. Он-де постарался расселить пришлые дружины подальше друг от друга, чтобы стовариваться им неповадно было: так, витязей северянского племени Асмунд велел поселить ближе к дружине киевской под крепостью Самват, пусть пока поупражняются да разогреют кровь перед битвой; людей из Чернигова, над которыми стоит доказавший свою верность Претич, устроили на Подоле – уж больно рьяны, а так на строительстве нижнего града хоть какую-то пользу принесут. Варягов Гили Смоленского разместили подальше, возле рынков рабов в Угорском: они все люди небедные, уже сейчас стали там приторговывать, отчего пошлина в казну киевскую поступает. Ну а самых сложных и непокорных новгородских ополченцев с их воеводой Волчарой Асмунд отправил поближе к Дорогожичам, там сам Свенельд за ними приглядит, если что.

– Гляжу, ты со всем справился, мой верный Асмунд, – улыбнулась Ольга, даже взяла руки старого варяга в свои. Несмотря на худощавость бывшего воеводы, рука у него была сильная, загрубевшая от меча и конских поводьев, а с тыльной стороны левой руки виднелась мозоль от щита, какая обычно возникает у воинов, каким часто приходилось носить щит да отражать удары. Ольга провела по ней пальчиком, почти игриво. Да и глаза княгини были лукавыми, когда снизу вверх взглянула на старого воеводу, уже несколько лет как отказавшегося от ношения доспехов, но разумно и толково помогавшего Ольге здесь, в Киеве.

– А вот скажи мне, Асмунд, не грустно ли тебе, что в поход с нами идешь? Ты ведь служишь миролюбивому Богу, он как, не осерчает на тебя?

Асмунд мягко забрал свою руку у Ольги. Улыбнулся, как, бывает, улыбается не привыкший к открытым проявлениям чувств замкнутый человек.

– Все путем, Ольга. Мой Бог хоть и не одобряет пролития крови, но учит и почтению к правителям.

– Да ну? И что, все христиане так уже преданы правителям?

Тут ей было о чем задуматься. Единый Бог, приучающий к повиновению единому правителю... На Руси вон каждый небожитель на себя почести тянет и жертв требует, так же, как и удельные князья, каждый свою власть отстоять от иных готов. У них волхвы-служители каждого божества на других косятся, каждый своего хочет. И нет единой власти на Руси... Есть, конечно, особенно с тех пор, как еще Олег Вещий Перуна над прочими поставил, но все же в других племенах кто Рода больше чтит, кто Велеса, кто Сварога. А в христианских странах всегда стоит наверху единый глава, и ему подвластные христиане покорны лишь немногим менее, чем Всевышнему.

– Послушай-ка меня, Асмунд мой верный, – задумчиво произнесла Ольга, почти по-девичьи смущенно теребя кончик одной из длинных кос: – Пришли ко мне того молодого попа с Подола, грека Григория, какой этой весной прибыл из Царьграда. Поговорить с ним хочу.

Лицо Асмунда при этом осветилось такой радостью, что Ольга даже досаду ощутила: ну чего вострепнулся, как старый жеребец, когда из денника на луга погулять выпускают? Потому и сказала: не обольщайся, мол, поговорить хочу, это только любопытство потешить.

– И то уже хорошо, – продолжал улыбаться Асмунд. – Не важно, как человек приходит к Богу, главное, что приходит.

- Ну да, так я и пошла к твоему Богу, - хмыкнула Ольга. - Я еще от живой и мертвой воды отказываться не собираюсь.

Но Асмунд продолжал улыбаться какой-то светлой, почти блаженной улыбкой, так странно менявшей суровое лицо воина.

Глава 11

Древлянские отряды стекались к Искоростеню отовсюду: из глухих чащ из-под града Овруч, с полесских краев на реке Уборть, из дальней, укрытой за зачарованным Диким лесом крепости Гольско. Они собирались перед окружавшим Искоростень отведенным от реки Ужи рвом и смотрелись так странно и дико, что привыкшие к виду русских воинов жители даже побаивались этих невесть откуда прибывших соплеменников. Ибо тут и впрямь было чему подивиться. Многие из лесных древлян были одеты в грубо выделанные шкуры прямо на голое тело, головы у большинства тоже покрывало некое подобие накидок, волчьи, медвежьи, рысьи личины, с ниспадавшими на плечи меховыми полостями; у некоторых было некое подобие шлемов из кож, редко у кого с металлом, чаще на них торчали то кабаньи клыки, то косматые уши, то оленьи рога, были даже лосиные, будто носившему их рослому древлянину не составляло труда держать на себе такую махину, и он только посмеивался, когда вращал головой, а от него шарахались. У всех были копья, рогатины и пращи, да еще длинные луки, смолистые, обожженные на огне, да полные колчаны стрел.

– И ты выйдешь к ним? – спросил князя Мала Маланич, видя, как тот решительно накидывает малиновое княжеское корзно, как подпоясывается длинным мечом, принадлежавшим, как гласила молва, еще прежним древлянским князьям и передававшимся каждому новому князю – правителю края. Правда, этот длинный меч в потертых ножнах, с выполненной в форме головы тура рукоятью, подходил к облику низенького рыхлого Мала, как сапоги лосю. Но все же он имел на него право и сейчас собирался выйти с ним к этим решившим отстоять свободу племени людям.

Мал взглянул на своего волхва сурово, даже с достоинством.

– Это мои древляне. Они пришли сражаться за меня! Ведь донесли уже, что предательница Ольга немалую рать в Киеве собирает. Вот и у нас дружина будет, с которой и Руси придется считаться. И это не нелюди твои, кудесник, каких разогнала гроза Перуна. Это теплокровные, смелые древляне. Это хоробры, пришедшие на помощь к своему князю! И я выйду к ним, доволен ты или нет. Я стану во главе их рати!

Темные глаза Маланича строго смотрели на храбrivшегося Мала.

– Думаешь, эти звероловы и рудокопы выстоят против умелых витязей с Руси?

Лицо Мала при этом вспыхнуло, он осклабился нехорошо, отчего его маленький курносый нос забавно вздернулся. Но в глазах горел гордый огонь.

– Да, они будут стоять за меня, а я за них! И не отговаривай, это недостойно тебя, кудесник Маланич. Глупо проигрывать битву, которая еще не начата. Если тебе еще присуща прежняя мудрость – ты это поймешь.

– Но у нас мало сил, – попытался все же удержать князя верховный волхв. – Собранная нами ранее обученная дружина мала, чтобы противостоять силам всей Руси. Обещавшие помощь волыняне ссылаются на то, что из-за дождей не могут прийти, а у этого сброда и оружия хорошего толком нет. Посмотри же на них! – почти закричал он, поднимаясь на заборы Искоростеня вслед за Малом. – Взгляни, это просто люди из леса. Даже если ты раздашь им оружие, какое еще осталось в кладовых, его не хватит на всех!

– Наделю столько, сколько смогу, – отозвался Мал, вырвав полу корзно из рук удерживавшего его Маланича, да так резко, что волхв чуть не упал. Это как-то подействовало на князя – привык ведь всю жизнь к словам волхвов прислушиваться, а тут... едва не дерзит. И он сказал уже более примирительно: – Как ты не поймешь, мудрый Маланич, что силы лесных духов почти исчезли после того, как Перун развеял колдовские тучи. Изменница Ольга жертву огромную ему принесла, и мы не можем рассчитывать, что Чернобог и Морена вновь окутают чарами те пути к Искоростеню, где пали молнии Громовержца.

И древлянский князь указал рукой на восток, где нависавший сверху полог темных туч словно обрывался, и там, в стороне Руси, светлело ясное небо, пронизанное потоками солнечного света. А всем известно – где ясен свет, нежить слаба и пуглива. Где прошелся небесный Перун, сильнее именно простые теплокровные, с их выкованным

на огне оружием, а не подвластные темноте нелюди.

Маланич все это понимал, ему было горько от сознания, что его темные боги не так сильны, как покровитель русичей Перун, да и оттого, что сам он теряет власть. Мал уже не так прислушивается к каждому его слову, а встав во главе войска, он и впрямь может стать настоящим князем-правителем. Способен ли он победить Русь? В этом Маланич сомневался, однако понимал, что, проявив силу, Мал Древлянский вполне может как-то договориться с Ольгой, откупиться за убийство Игоря, ибо как бы ни лютовала эта киевская волчица, однако ей нужны не пустые земли, а подвластный край с людьми, которые будут платить ей дань. А что же тогда сделают с волхвами, какие всегда были силой этой земли? С подсказки которых и было решено убить князя-волка?

– Да, Ольга исхитрилась лишить нас чар леса, – произнес Маланич, глядя на солнечные отблески над дальней чащей. – Боги сильны принесенными им требами, они наполняются силой отданных им жертв, а Ольга отдала Перуну почти всех лучших наших мужей. Хитростью вызвала их и велела убить и наших воевод лучших, и мудрых бояр, имевших опыт войны. Эти же, что пришли к Искоростеню из своих боров и болот, и воевод-то над собой не имеют, и сражаться будут, кому как на душу придет. Но если мы, надеясь не на них, а на своих покровителей Морену и Чернобога, вновь дадим им достойную жертву, то они опять приобретут силу. Вспомни, Мал, древляне всегда были сильны и защищены не воинами своими, а именно чарами.

Тут Мал повернулся к Маланичу, схватился за посох в руке волхва, притянув его к себе вместе со служителем. Будучи ниже Маланича, смотрел на него снизу вверх, однако было что-то в его взгляде, и кудеснику показалось, что князь смотрит на него свысока. И маленькие, невыразительные глаза Мала горели сейчас, как плошки.

– Где я найду тебе нового князя в жертву темным силам, а, кудесник?

И, отстранив чародея, пошел по забору к воротам. Шел, высоко поднимая руку с мечом, и, видя это, люди во граде и столпившиеся вокруг Искоростеня лесные жители разразились громкими приветственными криками. Князь шел! Их князь Мал, за которого они были готовы сражаться до конца!

Маланич же смотрел на удалявшуюся коренастую фигуру Мала широко открытыми глазами. Как будто только сейчас он прозрел, только сейчас увидел в Мале истинного правителя. Князя! А Мал еще спрашивает, где он возьмет жертву для темных богов!

Кудесник не сразу заметил, что улыбается – удовлетворенно и зловеще... Но он быстро взял себя в руки, оглянулся, не заметил ли кто его усмешку, не догадался ли кто о его замыслах? И он впервые подумал, как хорошо, что русичи пленили его соперника Малкиню, что некому теперь узнать, какие мысли таятся под серебряным очельем на высоком лбу волхва. И Маланич, подхватив подол своего длинного белого одеяния, почти бегом догнал князя, встал рядом, когда тот велел растворить ворота и опустить поднятый на осмоленных канатах мост через ров.

Так они и вышли к собранному воинству – князь Мал Древлянский и его верховный волхв. Двигались среди гроыхавших оружием, подкидывавших меховые колпаки дружин, бивших в барабаны, размахивавших рогатинами и поднятыми луками. А потом к князю выехал тот, кто за столь короткий срок смог собрать этих людей, кто галопом промчался от селища к селищу, поведал о беде, убедил пламенными речами вспомнить былые времена, когда Русь не стояла над ними, а набеги древлян были для соседних племен страшнее налетов трехглавого огненного змея.

И вот теперь они тут. Жители древлянской столицы, обитатели окрестных селищ и даже дружина Мала, – все были сражены, растеряны, испуганы. Они, столь долго верившие, что их надежно защищает чародейство; ликовавшие при мысли, что воля их князя свершилась и сама киевская княгиня приехала к нему как невеста; сбитые с толка, когда пришло понимание, что их обманули и что небесные божества не просто вернулись, лишив их защиты темных сил, но и встали на сторону Руси.

А вот отправленный с особым поручением тайный поверенный верховного волхва, Мокей вдовий сын, решил на поступок, который сейчас все одобрили. Он созвал к Искоростеню рать, которая могла всех защитить. Сейчас Мокей по сути возглавлял собранное им в столь короткий срок воинство, он один из немногих древлян был верхом,

гарцевал на сильном гнедом коне, какого выбрал для него волхв Маланич, вздыбливал его, одной рукой натягивая поводья, а другой потрясая охотничьей рогатиной с тяжелым длинным острием.

«Хорошо на коне-то держится, – почти с удовольствием подумал Маланич. – Среди древлян это не так часто и встречается».

Вопреки собственному ожиданию Маланич не был зол на ослушника Мокея. Да, если бы он выполнил его волю... Все бы было иначе. Волхв понимал этого дерзкого парня. Он ведь сам некогда выбился из низов, сам хотел возвыситься. Но у него был дар чародейства, а у Мокея такового не было. Зато у него имелись смелость и дерзость, ум и сила, привлекавшие к нему людей. И еще смекалка, позволившая сообразить, чем ему грозит замысел волхва Маланича. Теперь же он вернулся. Да не один, а с собственной ратью. Теперь и гнев верховного служителя ему был не страшен.

Маланич это уже понял. Что ж, у каждого свой удел. Но толковых и расторопных он все равно ценил. Поэтому, когда Мокей вдовый сын соскочил с коня и низко поклонился сперва князю, а затем и верховному волхву... Причем последнему осмелился улыбнуться своей красивой дерзкой улыбкой, рывком откинул густые русые волосы за плечи («Бамам такой нравится», – опять отметил про себя Маланич), кудесник вполне милостиво поглядел на него. А выслушав его полную веры речь, что-де они отстоят родные края от находников, волхв даже подмигнул рьяному парню. Дескать, понимаю тебя. Возвыситься захотел. Ну что ж, у нас найдется для тебя работенка, погоняешь молодецкую кровушку, когда будешь сдерживать отряды русичей, пока мы займемся чем надо...

Мокея кажущееся радушие обманутого им волхва, наоборот, насторожило. Он понимал, что пока он во главе собравших им людей, пока в силе, волхв не будет ему вредить. А потом... Но сейчас никому не ясно, что будет потом. Для себя Мокей только решил, что он не даст себе пропасть, как ошипанному куренку. Если дело у них выгорит, если они покажут Руси, что могут бороться, он возвысится. А если нет... Мокей не забыл еще, как ужаснулся, поняв, что подле жестокосердной Ольги находится его враг, ведьма Малфрида. А с другой стороны Маланич. Но была не была. Как говорится, кто хорошо начал, тот сделал половину. Просто ему надо быть всегда настороже.

Вот он и был внимателен и напряжен, когда они с князем Малом и его окружением обсуждали, как будут сражаться. Маланич вроде ни во что не вмешивался, даже когда Мокей дал понять, что теперь он главный воевода древлянских войск. Он, ну и еще один старый воин, верно служивший в Искоростене и тоже выдвинутый теперь Малом в главы воинства. И когда Мал велел выдать своим новым воеводам из кладовой по отменной кольчуге хазарской работы, Мокей ощутил настоящую гордость. На старого воеводу из града посмотрел едва ли не с насмешкой. Пусть уж этот служит при князе, как и ранее служил, а вот Мокею сидеть за заборолами (да еще под боком мстительного Маланича) – это все равно, что соколу на насесте томиться. И он выступил вперед, склонился перед князем, потом подбоченился, поправил на голове свою волчью клыкастую накидку.

– Позволь слово молвить, княже. Я ведь в лесах вырос, знаю их как никто, да и наслушался сызмальства рассказов стариков, как они еще от ратей Олега свои чащи обороняли. Поэтому позволь отправиться к дальним тропам, какие от Руси ведут. Там мы им головы поморочим, удержим, пока вы тут град укрепите да все же постараетесь столкнуться с волынцами. Вот когда будете готовы со Свенельдом сразиться, мы снова сюда прибудем. Ведь Свенельд войска поведет? – повернулся он туда, где подле Мала стояли ведуны-волхвы в своих светлых одеждах. И когда те согласно кивнули, он только отметил про себя, что со Свенельдом опять Малфрида может явиться. Сглотнул ком в горле, но продолжил громко: – Я им подступы закрою, мои люди их пощиплют, напомнят, что нас не только нежить охраняет. А там... Вот тот же Маланич мудрый говорил мне, что я удачливый, как о двух головах родился.

И не удержался, подмигнул отмалчивавшемуся в стороне кудеснику. Но тот вроде не осерчал, кивнул согласно. Хотя, по мнению Мокея, лучше бы он не замечал его. Ибо он не верил в расположение Маланича. Но именно сейчас Маланич был всем доволен. Особенно тем, что Мокей сам решил уехать. Не нужен ему тут был этот столь смекалистый да наблюдательный ловкач.

Так они и расстались, не сказав друг другу ни слова, только взглядами неласковыми обменялись. Зато князю Мокей успел шепнуть, когда, уже облаченный в хазарскую кольчугу, приходил прощаться:

– Опасался бы ты своего верховного волхва, княже.

Тонкие, едва заметные брови Мала на миг поднялись к светлому меху его шапочки. Князь затеребил русую бородку, размышляя.

– Но и без волхвов нам нельзя. Ты вон, сокол мой, будешь сражаться там, где Перун похозяйничал, а волхвы все одно должны наше чародейство служеньями подкреплять. Таков обычай у древлян. Испокон веков так было. Да и как же без мудрых служителей и главы их? Вон он уже поворожил да сообщил, что рати русичей на подходе.

– Ну, это тебе и мои соглядатаи бы сообщили, – пробурчал Мокей.

Сошел с крыльца, лихо вскочил на так понравившегося ему гнедого. Князь Мал глядел, как его новый воевода проехал, подбоченясь, под бревенчатой аркой широких ворот, как за ним двинулось его разношерстное воинство – лохматые, рогатые, оружие, притопывающие, присвистывающие. Что от таких ждать? Русичи Свенельда вон чаще строем ходили, обучены были, умелы. А эти... Нет, пусть Мал гордился, что столько древлян на его защиту явились, но и на чародеев своих все же не мог не полагаться.

Уже через пару дней пришла добрая весть: такую ловушку-засеку устроил Мокей со своим воинством первому вступившему в лес отряду Свенельда, что полегло русичей немало. В Искоростене волхвы сразу пышное служение Чернобогу устроили: пусть ведает темный покровитель, что каждый убитый ему и Морене посвящен. Потом еще весть о победе: снова разит чужаков хитрый Мокей, заваливает им пути засеками, а как только те растаскивать их принимаются, разят из чащи стрелами, забивают камнями из пращей. Русичи вроде как хотели погонять древлян, но те отходили столь умело, что завлекли отряд Свенельда в топи, почти никто не спасся тогда. И опять ликование и священнодействия провели в Искоростене.

Но потом пришли худые вести: русичи сами придумали хитрость, выманив из чащи древлян притворным отступлением, принудили к бою и многих посекали, многих ранили. И уже к вечеру к Искоростеню прибыли первые волокуши с ранеными; убитых не привозили, не было возможности.

Когда князь Мал спустился поглядеть на стонущих и кричащих раненых, даже испугался – столько их было. И как всегда в таких случаях, кинулся за советом к волхвам, которые как раз собрались в ближайшем лесу и творили свои заклинания.

Когда Маланич оторвался от молитвы, Мал почти с укором налетел на него:

– Что вы тут стонете да раскачиваетесь, если помощи от того нашим витязям нет!

– Мы сейчас слабы, – понурил голову Маланич. – Перун силен, а он покровитель русичей. Нам же надо своим богам жертву принести, да не здесь, а в священном месте. Ты знаешь где, княже. И ты знаешь, какую им надо жертву.

Мал побледнел. Но быстро нашелся:

– Можешь отдать на закланье одну из моих дочерей. В ней ведь тоже княжеская кровь.

Маланич пошевелил темными бровями. От разведенного в чаще костра на его худое лицо падали красноватые блики. Где-то в лесу закричал филин, а потом вылетел и неожиданно сел на навершие посоха Маланича, блеснул желтыми глазами и опять закричал, раскрыв крючковатый клюв.

Мал словно оглох от его пронзительного печального крика, волосы на затылке зашевелились, едва не вздыбив княжескую парчовую шапочку. Он боялся всех чудес, этот князь привычного к чародейству племени, никак не мог с ними свыкнуться. А тут еще Маланич повернулся к сычу и заклекотал, точно птица, и в голосе его не было ничего человеческого. И сыч тоже заклекотал, а потом опять крикнул так, что Мал попятился.

Но Маланич вдруг резко и сильно схватил его за руку, сжал крепко.

– Не отступай, княже, а выслушай, какую весть мудрая птица от богов принесла. А весть ее такая: мы пустим нежить на помощь нашим хоробрам, мы опять заставим родники биться живой и мертвой водой, мы вылечим изувеченных и даже поднимем мертвых, и твоё воинство вновь пополнится и будет неуязвимым. Но для этого не дева неразумная нужна, а твоя кровь понадобится.

При этих словах шапочка Мала опять плотно села на голову, а сам он так взъярился, что допустил недозволенное: толкнул верховного волхва в грудь, так что тот едва не упал, а перепуганный филин сорвался с наверхия посоха и с криком улетел в ночь.

– Да ты никак спятил, кудесник! – срываясь на визг, вскричал Мал. – Да за меня... Да все племя вас разорвет на мелкие кусочки.

– Я это знаю, – величаво оправляя сбившиеся на сторону амулеты, спокойно ответил Маланич. – Знаю, что один твой вид сейчас возвращает надежду и вливает силу в сердца древлян. И неужели ты мог подумать, что я готов тобой пожертвовать? Да я за тебя... Или я не древлянин?

Так Маланич никогда с князем не разговаривал. И он сказал, что требуется от Мала: нужно, чтобы тот отправился с волхвами к берегу речки Гнилопяти, где некогда они соорудили великое капище Морене и Чернобогу, там разрезал себе запястье и своей княжеской древней кровью окропил идолы темных богов. Это и будет та жертва, какой боги удовлетворятся.

Тут бы князю и вспомнить предупреждение сметливого Мокея, но он куда больше привык слушать волхвов, а не какого-то вдовьего сына, какой только в особых обстоятельствах стал воеводой. И Мал подумал о раненых в Искоростене, вспомнил их – у того на груди повязка потемнела от крови, тому ногу по голень отсеки, еще у одного оперенная стрела торчит из вытекшей глазницы. И вот он, князь этой земли, может вылечить их всех, может поднять мертвых и вернуть им жизнь и силу, он даст им источники живой и мертвой воды!.. Ибо сейчас даже у него, князя древлянского, не было этой чародейской дивной водицы, а посылать за таковой на окраины его земли, когда русичи уже вторглись в его леса, не было возможности.

– Я согласен с тобой, мудрый Маланич. Когда отправимся?

– Ночь пройдет, день настанет – и мы в путь.

Мал с готовностью кивнул.

– Я велю своим охранникам быть наготове.

Было решено, что князь с волхвами отправится в путь на лодке по реке Уже. Двинутся они на заход солнца, пока не достигнут нужного притока, а оттуда уже доберутся до капища темных богов.

Малу было не по себе от мысли, что они будут ехать по отдаленным пределам, где еще в силе нежить, куда не дошла гроза и где не пуганные Перуном духи еще ощущали свою силу. Но ведь он был с верными воинами-охранниками и в сопровождении троих сильных волхвов – самого мудрого Маланича, а также Пуща и Шелота. Однако когда они уже садились в лодку, Мала смутило, сколько людей смотрели с вышек града на его отплытие. Он-то, конечно, сообщил, что отбывает ненадолго, однако люди как будто не верили, словно и впрямь решили, что князь покидает их в самое трудное время.

Оттого Мал во время всего пути был молчаливым и угрюмым. Да и добраться до капища на речке Гнилопяти было не так-то просто. Сперва они долго плыли под парусом, затем пересели в узкую длинную лодку-долбленку и углубились под нависающими ветвями в густую чащу. Путь тут был не из легких: места заболоченные, речки в бобровых запрудах пухли в разливах, повсюду бурелом, приходилось петлять по извилистому руслу. В обступившей их чаще все время что-то ухало, постанывало, скрипело. Волхвы к этому относились спокойно, а вот у Мала и его сильных рослых кметей в лице ни кровинки не было, лишний раз и не оглянутся на окликающих из-под бурелома

лесовиков, вздрагивали, когда из воды появлялась облепленная тиной башка кикиморы, смотрела вслед, пуская пузыри. И мрак тут какой-то бесконечный даже днем, мошка, гнус донимают. Когда деревья немного расступились и на возвышенности путники заметили лесное селище, то обрадовались. Дымок вон вьется, куры кудахчут. Хотели было сделать остановку, но Маланич не велел, говорил, что поторапливаться надо.

К вечеру они добрались до более-менее сухого места, где виднелась бревенчатая стена волховского скита, откуда местные ведуны оберегали округу от приставаний нежити. Они вышли встречать, когда Маланич прокричал лесной птицей, оставили долбленку подле небольшого причала и по тропе повели в скит. Как и везде, здесь стоял полумрак, но тропа была хорошо протоптана, на ней виднелись отпечатки лосиных и кабаньих копыт. А может, это следы нелюдей лесных? Точно. Мал сам увидел, как путь им перешел козлоногий оборотень с торчащей на загривке шерстью. Прошел, словно и не заметил путников, сутулый, грязный, зацокал что-то, не поворачиваясь, будто сорока застрекотала.

Но Маланич спокойно шел впереди, опираясь на свой посох с человеческим черепом, так же спокойно шел и замыкавший вереницу волхв, словно ничего необычного или стоящего внимания не заметил. Тропинка сделала поворот, и они вошли в скит сквозь узкую тяжелую калитку в тыне из бревен. Над зелеными от мха крышами внутри тихо вился голубоватый дымок.

Местные служители гостеприимно приняли путников, накормили вареной тетеревиной с корешками, расположили почивать в длинной, покрытой темными мхами полуземлянке. После долгого пути Мал и его стражи позасыпали сразу, князь даже сапог не снял, а кмети его так в доспехах и рухнули. То ли намаялись так, то ли подмешали им что в еду.

Глухой ночью Маланич растолкал Мала.

– Вставай, княже, в путь пора.

Мал, еще сонный, послушно поплелся за ним, зевая и кутаясь в нагретую в дымной полуземлянке накидку. Но на дворе, с холода, будто очнулся, стал соображать более четко.

– Тю, морок тебя, Маланич! Куда в ночи по чашам шастать? Вот с утречка...

Но не договорил, когда Маланич вдруг навел на князя руки и с их ладоней на Мала полился сероватый во тьме дымок, стал его обволакивать. Мал с перепугу попятился, начал было отмахиваться, но руки его вдруг истончились, стали неуклюжими, спину тоже словно вдруг стало тяжело держать прямо, и он рухнул на колени... на все четыре конечности, превратившиеся в когтистые серые лапы. Ибо князь древлянский уже не был человеком, а был он линялым в летнюю пору волком, уши его торчали остро вверх, улавливая все звуки ночи, мокрый холодный нос разом ощутил тьму запахов.

Мал-волк сперва закрутился вьюном, пока другой волк – белый и сильный, с черными густыми подпалинами на лбу, не наскочил на него, повалив, придавил сильными лапами. И зарычал глухо у самой морды. И самое странное, что Мал вдруг отчетливо его понял: «Времени мало у нас. Волками сквозь чащи легко доберемся, успеем, как надо».

И все это Мал-волк уразумел сразу. Увидел и еще двоих волков, крутившихся рядом, в рыжеватом даже узнал Пуща, а молодой да вертлявый несомненно был Шелот. Другие служители стояли молча в стороне, спокойно так стояли, в руке у одного светилась плошка, и ставшему волком древлянскому князю вдруг сделалось тревожно при виде живого огня. Он ощутил почти облегчение, когда волхвы отворили калитку в тяжелом частоколе, когда меж бревен показался выход на волю, повеяло ароматом леса, с его запахами сырости, заячьего помета под забором, ощущением свободы и движения.

Ух как же они бежали! Четыре волка-оборотня легко неслись через лес, перескакивали через поваленные деревья, разбрызгивали ночную росу с высоких листьев папоротника, избегали на каменистые кручи, вновь каким-то особым чутьем находили проходы между стволами увитых лишайниками елей, сбегали по мягкой под упругими лапами траве, вновь скакали. Белый волк вдруг остановился, прилег, тяжело поводя боками, язык высунул почти по-собачьи. Передохнуть предлагал. А вот Мал как будто и не устал.

Его поражала и дивила рьяная мощь нового тела. В человеческом обличье он был неуклюж и тяжел, ходил немного вразвалочку, сам зная, что ловкости в нем не более, чем в бабе на сносях. Сейчас же, с поджарым животом, с ловкими сильными конечностями, с оберегавшей от ночной сырости теплой шкурой, Мал как будто удесятирил свои силы. И пока иные отдыхали, он шастал между деревьями, с охотой помочился на них, оставив свои метки, потом стал шерудить носом по опавшей старой листве, ощутив запах недавно прошедшего тут лося. И как же хотелось побежать по следу!.. Князю-оборотню казалось, что он вообще мало чего так желал в жизни, как хотел сейчас выйти на лов против большого, полного крови и сладковатого мяса сохатого. Это не конем гнать зверя, это самому... настичь, ловким прыжком вскочить на загривок, вонзить крепкие клыки в мясо, рвать...

Знай ранее Мал, что такие вот превращения столько несут, он бы награждал своего волхва за каждое такое чудо. Вот бы жизнь у него была! И он, подпрыгивая, как щенок, подбежал к отдыхавшему белому волку, потерся лбом о его загривок.

Но волк Маланич только глухо рыкнул в ответ, поднялся и вновь затрусил в чащу, постепенно ускоряя бег. Мал неслся следом, ему было весело, его ничего не страшило. Вон даже когда пущевик корявый заскрипел на пути, тяжело выпрямляя согнутую спину, Мал не испугался, как испугался бы человеком, а легко, почти с лету перемахнул через живую корягу, понесся дальше в своей небольшой стае волков-оборотней.

Они продолжали мчаться через лес, и Малу начинало казаться, что он всегда был волком, он забывал, что он князь, забывал, что творится в его племени. Вспомнил лишь, когда они остановились над тускло светившейся лентой реки, переводили дыхание, высунув влажные языки. Тут Мал огляделся, его волчьи глаза хорошо видели во мраке. Он различил, что они стоят на высоко вздымающемся над водой утесе, между двух высоких берез, чьи кудрявые кроны слабо выступали на фоне темного неба. Что-то они напомнили Малу, ему сделалось так тревожно, что он вскинул вверх морду и тоскливо завыл.

Но тут белый волк ловко перескочил через голову и обернулся опять волхвом Маланичем. Он был растрепан, еще тяжело дышал, стал оправлять разметавшиеся волосы. Раньше Мал никогда не видел его таким: светлые длинные волосы торчали как попало, в них застряли сухие листья и хвоя, словно у девицы, какая в купальскую ночь по чащам с милым-разлюбезным бегала. И Мал даже рассмеялся... по-человечьи. Выпрямился, высвобождаясь как из звериной личины, так и из сероватого вязкого дыма, какой опять шел с ладоней верховного волхва на князя. Такой же дымок окутывал и Шелота с Пущем, тоже растрепанных и запыхавшихся.

– Ох и славно же это было! – почти весело воскликнул Мал, и тут же зажал ладонью рот, до того громко, почти кощунственно прозвучал его голос в тишине этого места.

Этого места... Ибо Мал уже понял, куда они так скоро смогли добежать в обличье волков-оборотней. Место убийства Игоря Киевского, место, где в огромном чреве Морены спалили дружинников князя. Это было капище темных богов, к помощи которых обратились древляне, чтобы обрести силу. Темную силу, какую следовало пополнить, чтобы колдовские древлянские чащи не пропустили в свои пределы чужаков с Руси.

Маланич неспешно начал спускаться по пологому склону холма. Шелот и Пуш двинулись за ним. Мал же на миг задержался. Взглянул на березы, вспомнил, что был одним из тех, кто перерубал удерживавшие их склоненными веревки. Он помнил, как на него упали капли крови его врага Игоря. Помнил, как орал и радовался тогда. Теперь же отчего-то было жутко. Он побоялся даже поглядеть туда, где внизу находились обугленные останки огромного изваяния Морены, в которой сжигали жертв, не хотел смотреть туда, где стоял темный идол Чернобога с железным лицом без глаз. Но именно туда сейчас шли волхвы, именно ради этого они примчались сюда в чудесном чужом обличье. И Мал тоже пошел следом. Остаться одному под этими березами ему совсем не хотелось.

Гигантский остов Морены, казалось, и поныне сохранил запах паленой плоти. Такого не могло быть, но Мал все же закрыл лицо полой накидки. Под ногами что-то похрустывало, то ли камешки, то ли остатки костей жертв. Мал старался ступать как можно тише. Волхвы говорят, что тут есть особая сила, они недаром выбрали именно это место для жертвоприношения, но Малу казалось, что для простого человека, каким

он и был, это место не несет в себе ничего, кроме мрака.

На темный высокий силуэт Чернобога он опасался и поглядеть. Волхвы выстроились перед ним, что-то бубнили в темноте, воздевали руки. Потом замерли и стояли столь неслышно, что Мал различил, как гудят в сыром ночном воздухе комары. Один больно укусил в шею, Мал хлопнул ладошкой. Хлопок вышел каким-то громким, неподобающим. И волхвы тут же повернулись к нему.

Князь постарался взять себя в руки, сказал, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Огонь бы разожгли, совсем темно.

– Правильно говоришь, княже, – с готовностью отозвался Маланич. Сделал жест Пущу, тот протянул руку, и на камне перед Чернобогом, в изголовье останков огромной Морены, вдруг загорелось пламя. И какое-то странное пламя, без тепла, белесое, даже немного зеленоватое. Мертвенное – как отметил про себя Мал.

Волхвы медленно двинулись вокруг изваяния Чернобога, что-то напевали, в горле у них клокотало. В их движениях была величавость, плавность. Они обошли его раз, другой, третий. Самое необычное, что Мал стал как будто подремывать от этой неторопливости и унылости их песен. Но когда волхвы так же стали обходить вокруг огромного остова Морены, Мал не пожелал остаться один у жуткого идола и этого странного ровного пламени, засеменял за ними. Вот так и шли они цепочкой, опять бубнили что-то слаженно, но Мал не мог понять ни слова. И когда, обходя в очередной раз распростертое тело подземной богини, они приближались к идолу Чернобога, Мал видел, как на его железном лице отсвечивают отблески колдовского огня. Создавалось впечатление, будто пробудившийся от долгой спячки идол наблюдает за ним. Да как он мог, если глаз у него нет? Рот по идее есть, а глаз... Зачем ему глаза в его подземном мире?

И все же у Мала было ощущение, что божество за ним наблюдает, поэтому он боялся оглянуться на него, когда двинулся за церемонными волхвами по третьему разу обходить изваяние Морены.

Но особенно страшно ему стало куда позже, когда Маланич начал творить какие-то свои особые заклинания, неведь откуда вынул широкую плоскую чашу. В руке его оказался нож, и он протянул его Малу.

– Надрежь десницу, княже, пусть капли твоей крови падут в сей сосуд для наших богов-защитников.

Лезвие холодного каменного ножа было остро отточено, Маланич предупредил князя об этом, но от страха Мал все равно резанул по руке куда сильнее, чем намеревался. Больно было, и он даже забеспокоился, как же он побежит назад волком, когда лапа порезана? Он почти с удовольствием подумал, как хорошо опять будет стать зверем... как хорошо будет поскорее убраться отсюда.

К нему приблизился Маланич, принял у него нож, а потом неожиданно срезал им у Мала прядь волос. Мал и спросить не успел – на кой она ему, как Маланич указал на Чернобога.

– Сейчас мы поднимем тебя, княже, а ты смажешь своей кровью уста защитнику.

Малу стало вдруг так страшно, что едва не кинулся прочь. И даже вспомнилось предостережение Мокея. Да что это хочет от своего князя страшный Маланич?

Но Пущ и Шелот уже стояли перед идолем, пели что-то тягучее, Маланич подталкивал его, и растерянный Мал так и полез с чашей на скрещенные руки волхвов. Они его подняли, и Мал совсем забыл, кого просит, заикаясь и творя по привычке мольбу к Роду и чурам-прародителям, стал мазать из чаши железную личину божества. Ну, наверное, там, где полагалось быть рту... пасти. А потом так быстро соскочил на землю, что оступился и упал, выронив чашу.

– Нехорошо, – произнес Маланич, однако голос его показался князю неожиданно веселым. – Рука-то еще кровоточит? Тогда и Морене дай немного крови.

– Как?

Мал покосился на очертания этой глыбы. Изнутри она давно вся выгорела, остались лишь закоптелые глиняные стены, с контурами расходящихся бедер, плеч, головы. Но рта у богини не было, у нее даже лица не было. Однако Маланич уже творил заклинание, был серьезен и как-то особенно напряжен. Поэтому князя к Морене подвел Пуш и тут же оставил. Мал постоял, постоял, подумал и погладил глиняную оболочку идолища там, где должна была быть голова. Как будто по темени похлопал.

Звуки голоса Маланича становились как будто громче, в них слышалось рычание, словно из волхва рвалась некая огромная сила. Пуш и Шелот стояли прямо, скрестив руки на груди, головы были опущены, они что-то бубнили, слышался лишь глухой ропот, который будто эхом повторял громкий голос верховного волхва. Малу все это казалось и нелепым и торжественным одновременно, он не мог отвести глаз, даже забыл убрать окровавленную руку с темени глиняной великанши. Он хотел понять, что же они говорят, что это за язык, от которого веет чем-то древним, жутким и значительным. Он не понимал... и все же вдруг что-то уловил: как будто Маланич просил Чернобога опять взять в жены Морену, ибо тогда они – хозяйка смерти в подземельях и бог смертных страданий, будут единой силой, достойной великих жертв.

И тут что-то случилось: пламя на камне, которое до этого дивило Мала тем, что дров для него собирать не пришлось, вдруг поднялось высоко, стало... округляться, что ли. Оно было очень светлым, но и тусклым, как болотная гнилушка во мраке. И сквозь образовавшийся темно-светлый овал словно смотрел кто-то. Но Мал и впрямь увидел за ним темный силуэт идола Чернобога с его железным лицом, на котором отражались отблески. От этого пустое лицо божества казалось ожившим, создавалось впечатление, что он смотрит, озирается. А ведь впрямь...

Малу стало жутко, но он и двинуться не смог, когда узрел, как у Чернобога открываются глаза... или появляются проемы там, где должны быть глаза. Темные, жуткие. И пригрезилось Малу, что через своего идола Чернобог и впрямь смотрит на него... или на Морену, подле которой стоял Мал.

И тут... Древлянскому князю вдруг показалось, что земля под ним содрогнулась, под его рукой на шершавой поверхности очертаний головы богини произошло некое движение, этот глиняный гигантский остов заворочался, как будто богиня пытается пошевелиться, привстать. И звук – как стон от вздыбливаемых краев земли, как рев ветра налетевшего, точно рушилось что-то, стоявшее веками. И в этом шуме угадывалось требование – жертву! Есть хотим!

Пуш и Шелот тут же оказались подле князя, схватили его под руки, потащили к светящемуся проему между богами. А ему казалось, что это Морена и Чернобог тащат его, и он завизжал, закричал, стал вырываться с неожиданной силой. Но сила немалая была и в волхвах, будто сами боги держали Мала их руками.

– Вот ваша жертва, сам князь земли древлянской, князь самой древней на Руси крови!

Его сильно толкнули – и Мал оказался в круге света. Его затягивало, он ослеп от его яркости, его уволакивало, он заслонился руками, орал. И вдруг из этого света точно множество острых игл, острых клыков разом вонзились в него, и это была нечеловеческая боль... Его не имевший в себе уже ничего человеческого крик не мог передать и малой толики того, что он ощутил.

И исчез. Его будто всосало в свет, за которым был только мрак.

Свечение погасло, огромный мерцающий зев захлопнулся, и повеяло такой силой, что все три волхва повалились на землю, покатались. Волна силы пошла кругом, затрещали деревья в чаще, забурлила вода в тихой речке Гнилопяти, сорвало камыши и осоку по ее берегам, даже рухнули березы на высоком обрыве над рекой.

Три волхва были в беспамятстве. Первым пришел в себя Шелот. Вытер струящуюся из носа кровь, встал, поддерживая руками голову, такой она была тяжелой. Пошатываясь, двинулся туда, где лежал раскинувшийся Маланич, и, достав из-за пояса склянку со светящейся чародейской водой, брызнул на него. Тот медленно пришел в себя, поднялся даже живее Шелота. Выпрямился во весь рост.

Там, где пытался приподняться с земли Пуц, слышался слабый голос:

– Я не знал, что так будет. Когда Игоря казнили, они так не лютовали.

– Каждая последующая жертва для изголодавших богов будет тяжелее. Но разве не чувствуешь, какая сила теперь в нас?

Похоже, Пуц этого еще не уразумел. Более того, его вдруг выгнуло и несколько минут мучительно рвало. Маланич не смотрел на него. Он отошел, чему-то засмеялся и вдруг взлетел. Покружился в воздухе медленно и плавно и медленно опустился подле тяжело поднимавшегося Пуца.

– Ты никогда не обладал особым могуществом, кудесник. Снимать заклятия ты умел, а вот...

– Ты сохранил то, что взял у Мала? – довольно резко и непочтительно перебил его Пуц. – Учи, без князя нам возвращаться нельзя.

Маланич как будто о чем-то вспомнил. Разжал левую руку, которую даже в беспамятстве держал в кулаке. На его ладони лежала срезанная у последнего древлянского князя прядь волос.

– Приведи Шелота, Пуц. Он хорошо умеет притворяться, ему и быть Малом.

Через какое-то время волхв Шелот и впрямь принял облик Мала Древлянского. Прядь волос словно приросла на его собственную голову, он стал ниже ростом, тучен, лицо его расширилось, тонкий костистый нос стал мягоньким и курносым. И все одно в его взоре было нечто такое, чего никогда не имелось у Мала Древлянского: недоверие, ум, особое упорство. Да и в голосе, когда заговорил, слышались совсем иные интонации. И все же Маланич остался доволен.

– Ну вот, хвала темным силам! Теперь всеми признанный Мал станет таким, что на него можно будет положиться!

И он почти весело похлопал Мала-Шелота по плечу.

И опять волки бежали через лес, так скоро, как могли. К частоколу волховского скита они вернулись, когда уже светало. Их ждали, и никто не спросил, отчего их меньше, чем отбыло. А когда сонные охранники Мала вышли, позевывая, в серое дождливое утро из теплой дымной полуземлянки, они увидели своего князя мирно беседующим на завалинке с волхвом Маланичем. Пуц стоял немного в стороне. Куда подевался Шелот, никто не стал спрашивать. Особенно когда князь строго повелел им собираться в обратную дорогу. И непреклонно так приказал, даже не позволил охранникам перекусить на дорожку у волхвов. Видать, чем-то недоволен был или торопился нешуточно.

Глава 12

Уже несколько ночей Малфрида просыпалась, как от толчка. В первый раз ее это сильно напугало. Было ощущение, что словно рядом открылась какая-то огромная дверь и оттуда явилось нечто... Теперь это ощущение стало несколько иным: это нечто идет... приближается, от него веяло жуткой силой. В этот раз она очнулась и резко села, преодолевая уже становившийся привычным ночной кошмар, и заставила себя думать, что это просто страхи беременной бабы. Она сидела на лежанке, ребенок так ворочался в ней, что она видела, как поднимается и опускается сукно рубахи на выпуклом животе. Это заставило ее улыбнуться, она подняла руку, чтобы огладить живот... Но рука так и осталась замершей. Нет, она не желает этого ребенка, она уже отказалась от него. Из-за него она не чувствует... Ничего не чувствует. Для чародейки это было сродни глухоте. И это раздражало.

Малфрида опять откинулась на мягкие шкуры. Последние несколько дней, что они ночевали на этом погосте, где было не сильно-то и удобно, им приходилось ютиться в тесноте. Это тебе не отдельная опочивальня, к какой уже привыкла ведьма княгини, тут на всех одна изба. Со своего места Малфрида видела очертания тел спавших на полу людей княгини, кто лежал беззвучно, кто-то кряхтел во сне, одна из нянек маленького княжича сопела с присвистом. У противоположной стены на полотах похрапывал кормилец Асмунд. Надо же, худой такой, а храп у него богатырский. Не только поэтому Малфрида тяжело переносила присутствие христианина, однако в пути они бывали рядом только по ночам, когда ему отводили лучшее место для ночлега. Днем же почти не общались.

Малфрида уловила в своем изголовье какой-то шорох: в калите ворочался ее страшный оберег. Похоже, эту Кошечью лапу что-то тревожило, как живое существо. Но и саму Малфриду что-то беспокоило.

А еще она заметила, что там, где была устроена лежанка для княгини, полог откинут, а самой Ольги нет. Поразмыслив немного, ведьма накинула поверх рубахи теплую перегибу, скинула ноги с лежанки и стала обувать кожаные полусапожки. В очаге, среди уложенных кругом камней, слабо тлели уголья, было тепло, однако Малфрида слышала, что на улице сильно шумит ветер. Когда она откинула занавешивавшую вход тяжелую шкуру, порыв ветра так и ворвался снаружи, по угольям замелькали яркие отблески, осветив стенки рубленой избы и полати со спящими.

Княгиня стояла сразу за порогом. Ольга куталась в длинную темную накидку, только ветер трепал ее удерживаемые очельем распущенные волосы. Длинные они у нее были, роскошные, служанки каждый вечер их чесали. В походной лесной жизни это было словно какая-то блажь, но Ольга настаивала, чтобы ее косы расчесывали и переплетали с привычной тщательностью. Малфриде даже стало казаться, что княгине лучше думается, когда сквозь ее длинные тяжелые волосы проходит густой гребень. В такие мгновения она казалась и отрешенной, и углубленной в себя одновременно. И очень не любила, когда к ней обращались.

Но сейчас, на ветру, русые волосы Ольги были перепутаны, как водоросли. И не оглянувшись на Малфриду, княгиня спросила:

– А тебе-то что неймется?

– Потому же, что и тебе.

Они стояли рядом, обе с растрепанными длинными волосами, обе прямые и неподвижные, словно волховки, творящие общее чародейство. И обе смотрели вверх, на верхушки деревьев, которые мотались и раскачивались под порывами ветра. Где-то в чаще закрипело сухое дерево, затрещало, рухнуло. Отдаленный костер среди построек погоста тоже развевало ветром, огонь стелился по земле, порой высвечивая тела улегшихся почивать под плащами и шкурами усталых воинов. Дальше, куда свет не попадал, тоже были воины, несшие дозор. Охрана была налажена отменно, ведь у древлян, чай. Хорошо еще, что после Перуновой грозы чародейство исчезло, тьма уже не страшила людей. Зато в этом лесу могли быть и отравленные стрелы, и опасные завалы-ловушки, в какие порой угождали не привыкшие к таким чащам ратники, и можно было исчезнуть, если отойдешь по нужде. Сперва говорили, духи утащили.

Но теперь поняли – древлянские штучки. Тело можно было найти тут же за кустами, с проломленной головой или с перерезанным горлом. А один раз даже обнаружили мертвого десятника из отряда новгородского ополчения: висел здоровенный мужик над тропой по пути прохода воинства, головы не было, сам исполосован вдоль и поперек. Новгородцы тогда особо разлютились, рвались в сечу. Да с кем? Древляне ясно понимали, что против хорошо вооруженных и обученных кметей Руси им не устоять, а вот так... исподтишка... Вот и было решено сделать остановку, обстроиться, создать укрепленный стан, где можно всем собраться и обмозговать, как поступать далее.

Порыв ветра накренил и закачал верхушки темных деревьев, в чаще вдалеке раздался рев тура. Потом снова только ветер шумел.

– Что-то происходит, – наконец подала голос Малфрида. И добавила с поразившей ее саму убежденностью: – Там, куда не долетела молния Перуна, растет сильное чародейство.

Ольга промолчала. Она сама заметила, что после грозы этот лес разительно изменился и больше не походил на ту колдовскую чащу, в какую они вошли в начале лета: словно бы и деревья расступились, и нет этих переплетений из гигантских корней на тропе, не заметно движения теней в кустах, пропало и то жуткое ощущение, что за тобой следят чьи-то нелюдские взгляды. Даже птицы опять принялись петь как ни в чем не бывало. Примкнувшие к рати княгини отряды из новгородской Руси, северяне и смоленские варяги, наслушавшиеся перед походом жутких баек, теперь едва ли не посмеивались над этими страхами. И уже уверенно врезались в чащу... До поры до времени. Пока не попался первый завал на дороге, с опасно торчащими кверху острыми сучьями. А как стали его растаскивать, точно сам лес изошел острыми стрелами. Стрелков было не видно, но русичи так и падали. Некоторые дружинники в отчаянии выхватили тесаки и побежали в чащу, словно не слыша окриков воевод. И много в тот раз полегло от невидимого врага. Вот тогда Свенельд и предложил сделать остановку, обстроиться, даже возвести крепостцу. Он советовал продвигаться вперед осторожно, расчищать лес и возводить погосты, прорубать в лесу просеки, чтобы можно было создать широкую дорогу, вдоль которой установить в лесу дозоры, дабы скрытые дружинники следили за подходом обоза. Однако такое ведение войны обозначало бы, что она затянется надолго. Очень надолго. Ведь уже не было у Руси князя-волхва Олега, который легко чуял приближение опасности, не было и мудрых сильных волхов, какие некогда помогли Игорю покорить древлян, определяя своим гаданием, где укрываются враги. Таких искусных чародеев на Руси уже не осталось, с ними шла только ведьма княгини... которая, как оказалось, была просто бабой беременной, невесть зачем увязавшейся с войском. Вернее, это Ольга пожелала взять с собой чародейку, но в последнее время, поняв, что Малфрида ничего не может, даже стала сторониться ее. Вон, от Претича и то больше толку. Именно он, используя против древлян привычную в степи уловку, сперва напал на негаданно выскочивших из леса древлян, потом отступил, а те так и повелись на хитрость, кинулись следом в своих волчьих накидках и рысьих шапках, орать даже стали, дубинами и рогатинами своими размахивать. Ну и вынеслись на северянский отряд. Северяне сразу успели сгруппироваться тремя линиями стрелков, стреляли по очереди, одни пригибаясь, другие перезаряжая луки, третьи разя. Древлян положили тьму, прежде чем те опомниться успели. А как стали отступать, за ними кинулись в погоню, отставших порубили, но идти далее Претич запретил. Загородил своим конем дорогу, и хотя сам тогда был мишенью, как петух на шесте в праздник стрелков на Подоле, но отряд удержал. Нельзя было допустить, чтобы люди оторвались от своих, в лесу их бы преимущество скоро сошло на нет, полегли бы многие. И хотя иные воеводы и ворчали на Претича за самоуправство, сам Свенельд потом хвалил его, поясняя новгородцам и смолянам, что молодой черниговец многих тогда от смерти бесславной спас.

А так победа оставалась на стороне русской дружины, и в стане тогда царило ликование. Кмети говорили, что древляне только хитростью своей и сильны, а как воины – тьфу и размазать. Но уже через день после этого Малфрида и ощутила перемены, ей стали сниться непонятные кошмары, она кричала во сне, маялась невесть от чего. И этим страшно раздражала княгиню.

Несмотря на то что Ольга возвысила ведьму, в глубине души они приязни друг к другу не испытывали. Некогда напуганная угрозой темного чародейства Ольга прибежала к древлянской ведьме за помощью, с готовностью слушалась ее, ибо то, что предлагала

ведьма, было близко и желаниям самой княгини: месть и унижение древлянских послов, обман их ожиданий, затяжка переговоров, пока в Киеве собирались силы. Ольга даже по совету Малфриды согласилась поехать невестой к Малу, так как ведьма сказала, что прежде всего надо справить тризну по убиенному князю. И вот теперь... Теперь чар больше не было. Так что пусть Малфрида прекратит свои страшилки вещать.

В лесу опять стало тихо, ветер исчез, как и начался – в миг един. И ничего, опять тихо. Чего бояться: вон какое воинство под рукой Ольги, вон как они огородились частоколом, столько дозорных поставили. Свенельд говорил, что следующая их стоянка будет в Малино, усадьбе самого Мала Древлянского. А оттуда и до Искоростеня рукой подать.

Ольга так и сказала об этом Малфриде, но та ответила странно:

– Искоростень надо брать только, когда все окрестные земли древлянские тебе подвластны станут, государыня. Иначе пока твои соколы на град будут целиться, их в кольцо племя возьмет и ударит со спины.

Княгиня подумала и согласилась. Каковы эти люди из леса – она уже поняла. Они древляне, дикое, злое племя, какое ей надо склонить к полному повиновению... или уничтожить!

– Ну и как ты предполагаешь сладить с твоими соплеменниками?

– Сладить? Ну, уж это не мне надо думать. Ты у нас правительница, тебе и решать.

Ушла, лишь на миг мелькнула полоска света, когда она приподняла занавешивающую проем двери шкуру. Ольга осталась стоять, не спалось, муторно на душе было. Думала, что завтра надо все же совет скликать да обговорить с воеводами, как дальше вести войну. Да и про то, что Малфрида посоветовала, следовало сказать. Причем сперва Свенельду. Он тут посадником не один год был, знает, как с древлянами держаться.

Так и сделала поутру. Правда, не сказала, что от Малфриды совет получила, за свой выдала. Но сперва выслушала, что иные скажут, молчала, пока они рвали глотки, крича, что будут идти через леса и сражаться всякий раз, как опасность нагрянет. Потом сама слово взяла.

– Все вы умелые витязи, хоробры, но, думаю, уже поняли, что многих можем потерять, если и дальше так пойдет. Со степняками вы сражаться умеете, битвы на воде и в чистом поле всегда несли вам победу, но и древляне то знают. А вот идти так, под мелкими укусами лесных воителей, для нас не сладко. Поэтому я предлагаю не двигаться прямо сейчас на Искоростень, а взять сперва под свою руку древлянские поселения вдоль границ с Русью.

– Госпожа хочет, чтобы мы вырезали все окрестные селища, чтобы лесным набезчикам негде было находить помощь? – спросил один из ярлов от смолян.

– Так нельзя поступить, – резко вскинулся Свенельд. – Убить и разорить, пограбить и опустошить – не нужно Руси. Руси нужно племя, какое приносило бы дань, а не просто безлюдье, где неизвестно что может завестись.

– Ты говоришь так, Свенельд, потому что желаешь вернуть свой пост посадника в этой земле, – ответили ему.

– Но Свенельд и прав в чем-то, – заметила княгиня, задумчиво теребя одну из жемчужных подвесок у лица. – Уничтожить целое племя мы не сможем, да и ни к чему это. Это говорю вам я, которая как никто пострадала от древлян. Но я не просто мстительница, я еще и княгиня Руси. А древляне со времен Олега Вещего считались русским племенем. Так что, возможно, тех из древлян, кто и далее проявит к нам непокорность, мы должны будем уничтожить, – она чуть кивнула в сторону слушавших ее варягов. Но потом повернулась к Свенельду и продолжила: – Тех же, которые просто втянуты в наши распри с Малом, но готовы принять власть Руси, мы обязаны убедить, что они не пострадают. Пусть же только не вмешиваются в нашу войну, вот и сохранят свои головы.

Какое-то время ее воины молчали. Они были готовы сражаться, это их работа, их заработок и их слава. Но вести переговоры с дикими древлянами – много ли в том

корысти для смелых? Однако Ольга напомнила, как во время переговоров Игоря с Византией витязи неожиданно согласились не идти на сечу, а получить откупную и избежать сражения. И она пообещала, что если древлянское племя не обезлюдует, а останется в составе Руси, она четверть дани с племени отдаст воинам и будет отдавать ее им каждое лето в течение пяти солнцеворотов.

После ее слов установилось молчание. Кое-кто хмурился, а недовольно или от раздумья, Ольга не ведала. Но она заметила, как на нее смотрит Асмунд. Старый воин редко улыбался, но сейчас глаза его лучились теплом и одобрением.

«Небось думает, что это на меня так повлияли беседы с попом Григорием о милосердии и грехе смертоубийства», – усмехнулась про себя княгиня. И сама себя постаралась уверить – ничего подобного. Ибо боялась признаться, что речи христианина Григория о муках за грехи после смерти ее и впрямь напугали. Ведь убиенные ею послы, ведь порезанные по ее наказу бояре древлянские на тризне – они по-прежнему снились ей по ночам. Это было... мерзко было.

Постепенно воеводы опять загомонили. Кто-то находил, что может так и получиться, как предлагала Ольга. Иные по-прежнему считали, что нужно идти в леса и уничтожать села, уводить людей в полон, а на месте селений оставлять лишь пепелища, чтобы лесным отрядам негде было получать укрытие и провиант. Были и такие, кто предлагал упредить местных, чтобы сообщили в леса своим, что за каждого убитого из засады русича они будут убивать в каждом селище по десятку их соплеменников-древлян. Но в итоге все опять сошлось на том, что пока они станут таскаться по лесам, так и до Корочуна можно тут увязнуть, а еще неизвестно, что тут творится в это время, когда нечисть особенно сильна. Да так можно и дожидаться, что к Малу Древлянскому придет подкрепление от волинян – а это сильные дружины. Уже не говоря о том, что не следует долго держать в лесах такое отборное воинство, когда и иных врагов у Руси хватает.

И тут вдруг вышел вперед пленный волхв Малкиня, слова попросил.

Этого древлянского волхва по какой-то странной прихоти Свенельда не держали связанным, не охраняли, но ведь и впрямь складывалось впечатление, что Малкиня не спешит к своим. Он ехал в обозе, и, как отметили некоторые, во время своих нападений древляне особенно старались уничтожить волхва, даже осмелились на вылазку из леса, рвались к нему – то ли убить, то ли освободить. Скорее убить, так как воз, за которым успел схорониться Малкиня, почти весь был утыкан древлянскими стрелами. Тогда-то Свенельд и повелел выдать служителю доспех, а Стоюну и еще одному варягу оберегать заложника. Что же до того, что Малкиня не уйдет к своим, Свенельд понял, заметив, как тот приглядывает за Малфридой, заботится о ней услужливо, как иная бабка-нянька. Свенельда это и злило... и успокаивало одновременно. Он знал, что лучшего стража для его беременной жены не найти. Да и как будто что-то нравилось ему в Малкине. Этот ведун был из тех людей, с которыми Свенельду было интересно, в которых он угадывал ту внутреннюю силу, какая может выступить и против рати. И сейчас, когда Малкиня, пленный и словно бы не смевший являться на сбор воевод, вдруг так решительно выступил вперед, Свенельд тоже поднял руку, призывая к тишине, дабы послушать, что скажет этот высокий тонкий парень в кольчуге поверх темного истрепанного одеяния волхва.

– Вы пришли в лес с оружием и мстью, хоробры, но по пути вы уже не раз бывали в селищах древлян, вы общались с их жителями. И разве вы не поняли, что ваш приход они воспринимают не только как завоевание, но и с облегчением?

Он умолк на миг, дав присутствующим подумать о сказанном. Их тут, в крепком срубе, собралось достаточно, кто на скамьях сидел, кто на потемневших от грязи половицах. Варяги, русичи разных племен, бородатые, кто в доспехе, кто в кожаной куртке с бляхами, кто на манер тех же древлян шкуру на плечи накинул – все они являли собой грозную картину, но и какую-то расслабленную в этот миг. Может, потому, что во главе этого воинства стояла женщина, Ольга? Ей одной выделили почетное высокое место и покрыли скамью пушистой шкурой.

Малкиня заговорил:

– Древлянский князь Мал совершил большую оплошность, воззвав к темным богам ради

победы. Я не осуждаю его, я сам тогда был напуган и поддался на эту уловку. Но теперь я понимаю – так племя не спасти, а погубить можно. Теперь же нежить схлынула, древляне перестали бояться собственной тени, опять принялись ходить в леса да заниматься своими промыслами, опять их бабы стали рожать детей, а стариков можно хоронить с почетом, а не отдавать зверью и нелюдям на растерзание. Вот поэтому многие древляне и не видят особой беды в вашем приходе. Не все, конечно, многие доверчиво надеются, что их лесные витязи смогут отбиться от Руси, смогут, как встарь, стать отдельным диким племенем, живущим по своим законам, ну да то время уже прошло, теперь только неразумные да рьяные хотят погибнуть ради того, что они называют свободой. Те же, у кого мудрость и совет в селищах, скорее сообразят, что жить-то продолжать надо. И с такими вы вполне сможете сговориться. Конечно, я понимаю, что если вы победите, если погубите князя древлян, то обложите это племя данью пуще прежней. – Он посмотрел туда, где сидела Ольга, и она медленно и согласно кивнула. Ее лицо было сурово и непреклонно. Малкия негромко вздохнул и продолжил: – Но все же сговориться и решить дело миром вы сможете. Это будет и вам во благо, и древлянам. А как вы с подобным справитесь... тут у кого сколько мудрости.

– На что это ты намекаешь, длиннополый! – резко вскинулся кто-то, но тут встала Ольга и подняла руку, требуя слова.

– В том, что сказал этот ведун, есть своя правда. Поэтому, думаю, стоит попробовать пройтись по окрестным селищам. Проводников сами древляне готовы дать, я с ними разговаривала. Но я никому не возбраняю поступать так, как того от него потребует положение. Где силком, а где и милком вы сможете распространить свою власть. Но одно потребую: как только кроны начнут желтеть, как волхвы объявят время отмечать день матери Макоши – возвращайтесь сюда. А там, – и да помогут нам боги! – и на Искоростень пойдём. Ибо пока мы не убьем Мала Древлянского, у древлян будет за кого сражаться. А я не получу успокоения и не буду считать мужа своего окончательно отмщенным.

При последних ее словах воеводы почтительно опустили головы, но и потом никто не возражал. Тем, кто жаждал войны, княгиня предложила только ее отсрочку, тем, кто хотел обойтись малой кровью, – она давала на это шанс. Даже почтенный боярин Асмунд похвалил ее решение, а к слову первого советника Игоря многие прислушивались.

Потом они долго изучали нарисованную на большом куске телячьей кожи карту, обсуждали, кто куда и с какими силами тронется, кто кого возьмет в проводники, рассматривали пути по рекам и ручьям, где можно было пройти, не заплутав в чаще. Было решено, что часть войска двинется на полуночь хоть до самой Припяти, их возглавит воевода черниговский Претич, а другую рать, которую поведет Свенельд, они направят на полудень вдоль границы, хоть до истока реки Тетерев, а там... будет время, пусть идут далее, а нет, – их тут ждут. Еще немалые силы – в основном из варягов и киевской дружины Асмунда, было решено оставить вместе с Ольгой и маленьким Святославом: как для охраны, так и для вырубки леса в широкую просеку к киевским заставам, чтобы было откуда ждать пополнения и подвозить провиант. На том, чтобы именно Асмунд остался, настоял Свенельд, но да ему и не перечил особо никто. Старый воевода – он хоть опытен, но уже и стар, ему сидеть да лад наводить легче, чем рыскать по чащам.

Только Малкия знал, отчего Свенельд так старается оставить старого соратника Игоря на месте. На другой день, когда Свенельд выезжал, Малкия поблагодарил его за эту предосторожность. Нечего христианину развеивать последнее лесное чародейство верой, а заодно изничтожать места, где могут бить источники живой и мертвой воды. Последнее для Свенельда много значило, потому он и верного Стоюна оставил при Ольге, строго-настроено повелев тому оберегать правительницу, а на деле просто удерживая принявшего христианство друга в стороне.

Малкия сам вызвался быть проводником в отрядах Свенельда. А варяг по-своему даже позаботился о древлянинах, велел выдать тому крепкий щит да приказав охранять, если стычка в лесах случится. И все же Малкия угадал и еще кой-какие мысли варяга, ответил невозмутимо:

– Ты сам не понял еще, Свенельд, что поручил мне заботу о Малфриде. Но не волнуйся, по всем приметам ее срок родить раньше Макошиного дня навряд ли наступит. Ну а что

она с ребеночком задумала сделать... Она с собой оберег Кощея таскает, вот и уразумей, за что ей темный колдун такой силы оберег дал.

Свенельда передернуло от отвращения. И что ему до того дитяти? Но все же отчего-то считал, что стоит за ней приглядывать. Странная она. Странная и страшная. Но он все же женой ее назвал. Вот и нужно было, чтобы кто-то присмотрел за ведьмой. Лучше Малкия на эту роль никто не подходил. Ну да до Макошиного дня так до Макошиного.

И он заставил себя думать о другом.

Свенельд стоял так высоко, что Малкия при нем был не более чем просто проводник. Если не учесть того, что с ним было интересно. Вот и ехали сквозь чащи рядом, Малкия вглядывался в лес, указывал путь, ему даже коня выдали, чтобы быстрее двигаться. А Малкия умел находить такие пути-лазейки, где и конники проехать могли. Гуськом, правда, один за другим, но все же пробирались.

Малкия вызвался быть провожатым у Свенельда потому, что понял: если кто и сможет стовориться с лесными древлянами, то только этот варяг. И действительно, в первых же селищах, куда неожиданно для местных нагрянуло это длинное, вьющееся змеей воинство из леса, Свенельд не стал никого рубить или мучить, наоборот, сказал, что везут с собой достаточно провианта, чтобы не обременять поселян прокормом войска более того, чем закон Рода гостеприимного повелевает. Так он и воззвал к совести самих древлян, какие по давней традиции обязаны были угостить пришельцев, и показал, что намерения у русичей самые мирные. Вечером, когда в это же селище явились старшины из окрестных поселений, Свенельд так и сказал на сходке, что не тронет никого, кто не проявит вражды. Правда, и не таил того, что после войны древлянам придется выплачивать положенное... или поболее положенного. Ведь опять же восстали, пусть теперь на себя пеняют.

Подобная откровенность посадника была очередной хитростью: мол, вон каков я, ничего от вас не утаиваю, но и зла не желаю. Малкия же просто глож от радостных помыслов старост древлянских, надеявшихся выслужиться перед варягом, а там... Там еще неведомо, как Доля с Недолей схлестнутся и что судьба принесет. Пока же они угощали русичей лесным медом, подносили к столам плоды, какие удалось собрать с репищ, древлянки выносили витязям кадушки со свежесваренной капустой, благо, что как раз было время капустницы, и все избы в селищах будто источали этот кисло-сладкий аромат квашенины. Ну и есть обычай: того, с кем трапезничал за одним столом, – трогать не полагается. Значит, перемирие пока у них, значит, ладить будут.

Но все же было еще нечто, что переодетый в дружинника ведун Малкия уловил во всеобщем гомоне. Отозвав за овин Свенельда, сообщил негромко:

– Сюда эти мятежники из лесов порой за припасами нахаживают, местные их обязаны кормить, хоть это им и не очень любо. Так что будет лучше, если ты часть воев тут оставишь, пусть погост установят да с оружием не расстаются. А то эти лесные соколы могут и помститься селянам за то, что тебя мирно приняли.

Свенельд подумал, подумал и согласился. Правда, когда на еще одной сходке в другом селище Малкия о таком же заикнулся, Свенельд поплевал на ладонь и показал ему кукиш.

– Если я так свои войска на каждой стоянке оставлять буду, вообще без дружины останусь.

В том, что именно Свенельд был прав, Малкия понял, когда через день на растянувшееся по лесу воинство Свенельда было совершено нападение. Казалось, сам лес стрелял из чащи острыми жалами, словно град из смертоносных стрел обрушился на отряд в самой середине его длинной цепочки. Люди падали, когда острые стрелы вонзались в их не защищенные доспехами руки, шеи, лица, бились пораженные стрелами кони. Лес огласился криками, стонами, безумным лошадиным ржанием. И самое неприятное, что на узкой заболоченной тропе свои не могли помочь своим же. Произошла путаница, смятение, а врагам было только ловчее так губить русичей, оставаясь почти неуязвимыми в своих зарослях. Лишь кое-где мелькнули за кустами темные силуэты, но едва их заметили, едва конники, круша подлесок, двинулись в их сторону, лесные стрелки растворились, как морок. Лес затих, установилась тишина,

прерываемая стонами раненых и хрипом умирающих.

Но самое страшное оказалось то, что древляне стреляли отравленными стрелами. И к ночи даже те, кого только слегка зацепило, кричали и корчились от страшных мук, их раны воспалились, и не было никакой возможности спасти их.

– Мне бы сейчас чародейскую воду! – почти стонал Свенельд. Он и не ожидал, что ему будет нанесен такой страшный урон, что он столько дружины потеряет. И посадник почти тряс Малкиню за грудки: – Где здесь живая и мертвая вода? Говори, ведун, иначе на кол посажу.

Но не посадил. По сути Малкиня сейчас был единственным, кто мог хоть как-то помочь. И хотя бывалые кмети знали по опыту всякие способы врачевания, они послушно внимали советам этого древлянского волхва, втирали выданные им мази, пытались повторять за ним заклинания... Бесполезно, раненых погибло столько, что когда их тела уложили на погребальный костер и подпалили, дым от костра стоял такой, что лесные враги могли даже по запаху понять, насколько удачна была их вылазка.

Малкиня сам не заметил, когда стал помогать русичам. Они были врагами, но он оказался в их лагере и, как ни хотел, не мог радоваться победе древлян, видя столько смертей. А вот иное он мог – это уловить из лесу чужую мысль. Ранее он не сказал об этом Свенельду, теперь же сам предложил помощь. Правда, пояснил, что помочь сможет только там, где проезжает сам, а вот за растянувшимся воинством следить и ему нет силы.

На следующий день Малкиня был как никогда напряжен, слушая лес. А все, что смог, – это уловить мысли затаившегося в чаще охранника небольшого лесного селения. Но и то хорошо: когда парнишку изловили, тот с перепугу сразу стал пояснять, что просто наблюдал за проходившим войском, однако сам же предложил, если его не тронут, провести чужаков через все ловушки и нацеленные на тропу самострелы, какими древляне обычно ограждали свои жилища. Вот и привел людей посадника к своим. Это оказалось просто захудалое поселение: пяток курных изб лепились над обрывистым берегом ручья, из жителей все больше старики и бабы. Тут и гадать не надо было, чтобы понять, что мужчины по большей части подались в леса, воевать с находниками с Руси.

Свенельд был так зол, что стал пытать старосту, чтобы тот выдал, где хоронятся лесные стрелки. Староста сперва храбрился, но да люди Свенельда умели пытать. Вот и повели чужаков в чащу, показали, где стоянка стрелков-древлян. Ну и уж тут русичи отвели душу – никого не выпустили, никого не брали в плен, всех положили. Правда, позволили местным похоронить своих. В этом было особое великодушие Свенельда, ибо, ощутив вкус победы, он не бывал жесток.

Именно поэтому Малк и решил ему поведать, что разглядел в мыслях старосты и чего тот не сказал под огнем и ножом. Дескать, тут недалеко есть большое село, которым правит баба. Вернее, она не правит, во главе села стоит старейшина, но он как раз старший брат этой разумницы Прости, к слову которой многие прислушиваются.

– И зовется то село Сладкий Источник, – подытожил Малкиня.

– Источник? – так и вскинулся Свенельд. Хлопнул ведуна по плечу, да так, что тот чуть с лавки не свалился. – Друже Малкиня, неужто мы нашли чародейскую воду? Неужто и нам Доля наконец улыбнулась!

Малкиня лишь посоветовал, чтобы проводника они взяли, пообещав жизнь, если к Сладкому Источнику проведет. Ибо село то хорошо охраняется. Одного не сказал, что упомянутая Простя – жена того Мокея вдовьего сына, который и стоит во главе лесных стрелков. Ну да вскоре их перепуганный проводник, желая выслужиться, сам о том поведал. Малкине только и осталось надеяться, что Свенельд считал ниже своего достоинства на бабах зло вымещать, что это по его понятиям было недостойно сильного воина. Но все же Малкиня от себя добавил то, что проводник не поведал: мол, баба эта хоть и женой Мокея слывет, да ведь оставил он ее, когда в Искоростень подался.

Свенельд покосился на ведуна зеленоватым холодным глазом из-под личины шлема: понятливый был, догадался, что про Простю эту его ведун уже поведал, но тайлся.

Древлянин, что с него взять!

Селище Сладкий Источник и впрямь оказалось богатым: несколько крупных усадеб на лесной поляне над ручьем, да еще и отдельных избушек-землянок немало у леса настроено. У реки дети рыбу удят, на репишах видны силуэты женщин, козы пасутся на склоне, куры возятся, а от леса охотники тащат убитую лань на шесте. Но едва первые всадники стали появляться из зарослей, как в селище шум и крик поднялся, охотники бросили свою добычу и побежали к избам, а оттуда уже иные повыскакивали, кто с рогатиной, кто с ломом или дубиной. Но стали останавливаться, когда увидели, сколько все новых и новых конных воинов появляются из чащи.

«Ну хоть отсюда немногие в леса ушли, – отметил про себя Свенельд. – Видать, свое село им милее, чем общая судьба племени. Обычное дело, на этом все древляне живут. Так что и тут можем попробовать договориться».

Он выехал вперед, поднял две руки ладонями вперед – в извечном жесте, что с миром пришли и злых намерений не имеют.

– Да помогут вам Род и Макошь в ваших делах, добрые люди!

– И тебе здравия, хоробр, – вежливо отозвались из толпы.

Отвечали-то приветно, но взгляды суровые, мрачные. Баб и детишек как ветром сдуло. Правда, не всех, вон за этими рослыми силачами – все как на подбор, с каким-то удовольствием отметил Свенельд, – за их широкими спинами и плечами виднелся бабий повойник, богато расшитый цветным бисером.

Свенельд чуть тронул коленом коня, подъезжая, но мужики загородили путь.

– У тебя сила, чужак, но и мы не лыком шиты.

– Это я понял. Отчего же такие хоробры да не при оружии? Или Мокей вдовый сын вас в отряды свои не покликнул? Небось опасался, что заставите его к жене брошенной возвратиться?

Они какое-то время молчали, потом кто-то выкрикнул:

– Что нам тот Мокей – перекасти-поле. Нам о роде своем думать надобно, а он как был чужак, так чужаком и остался.

– Что, не оценил Мокей, что вы его в род приняли да девку свою ему дали?

Опять как будто обидой от селян повеяло – тут и мысли разуметь не надо, чтобы заметить.

– Ну а пустите на постой дружину мою?

– Тебя принять – самим с пустыми закромами остаться.

– Не бойсь, не обижу. У моих людей все свое. А захотите в мире с нами быть – сами за столы усадите. Угостившего своим хлебом угощаемый не обидит.

– Тебя обидеть – себе во вред.

Но все одно оставались стоять, загораживая путь.

«Ну не в пояс же им кланяться? А заартачатся – только моргну, враз мои укажут им место».

Но тут из-за рослых родовичей вышла вперед эта Простя. Коренастенькая, телом крепкая, ничего даже, а вот мордочка у нее... Вот уж действительно мордочка – глазки маленькие, нос как пяточком кверху торчит, щекастенькая, будто хрюшка.

«Немудрено, что супружник от нее в вольный свет подался», – отметил про себя Свенельд. Но на молодницу продолжал глядеть ласково, приветливо. От такого его взгляда бабы обычно так и таяли, цветами распускались. Эта же скоренько глянула – и к своим. Что-то сказала негромко, и они расступились.

- Что ж, будь гостем. Мы Рода чтим, нам его законы ведомы.

Ну, пустили к очагам, может, и столкнется с ними. Вот Свенельд и толковал: говорил, что не хочет им зла, однако и доверять не будет. Ведь известно, что мятежник Мокей с ними в родстве. Значит, и они ему помогают. И едва местные стали пояснять, что знать ничего не знают, ведать не ведают – да иного ответа Свенельд от них и не ожидал, – как он огорошил их вопросом: где их знаменитый сладкий источник, от которого селище имя получило?

Селяне заволновались, переглядываться стали. Но опять же, как тень, прошлась между ними Простя, и они ответили: мол, можем показать, что с того, источник их на много верст известен.

- Ну, ведите, – поднялся с лавки Свенельд. – Мед ваш хорош, но недаром же мы сквозь чашу так долго пробирались, чтобы на это диво ваше не поглядеть.

Говорил вроде спокойно, а в душе все дрожало от нетерпения. Когда повели, едва сдерживался, чтобы не погнать их во всю прыть. А как увидел... Вода и вода. Зачерпнул в пригоршню, глотнул – ну, сладковатая, ну, вкусная, но... самая обычная. Без чародейства.

Однако отправившийся со Свенельдом Малкия вдруг заволновался. Оглядел проводников пристально и внезапно так и ломанул в чашу. Свенельд с дружинниками за ним. Местные пытались вроде удержать, но куда там – так и смели их. И увидели они...

Свенельд и вздохнуть не мог в первый миг. Вот она, радость его – жизнь, здоровье, молодость... богатство.

Ибо стекали с глинистого крутого бережка в воду разноцветными переливающимися струями не один, а сразу несколько источников, журчали чарующе. Голубые струйки, золотистые, даже розоватые вроде были. День выдался блеклый, в чаще и вообще сумрачный, а тут как радуга над водой стояла, искрилась разноцветной россыпью на листьях, как драгоценная роса.

Малкия первым сошел в воду, смотрел, зашептал заветные слова, от которых вода силу не теряет, не прячется. Потом медленно набрал в пригоршни, глотнул. И словно пузырьки заиграли в горле, голова кругом пошла, а потом... Потом петь и плясать захотелось, плечи распрямились, сила взыграла. Малкия расхохотался, радуясь сам не зная чему. Вернее зная – жизнь в себя влил, долгую, сильную, без хворей!

Рядом навис над водой Свенельд, лакал из струи, как рысь. Потребовал от сопровождавших его кметей предварительно захваченные кожаные фляги, стал наполнять их бережно. Мертвую голубую воду в одни фляги, золотисто-розоватую в иные. Ох, сколько же за такое богатство получить можно!.. Да с таким и жить не страшно!

Трое проводников из селища только молча смотрели. А что они еще могли? Со Свенельдом было пятеро охранников, да еще Малкия, да еще и воинство, оставшееся в селении, не стоит забывать. Потому старший из провожатых даже сказал, мол, берите, нам не жалко, вода эта тут забила в аккурат тогда, когда среди нежити разгул начался. Из селения выходить страшно было, всякие нелюди ухали в чащи, а вода... Вот она как раз и полилась из земли. Сами мы пьем, в селении уже нет хворых и слабосильных, но и поделиться вроде как не грех, если вода течет и течет. Только предупредили, чтобы киевские витязи об источниках этих чародейских не сильно распространялись.

- Само собой, – бормотал Свенельд, с сожалением наполняя последнюю флягу и бережно ее закупоривая. – Оно и понятно, что о таком болтать лишнего не пристало. А вас за дар такой награжу. Поладим, в мире и дружбе с вашим селищем будем жить.

Когда он выбрался на бережок, настал черед испытать дивной воды и его кметям. Они прыгнули в ручей, осторожно косясь на синеватую воду, прошли туда, где била светлая живая вода, стали набирать ее в пригоршни, пить, смеяться. Последним к чуду этому приблизился рослый молодой варяг из новичков в дружине Свенельда. Воскликнул восхищенно:

– Господи Боже ты мой!

Наклонился, испил воды... и замер. Смотрел словно удивленно, потряс головой, далее шагнул. Снова зачерпнул и выругался – скорее недоуменно, чем зло. Наблюдавший с берега Свенельд и понять-то не успел, что случилось, как Малкия вдруг зарычал, как зверь, и кинулся на варяга. Сбил рослого парня, повалил в воду, стал топить и при этом так ругался, как Свенельд и ожидать не мог от обычно спокойного ведуна. Оглушенный неожиданным нападением дружинник сперва опешил, а как захлебываться стал, резко рванулся, оглушил волхва ударом в голову, откинул, стал подниматься. Но оступился и опять рухнул в воде, упав как раз среди цветных струй... Которые не были больше цветными...

Это заметили и провожатые из селища, завопили, тоже вдруг кинулись на молодого варяга, стали рвать его, избивать. Даже бывший с ними молоденький парнишка повис на варяге, едва зубами не грыз, пока тот не отбросил его в ручей. А тут опять опомнившийся Малкия наскочил, норовил заехать воину в ухо, сбил с него кожаный шлем с металлической обводкой. Свенельду пришлось вмешаться, встать между ними, меч выхватить, угрожая и требуя спокойствия.

Лязг холодного оружия как будто привел всех в себя. Стояли, замерев, тяжело дыша среди журчащей воды, среди серости и зеленоватого лесного полумрака. Ибо радужное свечение над ручьем померкло.

– Ты... – задыхаясь, вымолвил Свенельд, поняв, что его дружинник погасил чародейскую воду. – Как ты?.. – и вдруг понял: – Так ты христианин?

Тот только кивнул, смотрел угрюмо. Его мокрые почти белые пряди прилипли ко лбу, затеняя сердитые голубые глаза. Сразу видна северная порода варягов, рослая и сильная. Свенельд всегда подбирал таких видных воинов в свою дружину. Сейчас вспомнил, что этот парень прибыл в Киев среди тех, кто привез из Новгорода слабого княжича Глеба, которого Ольга благоразумно отправила подальше в Вышгород. Ибо Глеб был приверженец христианства, за что его не любили в Киеве. Сопровождавшие же Глеба варяги, не пожелав тихой жизни среди теремов Вышгорода, явились наниматься в дружину Свенельда. Он каждого из них проверил, ему пришлось по душе их сноровка и воинская выучка, вот и принял. Даже не спросив про их веру. А ведь с Глебом же прибыли... Глебом, который особо привлекал христиан.

Этого парня Свенельд отметил еще и тем, что больно хорош был – ясноглазый, улыбчивый, девки ему вослед оглядывались. И звали его... Свенельд, который обычно знал по имени большинство своих кметей, никак не мог вспомнить, как зовут этого парня.

– Как твое имя? – спросил, не сводя с него недоверчивого взгляда.

– Фроди звали в стране фиордов.

Помолчал, вытерев ладонью мокрое лицо, и, сообразив, чего ждет от него посадник, добавил:

– Потом стали называть Анфимием.

Анфимий – греческое имя. Христианское, мать твою!..

– И ты смолчал, что крестился? – давась яростью, выдохнул Свенельд. Меч в его руке угрожающе поднялся. – Я даже Стоюна, друга своего верного, и то в стороне оставил, а ты с твоим мерзким Иисусом со мной увязался?

– Меня никто не спрашивал о моей вере, – следя за острием меча Свенельда, произнес Фроди-Анфимий. Он был начеку, успел отскочить, когда Свенельд сделал резкий выпад. И тотчас же выхватил свой тесак, поймал на него следующий удар, умело отвел в сторону, сам толкнул плечом при развороте Свенельда так, что тот рухнул в воду.

И это спасло посадника, ибо почти рядом просвистела стрела. Свенельд даже уловил, как колыхнулся воздух. Тут же находившийся рядом другой кметь мучительно вскрикнул, оседая в воду с торчавшим из глаза оперенным наконечником.

Стреляли из лесу, с противоположного берега, разили без разбору и русичей, и древлян. Один из проводников тоже с криком рухнул в воду, всплыл лицом вниз, его стало медленно разворачивать течением. Остальные кинулись к деревьям спасительного лесистого берега. Свенельд тоже карабкался на глинистый откос, оскальзывался, охнул, когда больно ударило под мышкой, почти развернуло, он стал падать, но тут его подхватил тот же варяг-христианин, затащил под деревья. А сам упал сверху, накрыв собой и тихо ругаясь сквозь зубы. Тоже стрела задела, торчала у ключицы. Он резко сломил ее древко, привстал, потащил Свенельда дальше. Рядом оказался Малкия, помог увлечь посадника за стволы мшистых елей.

– У кого луки с собой – стреляйте! – приказывал, морщась от боли, Свенельд.

Но луков никто не взял. Вот и пришлось всем затаиться и ждать, что будет дальше. Только один из дружинников, обманутый наступившим было затишьем, высунулся из-за ствола, но новая стрела вмиг нашла его, меткая, смертоносная – разили уверенно, как умеют только охотники-древляне. В доспехи не целились, а вот в глазицу попали метко – как в зверя, чтобы шкуру не портить.

Опять пришлось затаиться и ждать. Долго ждать. Лес казался тихим, но когда через время древлянин-проводник попробовал выйти... Лежавший в зарослях у самой воды Свенельд сразу услышал, как листья над ним загрохотали от нескольких моментально спущенных стрел, а смельчак только и успел, что воззвать к Роду, после чего осел под елью, и в его уже мертвое тело вонзились еще две стрелы.

Они оказались в ловушке. Древляне, сколько бы их ни было, не появлялись, значит, понимали, что русичей лучше разить издали, тоже выжидали. Где-то недалеко треснула ветка, потом еще. Создавалось впечатление, что их обходят. Похоже, так и было, если учесть, что до этого таившийся в лесу очередной воин Свенельда упал ничком на траву с торчавшей сбоку стрелой. Свенельда это стало злить, он сделал жест тем, кто мог видеть, что надо бы постепенно отползать в чащу, но сам сдвинуться не смог, приник к земле, накрыв руками голову, когда рядом обрушился град смертоносных стрел. Одна даже ударила в бок, но крепкий пластинчатый доспех выдержал удар, только еще сильнее отдало болью, когда от неожиданности дернул раненой рукой.

«Да когда же их леший заберет, – злился Свенельд. – Трусы, боятся показаться, не смеют схлестнуться с витязями».

Лежать вот так, беззащитным и под прицелом, претило натуре посадника. Рядом тяжело дышал Фроди. Они лежали и смотрели друг на друга. Свенельд понимал, что парень его спас, вытащив раненого из ручья. Но благодарности почти не испытывал. Вот и пялились друг на друга, потом Фроди вдруг извился змеей, морщась от боли в ране, перекатился резко, вскрикнул и приник за соседней елью. И через какое-то время Свенельд услышал позади себя вскрик и всплеск в ручье. Повернув голову, он увидел, как с противоположного берега в воду упал покрытый шкурой древлянин с луком. Это Фроди сразил его, метнув нож.

«Надо же какой храбрец, а вот нищенствовавшему Богу христиан стал поклоняться. Чем ему Тор воинственный был плох!»

А потом он увидел, что Фроди кинулся через лес, мелькал между деревьями, следом летели стрелы, но не могли настичь убежавшего.

Свенельд готов был даже похвалить его. Значит, если не собьется с пути и выйдет к селищу, может прислать подмогу. Хорошо, а то, если древляне не подберутся и не перебьют их, они и сами могут истечь кровью. Свенельд ощущал боль там, где торчала стрела, рукой невозможно было пошевелить, и он чувствовал, как под кольчугой становится тепло и липко от крови.

Наконец, когда уже стало смеркаться, в кустах поднялся силуэт Малкини. Он оглядел противоположный берег и сказал, что там уже никого нет. Свенельд, кривясь от боли, нелепо оттопыривая руку, попробовал подняться, голова слегка кружилась, а там, где он лежал, осталось кровавое пятно.

«Если бы не пил воду перед этим, вообще бы сдох, – подумал он. Но сил было на удивление мало.

Но тут они слышали гомон в лесу, и появились свои. Оказалось, что в живых остался только посадник, Малкия и парнишка-проводник. Этот первым кинулся к прибывшим, там были и люди Свенельда, и пара древлян из селища. Да и Простя эта зачем-то приперлась. Но пока местные смотрели только на струи воды, какая погасла. Лица у них были такие горестные... Ну в общем Свенельд их понимал.

И тут услышал, как парнишка-проводник обратился к Просте, сообщив, что на них напали люди Мокея, вроде как и его самого он разглядел в лесу. Простя только кивнула и опять смотрела на воду.

Именно у нее Свенельд спросил, где Фроди? Та ответила, что молодой варяг сейчас лежит раненый в одной из изб селения. Он прибежал, сообщил о случившемся и потерял сознание.

– Я пробовала его лечить нашей водой, – спокойно произнесла она, поворачиваясь к Свенельду, – но его она не лечит.

– Меня лечить будет, – отозвался Свенельд, не отвечая на немой вопрос в ее взгляде. И когда она через какое-то время спросила, что неужели из-за людской злобы и вражды даже чудесная вода теряет свою силу, посадник утвердительно закивал. Пусть эта Простя и разумница, но про то, что среди его людей есть христианин, древлянам знать не нужно. Об этом же он и Малкиню упредил, когда его несли назад в носилках, а ведун угрюмо шел рядом. Тот кивнул:

– Пусть твой витязь и христианин, но он спас нас. Я слышал мысли напавших. Не сообрази они, что тот позовет подмогу, нас бы не выпустили отсюда живыми.

Позже, когда у Свенельда уже вынули стрелу и он подлечился мертвой и живой водой, воспрянул духом, – как всегда после воды бывает, – к нему попросилась эта Простя. В большой избе они отсели от остальных за резную подпору в углу, и Простя спросила, что ожидает ее родовичей за нападение древлян. И пока Свенельд мрачно и значительно молчал, она сказала, что они не имеют ничего общего с нападавшими, что ее бывший муж Мокей, – она подчеркнула слово «бывший», – сам требовал с селища дань за защиту, как он это называл. Увел у них несколько коров, забрал пару мешков репы, соления в кадках. Людям из леса ведь надо питаться, но когда Мокей опять явился за данью, родовичи уже были готовы и выгнали его. Мокей тогда обещал поквитаться с ними.

– Что-то он к вам зачастил, – сделал вывод Свенельд. – Значит, схоронился где-то недалеко от вас.

Простя молчала, теребя край вышитого передника, и Свенельд стал озиаться, выискивая взглядом Малкиню. Неизвестно, подсмотрел бы ее помыслы волхв или бы смолчал, но что от Прости Свенельд ничего не добьется, было ясно.

Тем не менее Свенельд заверил, что зла на людей из Сладкого Источника они не держат, вот оправятся немного и дальше поедут.

Но не поехали, решили прочесать округу. Раз за разом уходили в лес, но все было спокойно. И Малкия куда-то уходил. Когда его хватились в первый раз, Свенельд заволновался, велел искать. Впрочем, к вечеру Малкия вернулся как ни в чем не бывало. Заметив суровый взгляд посадника, даже пошутил:

– Неужто думал, брошу тебя?

Потом признался, что искал еще источники живой и мертвой воды. Но по его виду Свенельд понял, что поиски те были тщетными. Однако когда Свенельд сказал, что, похоже, они тут задержатся – согласно кивнул. Селение большое, неплохо бы и тут крепостцу возвести да оставить кого из своих.

Когда Свенельд сообщил об этом решении на сходке родовичей, те только переглядывались. Но та же Простя неожиданно поддержала Свенельда, заявив, что под защитой русичей им не будет опасен Мокей. Малкия потом подтвердил Свенельду, что тут и впрямь опасались лесных стрелков. Вот Свенельд и отрядил кое-кого из дружины возводить укрепление, а сам дальше двинулся. Больше всего ему хотелось еще порыскать по лесу да поискать чародейскую воду. Ну, и с древлянами лад

навести. Второе ему удалось получше первого. А там и Малкия стал торопить его, напоминая, что срок их на исходе и пора возвращаться.

Возвращаясь, они опять прошли через селение Сладкий Источник. К удовольствию Свенельда, его дружинники вполне мирно работали тут, а еще оказалось, что выхаживавшая раненого Фроди Простя прониклась к варягу нежным чувством. Она-то не красавицей была, пригожий Фроди с его-то внешностью мог и какую иную краля себе присмотреть, однако разве поймешь этих странных христиан? Вон голубыми глазами так и следит за Простей, куда бы ни пошла. Свенельду сообщили, что эти двое все время рядышком держатся, Простя даже светиться от счастья начинает подле выхоженного ею варяга, да и Фроди как будто всем доволен. Свенельду он сказал:

– Я понял, что неразумно мне тут будет открыться, в кого верую. А так здешние древляне – люди как люди. Жить с ними можно.

– А жениться тебе не пришло ли время, соколик? – подмигнул Свенельд, кивнув в сторону кормившей во дворе кур Прости. И видя, как покраснел его дружинник, пообещал переговорить с молодой.

Простя тоже вспыхнула, когда сам посадник пришел к ней сватом. Даже хорошенькой ему показалась. Надо же, значит, не зря в песнях поется, что Лада особо щедра на любовь, когда девица витязя от ран выхаживает. Но Простя не была обычной девкой, она была оставленной женой Мокея вдовьего сына, который возглавлял лесное войнство. И она крепко задумалась после разговора с посадником. То, что Фроди был ей мил, это одно. А то, что Мокей все еще ее мужем считался, – не давало ей возможности обручиться с кем-то иным. Да и Мокей не позволит ей подобного, это будет угрозой селищу.

Наверное, Свенельд и ожидал от нее чего-то подобного, поэтому не был особо удивлен, когда Простя опять пришла к нему на беседу.

– Мой муж Мокей не в ладу с селищем, я уже говорила. Но у него немалая сила, и если он узнает, что я себе иного мужа завела... да еще с Руси... Плохо будет Сладкому Источнику.

– Беда, – развел руками варяг. – Горько мне будет вас разлучать с полюбившим тебя Фроди, ну да что поделаешь. Я ведь лишней крови приютившим меня не желаю. А Мокей, как я понял, не простит, если его жену другому отдадут. Но ведь говоришь, он сам тебя бросил?

– Бросить-то бросил, но...

Она замолчала.

Свенельд тоже молчал. Ждал, и Простя видела, что он ждет. И она решилась. Пообещала переговорить с родовичами, и как они решат... Ну раз Простю тут уважали и считались с ней, то у Свенельда была крепкая надежда, что она их уломает. Он же понемногу велел своим собираться, да и Фроди приказал быть готовым к отъезду. Когда тот узнал, что уедет – вмиг в лице поменялся, даже глаза как будто потемнели от боли.

«Ништо, – отходя от застывшего в горестном оцепенении парня, думал Свенельд. – Это тебе за погубленную чародейскую воду. Ну иди теперь, моли своего Распятого, чтобы у Прости ради тебя все вышло».

Малкия со стороны наблюдал за происходящим. Он понимал хитрость Свенельда, но в чем-то даже одобрял его. И когда родовичи, просидев допоздна над коптящей лучиной и посоветовавшись, взялись все же помочь Свенельду, он только усмехнулся хитрости посадника. Сам Малкия в своих походах в лес уже выявил, где таятся стрелки, выдавать их не стал, однако он и иное проведаль: именно этот Мокей травил некогда жившую тут Малфриду, именно он отдал ее на позор и поругание. А этого Малкия простить ему не мог. Поэтому он и не предупредил лесных стрелков, что на них готовят облаву, однако и не примкнул к ее участникам. Остался в селище, сидел у реки, где уже был отведен от воды ров и высился первый поверх срубной башни, в какой должны были остаться люди Свенельда с христианином Фроди во главе. Ведь теперь Свенельд Фроди с собой не звал, даже был доволен, что все так сложилось и его человек с родовичами-

древлянами через Простю сойдется. А вот Малкиню огорчало, что в древлянском лесу за старшего христианин остается, но все одно вмешиваться не хотел. В конце концов, понимал, что Свенельд обходится с древлянами лучше, чем можно было ожидать. И Малкиня, перестав размышлять о местных делах, думал о Малфриде, о том, как там она.

Поэтому он не особо принимал участие в последовавшей затем свадьбе Прости и Фроди. Подловленных в лесу стрелков кого перебили при нападении, кого взяли в полон для продажи на рынках рабов. На самого Мокея Малкине было любопытно поглядеть, а как увидел – сразу признал. Именно этот парень некогда привез Малфриду в Искоростень, именно он ее ненавидел страшно. Но и опасался. Это Малкиня понял, когда, уйдя от свадебного развеселого пира, прошел к пленным и, рассмотрев затравленно озиравшегося, заросшего бородой предводителя мятежников, сообщил, что того теперь отдадут на суд чародейке Малфриде. От пленника так и повеяло почти безумным ужасом, потом он пополз в ноги волхву, стал умолять убить его, казнить, уничтожить, только бы не ведьме проклятой в руки попасть. Малкиня ушел, ничего не сказав. В этом Мокее было много силы, много смятения, а еще больше злости. Страшный человек. Лучше бы Свенельд его и впрямь казнил. Малкиня подумывал сообщить о том Свенельду, да только посаднику так надоела донимавшая его мольбами о помиловании мать пленного, что сам приказал повесить Мокея на суку. Того уже даже притащили, старая Граня волком выла, понимая, что сына ее единственного сейчас жизни лишат. Но за бывшего мужа стала просить Простя: мол, не порти нам праздник смертоубийством, посадник, мол, Граню мы угомоним, успокоим, да она и сама уймется, если оставишь жизнь Мокею.

Вот такой свадебный пир получился в лесу. А как отгуляли, так и в путь отправились. Покидали покоренное селище, причем расстались почти друзьями, их провожали как дорогих гостей, вышли всем родом. Свенельд довольно улыбался. Ну что ж, если весть пойдет по лесам, что с Русью вполне мирно можно ужиться, авось и не станут древляне в спину бить. Да и воды чародейской хоть и немного, но Свенельд все же раздобыл. Надобно теперь беречь ее как зеницу ока.

Обратный путь прошел спокойно. Только одно огорчило посадника: на стоянке Мокей умудрился перетереть веревки и сгинул в чаще. Свенельд даже огрел плетью не уследившего за ним охранника. Сам ворчал, что надо было и впрямь повесить этого мятежника, а то натворит еще бед.

По возвращении Свенельд прежде всего поспешил отвести навьюченную флягами с чародейской водой лошадь подальше от вышедшего их встречать Асмунда. Просто зубы тому заговаривал, расспрашивал, что тут и как, пока его люди не убрали вьючную кобылку.

– Ну, как тут Ольга и Святослав? – приобнимая княжеского кормильца за плечо, тащил его в сторону Свенельд. – Как боярыня моя Малфутка? А главное, как у других с древлянами сладилось? У меня вон, как у Христа за пазухой – так ведь ваши говорят? Ну не хмурься. Я обкрутил-таки древлян, они ни в какую сечу больше не подадутся. Даже благодетелем меня почитать будут. Да и не грабили мы никого, зато их воинство лесное подкоротили. Вон невольников привели, сегодня же их в Киев отправлю на рынки рабов.

«Заодно пусть и воду отвезут, – подумал. – Только немного себе оставлю. А то война как-никак».

Асмунд докладывал ему новости, и улыбка медленно сползала с лица Свенельда. Оказывается, у Претича вышло все отнюдь не так, как у него. Претич был прежде всего воином, переговоры вести его не учили. И после того как он вошел в первое же селище, в каком позволил своим воям основательно пограбить, жители стали хорониться от него, многие и сами примкнули к лесным стрелкам. Но Претич все же умел воевать: его люди убивали по десятку мирных жителей за каждого убитого из лесу русича, старейшин велел люто пытать и казнить, пока запуганные им селяне сами не указали, где таятся лесные воины. И многих он поубивал. Да только и на самого Претича стали так нападать, заманивать в трясины его отряды и уничтожать их внезапными наскоками, что черниговец предпочел повернуть назад. Но и тут он повел себя не как проигравший: направил свои отряды ни много ни мало, а на усадьбу Малино, взяли ее с ходу, устроились там. Так что теперь Свенельду полагалось туда отправляться. Ибо теперь

в любимом тереме князя Мала Древлянского за тынами и оградами обосновалась и Ольга с маленьким Святославом, и беременная боярыня Малфутка, там же и иные отряды станом стали, и все готовятся к самой великой сече – Искоростень брать.

Глава 13

Восседая на своей буланой кобыле, княгиня Ольга смотрела на Искоростень. Град лежал довольно далеко от опушки леса, где собралось ее войско. За пеленой мелкого нескончаемого дождя он казался призрачным и внушительным.

– И как же ты до такого допустил, Свенельд, посадник древлянский? – произнесла княгиня своим негромким мелодичным голосом, в котором, однако, сквозили такие жесткие интонации, что любого проймет.

Свенельд не ответил.

Он сидел на коне по левую руку от княгини. Ольга, как и Свенельд, была облачена в броню: ее тело облегла специально изготовленная, склепанная из мелких колец кольчуга с квадратами защитных пластин на груди. На голове – высокий железный шлем с наносником, с кольчужной сеткой-бармицей, защищавшей шею и плечи. Ольга в этом облачении выглядела как молодой витязь, она сама так пожелала, когда повела войска к Искоростеню. А подле нее на смирной невысокой лошадке сидел ее маленький сын Святослав – тоже в выполненной по его мерке кольчуге и островерхом шлеме. Святослав был несказанно горд, что едет во главе войска, на лошади он держался на удивление уверенно, без страха, и с любопытством рассматривал столицу древлян. А вот у княгини-матери лицо побелело при виде Искоростеня.

– Как же ты допустил подобное, Свенельд? – вновь повторила она, пораженная видом укрепленной крепости древлян. – Еще Олег Вещий запретил усиливать древлянские грады, а ты... Из года в год сюда наезжал, неужто не заметил, что они к войне готовятся? Или заветы Вещего для тебя ничто?

Она столь резко повернулась к посаднику, что лошадь под ней загарцевала, вскинула длинную голову, фыркнула, зазвенев наборными бляхами упряжи, словно тоже выражая недовольство. Ольга неотрывно смотрела на Свенельда, и он увидел, как потемнели от ярости ее обычно светлые глаза.

– Да чарами они это возвели, пресветлая, – отозвался невозмутимо, улыбнулся ей, оскалив в усмешке ровные белые зубы. – При мне такого еще не было.

Лгал. Но разве сейчас, когда они уже стоят под Искоростенем и за Свенельдом щетинится копытами его рать, разве кто-то посмеет его укорять? Не до того сейчас. Сам наломал дров, сам же и пришел исправлять нелады. Так что пусть помолчат с укорами... даже Ольга пусть молчит. И улыбка Свенельда стала еще наглее.

– Свенельд!..

Это его уже Асмунд окликнул. Старый воевода сидел подле Святослава, будто охранял маленького князя, но сейчас подался вперед, так и вперив взгляд в улыбавшегося своей княгине Свенельда. И несколько минут они обменивались взорами. «И этот туда же, с упреками», – подумал Свенельд, видя, как укоризненно покачал Асмунд головой в своем старом варяжском шлеме, с соединенными на макушке крутыми рогами. Гм, христианин хренов.

Свенельд вдруг захотел совсем по-мальчишески показать старому воеводе язык. В нем вообще бродило какое-то легкое глупое веселье. Со Свенельдом и ранее такое бывало перед грозной сечей. Все одно веселиться перед боем лучше, чем сокрушаться да поминать прародителей-чуров, чтобы те помогли или приняли за кромкой, если такова судьба. А раж да веселье... С ними и на смерть идти не страшно.

Он отвернулся, смотрел на Искоростень... Н-да, лучше все же веселиться, чем ругать самого себя. На это и княгиня его способна. Лада его несказанная. Но кто из них сейчас вспомнит, что промежду ними вьется эта запретная затаенная страсть? Уж, по крайней мере, не Ольга.

Свенельд сам понимал, что проморгал подготовку к войне, когда равнодушно наблюдал, как отстраивается Искоростень. Старый город древлян, какой еще Олег некогда брал, и так расположен на высокой гранитной круче, непросто подобраться. А то, что вокруг понастроили... Свенельд помнил, как еще в первый год его посадничества бояре

древлянские просили позволения подправить ограды, ссылаясь, что теперь, когда у них мир, негоже столице племени лежать в руинах. Богатыми дарами выкупили у него это соизволение, сами же водили, показывали, как и что строят. Своего молодого посадника впускали в Искоростень беспрепятственно, даже гордились перед ним, какие у них заборолы да дружинные избы вдоль мощных частоколов, в которых тех же людей Свенельд располагали с удобствами.

Теперь Свенельд смотрел на так хорошо знакомый ему Искоростень глазами человека, которому придется эту твердыню брать. Да, старые постройки как и ранее вздымаются башнями-вышками на гранитной круче над рекой Ужей – с воды к ним не подобраться. С берега же Искоростень окружало широкое открытое пространство, подняться по нему – и не запыхаешься. Но именно в последние годы князь Мал возвел вокруг еще одну ограду, мощную, с городнями, увенчанными шатровыми кровлями, с переходами заборолов, с двойными стенами, между которыми была плотно утрамбованная глина, не позволявшая так просто прогореть городне, даже если и удастся поджечь. Мал не скрывал все это от посадника, но тот больше следил, чтобы войск у древлянского князя не было, а эти башни и городни... Ну, тешит свою душу последний отпрыск древлянской династии, ну, похваляется перед чужаками, – так тогда думалось. Даже когда Мал опоясал Искоростень рвом, наполнив его водами из Ужи, Свенельд тоже не обеспокоился, сам ходил с Малом смотреть, как вода наполняет ров, как закладываются мосты через него. Вот теперь и приходится признаться себе, что дураком был доверчивым, что обманул его своим показным хвастовством друг Мал. И Свенельд только утешался мыслью, что этих земляных валов ранее вокруг Искоростеня и впрямь еще не было, да и поле перед градом не было так усеяно острыми кольями да ямами, где и пешему-то не пройти, не то что коннику. И когда успели-то? Знатно, видать, готовились к встрече... если и впрямь не чародейство свое использовали. Но Свенельд сам одернул себя: какое там чародейство! Всей округой, небось, работали, не покладая рук, когда поняли, что не избежать им столкновения с Русью.

– Гляди, княгиня! – неожиданно выскочил вперед на своей лохматой степняцкой лошадке Претич, указывая на ворота града.

– Вижу, – процедила сквозь зубы Ольга. И резко: – Стань в строй!

Претич даже побледнел от ее резкости, посмотрел оторопело, но послушался. Вот так-то, не лезь, где не приказано, это тебе не древлян в селищах резать. И не в степи удалью перед печенегами похваляться.

Ворота Искоростеня и впрямь медленно и тяжело растворились, на мост над рвом выехали несколько всадников. Пятеро – определил Свенельд. И к Ольге:

– Двое – явно волхвы: одеяния белые длинные, верхом держатся неуверенно. Еще двое – воеводы, видать. Ну и Мал с ними.

– Женишок явился, – усмехнулась княгиня. – Что ж, побеседуем.

Она оглянулась на окружавших ее воевод.

– Грим и Кари, со мной поедете, – окликнула она варяжских ярлов, – и ты, Асмунд, будешь меня сопровождать. И ты...

Она озиралась, выискивая кого-то в толпе. Свенельд подался вперед, мол, вот он я, даже поводья уже поудобнее взял в руку, когда Ольга вдруг спросила:

– Эй, Свенельд, где твой ведун древлянский? Зря, что ли, его с собой тащили?

Свенельд сперва только отметил, что Ольга не зовет его с собой. Малкиню вон спрашивает, а не его, своего первого воеводу... А на переговоры должно тоже выехать пятеро, как и древлян – это справедливо.

– Княгиня, – не сдержал обиды в голосе Свенельд, но она так и опалила взглядом – строгим, непреклонным. Он отвел глаза, поправляя шлем на голове, словно тот ему жал. – Ну понятное дело – ты княгиня, я дурак... Но зато я Мала хорошо знаю, без меня тебе нельзя.

– Ты Мала и ранее знал, – отрезала она, – а он тебя вокруг пальца обвел с постройкой

Искоростеня. Так что пусть ведун твой с нами отправится. Ты же следи за воинством.

Малкиню разыскали где-то в задних рядах войска, дали ему коня, по приказу Ольги ему кто-то из варягов передал свой округлый шлем с наглазьем, скрывающим лицо, чтобы свои не признали.

– Держись рядом, – строго приказала Ольга ведуну. – Не вздумай...

Хотела сказать «не вздумай переметнуться», но вспомнила, как этот молодой волхв не отходил от Малфриды, как волновался за нее, как будто беременная баба на сносях некое диво, нуждающееся в особой его опеке, и промолчала. Этот ведун свою ненаглядную не оставит даже ради князя Мала.

– Поехали! – вскинула княгиня руку в тяжелой перчатке. Мельком все же взглянула на понуро сидевшего Свенельда: перебьется. Ему и так за удачные сговоры с древлянами милостей от нее немало досталось. Вроде и справедливо хвалила, а ведь люди все одно поговаривают, что своего Свенельда она едва ли не от мошкары отмахивать собственноручно готова. Нет, надо и иным расположение выказать.

Они быстро преодолели открытое пространство, направляясь туда, где в проходе к мосту между наклоненными вперед заостренными кольями ждали их посланцы от древлян. Ольга ехала впереди, ее варяги по бокам, будто охраняя, Асмунд следом и чуть приотстав – ведун Малкиня.

Ольга прежде всего узнала Мала. Князь был в богатом корзно поперх пластинчатой длинной кольчуги – не иначе как киевской работы, отметила про себя и вздохнула: эх, Свенельд! Даже оружием торговал с извечными непокорными врагами.

Мал пристально и сурово глядел на нее из-под украшенного кабаньими клыками высокого шлема. Лицо столь строгое, что и не узнаешь в нем прежнего улыбчивого князя, какой разве что руки лизать долгожданной невесте не кидался. Сейчас же вон как насуплен. И взгляд такой... почти прожигающий. Но все же Ольга смотрела именно на него.

– Что скажешь, суженый навязанный? Разве нам теперь есть о чем говорить?

Его лицо оставалось так же замкнуто, почти исполнено величия, как отметила Ольга.

– Будет лучше, если вы уйдете, – произнес Мал глухо и решительно. – Иначе тут прольется немало крови. Куда больше, чем уже пролито. А жизнь возродить куда труднее, чем от нее избавиться.

– Раньше надо было об этом думать!

– Раньше нам нужна была свобода. Сейчас мы ее добились и так просто не отдадим.

– А мне нужна твоя голова, Мал, – ответила Ольга. – Так что говорить нам больше не о чем.

Она хотела развернуть коня, когда вдруг вмешался Асмунд:

– Если отдадите нам князя Мала и его приспешников – мы удовлетворимся.

Ольга так и зыркнула из-под чеканного обода шлема на своего советника. Ох уж эти христиане! Ну она ему еще припомнит эту дерзость!

Асмунд же говорил, обращаясь именно к сопровождавшим Мала воеводам: один седой с вислыми длинными усами, чем-то даже внешне похожий на самого Асмунда, второй – молодой и дерзкий, смотрит весело, вырядился в волчью накидку, клыкастую голову зверя надел на свою, но сам в добротном кольчатом доспехе, да и конем правит умело, сдерживает своего горячего гнедого, будто играючи. И если седоусый ничего не ответил, то этот сделал непривычный жест: заломил резко одну руку, а другую заложил на сгиб первой.

– Вам ясен наш ответ, киевляне? – подал голову до этого молчавший седовласый волхв со словно сажей прорисованными черными бровями. В его глубоко сидевших черных

очах будто сверкнул алый уголек. – Вы к нам пришли с войной, но от нее же и погибнете. И никогда более древляне не будут под пятой у Киева. Таково было знамение!

И он величественно поднял руку.

Ольга теперь смотрела на него.

– Не вещай того, в чем не разбираешься, кудесник. Можешь ворожить сколько угодно, но я знаю то, что главнее твоей ворожбы. А именно – что с нами Перун! А его и твой Чернобог почитает, как более сильного. Так что...

– Зато Перун не служит бабам! – сказал, словно выплюнул, кудесник. – Ты воинство повела, и теперь ни до кого из вас Громовержцу и дела нет. Проиграна твоя сеча, княгиня, не подаст вам небесный покровитель удачи. Ты сама своим присутствием ее развеяла!

И он расхохотался так зло и нехорошо, что у Ольги мурашки поползли под кольчугой. А ведь он прав, с запоздалым испугом поняла она.

Кудесник уже понукал коня, разворачивая. Да, наездник из него был никудышный, а вот воля его была сильна. Мал не стал больше задерживаться, послушно затрусил следом. Тоже ехал как-то неуверенно, словно править лошадью у него не слишком хорошо получалось. Зато оба воеводы развернулись споро и круто, седоусый и не глянул более в их сторону, а молодой, наоборот, вздыбил коня, опять вызываясь улыбаться, окидывая оценивающим взглядом Ольгу из-под волчьей личины. Даже имел наглость подмигнуть.

– Когда тебя приволокут к моим ногам – я крепко тебя покрою, – сказал. – Так и передай Свенельду, что с Мокеем любая баба тает. Он мою жену за дружинника своего отдал, я его ладу волочайкой в своем шатре сделаю... до того, как передам другим.

Грим и Кари плохо понимали речь древлян, поэтому только это и спасло дерзкого от брошенной в спину сулицы. Асмунд понял, но не счел нужным отвечать. Ольга могла тихо яриться про себя, но этому лохматому не станет показывать, как разгневана, – не дождется. И она молча поскакала со своими к ожидавшим их за пеленой дождя воинам. Однако, немного не доехав, сдержала бег буланой, загородив ее корпусом путь Малкине так, чтобы переговорить с ним без лишних ушей.

– Ты, ведун, душой со своим князем, поэтому можешь и не отвечать. Но все же... Ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, – сразу повернулся Малкия, казался взволнованным. – Это не князь древлянский Мал с ними был. Там вообще что-то изменилось.

– Как так? – нервно дернула повод лошади Ольга.

– Это не князь Мал, – упрямо повторил ведун. – Это принявший его образ волхв Шелот.

– А где же тогда Мал?

Она выглядела озадаченной. Потом нахмурилась: уж не дурачит ли ее этот ведун древлянский?

Малкия сам выглядел растерянным, пожал в недоумении плечами. Глаз его было не разглядеть под полумаской шлема, но в том, как он оглянулся на Искоростень, было что-то тревожное.

– Эти волхвы знают, что у них много сил. И как-то это связано с тем, что Мала уже нет среди них. Трудно вам придется, это уж точно. К тому же то, что сказал волхв Малания насчет тебя и милости Перуна...

– Я и так поняла, – резко оборвала его Ольга.

Ах, как же ранее она не подумала, что нельзя бабе войска вести! Теперь бы изменить все, посоветоваться, заглавного выбрать... да времени нет. Вон уже в Искоростене трубят рога, вон оживились ее воины, когда ворота Искоростеня стали растворяться и, как бурлящим потоком, наполняться спешно выскакивавшими из града

воинами-древлянами – в лохматых шкурах и звериных личинах, с длинными, обитыми мехом щитами, размахивающими копьями, дубинами, сулицами. И тут же из дальних зарослей за городом тоже повалила рать – много так, тьма... Бегут, орут, вскидывают оружие. Стали соединяться с отрядами из Искоростеня, сливаться в одну многотысячную рать. Вон сколько их пришло на защиту княжеского града.

Воины Ольги тоже оживились, она услышала за спиной характерный лязгающий звук множества вынимаемых клинков.

– Ждать! – приказал со своего места Свенельд. – Пусть поближе подберутся.

От шума и напряжения кобылица под Ольгой встала на дыбы. Княгиня сдержала ее; озираясь, она отовсюду видела устремленные на нее взгляды русичей. Все ждали сигнала. Ее сигнала, как и было уговорено. Но она сейчас понимала лишь одно: ей не следовало этого делать, пусть кто-то иной, пусть только не она, не баба!

Она почти с надеждой посмотрела на Свенельда. Ну же, где твоя ретивость, посадник, где твое желание всегда быть первым? Чего ожидаешь сейчас? И остальные – Асмунд, Кари, Претич, глава новгородского ополчения Волчара, вон и Грим занял место перед своими варягами и тоже смотрит на нее. И что же ей теперь делать? Почему в своей гордыне она так и не поставила над войском кого иного? Сейчас же Ольга просто испугалась. Может, этот Маланич и зря пугал ее, но княгиня знала законы, как и знала, что Перун не бабий бог, пусть даже одна такая баба и в кольчуге.

Войско древлян, будто озадаченное медлительностью русичей, тоже остановило свой напор. Столпились, выстроившись рядами – впереди воины в доспехах и с оружием, за ними метатели копий, пращники. И они не спешат выбраться за ряды ям и заостренных копий, понимая, что дальше будут уязвимы для конников. Тут же конники не пройдут, тут силы пеших древлян с русичами почти уравниваются. У древлян тоже опытные воеводы, они понимают, что бой надо навязать там, где им выгоднее, недалеко от заборов града, где и свои смогут обстреливать врагов со стен. Не из луков – в такой мороси луки почти непригодны из-за отсыревшей тетивы, а вот пращники и метатели копий вполне могут помочь. Ну и чего теперь медлят русичи? И, ободренные этой заминкой, древляне стали хохотать и выкрикивать врагам оскорбления, обвинять в трусости, дразнить, корчить рожи, делать неприличные уничижительные жесты, улюлюкать.

Ольга медлила. Даже различила, как Асмунд сказал, что лучше бы древляне не приманивали врага в открытом поле. Глупо, имея такое укрепление, выходить на сечу с хорошо обученным русским воинством. А кто-то, кажется ярл Кари, заметил, что древлян явилось столько, что Искоростень не смог бы столько вместить. Их так много... куда больше, чем ожидали русичи, больше, чем вывели их лазутчики. И теперь... Ольга опять услышала, как кто-то крикнул, чтобы подавала сигнал.

Пока она кружила на месте, решая, кому бы из воевод повелеть начинать, случилось неожиданное. Ибо вперед вдруг вынесся на своей маленькой лошадке Святослав.

Ольга только ахнула. Но лошадь Святослава не понесла, как показалось в первый миг княгине, а просто испугалась шума и, выскочив из строя, стала замедлять бег. Теперь Святослав оказался посередине между двумя ратями, все смотрели на него – воины с обеих сторон, княгиня, волхвы с заборов Искоростеня... боги с небес. И все увидели, как маленький князь Руси поднял свое копьё, которым так гордился, и, довольно неуклюже размахнувшись, бросил его вперед. Но Святослав был еще слабым ребенком, его копьё, сверкнув длинным серым наконечником в мороси дождя, упало не дальше, чем стояла его лошадь, попросту скользнуло между ее ушей и рухнуло на землю перед копытами.

Древлян это даже взвеселило, они заревели, заржали, стали потешаться. Но уже подле Святослава оказался выбежавший из строя его кормилец Асмунд, успел схватить лошадку под уздцы и сказал громко:

– Князь уже начал!

А Свенельд оглянулся на своих людей и, выхватив меч, воскликнул:

- Последуем, дружина, за князем!

Ольга схватила Святослава, увлекла упирающегося возмущенного сына за деревья, прижала там, удерживая подле себя. Ибо казалось, и подлесок вокруг вмиг был вытопан, так рванулись навстречу врагам ожидавшие приказа воины. Бежали, орали, подбадривая себя криком. Когда так орешь в наскоке – и страх как будто отступает, а есть только раж и желание напасть, нестись вперед, есть сила сразиться с кем угодно.

Древляне как будто ждали, стали выстраиваться в ряды, заслоняться щитами. Хорошая оборона, небось, у тех же русичей обучились. Такой ряд не так-то и просто прорвать. И тут, – как и было уговорено ранее, – по звуку рога, люди Асмунда и Свенельда кинулись не к центру цепочки наступающих врагов, а двумя потоками устремились к флангам. Древлян это сперва озадачило, они даже несколько помедлили, потом разбили строй и побежали туда, кому где было удобнее схлестнуться. И так уж вышло, что большая часть ринулась именно туда, где был Свенельд в его яркой накидке и блестящем шлеме. И только середина древлянского строя, как будто так и не решив, куда примкнуть, продолжала бежать к лесу. Но тут из зарослей на них выскочили конники Претича, разили сверху, рубили. Быстро управились. Дальше уже с лошадьми не прорвешься. Воины спешили, перешагивая через тела поверженных, спешили помогать своим в общей схватке.

Русичи сперва сражались варяжским строем щитов, как и были обучены. Теснили древлян щит в щит, кололи в просветы, даже заставили отступить и прижали к тем же наклоненным кольям, опрокидывали в их собственные ямы. Потом и свои стали проваливаться, разрывая общий строй.

Когда перед Свенельдом рухнул в прикрытую яму-ловушку дружинник, посадник привычно шагнул вперед, закрывая собой прореху в ряду, отвел щитом молодецкий удар древлянской секиры, четко и сильно ударил острым клинком, чувствуя, как осмоленная меховая куртка врага поддается под острием. Так-то, меч у Свенельда мог и рубить и колоть, отличный меч франкскойковки. Теперь только успеть его вырвать из тела врага, поднять, когда сверху уже опускается дубина очередного древлянина. Не успел, зато изловчился уклониться. Этого времени хватило, чтобы все же освободить оружие, снова ударить – теперь уже сверху, сильно и жестко – лезвие попало на шею, там, где она переходит в плечо. На древлянине была меховая накидка да еще и обшитая бляхами куртка, но у ворота она оканчивалась, и меч Свенельда застрял в кости. Совсем близко посадник увидел искаженное яростью незнакомое лицо, на котором все явственнее выступало удивление, как будто враг еще не верил, что убит. Но думать о нем было некогда, нападали новые враги, совсем рядом пролетел брошенный кем-то из дальних рядов камень, Свенельд услышал сзади стон. Он успел подумать, что такая схватка долго не продлится... но пока она продолжалась и надо было сражаться.

Жестокая сеча происходила по всему открытому пространству перед градом древлян. Уже не получалось биться строем, все смешалось, превратившись в множество поединков без всяких правил, когда можно было ожидать удар сбоку, сзади, можно было погибнуть от метательного снаряда или вынырнувшего неведь откуда острия копья. Все кипело от людского движения, мелькали тела, искаженные лица, щиты, руки с зажатым оружием, блики шлемов, лохматые шкуры, просмоленные и настолько жесткие, что не сразу поддавались и мечу. Казалось, сама земля вокруг проросла смертью, острым и громоздким оружием, когда направленный клинок выбивается дубиной, когда шипастая булава крошит голову вместе со шлемом, а меч словно змея кидается снизу вверх, вонзается в живот, вспарывает, проникает, оглушая болью... убивая... Кто-то еще выкрикивал команды, приказывая стать спина к спине, кто-то стонал, напоровшись на острый кол, кто-то пытался выбраться по сырым скользким склонам из ямы-ловушки, но его тут же скидывали назад. В ушах стоял оглушающий звон клинков, смешанный с криками человеческой боли и ярости.

Свенельд уже не мог в этой сутолоке командовать своими людьми, но понимал, что нельзя ни отступать, ни обнаруживать страха. Если тебя что-то напугало, считай, что почти проиграл. Нельзя было даже передохнуть, это было бы смертью. И он носился между группами сражавшихся, подбадривал тех, кто готов был отступить под натиском древлян, сам вступал в сечу. У него было врожденное чутье – и верный глаз, которым он мог определить, когда и где возникнет слабое место, всякий раз упреждая события. Меч его был весь в крови, он сам был измазан кровью, и все же древляне узнавали

бывшего посадника, которого оберегали его дружинники, кидались на него, воя от люти, и теснили охрану.

Один раз он оказался полностью окружен, успел загородиться разбитым щитом от наседавшего сбоку древлянина, но тут же увидел лезущего на него другого, огромного, теснившего и своих, и чужих лосиными рогами, размахивавшего дубиной. И при этом ревущего, как безумный. Он так и кинулся на посадника, вращая своим страшным оружием. Свенельд отскочил, почувствовав, как воздух у груди загудел от пронесшейся мимо гигантской булавы, «сохатого» тоже немного занесли в сторону его тяжелые рога, и этого мига было достаточно, чтобы Свенельд вонзил свой меч в открывшийся бок врага. Тот не сразу упал, рванулся, в повороте сильного тела выдернув из руки посадника скользкую от крови рукоять, умудрился вцепиться пятерней в лицо Свенельда. Свенельд отшатнулся и стал падать. Успел подумать, что упасть в такой гуще – верная смерть, затопчут. «Сохатый», с торчащим из тела мечом посадника, даже наступил на него. И остался стоять... но уже без своей рогатой головы. Свенельд снизу увидел, как его ярл Торбьерн секирой снес голову «сохатому», как она откинулась, а вверх взметнулся фонтан крови. Рогатая же голова валилась прямо на Свенельда. Он успел откатиться, почувствовал сверху движение от удара, который только чиркнул по одному из рогов. И тут же кто-то рывком потащил его вверх, помогая подняться. Тот же рыжий Торбьерн.

– Ты цел? – спросил, вырывая из тела поверженного «сохатого» меч посадника, протянул. – Ты цел? – повторил.

– Как у Тора за голенищем. Что мне сделается?

Торбьерн только хмыкнул в рыжую бороду.

У Свенельда вышла минута передышки. Он огляделся: впереди сквозь сырую морось по-прежнему грозно высился силуэт Искоростеня, справа и слева продолжалась резня, Свенельд даже заметил Претича, который отступал перед напирающими на него древлянами. Как и заметил, что поспешивший черниговцу на выручку гридень Стоюн резко остановился, пронзенный брошенным кем-то из толпы дротиком, стал заваливаться, медленно надевая на пронзивший дротик.

– Господи!..

Свенельду показалось невероятным, чтобы его друг и умирая вспомнил своего Бога. И опалило горечью – Стоюн! Сколько сеч вместе... Плечом к плечу...

Нельзя было об этом думать, нельзя терять рассудок. Он командир, воевода, он должен знать, как проходит бой. Надо было разобраться в той сумятице, которую создало значительное численное превосходство древлян, лишившее русичей возможности сражаться единым отрядом под четким руководством.

Груда мертвых тел громоздилась вокруг Свенельда. И улучив миг, собрав силы, он вскочил на эту гору. Теперь он был замечен и уязвим, зато стоял на самой высокой точке над полем боя и мог оглядеться.

Как ни странно, его появление повлияло на всех. Его разрозненные воины тут же стали стягиваться. Асмунд, успевший потеснить назад к Искоростеню своих противников, заведя, как к посаднику сразу кинулись древляне, тут же поспешил на помощь. Ну а Свенельд понял... что они побеждают!.. Ибо сколько бы ни было еще вокруг схваток, с каким бы ревом ни кинулись к нему враги, он заметил и иное – часть древлянского войска отходила к Искоростеню, часть пятилась к дальней чаще, теснимая русичами.

– Давай! – крикнул он в прыжке. Просто с наслаждением сжал меч. – С нами Перун! Еще немного!

И опять была жестокая схватка, когда он кому-то приказывал, от кого-то отступал, опять был бой, лязг металла, крики ярости и страха, и самого сладостного чувства, когда твое оружие врубается в плоть врага, разбрызгивает теплую вражескую кровь.

Волхв Малкия не участвовал в сече. Он находился среди варягов, оставшихся охранять Ольгу, и вместе с ними от опушки леса следил за боем, с ужасом видя, как льется кровь и как только что живые и сильные люди вдруг становятся исковерканным порубленным мясом на земле. За самим Малкией сейчас никто не следил, все были заморожены схваткой, варяги едва не выли оттого, что им вменялось охранять княжича и Ольгу, в то время как там творилось такое. Им было не до древлянского ведуна, и ему бы воспользоваться этим, ускользнуть, бежать, а потом примкнуть к своим... Но он даже не знал, кто для него сейчас свои. Уж никак не Мокей вдовый сын, которого он пару раз высмотрел в сумятице перед градом. И никак не волхвы, которые сейчас всем заправляют тут. То, что один из них превратился в Мала Древлянского, показывало, что кудесники что-то задумали. И еще он ощущал, что этот бой – далеко не конец.

Именно это ощущение некоей иной надвигающейся беды заставило его оставаться на месте. Вскоре он заметил, что сражение стало стихать. Люди на поле перед градом начали расходиться, искали своих, собирались в группы, кого-то тащили под руки.

Княгиня Ольга, отойдя со своего наблюдательного поста у кромки леса, увидела пленного волхва и вскинула удивленно брови:

– Ты еще здесь?

Что он мог ответить? Сказать, что уже связан с ними и его свои сочтут предателем – одетого в чужой доспех, с варяжским шлемом, по которому его могли узнать как одного из спутников княгини во время переговоров. От шлема, правда, можно избавиться, а вот как он объяснит древлянам, что русичи не уйдут, что его нынешняя близость к ним может хоть как-то улучшить участь племени, когда придется выговаривать условия перемирия. Ибо русы победят... Но сперва... И он сказал уже вослед отходившей княгине:

– Это не конец. Еще грянет...

Что грянет, он не знал. И хорошо, что Ольга прошла не обернувшись, ибо он ничего не мог ей пояснить. Он просто ощущал некое подспудное волнение, как бывало, когда угадывал чужие мысли. Но сейчас он чувствовал не мысли, он чуял летящую откуда-то ворожбу. Мощную, слаженную, грозную. От этого волосы шевелились на голове, спирало в груди. В этой ворожбе не было слов. Так умели колдовать только древляне.

Малкия тряхнул головой, при этом оступился, поскользнувшись на мокрой траве. Дождь, все время сеет дождь, мелкий, изводящий, от которого отсыревают тетивы и нет возможности растянуть во всю силу лук. Был ли это просто дождь или его наслали? Нет, древляне отменные стрелки, им этот дождь невыгоден. Разве только... И Малкия сумеречно поглядел на низкую тучу, висевшую над головой, скрывающую небо. В такую погоду, когда небо закрыто, особенно могучи темные подземные силы. Но пока день не окончен, они не могут проявить себя. И тогда... Но полноте – что тогда? Уж не струсил ли ведун Малкия до срока?

Он заставил себя отвлечься от гнетущей тревоги. Да и что может быть хуже той резни, какую он наблюдал сегодня воочию? И Малкия стал размышлять о князе Мале... который уже не был Малом. И вдруг понял еще одну причину, отчего не уходит к своим. Ибо если ему и было к кому еще идти у древлян, так это к князю Малу, который некогда возвысил его, приблизил к себе, сделал советником, и к которому Малкия по-своему даже привязался, жалел и готов был ему служить. Но Мала не было среди древлян. Были лишь волхвы, поклонявшиеся Чернобогу. Был Маланич и был Шелот, который принял образ Мала. И это означало лишь одно: Мала больше нет на свете. Его убили волхвы, чтобы вершить свою волю. А значит, у древлянского племени не было главы. Малкия же не желал служить волхвам и тем темным силам, каким они поклоняются.

Он думал об этом весь остаток дня, пока помогал перетаскивать тела павших, облегчал страдания раненых. Ему пришлось врачевать как русичей, так и стонущих в полубеспамятстве древлян – ему не мешали, и он делал все, что мог, как для своих, так и для чужих.

Порой он слышал, о чем разговаривают русские воеводы. Тот же Асмунд отдавал приказ собрать, уложить своих павших в одном месте, покрыть валежником, осмолить и поджечь. Не следовало оставлять тела не погребенными, таков обычай. Кто-то

из варягов переживал, что они не могут найти тело убитого ярла Грима. Варяги переговаривались, что тело их предводителя, должно быть, лежало недалеко от Искоростеня, в той свалке тел, к которой их не подпускали древляне, обрушивая град камней, едва русичи пытались подойти туда. Оставалось надеяться, что они отыщут тело ярла, когда стемнеет. И даже ворчали, что древляне столь дики, что и собственных павших оставили лежать, и русичам не позволяют похоронить своих. Совсем забыли обычаи, гнева богов на них нет!

Когда они, усталые и мрачные, собрались вокруг погребального костра, уже смеркалось. От горевших тел в воздухе разнесся ощутимый запах паленой плоти. Из-за дождя большой костер сильно дымил и тлел, вонь от этого становилась вовсе непереносимой. Малкия не выдержал, пошел дальше в лес. Где неожиданно набрел на Свенельда.

Посадник врачевал сам себя, для чего и удалился в ложбинку в стороне. Малкия и обнаружил его лишь случайно, уловив из кустов полные муки и надежды на чародейскую воду помыслы Свенельда. Когда вышел на него, Свенельд только взглянул на волхва и продолжал молча бороться со шнуровкой поножи, в которой просто хлюпало от натекшей крови.

– Помочь? – предложил Малкия.

Свенельд только мотнул слипшимся от пота мокрым чубом. Лицо его было осунувшимся, темным от усталости, да еще и пересеченным темными кровавыми полосами, словно с медведем боролся.

– Сам справлюсь.

Малкия читал его мысли, ничем не прикрытые, сосредоточенные. Ему они были понятны – точно по бересте их кто-то углем наводил. А думал Свенельд о том, что завтра он должен быть в силе, бой выигран, но это не конец, и завтра он опять должен стоять во главе дружины. А он так устал... Он столько крови потерял, голова кругом идет. Если сейчас не вернет себе силу, то рухнет в беспамятстве.

Малкия все же помог варягу справиться с заскорузлыми от крови ремешками поножей. Видел рану – от колена и выше, до кости. И как этот упрямец мог сражаться, так истекая кровью? А другие? Малк насмотрелся сегодня на подобные раны, но ничего, люди вон говорят, что передохнут немного – и опять. Наверное, так же думают и древляне. И Малк впервые пожалел, что он не воин, что не умеет так же жадно поглощать жизнь... как и лишать этой жизни.

Он видел, как хмурился Свенельд, когда голубоватая вода полилась на тело – словно изморосью его покрыло, омыл лицо синевато светящейся жидкостью. Голова его стала бессильно клониться. Малкия вдруг подумал: вот отберу у него, ослабевшего, сейчас бутыл с живой водой – и нет Свенельда. И Малфрида уже не жена ему, а вдовицей станет... свободной. Но сам же и застыдился подобных мыслей. Отвернулся, когда Свенельд ослабевшими, стареющими на глазах руками откупоривал золотисто мерцающую жизненную влагу.

Когда повернулся – Свенельд уже стоял, сладко потягиваясь. Никаких ран, даже этих темных царапин на лице не осталось, смотрит весело, засмеялся так, словно все его веселило. А ведь только едва не стонал от усталости и боли. И вот же... Впору напугаться, если бы Малкия и раньше не видел уже подобного. Чародейская вода всегда силу удваивает, всегда дает новый раж к жизни.

Свенельд окликнул его:

– Эй, ведун! Как там, ярла Грима не нашли еще его люди?

– Вроде как нет.

– Плохо.

Свенельд с сожалением посмотрел на оставшееся в бутылках чародейское снадобье. И вдруг решительно пошел туда, откуда несло вонью погребального костра. Малкия двинулся следом.

Оказалось, что по приказу Свенельда его друга Стоюна не положили на погребальный костер вместе с другими. Сейчас тело убитого дружинника покоилось в стороне, в зарослях. Видя, как решительно направился к нему Свенельд с живой и мертвой водой, Малкиня догадался о его планах. Даже попробовал удержать.

– Ничего не выйдет, Свенельд. Твой воин был крещеным, его наше чародейство не спасет. Он другую веру принял.

Свенельд какое-то время молчал, на щеках его выступили желваки. Потом резко мотнул головой.

– Я попробую, он друг мне был.

Малкиня не стал вмешиваться, отошел. Посаднику ничего не объяснишь, а вот истраченную зазря чародейскую воду жалко. Ну да разве его дело переживать о врагах? И все же... люди ведь. Еще он подумал, что теперь Свенельд поймет, что зря раньше пожадничал, отправив дивную чародейскую воду под охраной в Киев. Скольким бы она могла сейчас помочь... А так... И Малкиня ощутил почти злорадство, когда услышал, как ругается над мертвым телом друга посадник: вот так-то, последнее потратил впустую, не встанет по твоему желанию Стоюн. Эти христиане сами себя губят, заботясь о некоей потусторонней жизни во вред нынешней. Все там будем. Кто в Ирии, кто у Чернобога, кто в христианском раю... если он существует, а не придумали его поклонники Распятого Бога.

Свенельда неудача со Стоюном огорчила не на шутку. Сидел над поверженным мертвым другом, закрыв кулаками лицо, стонал, покачиваясь из стороны в сторону. Когда из зарослей показалась княгиня и неспешно приблизилась к нему, он ее даже не заметил. На него падали отблески отдаленного костра, он сидел ссутулившись, Ольга стояла над ним, потом осторожно присела рядом, руку протянула. На миг ее рука застыла, потом все же медленно стала гладить посадника по склоненной голове. Ее голос звучал едва слышно:

– Свен мой.

Он узнал, не глядя повернулся и принял к ее плечу. Ольга продолжала ласково гладить его по длинным волосам, обняв и чуть покачивая, будто баюкала. Малкиня стоял недалеко, словно оберегая их покой, чувствовал их мысли – нежные, такие нежные, что хоть носом шмыгай от умиления. И без всякой искры страсти, покойные такие, теплые, будто согревавшие их души. Ольга что-то произнесла негромко, Малкиня не разобрал – ему мысли порой легче было угадывать, чем голоса. Но сейчас даже читать мысли показалось ему недозволительным. Вот и отвлекся, смотрел на темневшее в вышине небо, на стелившийся по земле дым от костра, чуть розоватый в отсветах догорающего огня. Мимо прошел воевода-кормилец Асмунд, рука его висела на перевязи. Малкиня сам сегодня накладывал на его рану целебные мази и повязку.

Он снова ощутил разливавшееся вокруг чародейство. Со всеми этими делами отвлекся было, а тут прямо нахлынуло, как порыв ветра. Действительно похоже на порыв, ибо оно то усиливалось, то гасло. Где-то слаженно и непрестанно ворожат волхвы, ну да чтобы древлянские волхвы да не ворожили – скорее окрестные леса вырубят, чем такое случится. Но именно сейчас Малкиня вдруг понял, что ворожба была необычно сильная, он словно ощутил ее выброс – торжествующий, злобный, поднимающий нечто... Малкиня уже ощущал это «нечто». Вернее, он уловил мысли... обрывки мыслей, но в них не было ничего человеческого. Было ощущение, что кто-то смотрит на него из темноты... на них всех. И мысль билась какая-то множественная, жадная, жестокая... Жрать, жрать, жрать! – словно выла сама темнота. И это надвигалось со стороны поля боя под Искоростенем, оттуда, где остались лежать не убранные на ночь мертвецы. Малкиня ощутил, как страх наполняет все его существо, ледяным потоком хлынул по жилам, даже волосы явственно зашевелились под варяжским шлемом, какой все еще оставался на нем. За всем происшедшим он как-то перестал его замечать.

Он не успел никого предупредить. Еще до того, как он сообразил, что наворожили древлянские волхвы, на стоявших на краю леса дозорных напали. Они не сразу и поняли, кто это, когда из темноты на них навалились какие-то тени, темные непонятные силуэты, двигавшиеся неслышно и как-то упрямо, настойчиво. Воинов просто спасла привычка отбиваться не думая. Вроде как и отбились, но вроде как и нет, ибо павшие опять

поднимались. Зато там, где от догоравшего поминального костра падал свет, люди даже не стали отбиваться, кинулись прочь с криками:

– Мертвые! Мертвяки идут на нас!

Если кто-то и отдыхал после боя, то от этого крика вскакивали, кто растерянно, кто замерев от непонятного ужаса. Ибо то, что выступало из темноты, скорее вызывало страх и недоумение, чем настраивало на схватку. Но все поняли: на них движется что-то жуткое. Рядом кто-то был. Кто-то посторонний и чужой, такой чужой, что от одного его присутствия захватывало дух. Волны холодного воздуха колебались от неслышных движений. Русичи еще никого не видели, но от этого становилось только страшнее. А тут еще и свои стали убегать, выскакивали из кустов, неслись неведь куда, орали от ужаса, вселяя панику.

Ярл Торбьерн, уже привыкший к причудам древлянского края, первым понял, что случилось. Выхватив из костра горящую головню, шагнул вперед, посветил.

– Таааак... Гости из Хель пожаловали. А ну, витязи и воины Перуна, ко мне! Нам ли опасаться тех, кого мы уже уложили?

Но рядом никого не было. Где-то позади трубили в рог, кто-то выкрикивал приказы, а сам рыжий варяг стоял один против выступающих от мрака странно двигавшихся мертвецов – скособоченных, с закинутыми бледными лицами, жадно протянутыми руками. У некоторых и рук-то не было, одни обрубки, кто-то был пронзен копьем и так и шел, у кого-то все тело потемнело от засохшей крови, у кого-то голова еле держалась. Но они упорно двигались. Тихо шли, казалось, даже шагов их не слышно среди звучащих отовсюду криков, от треска валежника под ногами убегавших. Ибо витязи, днем смело кидавшиеся в сечу, теперь бежали, сами не ведая куда, когда сама смерть пришла к ним из темноты, когда чары подняли тех, кого не уложили на костер, и теперь они встали и шли на живых. А вместе с убитыми древлянами шли свои же, русские кмети, даже ярл Грим появился, посеченный, бледный, с застывшим оскаленным лицом.

Когда рыжий Торбьерн увидел его, он грязно выругался. Опять стал звать своих:

– А ну ко мне!

Но сам отступал, так как неуклюжие живые мертвецы стали обходить его, смотрели на него своими бессмысленными глазами, тянули руки.

Торбьерн ударил мечом кого-то, лягнул подошедшего сбоку, увернулся от протянутой руки кого-то еще, и вдруг, поняв, что остался один на один с этим мертвым войском, испытал такой ужас, что резво отскочил и кинулся назад. И тут же едва не столкнулся со Свенельдом. От страха и говорить не мог в первый миг, потом все же вымолвил:

– Хорошо, что ты пришел.

У самого зуб на зуб не попадал, и от этого бывшего варяга вдруг обуяла злость. И стыд. Ибо Свенельд умудрился привести на помощь немало кметей, а вон и княгиня Ольга стоит, замерев и широко открытыми глазами взирая на это жуткое неуклюжее воинство... Вот-вот, неуклюжее, и это сразу напомнило Торбьерну, как некогда бился с поднятыми чарами чудищами на Нечистом болоте. Справились же они тогда: нападавших было превеликое множество, но сражались они очень плохо.

– Против умелых воинов им не выстоять, – то ли себе самому, то ли Свенельду напомнил он. Ужасно не хотелось, чтобы посадник заметил этот поначалу обуявший ярла страх.

Свенельд и не заметил. Он стал быстро отдавать приказы: сражаться следует ловко, уворачиваться да кромсать тесаками, чтобы не срастались опять. Нежить хоть и злобна, но нападает бестолково. И сейчас главное удержать людей от паники.

Пока он все это говорил, русичи перевели дух, тоже заметили, что мертвые не отличаются проворством, движутся так, будто каждую пядь земли нащупывают с трудом.

– Ко мне! – закричал Свенельд, когда мертвые стали обходить его и его людей, пытаюсь

взять в кольцо. И еще успел крикнуть: – Ольга, уходи отсюда!

И она кинулась прочь. Слышала сзади шум схватки, когда убегала, различила даже глухие стоны мертвых, нечеловеческие, таких голосов у живых нет. Человеческие голоса раздавались куда как более звонко, яростно, лихо, слышался хруст и стук, когда железо впибалось в уже мертвые тела. От этого звука в Ольге вдруг проснулся не страх, а злость. Вот и стала кричать куда-то в темноту:

– Ко мне, мои витязи! Неужто оставите свою княгиню на растерзание нежити?

Первым к ней подскочил – вернее, подскакал на дико храпящей лошади – молодой Претич. Спрыгнул, почти повиснув на поводьях взбрыкивавшего животного.

– Княгиня, верхом быстро, и прочь!

Сам вслушивался в крики боя. Ольга уже сидела в седле, когда он стал трубить в рожок, призывая своих. И все же спросил:

– Как с ними биться-то?

Как, как? Ольга не знала. Почти падая на холку вздыбливавшейся лошади, успела крикнуть только то, что и Свенельд ранее наказывал: рубить их надо посильнее, чтобы опять не ожили.

Это Претич и сам вскоре понял, когда из кустов на него вышло нечто с запрокинутой головой и жадно протянутыми руками. К своему ужасу, Претич узнал одного из собственных воинов: дружинника убили недалеко от стен Искоростеня, достать и положить его на костер не удалось, древляне со стен града не позволили. Теперь понятно почему: павших надо было сохранить от погребального костра, чтобы потом оживить чародейством, создав для древлян новое страшное воинство.

И все же Претич решил позвать своего павшего:

– Белав, это я, твой старшой! Очнись, друже!

Но мертвый Белав от окрика только замычал что-то глухо и утробно, даже как будто быстрее стал двигаться, быстрее загребал негнушимися ногами хвою на земле. Претич вскрикнул и резко, рубяще крутанул своей изогнутой по-хазарски саблей – отточенное лезвие словно без натуги снесло мертвому Белаву кисть руки. А тому хоть бы что, прет себе, протягивая обрубок. Тогда Претич прыгнул сбоку, и пока мертвец разворачивался покачиваясь, снес ему голову. Мертвый рухнул на колени, но не упал, опять пробовал подняться. Пришлось его еще дважды рубить сверху и наискосок. Явившиеся к Претичу на подмогу его люди не могли узнать бывшего воинского побратима. Претич же просто орал от ужаса и ража схватки: на части их, пополам, в крошку – справимся!

Самое ужасное, что было темно. Мертвые возникали из самого мрака, шли на русский дух как на приманку. Воины рубили, едва заметив шевеление, секли во мраке, опускали палицы, рычали в ярости, кидались на любой замогильный стон и рубили, рубили, как будто и не было прежней усталости. И раненые на возах, какие еще не успели отвезти, стали подниматься – разве был у них выбор? Стонали и давили копьями нежить, лежащие подрезали нелюдям ноги, наваливались, добивали сверху еще трепыхающиеся мертвые тела, пока те не затихали. Ибо самое страшное было, когда мертвые все же дорывались до живых, тут они просто разрывали тела голыми руками, в которых неожиданно оказывалась чудовищная сила, вгрызались с урчанием. И еще страшнее было то, что порванные и погрызенные начинали в свою очередь подниматься, тоже хотели убивать, но на этот раз живых. Поэтому умереть сейчас было особенно страшно. Это не было смертью, это было ужасом какого-то нового жуткого существования, подвластного ворожке и мучительного.

И все же ловкость живых превосходила многочисленность неживых. Только в этом и было спасение. Об усталости не думалось. А тут еще и Ольга, сперва усакавшая к лагерю, прислала подмогу. Новые прибыли с факелами, сражаться стало легче, вот так и дрались – в одной руке оружие, в другой гудящий огонь. Оказалось, мертвые боятся огня даже пуще железа. Когда начинали гореть, уже не рвались больше драться, оседали на землю.

Ночная битва была бестолковой. Где-то кричали командиры, кто-то орал от страха, кто-то от боли и мучительного ужаса. От испуга взрослые мужчины, закаленные походами, с трудом сдерживали желание по-детски кричать. Оставалось только сражаться – не за победу, а за жизнь, когда против тебя выходит сама смерть.

Волхв Малкия сражался вместе с другими. Никогда раньше не умевший воевать, не обучавшийся искусству схваток, он понял, что только так он сумеет уцелеть в направленном против них чародействе. В чем-то ему было даже легче, чем иным, он успевал ощутить рядом это мысленное голодное желание – жрать, жрать, жрать! Именно это вело поднятых волховством мертвых – вечный голод смерти.

Когда все только начиналось, Малкия так испугался, что тоже побежал, но споткнулся в темноте и рухнул. И тут же рядом это голодное желание, живой труп уже стоял над ним. Спас Малкиню один из новгородских ополченцев. Малкия во мраке успел разглядеть его длинную бороду и остриженные по-новгородски в кружок волосы, даже ощутил шедший от него чесночный дух. Новгородец с силой пронзил мертвого, тот вроде стал заваливаться. Ополченец решил, что все, стал помогать упавшему волхву, но, оказалось, не уразумел еще, как мертвых разить надо. Желание в проткнутом мечом покойнике словно усилилось, – жрать, жрать, жрать! – он успел подняться и просто сорвал голову новгородца с крепкой шеи, теплая кровь обдала брызгами Малкиню. Не успев встать, он прямо на четвереньках пополз прочь, не заметив, когда его рука почти машинально сжала выпавшую из руки новгородца рукоять меча. Мертвец пошел следом, еще чавкая вырванным из тела живого теплым мясом, тянулся к Малкине. И тогда ведун ощутил невероятную ярость. Сам не заметил, как вскочил, откуда и силы взялись, так полоснул голодного упыря новгородским палахом. Мертвый древлянин был в меховой накидке, она несколько смягчила удар, пришлось опять его ударить – теперь по непокрытой голове. Хрястнуло так, словно короб пустой перерубал, но твердый короб, сила удара отдалась в плечи. А Малкия опять рубил, слева и справа, пока покалеченное мертвое тело не рухнуло, пока вой голода не затих. Но и перевести дух было некогда, ибо желание сожрать уже ощущалось сзади. Даже чесночным духом пахло от успевшего только что подняться погибшего новгородца. И тут Малкия, как будто всю жизнь дрался, стиснул зубы и ловко, без поворота, ударил тесаком назад. Еще раз убил и стал полосовать. Своего-то спасителя и резал... Мерзко было. Но и злость возникла такая, что на следующий голодный призыв прыгнул сам, и развернуться мертвому не позволил. Рубил, колол, отпихнул в сторону отпавшую от плеча руку, лягнул оседавшее тело. На миг опять рухнул, едва не взвыл, ощутив под собой чье-то мертвое тело. Воистину мертвое, холодное и неподвижное. И только через миг с каким-то удивлением понял, что это Стоюн, дружинник Свенельда, которого тот не смог оживить. Но и чародейство древлянское не подняло. Оказывается, христиане и мертвыми не поддаются чужой магии.

Позже Малкия плохо помнил события той ночи. Ночная битва представляла собой то гонку мертвых за живыми, то наскоки живых на мертвых. Людей спасала их ловкость, и постепенно они стали побеждать. Малкия мельком видел Свенельда, тот постоянно кричал своим людям, подбадривал, даже в схватках не переставая кричать, что в живом человеке много сил, гораздо больше, чем в нежити. Его голос уже осип, но, казалось, для всех было важно, чтобы он звучал. А уж мертвых он приманивал, как мед диких пчел. Они отступали от намеченных жертв и начинали двигаться в сторону, откуда долетал голос посадника. А уж он разил их...

«Ништо, живой воды нахлебался, сил у него немало! – с каким-то раздражением подумал Малкия, у которого уже и руки задеревенели, его шатало. В какой-то миг они почти столкнулись со Свенельдом, в полумраке оба занесли оружие. Потом узнали один другого, и Малкия различил блеск зубов улыбающегося посадника.

– Ах ты, тихоня, ведун смазливый, – почти весело прозвучал голос варяга. – Не струсил, не свалил в свои чаши.

В следующий миг Свенельд и думать забыл о Малкине. Рядом сипло стонал нежить, он пошел на него, почти в прыжке повалил, и пока мертвец мычал и переваливался, пытаясь встать, Свенельд уже опускал меч на голову другого. Почти надвое расколол, выругался грязно, узнав в убитом кого-то из «свежих» мертвецов, еще сегодня вечером стоявших у погребального костра, но тут же отвернулся и стал доканчивать поднявшегося с земли первого нелюдя. Оглянулся – немного не по себе стало, когда

сразу несколько мертвых потянулись к нему из кустов. Кто-то сбоку чиркнул его по звеньям кольчуги, Свенельд успел лягнуть, пятился от сразу нескольких наступавших. За спиной вдруг почувствовалось движение. Свенельд, рубя чьи-то руки сбоку, понял, что не успевает повернуться. Но нападения не последовало, очередного врага сразил кто-то иной, хорошо сразил, просто подрубив тому ноги, рубанул сверху.

Свенельд с легким удивлением понял, что это Малкия. И несколько мгновений они сражались спина к спине. Когда настал миг передышки, привалились друг к другу, сипло дыша. Свенельд сказал:

- Хорошо, что Малфрида не дала мне тебя убить во время тризны по Игорю. Теперь понимаю, за что она тебя любит.

Малкине бы разобидеться, вспомнив прошлое, да подумать, отчего он недругу помогает, но он только засмеялся.

- Она и тебя любит, Свенельд. И похоже, я тоже знаю за что.

Так, смеясь, они и разошлись.

А через какой-то миг Малкия понял, что уже все. Сперва и сам не смог себе объяснить, отчего такая уверенность. Просто остановился, опустив тесак, стоял пошатываясь. Потом все же понял: мертвые прекратили свой жадный голодный зов, их тупое «жрать» он больше не улавливал. И еще после недавних воплей наступившая тишина оглушала. В первый миг показалось, что все умерли. Но это только в первое мгновение, так как в лесу по-прежнему ощущалась жизнь, чье-то движение, кто-то где-то ругался, трещал валежник под чьим-то тяжелым шагом, но это уже было не опасно. Малкия осмотрел свои дрожащие от усталости руки, мельком подумав, как хорошо, что Свенельд облачил его в доспех, какой и мертвая рука не могла прорвать.

Он даже не заволновался, когда рядом возник еще кто-то. Неспешно повернулся, смотрел, но понять, о чем думает подошедший, не мог, так устал. И это было с ним впервые. Голова была легкая и пустая, без мыслей.

Наконец он угадал в вывалившейся из кустов пошатывающейся фигуре бесшабашного черниговского воеводу Претича.

- Слышь, а чего это они враз все умерли? - спросил тот. В руках его уже был не меч, а тяжелое копьё с длинным острым наконечником. - Чего умерли, как и не вставали, спрашиваю?

- Петух уже где-то зарю прокричал, - буднично ответил ему Малкия. Ну как эти простые парни такой ерунды не могут сообразить?

Но Претич, похоже, уже был не в состоянии утруждать себя размышлениями. Согласно кивнул, приняв на веру сказанное, потом осел на колени, опершись на копьё, которое по-прежнему сжимал обеими руками, и так и заснул. И через миг захрапел.

Малкия смотрел на него какое-то время почти с умилением. Ему вдруг открылось, почему общее участие в сече делает людей побратимами. Это потом он подумает, что сражался на стороне чужаков против своих... Хотя - охраня боги от подобных своих!.. Ох, как все это сложно... Ох, как он устал. И, выронив ставший вдруг невообразимо тяжелым тесак, Малкия осел на влажную хвою, поджал колени, устраиваясь на боку. Острая еловая шишка давила ему в щеку, но он и не заметил этого, засыпая.

Но выспаться не удалось. Опять крики, шум, ощущение опасности. Вскочив и сонно озираясь, волхв увидел шагавшего среди зарослей хмурого Свенельда. За ним шли русичи, сердитые, мрачные. Свенельд всем, кого видел, приказывал отступать.

- Древляне валят из Искоростеня. Решили доконать нас: днем живые, ночью - павшие, теперь опять живые.

Да, надо было отходить: уставшие люди и не думали сражаться, ломились через лес от доносившегося сзади гула и крика наступавших отрядов древлян. Лица у всех были угрюмые.

Малкиня тоже не ощущал радости. Ликовать бы надо, что древляне изгоняют находников, а вот же, он и сам идет с этими находниками. Надеялся только, что древляне не будут их долго преследовать, не решатся отходить далеко от Искоростеня, откуда им помогают волхвы.

Русичи отступали устало. Свенельд приказывал отстреливаться из-за деревьев, задерживать напиравшую сзади рать – благо, ему сказали, что тетивы подсохли и можно разить стрелами. Немного воодушевило людей только то, что, когда вышли на дорогу к Малино, увидели движущихся навстречу верховых. Это был отряд варяга Кари, охранявший стан, где ночью укрылась Ольга со Святославом, а теперь отправившийся на подмогу своим.

Когда ярл Кари увидел отступление потрепанного войска и уловил шум преследователей, он даже презрительно скривил губы. А как узнал, что его соотечественника Грима опять уложили этой ночью, теперь уже свои, принялся зло ругаться. Сказал, что он бы не позволил так поступить с благородным ярлом. Но тут Свенельд, по-прежнему сипло, заявил, что если Кари и сокрушался, что не смог проявить полагающейся отваги, то теперь у него появился прекрасный повод добиться своей части воинской славы: пусть задержит древлян.

Кари только гордо вскинул голову в украшенном посеребренными крылышками шлеме.

– Настал мой час!

Поднял руки к небесам, словно призывал богов проследить за героем, и повел свой отряд туда, откуда доносился шум.

Свенельд только хмыкнул. Но через миг уже выглядел раздраженным, когда к нему стал приставать Претич, требуя, чтобы посадник не прятал в стороне свою жену, чтобы позволил ей показать, на что способна. А уж она!.. Претич знает, на что способна чародейка!

Шедший со всеми Малкиня даже подивился выдержке Свенельда, который никак не отреагировал на слова Претича. Малкиню и того стала донимать настойчивость в голосе черниговца. Он схватил его за бляху на предплечье, развернул к себе так сильно, что едва не оторвал ту.

– Ну ты подумай, воевода, как она что-то может, если непраздна?

До Претича, похоже, стало доходить. Шел рядом, понуро опустив голову с выбивавшейся из-под обода шлема кудрявой, мокрой от пота прядью.

А вот Свенельд вроде как воспрянул духом, думая о Малфриде. А думал он...

Когда Свенельд, пропуская остальных, дождался Малкиню, тому и гадать не надо было, что варяг спросит. Но тот все же сказал:

– Пока моя жена в тягости, она без колдовских сил. Но ведь у нее всегда было чутье на чародейскую воду. Может, стоит ее попросить?

Таскать бабу на сносках да по лесу? И все же Малкиня согласно кивнул. Живая и мертвая вода – это сейчас как раз кстати. Он бы и сам хлебнул от души.

Глава 14

Прошло около двух седмиц с момента подхода русского войска к Искоростеню, когда волхв Маланич позвал двоих своих самых проверенных соратников на беседу. Вообще сейчас немало чародеев расположилось в гриднице старого терема древлянских князей на гранитной круче: все рядками сидели, все бубнили заклинания, творили чародейство – и днем и ночью. Но довериться и посоветоваться, как быть, Маланич мог только с этими двумя. По покону бы надо было, как ранее, созвать самых мудрых и опытных кудесников, обсудить все, испросить воли богов. Но да не было времени на подобное у Маланича. Вот и сидели они только втроем в подземелье, вырубленном в старой скале, слушали, как с шипением падают смоляные капли с факела на мокрую землю... и молчали.

Маланич несколько раз вскидывал глаза на своих подручных, но все не решался заговорить. Пущ был слишком древним, по годам старше даже Маланича, а Шелот в облике Мала... Ходить днем и ночью под чужой личиной без возможности отряхнуться и отдохнуть, поспать хотя бы без колдовства... Тут и самый сильный кудесник не выдержит.

И все же сейчас первым сказать слово решился именно Шелот-Мал:

– Может, все же стоит позвать этого вдовьего сына? Он больше в ратных делах разумеется, чем мы. Он и объяснит, отчего русичи могут так отбиваться, когда мы им отдыха ни днем, ни ночью не даем?

Маланич тоже так подумывал одно время. Когда ранили старого воеводу Мусыню, именно Мокей возглавлял отряды во время схваток, умело вел их как в наступление, так и назад, когда приходил час поднимать мертвых. И он лучше иных знал, каково положение дел, докладывал на вечерних сборах. А положение было таково: русичи окопались в лесу, взять их древлянам не удавалось, только своих положили без числа. К ночи бы мертвых напустить на русичей, но те уже поняли, что к чему, старались до наступления ночи укладывать павших на погребальные огненные ложа, так что порой и поднимать почти некого было. А тут еще, как понял Мокей, к отрядам Ольги из Киева прибыло новое подкрепление. И обновленные силы находников не только не уходили от Искоростеня, но даже вновь приблизились. Только чары волхвов, только страх ночных схваток еще удерживают их в стороне. Но волхвы в Искоростене уже еле держатся, только чародейская вода подкрепляет их силы, когда они непрестанно опутывают окрестности путами чар, чтобы мертвые оживали, едва настает тьма. Все устали: и нападавшие, и защитники. А тут еще посланные к волынцам гонцы вернулись, сообщив, что ранее обещавшие поддержку соседи не придут. Вроде как чародейство древлянское их отпугивает, но посланцы Маланича выяснили, что хитрый Свенельд еще ранее перекупил волынских правителей, щедро заплатив им и обещав множество торговых привилегий на Руси, если не станут вмешиваться.

– Так что? – повторил Шелот усталым голосом, по привычке как будто хотел огладить свою бороду, но его унизанная перстнями рука так и застыла в воздухе. Теревить щегольскую аккуратную бородку Мала ему показалось не солидно. Да и непривычно.

– Не надо его звать, – покачал головой Маланич. – Чем меньше вдовый сын будет знать о нашем чародействе... Для них-то ты сейчас Мал, их вождь и опора. И если этот догадливый выскочка что-то заподозрит...

– Он и так подозревает, – откинулся на холодную каменную стену Шелот-Мал. Смотрел на языки пламени факела, лицо его казалось сейчас особенно нечетким – то ли свет так ложился, то ли, устав постоянно поддерживать чужой облик, Шелот сейчас просто расслабился, черты лица его как будто колебались – то щека вдруг изменится, словно вдавившись и изменив пухлый очерк лица Мала, то рыжеватый кудрявый чубчик мнимого Мала вдруг разойдется на пробор, посветлеет от седины самого Шелота.

– Передохни, – посоветовал ему Маланич. – Тут нет никого, вход сюда под заклятием, никто не прознает, что ты не князь.

Но Шелот только отрицательно помотал головой. Отказался, сославшись, что если обернется собой, сотворить новое заклятие обращения ему уже будет не под силу.

– Дай нам еще чародейской воды, – попросил, подавшись вперед, Пуш. – Свою мы уже выпили, но я знаю, что у тебя припасена.

Да, у Маланича были свои тайники живой и мертвой воды, на ней только и держался. Он не давал войскам Ольги передыху, но и сам не знал, когда спал в последний раз. Чародейство ведь так просто не дается, оно вытягивает человеческие силы, ибо любой кудесник одновременно еще и человек.

Когда волхвы приняли принесенное Маланичем поддерживающее зелье, когда Пуш и Шелот почти блаженно потянулись, ощущая новые силы, Маланич решился поведать им то, что сам уже определил:

– Русичам помогает Малфрида. Да-да, она, ведьма проклятая. Видел я ее в темной воде. Она теперь брюхата, как корова, но все же чувствует, где вода живая и мертвая есть. Вот она и находит ее для них, лечит, силу дает.

– Как она может! – взъярился Пуш, даже потряс кулаками, загрохотав амулетами-подвесками на запястьях. – Она ведь из нашей земли, она...

– Она ведьма! – отрезал Маланич. – И вспомни, Пуш, не ты ли отдавал ее под всякого, кто ни пожелает? Разве после такого у нее не могло появиться желание отомстить? Зря вы тогда ее так, лучше бы сразу колом...

– Не морочь нам голову! – неожиданно резко отозвался Пуш. – Все с твоего слова делали, все как ты повелел... Пока змеюкой не обратился да не уполз.

Маланич не стал отвечать. Сейчас в них сила взыграла, сейчас они скорее непокорство и обиду проявят, а он не для того усилил их, чтобы теперь ругаться. И он напомнил им предсказание: древлянское племя погубит женщина. Ранее он, Маланич, думал, что это будет ведьма Малфрида, потому так и противился воле прежнего верховного волхва Никлота учить заклęciaм ведьму, потому и сам несколько раз пытался убить ее. Не вышло. Ну да все равно, он уже знает, что погубительницей древлян будет не Малфрида, а княгиня Ольга. Знать бы ранее... Уж они бы избавились от нее. От нее, а не от мужа ее Игоря. Теперь же... Он сделал паузу, набрал в грудь побольше воздуха и решился:

– Теперь у нас осталась единственная возможность победить Ольгу. Надо напугать ее войска сильнее, чем мертвой ратью, сделать так, чтобы русичи ушли отсюда... бежали.

Он посмотрел на своих волхвов, увидел в их глазах догадку и испуг, но продолжил:

– Трехглава будем поднимать. Того, кто спит под землей, под горячим камнем.

– Нет!

Они сказали это в один голос. Тут же, перебивая друг друга, стали говорить, что змей-трехглав уложен в вечный сон очень древним и страшным заклęciaм, что если разбудить его и даже направить на врага... все одно темное страшилище будет уничтожать все, что увидит. Темную силу легче оживить, чем потом усмирить. А от них и так целые роды отказались, готовы и власть Киева признать, но только бы опять не вымирать среди нелюдей.

– Да и не можем мы вот так втроем решать, что делать, – настаивал Пуш, даже борода его дрожала от сдерживаемого гнева. – Подобное только сходка всех волхвов решает. Слышишь, Маланич, – всех!

– Ты еще напомни, что надо было на совете волхвов решать, отдавать или не отдавать Мала в жертву! – зло осклабился Маланич. – Но мы уже это сделали. И теперь... В нас сейчас силы чародейской воды, Чернобог нам поможет в заклęciaх, Морена не станет удерживать заклęcia из подземного царства. И если Трехглав вылетит на свободу... русичи побегут. А там... Там мы с милостью Морены и Чернобога сумеем утихомирить их безумное порождение, змея трехголового.

Все же Маланичу пришлось долго убеждать соратников. И в том, что не могут они созывать иных волхвов, ибо те сейчас ворожат, поднимая мертвых, и ворожбу ту нельзя останавливать. И в том, что им надо поторопиться, пока Шелот еще может носить облик

древлянского князя, а древляне ничего не заподозрили и верят им. А что, если он однажды не совладеет и обернется сам собой? Древляне им гибели князя не простят. И что тогда делать? Скрываться и бежать, бросив свой народ, и молить о защите от своих ту же Ольгу с ее Свенельдом? Они уже пытались с ними замириться. Об этом лучше всего помнит курган Игоря, щедро политый жертвенной кровью лучших древлянских мужей. Выкупила Ольга своего Игоря у Морены, призвала сюда Перуна с его молниями. И теперь даже всех сил древлянских кудесников не хватает, чтобы удерживать колдовство. А русичи с каждой своей победой набирают силу. Их надо уничтожить, изгнать, напугать так, чтобы и само имя древлян замирало у них на устах, вселяя неимоверный ужас.

И уговорил-таки. Сели в круг три кудесника, взяли за руки, сплели совместно амулеты темного чародейства, стали повторять за Маланичем древние заклятия... Такие древние, что и слов в них не было, даже звуков прежнего мира как будто не раздавалось, а словно грохот разносился, странно и жутко вырывавшийся из трех человеческих глоток, будто вода шипела, превращаясь в пар, стонало что-то нелюдское, обрушивались целые миры, острова уходили в бурлящие потоки воды, обвалы грохотали...

Бубнившие наверху заклинания волхвы вдруг замерли, ощутив, как будто ветер прошелся мимо них, разметав волосы, рванув амулеты. Кто-то из них попробовал привстать, но так и замер, привороженный к месту неким огромным заклинанием. Сидели, чувствуя это... ужасались...

Далеко в чащах, где из земли возвышался огромный монолит, произошло колебание. Земля содрогнулась от немыслимого толчка, качнулся гигантский каменный зуб, торчавший к темному небу, от него пошли по земле трещины.

И замерло все на миг, только окрестные леса согнулись, будто над ними пронесся невидимый ураган. И снова застыли. Но лишь на миг. Ибо гранитная глыба продолжала медленно и ощутимо раскачиваться, словно ей вдруг тесно стало в земле, словно снизу ее поднимало нечто исполинское.

По лицам трех волхвов стекал пот, их связанные шнурками со свисающими оберегами руки, казалось, жгут друг друга, из глоток выходил скрип и стон, как будто некая сила пыталась встать, но оседала под непомерной тяжестью.

В лесу гранитный монолит продолжал медленно подниматься, взрывая почву. Он рос к темному, окутанному тучами небу, вытягивался, увлекая за собой длинную каменистую грядку, какая все больше вспучивалась, отваливая теперь целые пласты земли, слежавшиеся за многие века, выворачивая с корнями мощные деревья, выгибая каменистую кряжистую спину горного хребта.

Далеко от этого места волхв Малкия, лежавший в низкой полуземлянке, проснулся от того, что кто-то сильно и крепко его потряс. Вскинулся и увидел при свете лучины испуганное лицо Малфриды.

– Что, милая? Никак начинается у тебя?

Она не отвечала, лицо было бледное и влажное от пота.

– Чую... Где-то зло превеликое выпущено...

Она дышала нервно и быстро, озиравшись, словно рассчитывала даже тут, в этой полуземлянке, увидеть нечто, напугавшее ее.

Но все вроде было тихо. Горит, роняя угольки в подставленную лохань, лучина, на полатах спят хозяева, прямо на полу улеглись те из дружинников, кому завтра с утра выступать в бой. Те, кто в дозоре, сейчас ведут свои схватки с нелюдьми. Сегодня

в ночную сечу их повел не кто иной, как Асмунд. А он христианин, при нем и ожившие мертвецы не так донимают – это все заметили. Даже Малкия со всей его нелюбовью к вере в Иисуса Христа вынужден был признать, что порой от христиан есть польза. Мертвецы падают, едва выйдя на таких. А среди прибывшего подкрепления оказалось немало поклонников распятого Бога, и они, еще непуганные, смело выходили против оживших мертвецов. Правда, поутру все больше рассказывали, что движение в ночи хоть и замечают, однако мертвяки все больше остаются мертвяками. Жуть ощутима, а вот схватиться редко когда выходит. Да и то только у тех, кто креста не носит.

Так что, когда в ночь заступал Асмунд, можно было и отдохнуть. Об этом Малкия и стал говорить Малфриде, успокаивал, но вдруг сам неожиданно осекся. Показалось ему или нет, но словно земля немного подрагивать начала, вон, с лучины сразу два уголька рухнули с шипением в подставленную воду, потом и сама лучина ни с того ни с сего вдруг сорвалась с поставца, зашипела в воде и погасла. Темно стало.

Малфрида поспешила наружу, споткнулась у порога о чье-то устало распростертое тело. Слышно было, как заругался сонно Претич – он, как и Малкия, всегда держался поближе к Малфриде, объясняя всем, как важна ее безопасность. Но она уже выскочила наружу, Малкия поспешил следом, окончательно разбудив Претича. Но на волхва Претич даже заругался:

– И чего вам неймется? Завтра нам опять в бой, а вы и отдохнуть не даете.

Снаружи в лицо ударило ветром. Порыв пронесся, словно жаром из печки обдало. И опять тишина. Ну мало ли, ну порыв ветра. И все же не в месяце желтне, когда уже по традиции люди избы мхом перед холодами утеплили, скотину уже пастись не пускают, дождь холодный сеет... Ну да у древлян в этом году он и так все время сеял. Сейчас его нет, зато веет жаром... вернее, повеяло и прошло. Откуда такая вдруг теплынь, что и в одной рубахе на дворе не холодно? И это уже на подходе дня угощения прашуров, Дедова праздника?

Малкия не находил пояснения. Не могла понять подобное и Малфрида. Она озиралась по сторонам, пока не увидела Свенельда и княгиню. Малкия встал так, словно пытаясь загородить их от нее. Сам он уже не раз замечал, как эти двое, несмотря на весь ужас этой долгой жуткой войны, находят время, чтобы побыть вдвоем. Вот и сегодня Свенельд и Ольга улучили момент встретиться. Стояли недалеко от колодца, разговаривали, свет отдаленных костров едва попадал на них. Свенельд держал руку княгини в своих, а она сама чуть приблизилась, подняла к нему лицо. Но так и отпрянула, когда Малфрида громко окликнула мужа.

Она как будто и не заметила, что ее супруг с Ольгой любезничал, подскочила, к груди его прижалась.

– Мне страшно, Свен. Зло поднимается, страшное, лютное.

И вдруг почти зарычала, ударив себя с силой по вздутому животу:

– И откуда же ты на мою голову! Уж я бы сейчас смогла!..

Тут даже Ольга ее стала удерживать, отвела, что-то приговаривая, успокаивая. Малкия разобрал ее слова: мол, нельзя так свое дитя ненавидеть. Но ведь Ольга была женщиной, пусть и княгиней, но прежде всего женщиной, ей было невозможно понять, как отягощал ведьму зревший в ней плод. Малкия же слышал подавляемые гневные мысли Малфриды: ей было и страшно, и злость брала, и почти раж некий ощущался. Ох, как бы она показала сейчас, вернись к ней силы!.. Она ощущала достойного соперника... Она бы смогла!..

Но вдруг его дар исчез. Малкия понял, что рядом находится кто-то из христиан.

К ним приближался Асмунд. Сказал, что сегодня ночью что-то вообще тихо стало. Ни ветка не хрустнет под ногой, ни стон не прозвучит. Люди уже измаялись, лучше бы и впрямь на ком-то сорвать злость.

Новый порыв ветра был столь силен, что почти толкнул старого Асмунда в спину, заполоскал полы его накидки.

– Да что же это делается! – резко оглянулся Асмунд. И сотворил крестное знамение.

Раньше Малкиню едва не корежило, когда видел этот охранительный знак христиан. Сейчас же сам кинулся к Асмунду.

– Ты знаешь ваши молитвы, воевода? Тогда молись!

Сам себе не верил, что такое может сказать. Ныне же готов был почти умолять поклонника Распятого сотворить его чародейство.

Далеко, в нехоженном лесу, рухнул острый камень-монолит. Сноп искр взлетел откуда-то из недр земли. На миг наступила тишина. И вздох прозвучал – тяжелый, долгий, тройственный. Потом земля вокруг павшего камня стала опять вспучиваться, рухнул и откололся еще кусок тяжелого кряжа. Подземные отсветы, только что багряно осветившие темную ночь, на миг как будто кто-то заслонил. Потом звук послышался, словно под землей, там, где рокотало и булькало что-то, раздался еще и стрекот, будто тысячи мелких пластинок терлись о твердый камень, щелкали, ударялись. Новый ком земли взлетел вверх, и вот там, где недавно стоял острый монолит, показалось нечто.

Чудовищная морда, плоская, увенчанная острыми, как рога, ушами, медленно выползла из провала, стала подниматься, повернулась, открыв два горевших красноватым огнем глаза с длинными, узкими до неправдоподобия зрачками. Она озиралась, чуть покачиваясь на своей мощной темно-алой чешуйчатой шее, выползала... С хлюпающим глухим звуком отлетел еще один огромный ком земли, открылось отверстие для второй страшной морды, так же бессмысленно и зло озирающейся. Третья морда протиснулась в аккурат за второй, слепо трясла головой, но уже открыла широченную пасть, унизанную множеством острых изогнутых клыков. Издавала шипение – она одна могла издавать звуки, когда первые две пока просто смотрели. Шипение третьей головы их как будто подзадорило, они потянулись выше, и вот над проемом уже с глухим звуком показалась огромная лапа – синевато-черные когти вонзились в землю, разрыхляя, заскребли по камням, высекая снопы искр. Рывок – и стало появляться все огромное пузатое туловище, щетинившееся красновато мерцавшей острой чешуей. Потом появились огромные, остро изогнутые крылья, перепончатые, отсвечивающие алым прозрачным светом. Раскрылись во всю свою гигантскую ширь, хлопнули, расправляясь... Вокруг, сбитые их силой, повалились сосны, смелись с корнями молоденькие елочки.

Трехголовый змей пытался размять застывшее в многовековой спячке-смерти тело, пытался вознести самое себя. Его головы раскачивались почти грациозно, вытягивались, потом одна из голов поднялась выше иных, резко накренилась, распластавшись над землей, широко раскрылась пасть, и из длинной глотки вырвался сноп гудящего огня. Несколько стоявших поодаль деревьев мгновенно вспыхнули, затрещали, осветив продолжавшее выбираться из земли чудовище, отблески пламени отразились на длинном чешуйчатом хвосте, как гигантская змея, покидавшая свое каменистое подземное жилище. Три головы одновременно запрокинулись назад, рывком рванули вверх, перепончатые алые крылья сложились и распрямились, развеивая горячий ветер, взмахнули еще раз... и чудовище взлетело. Последний рывок, и остроконечный алый хвост, словно мерцавший изнутри отблесками пламени, выровнялся, направляя полет чудовища. Оно летело туда, куда ему приказывали.

Три волхва, изнемогая, упершись лбами друг в друга, почти плача, продолжали творить свое черное волшебство.

Змей в полете издал новое шипение, опять полыхнуло огнем. Загорелся лес. Отсветы его освещали эту проносящуюся над верхушками громаду – трехголовую, с мерцающими, как уголья, бессмысленно жестокими глазами, его раздутое брюхо и перебиравшие в воздухе когтистые лапы. Казалось, будто змей так только набирает разгон, вытянутым острым хвостом помогая себе держать направление. Мощное тело опять опустилось почти к верхушкам деревьев, оно летело неуклюже и тяжело, сбивая листву с дубов,

шурша по иголкам сосен, но вот новый взмах огромных крыльев, и оно опять поднялось, парило – жуткое, бессмысленное, кровавое, разверзшее в разные стороны плоские рогатые головы на мощных длинных шеях. Средняя голова что-то заметила – селение над лесным озером. Другая зашипела, крылья чуть сложились, снижая полет, третья издала краткий рык, мощное туловище на миг сжалось, словно змей втягивал в себя воздух...

Снизу раздались крики, замелькали фигуры людей... которые тут же вспыхнули, разлетелись пеплом от струи гудящего огня. Селение было спалено в несколько мгновений. Потом еще одно. Путь огненного трехголового чудища сопровождался молниеносной безжалостной смертью.

Колдуны уже выбивались из сил, но знали, что их старания не напрасны. Они видели каждый своим внутренним взором, что сотворили, видели, как змей сжигает их же селения, их же людей, видели, как во многих местах по пути выпущенного ими зла возгорается лес. И первым не выдержал Шелот. Он отклонился, сказал человеческим голосом:

– Надо дождь... Все сгорит!

– Тсс! – прошипел Маланич. И его ужаснула поистине чудовищная мысль: из-за слабости Шелота они разорвали общее заклятие, змей вышел из повиновения!

Но Маланич уже ничего не мог, оба его кудесника дружно стали говорить не то, что он велел, они говорили простое и понятное для каждого ведуна заклятие призыва дождя. И он вынужден был вторить им. Ибо уже понял, что когда змей подлетит и учует во граде живое, он сожжет их вместе с Искоростенем! Но и вместе с русичами. Не останется никого!

Малфрида почувствовала, как ее кто-то дергает за подол. Поняла: опять это – оберег, засушенная мертвая рука Кощея. Этот оберег двигался и досаждал ей, лишь когда упреждал об опасности. И все же оберег по-своему был разумным, особо не привлекал к себе внимание людей. Сейчас же рука просто волокла ее прочь, не заботясь, заметят ли. Не заметили. Ибо все были отвлечены и взволнованы иным, все слышали этот отдаленный гул, стали примечать и дальние сполохи.

– Пожар в лесу, что ли? – спросил кто-то рядом.

– И дождь пошел.

Рука тащила и вдруг ослабела, упала. Когда Малфрида тайком подняла ее, накрыв собственными распушенными волосами, она уже не двигалась. Странно. Но Малфрида тут же поняла почему: рядом молились. Асмунд стоял на коленях и читал положенные слова, тут же опустились еще несколько воинов. Они сложили руки и творили христианскую молитву, которая, оказывается, была столь могучей, что и оберег Кощея потерял свою прыть, будто сдох. Малфриде даже стало жалко эту мерзость, держала ее, слегка баюкая.

– Смотрите! – указывал рядом кто-то из кметей. – Там в небе! О боги!

Малфрида помнила, что надо уходить, бежать отсюда, но была словно зачарована, как и все, не отрываясь глядела на огромный, слабо светившийся алым силуэт в небе. Складываются и раскрываются огромные крылья, несущие неуклюжее мощное тело...

– Трехголовый змей! – завопил кто-то.

Эти слова повторило множество голосов. Теперь они все видели его. Особенно когда чудище полыхнуло огнем, когда всполох его стал так ярок, что, казалось, осветил всю округу. И тут же дождь полил как из ведра.

Кто-то убегал, кто-то прятался, кто-то падал на землю и стонал.

Свенельд же выхватил меч и замер. Малфрида даже расслышала, как он почти спокойно сказал:

– К Искоростеню летит. Или на нас. Кто бы его ни наслал – всем сейчас станет жарко.

Он крутанул в руке мечом, словно намереваясь сразаться. Но клинок был ровно былинка против надвигавшейся на них угрозы.

– Его остановит дождь! – закричала Малфрида. – Молите о дожде!

Она сама упала на колени подле Асмунда, схватила его за рукав, трянула.

– Что надо говорить? Как вы вызываете дождь?

Ведьма Малфрида готова была молиться Распятому!..

Асмунд только вырвал у нее руку, молился, не прекращая ни на миг. Она даже различила его слова:

– ...Да пребудет воля Твоя, как на небе, так и на земле...

Малкия тоже упал на колени. Он не знал молитв, он просто повторял заклинание дождя. Ведь все, что у них осталось, – это надежда, что сильный ливень может погасить огни Трехглава.

Огонь полыхнул еще раз, в той стороне, где лежал Искоростень. Теперь Змей был совсем близко от них – мокрый, грозный, аспидно мерцавший огнем, он продолжал лететь...

– Бежим! – кричали люди, они не хотели сразаться с чудовищем, у них не было на это сил.

Свенельд отскочил, увидел Ольгу. Она тоже стояла на коленях, тоже молилась. Он захотел ее схватить, утащить, но она вырвалась, оставшись стоять коленопреклоненно. И он упал рядом, он хотел остаться с ней. Хотя и осознавал, что это конец.

Но что-то все же изменилось. Что – Свенельд не сразу и понял. Он вообще ничего не мог сразу сообразить, такое пронзительное шипение, такой режущий слух, исполненный ярости звук впивался в голову. Впору упасть, но он устоял. Рядом Ольга упала на четвереньки, и варяг услышал ее срывающийся на рыдание голос:

– Защити, о могущественный! Обещаю великую жертву Тебе... обещаю почитать и поклоняться Тебе, обещаю поверить в Тебя!..

Свенельд уже не различал ее слов. Сквозь льющие в лицо струи дождя он видел лишь то, что змей не приближается больше к ним, он мечется, словно налетев на невидимое заграждение, какое не в силах преодолеть даже его огромные крылья. И еще Свенельд увидел, как одна из голов задралась кверху, как изогнулась длинная шея, и змей выбросил вверх фонтан багряно-черного яростного огня.

– Опаньки, – только и произнес Свенельд, догадавшись, что потерявшее направление чудовище так может опалить самого себя.

И опалило же!

Вон мечется теперь в осыпающихся огненными снежинками искрах собственного огня, вон одна из голов затряслась, лапой пытаясь стряхнуть пламя с загоревшегося уха. Но новый порыв ветра от взмахнувших крыльев только разжег его.

Свенельд вдруг захохотал. Надо же, он ведь всегда знал, что эти чудовища уступают людям в смекалке, всегда ценил людей именно за их ум. А эти!.. Тьфу на них! Даже Трехглав за века бесконечной древности потерял остатки разума. Да и был ли он у него? Разве ушел бы он из мира, если бы умел думать, умел выживать?

А сейчас Трехглав улетал. Удалялся туда, откуда прибыл, ибо там он не был жив, не чувствовал боли ожогов. Теперь же он летел, стремительно работая крыльями, торопился, тряс обожженной головой, сыпал огненными искрами, но больше

не задерживался, чтобы палить огнем. Куда там, когда у самого уши пылали. И он тупо спешил укрыться. Ибо его гнали боль и чужая уничтожающая его вера. И приближение зари.

В лесу глухо ударило. Шипел, угасая под проливным дождем, черный лес. Медленно встал на свое место острый горючий камень. Новые кряжи исполосовали лес. Когда-нибудь их вновь покроет земля, прорастут новые деревья...

Глава 15

В ту ночь Мокей вдовый сын очень устал. И испугался... А ведь он был воеводой древлянского воинства, он поднялся так же высоко, как почтенные волхвы, мог даже со служителями разговаривать на равных. Видела бы его теперь матушка... Или Простя-изменница, променявшая его на какого-то варяга пришлого. Однако ни о матери, ни о жене он не вспомнил в тот миг, когда ночью над лесом взвилось это чудище трехголовое, когда волна жара пронеслась над городом, подпалив высокие островерхие кровли на городнях. Тогда Мокей, как и иные, бежал сам не понимая куда, лез в какие-то подполы, стучал зубами. А потом вдруг опомнился. Он ведь был среди своих людей, среди воинов, баб и детей, которых он вызвался охранять, за которых боролся. И вот тогда Мокей взял себя в руки и выбрался наружу.

Хвала всем силам подземным и небесным, но страшного змея уже не было. Куда подевался? Да пропал, и леший с ним! А вот башни над городом пылали. Загорелись самые высокие кровли в старом княжеском тереме над рекой. Там, где ранее располагалась гридница с колдующими в ней чародеями, где высились теремные переходы князя Мала, теперь все сильнее и гуще разгоралось пламя. Даже ливень с ним не справлялся. Если не погасить огонь, не растащить по бревнам ближайшие постройки, не сбить пламя с начинавших дымить соседних кровель – того и гляди, пламя погонит их всех прочь из города – как раз на мечи русичей. Этого Мокей допустить не мог.

Поэтому он весь остаток ночи и сырого дождливого утра метался как угорелый, где отдавал приказы рушить избы на подходе к терему, где велел заливать горящие головни на дымящихся кровлях, где открывать хлева и амбары, чтобы спасти скотину и запасы. Ибо никто не был уверен, что русичи ушли при виде трехголового змея. Хотелось бы в это верить... но лучше все же подкрепить эту надежду уверенностью, что у них еще есть средства обороняться и выдержать осаду.

Хвала богам, кроме теремных строений, град особо не пострадал: пронесшееся над городом пламя задело только самые высокие кровли, а поливший затем дождь позволил вовремя справиться с огнем. И все же, когда на сером рассвете Мокей прошелся туда, где ранее была гридница... И косточек от служителей не осталось. Как же теперь они будут без своих чародеев? Ну да Мокея это не сильно огорчило: нет чародеев, сами справимся. После всех этих схваток он уже понял, что и они сами на что-то горазды. А вот что князя Мала нигде нет – взволновало. Княжеская хоромина хоть и тоже пострадала от пожара, но не настолько, чтобы князь в ней погиб, вон, люди успели из нее выскочить, все эти тиуны, девки теремные, челядь, охранники. Но ни у кого из них Мокей не мог выведать, куда делся сам Мал Древлянский.

Для Мокея это было похуже, чем гибель доброго десятка чародеев. Волхвы-то знатно помогли древлянам своими чарами, однако люди бились все же за своего князя, именно Мал олицетворял для них свободу, он был символом того, что им еще суждено отстоять свое право называться племенем, у которого есть свой законный правитель. И вот князя нигде не могут разыскать. Причем один из охранников сказал Мокею, что видел, как Мал ночью выходил из своей опочивальни вместе с Маланичем и Пущем и они вместе отправились к большому терему с гридницей.

Это было особенно худо: от гридницы... Даже огромные балки-матицы, поддерживавшие ее высокую кровлю, теперь сгорели до основания. А уж люди...

И все же, когда стали рыскать на пепелище в надежде найти что-либо пригодное для дальнейшей жизни, вдруг уловили какой-то крик и плач. Растащив бревна, обнаружили заваленный рухнувшими стропилами лаз. Мокей сам о нем вспомнил: некогда он спускался с Маланичем в подполье, знал, что там есть вырубленная в древнем граните полость, где чародеи творят свои заклинания. Мокей приказал людям поднять тяжелую крышку лаза, и оттуда выбрался перепуганный охранник из свиты волхвов. Мокей ранее тоже в таких состоял, тоже носил положенный по чину добротный доспех и умел держаться с достоинством и отстраненно от остальных: дескать, мы к чародеям приближены, у нас удел свой, высокий, непостижимый, мы подле тех, кто с богами общается, состоим. Этого парня он знал: особо верный, замкнутый, важный был. А сейчас отчего-то трясся и рыдал. Но все же его отпоили студеной водой и признали, что ночью он стоял на страже в подземелье, куда спустился Мал и волхвы.

Мокей сперва обрадовался. Подумал было, что мудрый Маланич, предугадав, что грядет страшное зло, смог уберечь князя. Но Мала как раз в подполье не оказалось. Там лежали в беспамятстве трое волхвов, – сам Маланич, Пуш и Шелот. Плохо они выглядели: лица бледные, осунувшиеся, в потоках засохшей крови, которая струйками вытекала у них из ноздрей и ушей, даже из уголков глаз. Да и глаза были в темных отметинах синяков, какие возникают, если сильно огрели по шлему. Шлем выдерживает, но от удара синяки сами собой выступают. А еще Мокей отметил, что и в обмороке волхвы лежали, не разжимая рук. Некогда вдовый сын сам состоял в учениках кудесников, знал, что такое бывает, когда чародеи сообща творят великие заклинания. И его осенила догадка... Неприятная, страшная. Змей-то ведь просто так явиться в мир не мог.

Было еще нечто, что озадачило Мокея: волхв Шелот отчего-то оказался не в привычном одеянии ведунов, а в нарядной желтой рубахе князя Мала, в его щегольских узорчатых сапожках с острыми носами. С чего бы это Шелоту так вырядиться? Вот об этом перво-наперво и спросил Мокей, когда троих волхвов вынесли на двор, отлили водой, стали приводить в чувство.

Шелот очнулся первым, но на вопрос Мокея будто и ответить не мог ничего, разводил руками, что-то бубнил непонятное.

– А князь наш где? – обступили Шелота древляне. – Нам сказывали, с вами он был. Куда вы его дели? Где князь?

Вопросы так и сыпались со всех сторон, Шелот смотрел вокруг мутным взором, отмахиваться начал, заплакал вдруг. Плачущего волхва тут не видели, это подивило, но не настолько, чтобы его оставили в покое, наоборот, все как будто рассердились, стали напирать на него, трясли, требовали ответа.

– Оставьте Шелота.

Это произнес Маланич.

Он по-прежнему лежал, где положили, глаза закрытые, вода, какой его приводили в чувство, смыла с лица следы крови, но он оставался по-прежнему бледен, казался немощным, однако в этом твердом голосе все еще были прежние властность и сила. Все так же, не открывая глаз, Маланич стал приподниматься, встать не смог, просто сидел под бревенчатой стеной, опустив голову с мокрыми седыми волосами. Сейчас он казался бы слабым старцем, если бы не его уверенный твердый тон:

– Мы – волхвы, служители богов – не ответчики перед людьми.

– В мирное время – не ответчики. Но сейчас не то, – сказал кто-то из толпы.

К Маланичу склонился Мокей.

– Вас последних видели с князем Малом. Тебя, Маланич, Пуша и...

Тут он заколебался. Замер на миг, переводя взгляды с одного на другого волхва. Маланич понял: сообразительный сукин сын, догадывается. И даже вздрогнул, когда некогда возвышенный им вдовый сын выпалил:

– Пошто Шелот в рубахе князя разгуливал?

Маланич повернул в его сторону занавешенное волосами лицо, слабой рукой откинул пряди. Жуткий взгляд – черные глаза в кругах темных синяков казались неестественно большими, белки были красными, кровавыми. Мокей даже сперва опешил, попятился. Но с ним были его люди, чего ему опасаться полуживого волхва. И он опять спросил: куда делся князь?

– Если отпустите нас, вернем вам князя, – отозвался Маланич.

Мокей скривил в насмешке рот.

– Нашего князя?

Маланич смотрел на него таким взглядом, что ранее любой древлянин пал бы ниц. Но за это время, за время войны, когда древляне поняли, что могут отражать врага и сами, даже силы самого Маланича не казались столь ужасными. К тому же Мокей как никто иной понимал, что волхв лжет. И это придавало ему уверенности.

– Ваше чародейство больше зла приносит нам, чем помогает. Мы готовы бороться, но только не так, когда наши павшие не имеют покоя и после смерти, не тогда, когда оживают древние страхи, несущие гибель нам же самим. Поэтому нет вам больше веры. И если вы погубили нашего князя...

– А почему ты считаешь, что Мал погиб по нашей вине? – отозвался Маланич. – Он был не только вашим князем, но и нашим.

– Так он погиб?

Это воскликнул не Мокей, – тот и так уже все понял, – это воскликнули в толпе, кто-то тут же зарыдал, люди загомонили, переглядывались, выглядели испуганными, растерянными, словно теперь им и не за кого было сражаться. Надо же, а ведь Шелот в обличье Мала почти не появлялся среди них. Так, выйдет порой, постоит на заборолы, но будто одно это его появление уже воодушевляло древлян. «Овцы поганые, – обозлился про себя Маланич. – Потеряли пастуха, и все – стадо стадом».

Но это было злое стадо, вернее, стая озлобленных войной существ, которые только сейчас поняли, что проиграли. До этого даже радовались, что отогнали русичей от града, что укрыты в своей столице, имеют войска, имеют командиров, отбиваются. Сейчас же им вдруг понадобилось на ком-то сорвать злость. На тех же волхвах, которые со времен казни Игоря Киевского обещали, что спасут их от Руси, а теперь вон... Даже змея огненного наслали. Ибо в том, что змей прибыл именно по их наущению, сейчас никто не сомневался. Да этот змей нанес древлянам не меньше урона, чем все схватки с Русью.

И первыми стали пинать именно их. Вон громче прежнего заголосил Шелот, с которого грубо срывали желтую рубаху Мала, самого трясали, волосы рвали, даже очнувшегося наконец Пущу досталось, его почти оглушили ударом. Казалось, еще миг, и до Маланича доберутся. Но он вдруг выпрямился, сам шагнул на них, вскинул резко руки, будто насылает волшебство или проклятье, замахнулся так резко, что его длинные широкие рукава опали, обнажив сильные жилистые руки верховного служителя.

– Будет у вас князь!

Это охладило толпу, стихали понемногу, но по-прежнему не сводили взоров с растрепанного, вздыбившегося, как сивый конь, кудесника.

– Вам нужен князь? Вы его получите. Но не Мала, ибо душа его уже в Ирии. – И он кивнул в сторону сгоревших руин старого терема с его гридницей и широким княжеским подворьем. – Теперь я дам вам нового князя. И только вам решать, как с ним поступить.

При этом Маланич отметил, что из толпы вперед подался Мокей. Ох ты... Что этот плут, рожденный от прибрешного к древлянам чужака и какой-то бабы-древлянки, любит власть, Маланич давно знал, но чтобы так явно выставлять себя на первое звание... Небось понял, соколик, что его время пришло, по глазам видно, что понял. В них жадность, восторг и... обещание помочь, если на него Маланич укажет. Но волхв понимал и другое: таким, как этот шустрый, доверять он не мог.

– У русичей князь еще дитя, Святославом нареченный. Ольга для него старается, власть этого глаздыря хочет поддержать на Руси. И Святослав хорошего рода. Что вы скажете, если я вам его сегодня доставлю? Можете князем его выбрать и воспитать на свой лад, можете его вынести на заборолы, заслониться как щитом да выставлять его матери свои условия. Пойдет ли она на Искоростень, если жизнь ее сынка ненаглядного в ваших руках будет?

Люди молчали, пораженные его словами, переглядываться стали. Даже Мокей умолк, сдвинул на затылок свою волчью остроухую накидку, тер запястьем лоб, соображая.

– Малого Святослава нам... было бы не худо. А князем ли его...

– Вы сами решайте. Но я сделаю, что обещал, добуду вам Святослава.

Маланич осторожно стал ощупывать свои обереги, среди которых таился один с толикой живой воды. Один глоток ее – и Маланич вернет себе силу и возможность творить чародейство. Но надо дотянуть до возможности сделать этот глоток.

– Значит, так, – принял за всех решение Мокей. Люди смотрели на него, они его уже слушались: действительно, стадо, которому нужен вожак. – Значит, так, – повторил он. – Если Маланич добудет нам сына проклятой Ольги, мы, считай, победили. А возьмем ли его князем или иного изберем – вечу решать.

Ну-ну, а ты, волк дикий, будешь на этом вече первым голосом в стае. Тебе многие подпоют. Даже сам Маланич, если придется. Но теперь главное потянуть время и сделать обещанное. Давно надо было, просто раньше Маланич не сообразил. Теперь же время пришло.

Русичи тоже сошлись на совет.

Едва опомнившись от ночных страхов, едва собравшиеся, едва получившие известие, что после налета змея даже древляне не спешат идти в новое наступление, они столпились на поляне за старыми укреплениями Малино. Воины расположились по кругу, а в центре стояли воеводы. Ольга тоже присутствовала, сидела на колоде, удерживая на коленях маленького сына. Все смотрелось бы даже внушительно, если бы люди не были еще потрясены случившимся – они все еще разговаривали о змее, делились страхами, вспоминали жуткое чудище, носившееся в небе над лесом. Многим теперь казалось, что даже не трехглавым он был, а вообще... дюжину голов кто-то рассмотрел. И все думали, как им теперь сражаться с древлянами, если они и такое могут сотворить.

– Да древляне сами же пострадали от чудища, – решился все же высказаться Свенельд. – Доглядники сообщили, что и Искоростеню досталось от змея поганого, от нас же напасть эту отвело.

При этом он посмотрел туда, где понуро сидел старый Асмунд. Свенельда брала оторопь, что какая-то молитва помогла им в таком деле. Вот и думай после этого, на что эти христиане способны.

Ольга тоже смотрела на Асмунда, была непривычно задумчива, почти не отвечала на вопросы Святослава. Мальчишка-то проспал в своем убежище сном младенца и теперь сильно сокрушался, что пропустил самое интересное. Это ведь не сказы, какими мамки-няньки на ночь его пугают, тут вон все больше воины о змее говорят. Правда, ни один из витязей не похвастается, что снес ему голову, зато все уважительно говорят об Асмунде. Святослава это огорчало: к своему кормильцу он привык, даже по-своему любил его, но вот витязем достойным Асмунд отчего-то маленькому князю не казался.

Он хотел спросить маму, кто же все же отпугнул чудище, но Ольга тихо шикнула на него. Святослав понял, что она смотрит на новгородского воеводу Волчару, который вышел в центр и поднял руку, требуя слова.

Святославу нравилось такое имя – Волчара. Нравился и сам новгородец: длиннородый, с покрытым шрамами лицом, в добротной кольчуге, под которой выступали его широкие плечи, бугрились мускулы на руках. Святослав даже заулыбался ему. О чем говорил Волчара, Святославу было неважно. Долго он говорил. Но что-то было не так, как понял маленький князь Руси, ибо мама вдруг отстранила его, встала, подняв и его, Святослава, на руки, а этого он не любил: он ведь уже не глуздырь какой, он рать на Искоростень посылал, он воин!

– Погляди на нас с сыном, Волчара Новгородец, – говорила княгиня. – Мы оба остаемся, нас не страшит то, что напугало тебя. И если женщина и ребенок не боятся, отчего же убоился ты, храбрый витязь?

Убоился? Святослав был так поражен, что даже перестал ерзать на руках у мамы,

повернул в сторону Волчары свою круглую мордашку с удивленными синими глазами.

Новгородский воевода встретился взглядом со Святославом, понурил голову.

– Это не наша война, княгиня, – произнес глухим, но твердым голосом. – Нас Новгород отправлял помочь тебе, но никто не ведал, что ожидает тут, какой страшной смертью полягут наши витязи: кто от древлянской отравленной стрелы, кто в схватках, а кто от самой смерти, от наших же мертвых товарищей, каких нам заново убивать приходилось. И мы решили: это проклятая земля, она не нужна никому, и лучше мы уйдем. Русь велика, у нее много врагов, нам еще будет где проявить свою силу, где сражаться за свою землю, а не гибнуть невесть отчего ради чужих интересов.

– Интересы Руси тебе чужие! – подался вперед Свенельд. Смотрел на Волчару яркими от гнева глазами – словно искры зеленоватые в них загорелись.

– Не срами меня, Свенельд, – отмахнулся новгородец. – И не корми меня тем, чего я не ем! Ты проморгал посадничество у древлян, а теперь всех готов положить, чтобы вернуть свое положение. Для нас же эти древляне... Говорю я – земля эта проклята, и многие из нас в том убедились.

– И, вернувшись в Новгород, об этом скажешь Володиславу Псковскому, родичу моему?

Ольга смотрела на Волчару широко открытыми глазами. Она понимала, что если он уйдет, то могут уйти и другие. А ей следовало удержаться тут, они ведь были под стенами самого Искростеня!

Волчара осторожно ответил, взвешивая каждое слово:

– Для Володислава важнее, чтобы я сохранил людей. Думаю, и тебе это важно, княгиня. Ты же увязла в древлянской земле, как в болоте. Али у тебя иных забот на Руси нет? Или опасаясь, что тебя из-за поражения не сочтут достаточно сильной, чтобы править? И ради своей чести ты людей готова уничтожить в этом краю?

Он говорил страшное, говорил то, что поговаривали и иные. Но Ольге действительно нужна была эта победа, чтобы остаться княгиней!

Она вскипела:

– Нет значительных или незначительных войн, новгородец. Есть просто значительные или незначительные люди. Вот так и ты... Ты не витязь, достойный славы!

– Никто ранее не смел говорить мне такого! Я сражался за тебя, княгиня, покуда верил в победу. Сейчас я не верю в нее.

– Верить или не верить – дело каждого, – поднялся и встал подле Ольги Асмунд. – Но побеждать других – это одно, а победить самого себя – другое. Ты же испугался сам. А победить самого себя – самое трудное. Ты с этим не справился.

Волчара насупился, стоял под множеством перекрестных взглядов и понимал, что либо отстоит свое доброе имя, либо уйдет с позором.

– А что случится, если ты уйдешь, а мы победим? – раздался вдруг веселый голос Претича. Этого парня война всегда только воодушевляла. – Где укроешься от осрамы?

– Вы еще не победили, – крикнул кто-то из воинов-новгородцев.

Волчара собрался с духом, выпрямился.

– От злой судьбы не уйдешь. Может, я что-то и не так делаю, но и ты не права, Ольга, что положила тут столько людей. Ведь говорят же, что выше головы не прыгнешь, злой судьбы не переспоришь. И ты не сможешь победить древлян, Ольга. Не по зубам тебе это проклятое племя.

Теперь опять говорили только они с княгиней.

– Это племя было по зубам Олегу Вещему, отцу моему названному, оно было по зубам мужу моему Игорю. Теперь наш с сыном черед. Мы из рода варяжского, рода Рюрика,

из рода победителей, которых сам вольный Новгород над собой признал. Перед которыми Новгород смирился. Как теперь ты смиряешься перед древлянами. Неужели вам на роду написано уступать? Где ваша воинская честь?

Воины загудели, стали переговариваться, кто-то согласно закивал головой, кто-то выжидательно смотрел на Волчару. Многим эта война надоела, в ней не было добычи и воодушевлявших побед. Один страх и чувство, что им пришлось встретиться с самим злом. Поэтому многие ждали, что скажет отступник. И многие были готовы его поддержать.

Он потоптался на месте. Потом собрался с духом:

– Это варяги только и думают о чести и славе. Это они любят чужую землю, а нам и своей достаточно.

– Все вы так говорите, – сказала Ольга, – да только на вашей земле уже давно варяги хозяйничают!

Нет, она все же не совладала с собой, сорвалась, молвив недозволенное. И эти ее слова вызвали сильное возмущение, воины вставали, хотели уйти, тут же произошли стычки с теми же варягами, которых только что похвалила княгиня, и которые, воодушевившись, едва ли не стали напирать на других. Казалось, еще миг, и свои же со своими схлестнутся. Вольные люди, которые ощутили, что над ними нет сильного главы... одна княгиня, которой в сечу не идти. Которая желает их руками загребать жар.

И тут вдруг на колоду, на которой прежде сидела Ольга, взобрался оставленный всеми Святослав.

– Я князь ваш или не князь?

Его мальчишеский пронзительный голосок остро и звонко прозвучал во всеобщем гвалте. Но это, как ни странно, обратило на себя внимание. Кто-то даже рассмеялся, кто-то наоборот цыкнул, требуя тишины.

– Гляди-ка, наш пострел уже поспел!

Святослав топнул ножкой, сердился, руки упер в бока.

– Я маленький, и то повел вас в сечу. И гордился вами. Думал, вы костями ляжете, но не посрамите земли Русской. Я сам бы воевал... если бы мама пустила. И я бы погиб за честь Перуна. Потому что мертвым не стыдно.

И он заплакал.

Когда-то он вновь скажет эту фразу. Иначе, но скажет. Сейчас же Святослав просто плакал. Он был маленький князь, его победы были еще впереди, но эту свою войну, первую, он не хотел проигрывать.

Ольга заволновалась, что вмешательство ребенка только рассердит бывалых витязей, но она ошиблась: они уgomонились. Многие вообще застыдились, отводили взоры.

Волчара даже подошел к Святославу, смотрел на него задумчивым взглядом.

– Может, и хорошо, что тебя мама не пускает, пока ты мал. Но как вырастешь... За таким князем многие пойдут. И если мы и будем сражаться, то за тебя, сокол наш. Но учти...

Он говорил сурово, как со взрослым:

– Учти, соколенок, только дурак ломает голову над тем, как начать дело. Умный думает, чем оно кончится. И славен тот правитель, который сохранит людей для новой войны.

Святослава взял на руки Асмунд. Сказал:

– Новая война бывает после победы. А поражения мы пока не потерпели. Так что еще поборемся.

А еще воодушевило людей известие, что в Искоростене тоже что-то происходит.

По крайней мере, доглядники сообщили, что древляне скинули на острые колья со стены своих волхвов. Пока только двоих, но это уже был добрый знак.

Маланича поразила смерть его соратников. Ранее о таком древляне и помыслить не смели – на волхва покуситься!.. А теперь вон волю взяли угрожать, богов забыли!.. Хотя тут-то все и дело: Маланич сам их заставил отречься от богов. Привычных светлых богов, к которым обращались по любому поводу, будь то свадьба, выход на охоту или каждодневное разведение огня в очаге. Теперь же их приучали поклоняться только тем, кого хоть и почитали, но редко поминали. А богам надо, чтобы о них помнили, в этом их сила. Вот Маланич и научил людей, кому молиться, сам строго следил, чтобы слушались, а как напустил на них всякую нелюдь, так люди сами стали у темных просить защиты. Потом разуверились, разочаровались в них. А это для богов хуже всего. Да как это людям толкуешь? Вон они за свое: князя им да князя. И волхвов уже добром не поминают, ни тех, что для них рать мертвую водили да сгорели в одночасье, ни тех, кого сбросили со стены на колья... А когда Маланич сказал, что для важного чародейства ему понадобится жертвоприношение, ему только овцу тощую и выделили, да еще сказали, чтобы и за это благодарил. Город ведь нынче в осаде, надо беречь припасы, тех же овец.

За этими жалкими для гордого Маланича мыслями он даже закричал по-старчески – сокрушенно и слабо, разочарованно. И сам себе подивился: чего это он слабину дает, если и живой воды принял на грудь, и нашел выход, как свое чародейство провести, чтобы и дело сделать, и вновь показать, что без него они только горлопаны бестолковые. Значит, хватит скулить да сокрушаться, пора за труды приниматься.

Волхв резким сильным движением перерезал овце горло, слил в бадью кровь, дождался, когда она успокоится, и стал смотреть. Вглядываться, силясь разглядеть того, кого ему предстояло похитить. Маленького сына Игоря и Ольги. И он увидел... сперва какие-то силуэты людей и мальчонку в вышитой курточке на колоде, который топает ножкой, вопит что-то. Увидел волхв, и как княгиня Ольга (Проклятая! Проклятая!) уводит сына за руку в большую избу среди укрепленного стана русичей. Усадьбу Малино теперь было не узнать, поэтому Маланич стал внимательно ко всему приглядываться. Понял, что сына Ольга расположила в большой курной постройке недалеко от сгоревшего княжеского терема, рядом вон дуб старый возвышается, уцелел после набега. Он рассмотрел, что изгороди чужаки вокруг усадьбы восстановили, вон, чувствуют себя там как дома, расхаживают спокойно, повсюду костры, русичи что-то готовят в котлах, переговариваются, чистят и точат оружие. Но ничего, ночью многие из них отправятся в лес, считая, что, как и прежде, к ним из ложбин и оврагов потянутся отряды мертвецов. Они не знают, что сегодня некому поднимать на них мертвых. А пока это поймут, у него будет время сотворить то, что задумал.

И Маланич опять вглядывался в видимые во мраке стоячей воды очертания прежней усадьбы, опять будто примеривался, где стоит изба со Святославом. Ветви дуба подле него почти нависают над ее покрытой дерном шатровой кровлей, вверху виднеется широкое отверстие – продух для выхода дыма. Продух был открыт, как всегда делают, когда нет дождя или снега, когда погода позволяет дыму выходить наружу. Маланич внимательно оглядел его, хотел и внутрь заглянуть да углядеть, где ложе Святослава. Но отчего-то не смог. Это его подивило. Он попробовал еще раз, но опять не сумел. Вода гасла, очертания исчезали. Что-то внутри избы не давало проникнуть туда чародейству Маланича. Он подумал и решил, что все из-за проклятых христиан. Раньше их тут сразу же убивали безжалостно, но теперь собралось немало. Маланич подозревал, что именно их молитвы и развернули змея. Как же он это не учел ранее? Они не учили... Теперь все учитывать и решать предстоит ему одному. Последнему настоящему волхву древлянской земли, последнему умеющему ворожить кудеснику. Но он справится. Ибо знает чары, чтобы усыпить христиан, и тогда они не смогут молиться. А без их молитв, как он надеялся, он сделает все, как и задумал.

Однако в одном колдун ошибался. В расположенной подле старого дуба избе, выбранной для обитания маленького князя, не было никого из христиан. Там находились пара прислужниц Ольги, старая нянька Святослава, была и сама княгиня, сидевшая как раз в светлом пятне под продухом и ласково разговаривавшая с устроившимся на ее коленях

сыном. И была там Малфрида. Ведьма расположилась на лежанке за груботканой занавеской, голова ее покоилась на валике из свернутых шкур, под которыми она хранила свою суму-калиту со страшным и преданным оберегом. Именно эта ссохшаяся кисть Кощея и не допустила к охраняемой хозяйке чужое чародейство.

Малфрида не вслушивалась, о чем разговаривают Ольга со Святославом, лежала, отвернувшись к бревенчатой стене. Последнее время она чувствовала себя неважно, ломило спину, слабость одолевала, напрягался живот. И так уже второй день. Женщины говорили, что время ее на подходе. Ах, скорей бы! Всегда отличавшейся отменным здоровьем древлянке было неприятно ощущать свою немочь. Надо же, ранее, когда она носила под сердцем Малушу, она ничего такого не чувствовала. Тогда в ней было иное отношение к ребенку, она любила его, наслаждалась ощущением зреющей в ней новой жизни, хотя и была предупреждена, что дитя придется отдать на воспитание волхвам. А это дитя, невеста от кого – оно было для нее напоминанием того, что с ней сделали соплеменники, напоминанием об их жестокости, об унижении, о боли... о разбитой любви. Ибо Малфрида уже не надеялась, что когда-нибудь они будут со Свенельдом вместе, даже с равнодушием относилась к его сближению с княгиней. К самой же Ольге она испытывала некое подобие расположения, ценила ее заботу о себе, даже ощущала вину оттого, что не может как следует помочь той в ее трудах. Вон люди твердят, что у княгини есть собственная чародейка, а от нее проку, как от треснувшего горшка. Вот когда она избавится от этой изводящей изжогой и болями в спине тяжести, тогда она вновь... Ах, как же хотелось этого «вновь»!

Устав томиться от безделья, Малфрида откинула край занавески, смотрела, как Ольга, достав гребень, пыталась расчесать вихры сына, но мальчонка крутил головой, уворачивался, что-то стал говорить матери, рубя по воздуху маленькой ладошкой, как будто что-то невероятно важное хотел сказать, как солидный муж, как воин, а она тут со своим гребешком. Малфрида усмехнулась. Святослав был забавным. Не диво, что Ольга так любит его. Но для княгини сын еще и надежда на власть, на свое главенствующее положение. Понять можно.

Послышались шаги, шкура на проеме двери откинулась, и в избу вошел Свенельд. В сторону, где лежала его боярыня, не посмотрел, покликнул Ольгу. Свенельд мог справиться и без княгини, благо, что его уважали в войске, однако он всегда звал ее на сходки, словно хотел показать, что она тут главная. И Ольга тут же оставила сына, подошла. Они негромко переговаривались, Малфрида расслышала, что говорил ее муж: дескать, пока войнство воодушевлено после слов Святослава, пока не думают об отходе да затяжной войне, следует начать готовить их к мыслям о приступе. Пусть Ольга им скажет об этом, а его верные люди будут все время твердить про необходимость захвата Искоростеня, про то, что войну можно закончить, как только они возьмут древлянский град. Да и то, что Искоростень пострадал от огненного Трехглава, не следует забывать, нельзя позволить, чтобы вновь обстроились да подготовились к осаде.

Так за разговорами они и вышли. Но вскоре в полуземлянке появился новый гость – Малкиня. Малфрида обрадовалась ему, даже стала подниматься, кутаясь в теплую пушистую шаль из пуха местных коз, но ведун сделал ей успокаивающий жест и перво-наперво подошел к Святославу. Он принес маленькому князю подарок – вырезанную из древесного корня лошадку. Подарок понравился Святославу, он стал играть им, как будто коняшка легко и красиво гарцует по воздуху, цокал языком, изображая звук подков, дивился, как в свете лучины увеличивается тень игрушки на стене. Увлекся, и Малкиня потихоньку подошел к Малфриде. Она улыбнулась ему. Она сейчас редко кому улыбалась, но верный друг Малкиня всегда мог рассчитывать на ее расположение и добросердечность. Даже прислуживавшие Ольге и заодно и ее беременной чародейке женщины это заметили, шептались в своем углу.

Малкиня сел на полагающем расстоянии от беременной боярыни, поведал ей новости, сообщив и про то, о чем говорилось на сегодняшней сходке. Малфриде это было интересно, но не особенно взволновало. Она опять ощутила, как сильно потянуло в спине, отдалось болью внизу живота. Она сжала губы, стараясь, чтобы в полумраке избы Малкиня не заметил этого. Хотя полумрак сейчас был не такой и плотный: лучину жгли скорее по привычке, а основной свет поступал в открытую отдушину в кровле. Он светлым столбом попадал в помещение, высвечивая даже своды кровли. Древляне всегда так строились, поднимая кровлю повыше для лучшего отвода дыма.

Малкиня резко умолк на полуслове.

- Что? - спросила Малфрида.

И сама поняла - что. Он уже не впервые обращал внимание на ее калиту, лежавшую в изголовье за свернутыми шкурами. И так, опять заворочалась эта неугомонная лапа. Малфрида вспомнила, как ранее ее сперва пугала, потом раздражала эта неумность сухой высохшей конечности. Теперь она привыкла, поняла, что люди не особо придают этому значение, как будто ведьме княгини и полагалось таскать с собой какого-то упрятого в мешочек калиты зверька. А вот Малкиня знал, что там, его это волновало. Зато теперь, благодаря Кощееву оберегу, она могла скрывать от ведуна свои помыслы. От этого ей с ним было даже легче, не досаждало ощущение, что от него ничего не укроешь. И все же порой думалось: уж не притворяется ли Малкиня? Он пусть и открытым кажется, а хитер. И Малфрида, чтобы проверить ведуна, стала думать о нем... Всякое думать. И то, как хорош стал Малкиня, какие у него умные ясные глаза, как он раздался в плечах, возмужал. И еще о том, что ей нравится, какой он чистюля, вон волосы чистые и вымытые, расчесаны гладкой русой волной. Иные вои в этих походных условиях да в постоянных схватках забыли и что такое лицо умыть, бородами до скул заросли. Понятное дело, не до того воям, когда то древляне нападают, то нежить подбирается. А вот Малкиня всегда находил время, чтобы придать себе достойный вид. И это несмотря на то, что он стал сражаться не менее иных - откуда и умение у него взялось, у неженки? Вон его даже Асмунд хвалил, говорил, что у молодого волхва прирожденная ловкость есть. Правда, когда при ясном свете дня приходится с древлянами сражаться, Малкиня никогда не воюет, зато ночью... О, ночью страшное тут творится, люди сами дивятся, что уже стали привыкать к схваткам с мертвыми. Кажись, ничего страшнее этого и нет, а вон же, воюют. Да еще и мертвых своих жгут. Запах паленого мяса уже стал привычным. И Малкиня им помогает, стягивает к огненной краде изувеченные тела. А потом все же, как бы ни устал, идет отмывается от крови. Неженка. Раньше-то волхвы его воспитывали, потом в тереме князя обитал беспхлоотно. И вот же каков стал - сильный, уверенный, ладный весь. Такого поцеловать порой хочется, запустить пальцы в его шелковистые волосы, коснуться губами сильной шеи, там, где тесемки его грубой куртки с бляхами расходятся, а кожа у волхва нежная-нежная...

- Что ты так смотришь?

Заметил все же.

- А ты угадай!

Он вдруг отвел глаза, смутившись, покраснел, как девушка. Надо же, и смазлив вон, как девица, и смущается, а Малфриду влечет к нему, как никогда ранее. Вот только... И едва не застонала, так потянуло болью. Но не подала вида, перевела сдерживаемое дыхание и спросила об ином:

- Когда все это окончится... Ведь закончится же когда-нибудь! Ты что тогда делать будешь, Малк? - назвала его прежним именем.

- Уйду.

Он сказал это так твердо, словно давно уже все для себя решил.

- Не смогу тут оставаться. Я со своими воевал... пусть и с мертвыми. Скажи кто ранее, что такое случится, - не поверил бы. Сам себя предателем чувствую. Но... Мне теперь и места нигде нет. И у ваших я чужой, и у своих. Но главное, чтобы этот ужас прекратился.

Лицо его вдруг словно окаменело, стало напряженным, а глаза расширились, как будто видел перед собой нечто ужасное.

- Такое зло... Малфрида, ты даже не представляешь, какое там зло.

- Так уж и не представляю. Я вон тоже змея видела. Тоже испугалась.

Они помолчали. Потом Малкиня ушел. Малфриде сразу грустно без него сделалось. Она гордилась им. Он знает, что надо делать, хотя сам еще не осознал того. А вот она...

Вот когда родит, когда вернет свои силы, уж тогда она!.. И всплыло в памяти ненавистное лицо насильника Мокея. Разыщет уж гада, где бы ни был! И Маланича злобного тоже разыщет! И других! Всем от нее достанется. Попомнят ее!

Когда уже смеркаться стало, вернулась Ольга. Взяла приготовленное на очаге мясное варево, одну миску для себя, другую для сына. Но огляделась и отправила служанку разыскивать пострела – опять куда-то убежал. Здесь, в огражденной крепкими тынами усадьбе, за него нечего было опасаться, сегодня вон даже помог, да еще как. Но Ольга уже твердо решила при первой же okazji отправить сына в Киев. Об этом и сказала, отдавая вторую миску Малфриде. Села рядом, они стали беседовать, такое теперь водилось между ними. Причем разговаривали не как кудесница и княгиня, а просто как две женщины, которые могут понять друг друга.

– Тебе давно надо было Святослава услать, Ольга, как только поняла, что неладно тут, – говорила Малфрида и при этом старалась вкушать пищу так же аккуратно и красиво, как ела княгиня. Ишь как осторожно ложку к губам подносит, много не зачерпывает, капли не проронит, не чавкнет, жует с закрытым ртом. Ответила, только прожевав:

– Я как чувствовала, что Святослав мне тут пригодится. Вот и пригодился сегодня, опять показал себя князем. – И добавила с гордостью: – Такого князя на Руси еще не бывало!

Лицом прямо светится. А Малфрида подумала: каково это так любить свое дитя? Хотя вон Ольга тоже Глеба не сильно жалует. Значит, всякое возможно.

Спросила о другом:

– Может, и мне лучше уехать? Зачем я тут тебе брюхатая? Одна морока со мной.

Ольга быстро повернулась. Белое покрывало на ее голове натянулось от резкого движения. Она тоже всегда выглядит аккуратно и ухоженно, как княгиня, ей так положено.

– И ты оставить меня хочешь? Ты ведь помогла, найдя чародейские родники, многих это подняло на ноги. Да и верят в тебя люди.

– Верят? А я сама в себя уже не верю.

Это так. Долгое отсутствие чародейства делало ведьму неуверенной. Но и какой-то чуткой, душевной. Вон Ольга сказала доброе слово – и на сердце легче стало.

Когда Ольга ушла, Малфрида долго сидела, упершись в поясницу руками – так меньше тянуло. Сама себе она казалась неуклюжей, как колода. Ох скорей бы! Сама знала, что уже скоро. А потом как?

Только подумала об этом, и опять шорох за спиной. Вот лапа Кощея ворочается, словно вместо Малкини научилась мысли ее угадывать. Вон она и поможет. У них даже как будто некая связь установилась. Малфриде казалось, что при помощи лапы она ощущает свою связь даже с Кощеем. Это было так странно... так отвратительно... но уже становилось привычным. Знала, с кем связывалась. Но ведь ведьмой стать хотелось очень сильно! А Кощей ей поможет. Неизвестно почему, но поможет.

Ночью Маланич поднялся на заборы. Вдыхал холодный сырой воздух осенней ночи. Осень... А он ее как будто и не заметил. Ни буйства красок, ни грибной поры, ни того охотничьего азарта, который так горячит кровь в полном дичи древлянском краю. Но одна охота у него сегодня все же состоится. Удачная охота. Он был полон до краев силой и твердо верил, что все у него сладится.

Сзади слышались шаги. Подошли сразу несколько воев. Поступь уверенная, но и легкая одновременно, почти неслышная – так умеют ходить только древлянские охотники в своих кожаных постолах. И все же Маланич сразу догадался, кто подошел.

– Что, не доверишь мне, Мокей вдовый сын? Стражу привел?

Мокея в последнее время стало раздражать, что его так называют, словно он просто

безотцовщина. Отец-то у него был, да еще пришлый христианин, но подобным родством не похвалишься. Древляне все сильны родами, в каждом считают своим прародителем то дикого зверя, сильного да разумного – лося, волка, медведя, а то и дерево священное – ель, бук, березу. Так и говорят: мы рода светлой березы или мы вепря сильного потомки. А он – вдовый сын, да вдовый сын. Правда, в последнее время его стали все чаще величать Мокеем Рьяным. Ему это нравилось. А этот волхв опять про безотцовщину ему напоминает.

– Ну что, кудесник? Сгодишься ли еще на что? Или пинка крепкого тебе дать, чтобы разохотился?

Сопровождавшие его воины дружно заржали. Совсем стыд потеряли, над волхвом измываться. Ну он им сейчас покажет.

– Отойдите, – спокойно сказал кудесник. И когда они с места не двинулись, добавил: – Раз предупредил, больше не стану.

– Предупредил, предупредил, – ухмыльнулся Мокей. – Давай дело делай.

Он и сделал. Резко выгнулся, раскинув широко руки, потом так же резко согнулся, ссутулился. И полился из волхва голубоватый светящийся дымок-туман, скрывая очертания фигуры. И как бы ни был Маланич погружен в сплетение особого заклинания, однако уловил, как охнули, отскакивая, воины. Кто-то даже прочь побежал. Что ж, знайте, с кем дело имеете. Это вам не скопом на обессиленных после чародейства кудесников нападать.

От радости превращения Маланичу даже кричать хотелось. Но вместо этого заклокотал пронзительно и громко – глотка-то у него была уже не человеческая. И руки уже были... не руки, а длинные оперенные крылья. Ох, как же он легко взмахнул ими, как умело, как будто всю жизнь был птицей, взлетел светлым ушастым филином. Теперь он видел, как они пятятся, он же круг над ними описал. И резко стал снижаться.

Обычно филины на людей не нападают. Но Маланич был не обычным филином, вот и позволил не до конца замершей в теле филина человеческой душе получить то, чего желал. Налетел быстро на одного из отступавших в страхе воинов... даже еще узнал его – Мокея. И сильно чиркнул по лицу когтистыми лапами, зычно и торжествующе закричал и стал подниматься. Описывая круги, видел, как завопил, прикрывая ладонями лицо, Мокей, упал на колени. То-то тебе, вдовый сын, предупреждал же, чтобы держался в стороне. А филин, она птица глупая да хищная, чего от него ожидать?

Запах свежей крови на когтях лохматых лап был приятен, он будоражил. Филин сильно взмахнул большими крыльями, набирая высоту. Огромный получился из него филин, Маланич сам того захотел. А кто в темноте узрит, что уж больно крупная птица из кудесника вышла? Да никто. Ночь-то вон какая темная да туманная.

Ночь и в самом деле была черна. Только не для хорошо видевшей во мраке ночной птицы. Он же летел над лесом и все видел. И стал различать, что над самим Искоростенем царит полный мрак, но в стороне, там, куда он направлялся, явственно ощущается, что побывал Перун. Туман сглаживал все очертания, но все равно было видно, что над слоями тумана величественно царит ясная, круглая луна. Маланичу это не понравилось, он приспустился, ловко летел между деревьями, закричал пронзительно и протяжно. Ох, хорошо!

В лесу лунный верхний свет переливался, струился белыми потоками вперемешку с тьмой, облекая ели и уже ронявшие листву буки некими зыбкими сугробами. И запахи... Запахи сырости и лесного зверя, запахи... запахи человека!

Это сразу вернуло оборотня Маланича к человеческой мысли, насторожило. Они прятались там, в лесу, где давно в схватках был вытоптан подлесок и где русичи таились в засадах, ожидая, не направит ли Искоростень на них свое страшное мертвое воинство. Не направит. И не за тем следите, олухи, не там вас сегодня ждет беда. А беда вот она – проносится темной тенью между выступающих в тумане стволов, ухает так пронзительно, что впору за обереги хвататься да зывать к богам. Ну да сегодня даже ваши жалкие упоминания бога не помешают огромному филину проникнуть в сердце вашего лагеря, похитить того, что и был сердцем этого похода, – маленького непутевого

мальчишку, которого вы, витязи неразумные, так опрометчиво признали своим князем.

Маланич еще с высоты разглядел костры и частоколы вокруг Малино. Осторожно стал спускаться к росшему среди укреплений дубу. Дуб – дерево Перуна. Русичи и чтят Перуна выше всех иных богов. Но где ваш Громовержец в этом осеннем тумане? А чародей, наделенный силой Чернобога, вот он, здесь!

Маланич выбрал одну из толстых раскидистых веток, опустился неслышно. Старый дуб еще не обронил свою твердую шуршащую листву, скрыл за ней огромного светлого филина. Птица вращала головой, различала сквозь ветви отблески костров, силуэты людей внизу. Большинство из них спали, но были и такие, кто бодрствовал. Ничего, сучьи выродки, помет сорочинный, скоро вы все уснете.

Ворожить, когда ты в образе другого существа, более чем сложно. Но не для сильного чародея. И он колдовал, клекотал, разевая крючковатый клюв, тархтел подергивавшимся горлом. Заклинания выходили странные, птичьи... но выходили. Дрема, блуждавшая невидимкой среди живых теплокровных, вдруг стала разрастаться, становилась темной, окутывающей, утихомиривавшей, заплывавшей все вокруг. Домашний дух, она покорно подчинялась птице-колдуну, приказавшему ей стать тут полновластной хозяйкой.

Людам увидеть дух Дремы не дано. Но его видел филин. Легкое колебание, незаметное обычному глазу, тягучесть воздуха, тишь находящая. Разве это увидишь? Увидеть можно было иное: как стихали, словно замедляясь, разговоры, как подступила тишь, как заваливались только что разговаривавшие у костра воины, осели стражники на забороллах, позасыпали, облокотившись на длинные копыя, дозорные. Филину показалось, что один из сидевших ранее у костра воин пробует привстать: резко, точно борясь с неимоверной тяжестью, выпрямилась высокая фигура худого витязя в длинной кольчуге, воеводы не иначе, как руку поднял, дернув себя за длинный седой ус, как будто рассчитывая этим прогнать сонливость. Но полновластная Дрема уже растеклась в воздухе, общее оцепенение повлияло и на упорного воеводу. Он склонил на руки седую голову с залысинами, уснул даже сидя, слегка покачивался во сне. Тихо стало. Все, кажись, больше никто не шевелится. Пора.

И уже не пытаясь подавлять рвущееся наружу торжество, филин закричал долго и протяжно, заклекотал пушистым от перьев горлом, зашелся долгим пронзительным хохотом ночной птицы, так часто и привычно звучавшим в древлянских лесах из мрака ночи, а сейчас словно торжествовавшим, что нет такой силы, какая разбудит оцепенелых под властью духа Дремы.

Сильно захлопав крыльями, филин тяжело взлетел, описал над притихшим станом широкий круг и устремился туда, где в продухе давно примеченной избы светлело от горевшего внутри огня. Ох, как же противно пылали дрова, как раздражающе драл горло их дымный запах! Какой бы обычный филин отважился прорваться в продух, откуда веяло этим – жаром горящих дров, теплом человеческого жилья, запахами застарелой стряпни и человеческого дыхания. Но этому белому филину все было нипочем: сложил крылья и как поднырнул под скаты дерновой кровли. Отверстие с откинутым творилом было как раз такое, чтобы пропустить огромную птицу.

Малфрида заснула еще в сумерках, когда тянущая боль в спине стала не так донимать. Никакого чародейства она не чувствовала, спала сладко и тихо, дышала ровно и глубоко. Так же тихо спали в другом углу на полатах две прислужницы, как обычно, уложив между собой маленького Святослава – согревали и охраняли.

Ольга в тот вечер долго не ложилась, сидела у открытого очага, расчесывая свои длинные русые волосы, смотрела, как по угольям пробегают язычки пламени, то ммурилась, вспоминая, как ее воеводы обговаривали предстоящий штурм Искростеня, то вдруг начинала тихо улыбаться. Она не удержалась сегодня, она первая поцеловала Свенельда. Это потом, после сходки, когда Свенельд как обычно проводил ее и они какое-то время стояли в тени старого дуба за избой. Сперва разговаривали негромко, все еще о делах, потом умолкли. Княгиня в темноте видела высокий силуэт своего ставленника, он молчал, и она чувствовала его взгляд. И вдруг подумала, что она сама не раз посылала его на смерть, что и он, ее сокол ясный, может погибнуть

при взятии града древлян. Это война, и Свенельд рисковал не менее других. Но от мысли, что с ним может что-то случиться... Она жила в постоянном опасении за него, казалось бы, должна была уже привыкнуть, да и давно научилась держать в кулаке свое сердце. Но в тот миг вдруг не сдержалась, быстро и порывисто обняла его и поцеловала – страстно и нетерпеливо. И тут же хотела скрыться, да вот только варяг успел удержать. Ответил на поцелуй с таким жаром, что Ольга на миг забыла обо всем, и о жестокой войне, и о том, что им никогда не быть вместе. Это был только их миг, и они целовались долго и упоительно. Ольге казалось, что она не правительница, давно живущая, умудренная опытом, умеющая все взвесить и рассудить, а шальная девушка, которой хочется довериться сильному мужчине, подчиниться, нырнуть с головой в водоворот омута Лады. Хорошо, что кто-то тогда шел мимо, это заставило Ольгу опомниться, вырваться, скрыться в занавешенном шкурой проходе, даже тяжелую дверь потянула на себя, словно ставя между собой и шагнувшим следом Свенельдом преграду. Он понял, он всегда был понятливым. Постоял какое-то время за порогом и пошел прочь.

Сейчас вспоминать о том было сладко. Все дела да заботы – и вдруг краткий миг ослепительного счастья. Может, поэтому ей и не спалось. Еще миг назад не спалось, а потом вдруг словно исчезла, погрузилась в тяжелый сон, почти осев с чурбана, на котором сидела, легла мягко и беззвучно на утрамбованный земляной пол, повалившись щекой на свои растекшиеся волной блестящие волосы.

Княгиня уснула и не видела, как над огнем вдруг мелькнула бесшумная тень, языки пламени заметались от взмаха огромных крыльев, и большой светлый филин беззвучно описал круг под закоптелой высокой кровлей. Его тень от света огня показалась совсем огромной, широко раскинувшиеся крылья закрыли собой все и всех. И княгиню, расслабленно и неподобающе лежавшую прямо у очага, и занавеску в углу, где спала ее беременная ведьма, и просторную, крытую медвежьей шкурой лежанку, где похрапывала одна из служанок, а другая и во сне прикрывала рукой маленького князя.

Святослав спал между ними, разбросав ручонки, одна рука будто отталкивала храпевшую бабку, другая лежала поперек склоненной во сне головы другой. И ножку небрежно откинул так, что она покоилась на широком бедре здоровенной прислужницы-няньки, розовая маленькой голой пяточкой в отсветах огня. Вот на нее и обратил внимание бесшумно круживший под сводом у отдушины большой белый филин. Сперва, правда, он и не заметил мальчонку между бабами, он над Ольгой кружил, даже спустился, размахивая над ней большими крыльями, захлопал ими, а его желтые круглые глаза, разделенные узким зрачком, остро сверкнули, отражая пламя. Казалось, сейчас камнем падет на бесчувственную в колдовском наваждении-сне княгиню, но все же не тронул, вновь описал по широкой избе круг, теперь совсем низко, даже задел в полете крылом занавеску, за которой спала Малфрида, пролетел дальше и уселся на лопаску прялки в углу. Вращал головой, его горло клекотало, круглые большие глаза всматривались, пока что-то не привлекло его внимание. Некий шорох за занавеской. Но тут же он заметил и то, что было ему нужно: светло розовевшую вскинутую босую ножку князя. Филин тут же взлетел, завис над ложем, его скрюченные лапы, словно умелые когтистые кисти, потянулись к накрывавшей княжича руке няньки, потянули за рукав, отбросили в сторону. Теперь мохнатые когтистые лапы филина уже тащили мальчика за рубашку, поднимали, головенка Святослава откинулась во сне, когда огромный филин, споро работая крыльями, стал поднимать его бесчувственное тельце.

Колдовской сон не позволял людям услышать хоть звук – ни шорох, ни хлопанье крыльев, от которого колебался воздух в избе, ярче вспыхнул и заметался огонь в открытом очаге. В этих звуках растворился и еще один – шуршание и какой-то негромкий треск, с каким выбралась из калиты коричневая засушенная рука Кощея. Пробежалась на тонких когтистых пальцах по телу спавшей ведьмы, нечаянно – а может, преднамеренно? – царапнув ее по лицу. Но Малфрида от этого лишь заворочалась во сне, нахмурилась. И почти охнула, когда коричневая лапа схватила ее за ворот рубахи, трянула так, что у древлянки запрокинулась голова, замоталась из стороны в сторону.

Кощеев оберег предупреждал об опасности, о присутствии рядом чужого чародейства. Лапа не могла думать, она знала только, что должна упреждать ту, кого надлежало охранять. Кому тут грозила опасность – мертвая конечность не знала, а вот скинуть чары со спящей женщины обязана была.

Малфрида так и не поняла, что происходит, но ей было неудобно и даже больно, так ее трясло.

– Да отвали ты, постылая! – заворчала сонно, когда эта мерзость почти вскинула ее, удерживала на подкашивающихся ногах. Так хотелось опять упасть на мягкие шкуры, на приятно шуршащее под ними свежее сено. Не позволили. И Малфрида все же открыла глаза.

Она поняла, что стоит у откинутой занавески, а эта когтистая лапа трясет ее, став почему-то куда больше, чем ранее, сильно держит ее. Вроде бы все тихо – вон спят все. Ольга почему-то на полу. Это удивило Малфриду, и она окончательно очнулась от дремоты. И тут же поняла, что что-то происходит. Что-то необычное и злое. Порывы воздуха, мелькание света и тени, всполохи огня, чье-то темное и недоброе присутствие. Звуки сверху...

Малфрида резко вскинула голову и увидела, как огромный светлый в рябину филин медленно и упорно поднимает к продоху в крыше покорно обвисшее тело Святослава. Она закричала. Сперва просто вскрикнула, пораженно и испуганно, потом с яростью.

Филин только зыркнул, чуть повел головой в ее сторону, и Малфрида увидела, как искра сверкнула в его желтых страшных глазах. Клюв раскрылся, как будто в крике, но и показалось одновременно странное: если бы птицы могли ухмыляться, Малфрида бы решила, что он ухмыляется – торжествующе и злобно. В следующий момент раздался пронзительный и оглушающий хохот филина. Малфрида на миг сжалась, отступила, испугавшись так, как давно не пугалась. Дрожь проняла при мысли, что эта странная птица как будто узнала ее, как будто торжествует. А еще поразило, что от подобных криков и шума никто не проснулся. Все спали как неживые, словно Драма всех свалила и связала с необычной для нее силой.

Но, отвлекшись на проснувшуюся чародейку, филин немного отклонился в сторону, его большое крыло зацепило кровлю, сверху посыпалась зола, но и сама птица со своей ношей не смогла вылететь. Забила огромными крыльями, опять описала круг под стрехой, медленно и неуклюже, отягощенная своей ношей. Святослав бессильно висел, удерживаемый за складки рубашки на груди, голова по-прежнему откинута, руки и голенькие ножки чуть покачивались. Да жив ли еще маленький князь? Он не двигался, покорившись этому наваждению и чародейству. Ибо Малфрида уже не сомневалась, что вокруг разлиты немалые чары и только подвластная иной силе когтистая коричневая лапа другого чародея оказалась способна сопротивляться волшебству.

Рука Кошечья по-прежнему удерживала ворот Малфриды, сжавшись в кулак. И ведьма, считая себя ее хозяйкой, сделала что могла. Быстро отцепила от себя и, направив в сторону филина с ребенком, приказала:

– Задай ему!

Она и не ожидала такой реакции: рука так и рванулась, взлетела, схватила филина за крыло, швырнула об стену. Малфрида только и успела кинуться туда, куда падал мальчик, успела поймать и тут же вскрикнула – таким он показался тяжелым, а от рывка заболело внутри нее и по ногам потекло горячо и мокро.

В какой-то миг, оцепенев и стеноя от боли, она даже не видела, что происходит. Поняла только, что Святослав зашевелился, потом вскрикнул. Кричал еще кто-то пронзительно и страшно, все вокруг грохотало, падали стоявшие на полках горшки, все опрокидывалось. И вопли – страха, ужаса, боли, визг женщин, громкий голос Ольги.

В какой-то миг Малфрида почувствовала, что у нее забирают Святослава, прижала его к себе, но потом поняла, что рядом Ольга, и разжала удерживавшие мальчика руки. Ольга тут же подхватила сына и кинулась прочь. Малфрида, стеноя от резкой боли и сильнейших, распирающих внутренних толчков, попыталась подняться. И увидела... Страшно мечущийся комок то ли перьев, то ли окровавленных частей одежды, волос... седых, длинных, спутанных с перьями и кровавыми потоками. Это был уже не оборотень-филин, но еще и не человек, что-то большое и страшно изувеченное. Оно еще было живым, все еще боролось, но в него врывалась, раздирала, рвала со страшной силой оберегавшая свою хозяйку Кошечья рука. Она была похожа на когтистого паука, который просто вонзался в тело волхва, проникал в него, убивал.

Потом она вернулась к хозяйке, даже сообразила скрыться, когда в избу стали вбегать разбуженные шумом и криком кмети. Увидев нечто окровавленное и изорванное на земляном полу, они в первый миг не решались подойти. И первой приблизилась Малфрида. Пошатываясь, придерживая мокрый и тяжелый подол рубахи, опираясь рукой на стену, она подошла туда, где через перевернутую, залитую кровью прялку было перекинуто изувеченное тело верховного кудесника древлян. Разорванное, как тупым ножом изрубленное тело было так ужасно, что Малфрида не сразу признала в нем своего врага. Голова почти оторвана, в слипшихся от крови волосах торчат светлые перья. Но лицо осталось почти нетронутым, только забрызганным кровью. Оно было спокойным, как у всех мертвых, хотя Малфрида могла бы поклясться, что еще миг назад его искажал дикий ужас, а теперь застывало прямо на глазах, расширенные черные глаза гасли.

«У меня стало меньше на одного врага», – успела подумать Малфрида, прежде чем прямо бросилась на стену, спасаясь от собственной рвущей боли.

Все остальное она помнила смутно. Кто-то убегал, потом возвращались, суетились мужчины, потом рядом оказался Малкия, и Малфрида почти повисла на нем, когда он уводил ее из опустевшей, забрызганной кровью с рассыпавшимися повсюду перьями избы.

Кто-то звал Свенельда, но вместо него рядом оказалась Ольга.

– Милая моя, ты ведь сына мне уберегла!.. А говоришь, еще сил у тебя нет. Вон какого оборотня погубила.

Ну не говорить же было Малфриде, что ей помогли его погубить. Поэтому сказала другое:

– Мне бы укрыться где. Ну не на глазах же витязей рожать?

Ольга тут же подхватила ее, куда-то повела, почти потащила вместе с Малкиней.

Потом было все, что и должно быть. Суетились женщины, грели воду, Ольга сидела рядом, держа чародейку за руку, порой ласково что-то хорошее говорила. Малфриде были в радость ее слова, ей было так плохо, что доброе слово сейчас много для нее значило. Она так хотела скорее родить этого ребенка... Только уже подзабыла, как это больно.

Княгиня огладила ее лоб влажной ветошью.

– Ты продержись еще немного. Вижу, скоро уже, у тебя хорошо получается. А потом у тебя будет дитя. А еще я дочку верну тебе, Малушу. Она в безопасности, у меня она. Свенельд велел о ней позаботиться.

Иного бы она не сказала, не хотела сообщать, что Свенельд по сути бросил их с Малфридой дочь на попечение княгини.

Малфрида каким-то краем сознания поняла, что так Ольга хочет ее отблагодарить. Даже слушала, что Ольга говорила, как хорошо живет у нее Малуша, что девочку растят в холе и тепле. Боги, о том ли сейчас Малфриде было думать!

Что еще происходило, она понимала с трудом. Поняла, что в лагере оживление, что уже и день настал, что Ольгу зовут. Она не хотела отпускать ее руку, ей казалось, что силы Ольги ей помогают. И очень обрадовалась, когда княгиня опять вернулась.

И наконец ей стало легче. Вот и все...

– Сын родился! – услышала она голос Ольги. – Малфрида, у тебя крепкий и здоровый сын!

Княгиня держала его перед древлянкой, уже завернутого в пелены. Вернее, как поняла Малфрида, в рубаху Свенельда – у кого же еще может быть такая щегольская яркая рубаха? Так по покону положено, укутывать новорожденных мальчиков в рубашку родителя. Однако ее сын не был зачат от Свенельда. Неужели он дал рубаху? Или Ольга подсутилась выполнить обычай и сама взяла?

Но сейчас Малфрида особенно не думала об этом. Сейчас она просто смотрела на сморщенное красное личико своего сына и испытывала радость оттого, что видит его. Ее заполонила нежность, сама не заметила, как протянула к нему руки.

Но едва Ольга подала его, как вдруг Малфрида отшатнулась, даже закрыла лицо руками, закричала:

– Нет, нет, уберите его! Унесите!..

Она повернула голову к стене, заставляя себя смотреть только на видневшийся среди плотно пригнанных бревен мох. Это был не ее ребенок. Он был уже обещан другому, его надо было отдать. Особенно после того, как тот, кому она обещала сына, спас ее, выполнив условия их сделки, оберегал ее. Теперь же черед ведьмы выполнить обещанное. И как можно скорее, пока не иссякла ее решимость.

И все же из ее глаз полились слезы, глупые, медленные, непрошенные. Ведь всегда знала, что так будет, чего же теперь сожалеть. Откуда эта нежность к ранее так ненавидимому ребенку?

– Я справлюсь, – самой себе приказала она.

Где-то в стороне звучали приглушенные женские голоса, плескала вода, которой они обмывали новорожденного. Он чихал, негромко и слабенько, но как заголосил, слабости уже не чувствовалось.

– Богатырь будет! – уверенно сказала одна из женщин. И добавила через время: – Надо только ему кормилицу поскорее подыскать. Мать-то такая, что вряд ли его приложит к груди. Ведьма, одним словом!

Малфрида хотела только одного – чтобы ее поскорее оставили в покое. Она очень устала, а ей нужны были силы. Хвала богам, что ее усталости хватило, чтобы уснуть и ни о чем не думать.

Глава 16

– Торбьерн, вы далее идите, а я тут посижу.

Свенельд произнес это устало, но твердо. И ярл его понял – лучше оставить посадника в покое. Видел, как Свенельд шагнул с тропы к разлапистой широкой ели, подлез под ветви, будто хотел схорониться.

Торбьерн только кивнул остальным, мол, не трогайте, пойдем дальше без посадника. Но никто и не возражал. После попытки взять с ходу Искоростень люди были так измучены, многие изранены, некоторые еще и тащили на скрещенных копьях тела погибших. Все уже убедились, что мертвые больше не встают по ночам, но предать их погребальному костру было необходимо. Это дань последнего уважения павшим, их путь в Ирий.

Свенельд устало опустил на сухую хвою под нависавшими шатром лапами ели, оперся спиной о ствол. Хорошо-то как, вот так расслабиться! Он положил на колени свой меч в потертых ножнах из лилового бархата с серебряным наконечником. Подумав, вынул его, оставив обнаженным. А то мало ли что в этом лесу может произойти, надо быть готовым ко всему. Древлянский лес по-прежнему полон потаенных духов, они враждебны, да вот только булата каленого побаиваются, не пристанут. Сами древляне после сегодняшнего нападения на град вряд ли осмелятся нос высунуть из-за укреплений. Вот он и позволил себе небольшой передых. Он очень устал, как после попытки захватить Искоростень, так и вообще: от недосыпания и страхов, от обязанности постоянно быть среди людей, беспокоиться о себе и о них, заниматься насущными вопросами как нападения, так и обороны, решать, чем кормить воинов, как обустроить, кого ставить в дозор, кого отправлять доглядником. Но ничего, воевод в стане русичей сейчас хватает. Они вечно ворчат, что Свенельд всем управляет, что власти много взял, вот пусть и покомандуют сегодня без него.

Под елью было сухо и почти уютно, привычно моросивший с серого неба дождь не проникал сюда. Одурманивающее пахло сырой хвоей, смолистой древесиной, прелой листвой. Свенельд вдруг заметил, что лес-то красив. Деревья – дуб, граб, березы, ольха – все в багрянце и золоте, в сочной осенней меди, то тут, то там пронизанной темными росчерками стройных елей. Даже морось этого вечного древлянского дождя не погасила яркие кроны кленов и буков, листья с них уже опадали, но не так быстро, как если бы тут вились ветры. Но ветров не было, застывший мир, подвластный лишь малой толике богов, замер, природа сама жила и сохранилась, несмотря на все, что творили среди ее красоты люди. Ранее Свенельд в эту пору как раз собирался в полюдье, ведь уже желтень отступал, приближалось время листопада, когда опадает лист с деревьев, когда все начинали готовиться к зиме.

Свенельд усмехнулся и прикрыл глаза. Надо же, засмотрелся. И он подумал уже о другом: как Ольга вытребовала у него рубашку для новорожденного мальчика Малфриды. Ей-то что? А вот Свенельда все принялись едва ли не поздравлять, хотя он даже не пошел к Малфриде. Знал, что Ольга велела подыскать для малыша кормилицу, будто-де его боярыня отказывается кормить дитя, грудь ее расперло от молока, и она сильно расхворалась. Только поэтому Ольга и не взяла ее с собой, когда уезжала в Киев с маленьким Святославом. Княгиня не решалась больше оставлять сына в древлянской земле, испугалась за него очень. Вроде как и сына Малфриды думала с собой взять, но та вдруг воспротивилась. Даже сказала, что будет кормить его. А уж имя ребеночку едва ли не все воины придумывали: это было неплохо, вот так отвлечься на радостное событие после всех этих ужасов. Так всем миром и порешили дать имя Добрыня. Свенельд не возражал. Да и не до того ему было. Он со своими людьми обшарил всю округу Искоростеня, рассмотрел, где и как лучше расположить отряды, тщательно изучил укрепления, городни, рвы, пострадавшие от пожара стены, частоколы. Да, хорошо укрепились древляне, но ведь долго они там взаперти не протянут, таким скопом. Не рассчитывал Искоростень содержать такую ораву со всех углов древлянского племени.

Конечно, сейчас, когда древлянское волшебство пошло на убыль, было бы неплохо взять Искоростень в осаду и ждать, когда защитники оголодают и запросят пощады. Однако русичи уже утомились от долгой войны, да и неосторожно держать тут такое воинство – мало ли где на Руси еще рать понадобится? К тому же после попытки Волчары увести

своих Свенельд не был уверен, что и другие не сочтут, будто их время служить Ольге окончилось, не запросятся по домам, к семьям, к родным избам, где уже, наверное, и урожай убрали, самое время свадеб подоспело. А тут... Все дождь этот нескончаемый, когда грязь и глина прилипли к ногам будто навечно. Нет, Свенельд правильно сделал, что настоял испытать Искоростень на прочность: получится, не получится, а люди встряхнутся. Да и древлянам пора уже понять, что русичи их никогда не оставят в покое, пора им смириться да подумать о покорности. И чего там их князь Мал раздумывает? Хотя вон Малкия по-прежнему уверяет, что и нет там никакого Мала. Куда же делся? Хотелось верить, что не умчался за подмогой. Поэтому на сходке Свенельд так и сказал, что надо брать Искоростень, пока Мал новых воинов не привел.

Ну и пошли на град. Неудачно. Иного Свенельд и не ожидал. Такие укрепления просто так не взять, но кое-чего они все же добились.

Свенельд приподнял усталую руку – кисть сильно распухла от стрельбы из лука, сидел, разминая ее, и вспоминал, как все происходило. Дождика-то с рассвета не было, это потом он пошел, когда он уже отступать приказал. А до того у всех были заготовлены специально подсушенные тетивы, стрелы собраны в тулы. Его люди пошли на Искоростень, кто бегом, прикрываясь щитами, а кого он попридержал, велел защищать своих стрельбой. Он помнил, как скрипели луки, как воздух вмиг потемнел и сгустился от стрел. Его витязи хорошо стреляли, попадали отменно. А отчего было не попасть, если, заметив начало приступа, древляне так и повалили на стены, высыпали, встали почитай еще одним частоколом на забороллах. Ну их и разили: то один, то другой оседал, а то и переваливался в ров с водой.

Когда же первое смятение на стенах Искоростеня прошло, древляне опомнились и стали отстреливаться. Но уже немало русичей смогли в прорыве достичь рва, стали перебрасывать через него лестницы, перебегали по ним, и там, на глиняной, скользкой насыпи под бревнами городен, укреплялись и уже оттуда забрасывали вверх веревки с крючьями, ставили, втыкая в мягкий грунт, лестницы, карабкались.

Первыми в наскоке обычно бывают новички и самые молодые, еще не напившиеся вражеской крови. И они же первыми гибнут. Так всегда бывает, поэтому Свенельд попридержал своих. Откуда же ему было знать, что эти молодцы так рьяно и борзо наскочат со всех сторон, что почти взберутся на стены. То там, то тут на забороллах возникали схватки. И нападавшие и оборонявшиеся сражались отчаянно, и хотя взобравшиеся первыми гибли, последующие успевали занимать их места. Свенельду даже впрямь показалось: а вдруг возьмут!..

И вот тут древляне показали, что станут сражаться до конца. Не только их воины, кто в шлеме, кто в шкуре, сражались на забороллах. Со своего места Свенельд видел и женщин с тесаками, увидел даже детей, отроков с пращами, шмыгающих между сражающимися, кидавших под ноги, умело сбивавших камнями взбирающихся на стену воинов. И отбились-таки... Сумели.

Тогда Свенельд и подал знак ожидавшему в чаще отряду новгородцев во главе с Волчарой.

Существует негласное воинское правило: если тебе кто-то досаждают, отправь его в бой в самое опасное место, где его определенно убьют. Вот так и решил Свенельд поступить со строптивым новгородцем, чтобы неповадно было мутить воду в стане русичей. Для этого Свенельд сперва расхваливал новгородцев как лучших плотников на Руси, пока не разохотил их смастерить огромный таран. И вот по его команде новгородцы с Волчарой во главе разогнали мощное, уложенное на колеса дерево, да так, что, почти не сбавляя хода, смогли подогнать его на холм к воротам Искоростеня. А там подтолкнули, поднатужились – и длинный дубовый ствол пробил как поднятый на канатах мост, так и сами ворота.

Теперь воины могли перебегать по нему, могли рубить створки. Волчара так и кинулся вперед одним из первых. Н-да... Свенельд еще с прошлого боя отметил, что командиру отряда лучше следить за происходящим со стороны и отдавать приказы, чем биться по старинке – в общей сумятице. И он почти спокойно смотрел, как рухнул в воды рва Волчара, пронзенный навылет длинным, брошенным сверху копьём, а другие, прикрываясь щитами, стали рубить, крошить створки.

Да, раж боя дело великое... Но это понятно только во время самого боя. Сейчас же Свенельд корил себя за то, что не отдал приказ отступить ранее. Ведь скольких людей сохранил бы... да и Волчару вдруг стало по-настоящему жаль. Но тогда казалось, что они справятся. Это до того, как небеса вдруг разверзлись и хлынул густой холодный ливень. Уж не Чернобог ли, не Морена ли злая его наслала? Ибо все вокруг вмиг стало скользким, воины срывались с лестниц, у пролома в воротах просто свалка образовалась, все больше гибло людей...

Вот тогда-то Свенельд и повелел трубить в рог, призывая к отходу.

Об этом он думал сейчас, сидя под елью и вслушиваясь в тихую капель дождя. Морось оседала на лапах ели, скатывалась в шарики и опадала вниз, негромко постукивая по павшей листве, по лежавшей мягким ковром хвое. Этот звук убаюкивал Свенельда. Так всегда бывает после боя, когда накатывает усталость, когда нет сил ни думать, ни руки поднять.

Свенельд спал долго, не слышал, как пару раз за ним приходил Торбьерн. Ярл смотрел на уснувшего посадника, подергивал себя за косицу в бороде, но будить не стал.

Уже и дождь притих к ночи, уже и мрак опустился, а Свенельд оставался неподвижен. Один раз на него из зарослей высочила рыжая лиса. Завидев спящего человека, замерла, припав к земле, и осторожно обошла. Наверху с ветки на ветку запрыгал клест, уронил шишку едва не на посадника. А тому хоть бы что, спит себе. Даже когда сам лешак, оживившийся к ночи, пробрел мимо, Свенельд не почувял. Лешак его заметил, смотрел, но не решился подойти. Не по нему добыча. Спит себе, его не заплутаешь по лесу, да и булатный меч на коленях варяга не понравился лесному духу. Он хрюкнул недовольно, словно лесной боров – и скрылся в чаще, ступая косолапо и тяжело, но не качнувшись при этом ни единой веткой.

Свенельда отыскал Малкиня. Это сонный Торбьерн подсказал настырному древлянскому ведуну, где посадник. Точно объяснить не мог, махнул просто рукой. Но Малкиня сам понял по обрывочным мыслям-видениям ярла: желтая от опавшей листвы полянка на подступах к Малино, большая ель, выше многих иных, укромное сухое место у ее толстого ствола. Не раз бродивший по округе в поисках целебных трав и корней молодой ведун понял, где отыскать воеводу. И ломанулся к нему через темный лес, спешил.

Варяга он нашел быстро, стал трясти. Свенельд, еще в полусне ощутив рядом чужое присутствие, сперва дал Малкине подсечку, тот от неожиданности рухнул, взглянул – а Свенельд уже над ним стоит с мечом наготове.

– Ты?.. Кикимора бы тебя щекотала. Так ведь и напугать можно.

– Тебя напугаешь, варяжьа кровь, – буркнул Малкиня, уклоняясь от лезвия меча, направленного прямо в лицо.

Свенельд невозмутимо зевнул, потом потряс головой, прогоняя остатки сна. На длинные спутанные волосы варяга осела ночная роса, лицо было холодным, он передернул плечами, потянулся, разминая отекавшие члены.

– Эк меня разморило!

– Ну? Выспался? А теперь идем, – тут же потащил его Малкиня. Заговорил быстро и приглушенно, как будто их кто мог подслушать в темном лесу: – Малфрида куда-то собирается. Я подслушал под дверью... Она меня гнала, но я все же заприметил, что она ребенка с собой берет, Добрыню. А ведь помнишь, я говорил, что сына она отдать кому-то задумала? Вот время ей и пришло.

– Да кому? Топчи вас всех тур...

– У меня кой-какие догадки на этот счет есть.

Свенельд молчал, соображая. Ну да, были раньше у них с Малкиней разговоры об этом, он даже попросил волхва предупредить, если понадобится. Но сейчас, когда он столько

проспал в сыром лесу, когда у него маковой росинки с утра во рту не было, он больше думал о том, чтобы согреться у очага да похлебать мясного варева из дичины. Однако Малкия не позволил. Быстро обшарив все закутки стана русичей и обнаружив, что Малфриды нигде нет, он опять стал тормозить Свенельда, не дав тому и половину плошки опорожнить. Пришлось варягу с сожалением оставлять варево, вновь идти в сырую осеннюю ночь. Ворчал про себя: ему-то какое дело, что его жена-ведьма удумала?

У ворот частокола охранник подтвердил, что действительно боярыня Малфрида проходила мимо с маленьким Добрыней на руках. Охранник ей не препятствовал: Малфрида ведь древлянка, знает тут все. Да еще и чародейка она, чего ей страшиться? Ну и после дневных дел, когда все успокоилось и люди позасыпали, кому какое дело было до бабы? С отъездом Ольги, с которой и ее прислужницы отправились, Малфрида тут одна в юбке расхаживала, вот, может, ей и надо по своим бабыным делам отлучиться.

Малкия только спросил, в какую сторону Малфрида направилась. А узнав, так и побежал. Свенельд шел следом не спеша, Малкия то и дело возвращался, просил поторопиться. Сам же ломился сквозь лес, как хорошая ищейка по следу кабана, даже не споткнется в потемках. И постепенно его волнение передалось и Свенельду. Малфрида, она ведь... Она странная. И страшная, если подумать. С нее станет дитя погубить. Пусть и не от Свенельда это дитя, но как потом людям объяснять, куда его боярыня общего любимца Добрынюшку подевала? Жена ведь его, вот с них обоих и спросят. И угораздило же его на ведьме древлянской жениться, где ум-то был?

Вставала луна, свет ее полосами пробивался через лес. Сквозь вытоптанный подлесок вокруг все было видно хорошо. Малкия находил след Малфриды, как опытный древлянин-охотник: там заметил, что ветка согнута, там роса на павших листьях не блестит – сбила ее длинным подолом чародейки. И как различает все это под блеклыми лунными лучами, когда свет и тень перемежаются? И вдруг волхв замер так резко, что Свенельд едва не наскочил на него.

– Тсс! – поднял руку ведун.

Вскоре и Свенельд расслышал за деревьями отдаленный детский плач. Они оба кинулись вперед – и увидели Малфриду. Ведьма двигалась между большими стволами, как темная тень. Всклобоченная голова, волосы по спине ниспадают, будто летят за ней по воздуху, сама закутана в свою пенулу, дитя несет на руках осторожно, можно было расслышать, как что-то говорит крикуну, вроде успокаивает. Даже приостановилась, возится с ним.

– Грудь дала, – тихо шепнул Малкия. И с каким-то сожалением: – Как же можно дитя молоком своим кормить, а потом отдать кому-то?

– А может, она просто это... Ну и впрямь по бабыным делам отправилась. Вот поплещется сейчас в лесном ручье, омоется да назад повернет.

– Да что бы ей вои и в стане не нагрели бы воды? Нет, Свенельд, она знает, что делает. Чуешь... Ах да, ты не можешь. Но ее как будто ведет кто-то. Вон, посмотри.

Малкия осторожно отвел в сторону длинную ветку калины, указывал. Малфрида в этот момент как раз переходила открытое пространство лесной поляны, лунный свет очертил ее силуэт, и стало видно, что подол ее платья впереди как-то странно оттянут, словно кто-то маленький и невидимый тащит ее за полу.

Волхв поднял голову, смотрел на небо, даже воздух в себя втянул, принялся, будто зверь.

– Видишь, посадник, она идет как раз по границе света и тени. Здесь Перун бушевал во время тризны по князю, здесь сейчас иные силы правят. А там, – он указал рукой на темно нависающую тяжелую тучу, где не было ни лунного света, ни звезд, – там другая власть, там Морена в силе и новый ее господин Чернобог. Но туда Малфрида не пошла.

Для Свенельда все это было слишком сложно. Не был он мастак чародейства эти разбирать. Но и у него отчего-то сложилось странное ощущение, будто вокруг нечего сгущается. И при этом было так тихо, как тихо и быть не может. Лучше бы что-то

происходило, пусть бы дух какой вышел или мертвяк поднялся, тогда хоть знаешь, с кем надо бороться. А так... так какая-то оторопь находила. Хотелось зажмуриться, присесть, закрыть голову руками, зарыться в мох, забиться в ямку под корнями. Свенельд даже осерчал на себя за подобные страхи. Потому отстранил ведуна и решительно шагнул вперед.

Но если Малкия и в ночи мог ходить привычным и осторожным шагом лесного жителя-охотника – ветки не заденет, валежину обойдет, чтобы не задеть, – то Свенельд шел, как умел. Вот и хрустнула под его сапогом ветка, сломалась пополам. Он даже замер растерянно.

И тут же Малкия почти повис на нем, пригибая в заросли молоденьких берез.

Свенельд только через миг смог посмотреть, когда нетерпеливо скинул с затылка давящую руку волхва. Но тут же опять приник к земле. Н-да, порой его жена, знакомая до последней родинки на теле, вызывала в нем настоящий страх. По крайней мере, то, что увидел мельком Свенельд...

Она показалась ему тенью, стройной и пышноволосой тенью, почти красивой... если бы не была столь жуткой. Ибо на этом темном в ночи лице светились огромные глаза. Казалось, свет шел от них в ночь, будто в самой ведьме Малфриде сейчас горел некий желтый, как вечернее небо на закате, огонь. Внутренний. Но сама она была черна, как некий беспросветный дух.

– Чур меня!..

– Тсс! Она хорошо видит во мраке, – шепнул рядом Малкия. – Затаись, пока не заметила.

Борони боги, чтоб заметила! – ужаснулся Свенельд. И снова стало противно от этого страха. Но головы от земли поднять все же не решился. Так и лежал, размышляя, а на кой ляд ему все это? Может, стоит вернуться?

Но и не заикнулся о возвращении. Он витязь или нет? Он сын викинга, он воевода киевский. Ему ли бояться! Но так он просто подбадривал себя.

– Я ведь все одно понял, куда она направилась, – через некоторое время сказал Малкия. – И лучше нам не идти след в след за ведьмой, а обождать...

В его голосе прозвучало жесткое осуждение. Но не страх. Поэтому Свенельд и слова не промолвил, когда через какое-то время ведун опять увлек его в лес. Не за Малфридой, а как бы немного в сторону.

– «Ложе для подношений» этот камень называется, – объяснял ведун по дороге. – Место известное. Простому люду пути туда нет, а вот мы, волхвы, там частенько бываем, когда надо жертву особую преподнести. Вот и Малфрида туда направляется, больше тут идти ей некуда: справа и впереди болота, слева обрывистые берега реки Ужи. А «Ложе» камень особенный – из земли выпирает тяжелой глыбой, но поверхность его волхвы еще в незапамятные времена обтесали, для возложения жертв. Там капище древнее... Ну, было, скажем так, до того, как Маланич не надомил нас изваяния старых богов порушить ради Чернобога.

Что каждое капище у древлян является особым местом, Свенельд и без него знал. Некогда был ему дан указ посетить те святилища потаенные да проведать, что за чародейство у древлян такое особенное. Не очень тогда у него это получилось. Но и не забыл, что удалось выяснить: капища древлян – места особой силы. И простым смертным туда лучше не ходить. Свенельд же был самый что ни на есть обычный молодец из плоти и крови. Разве что с тех пор чародейскую воду пить научился. Значит, и в нем есть нечто особенное. Значит – была не была! Вон ведь Малкия не страшится. Ну да Малкия и есть волхв, каким туда открыт доступ. И по тому, как уверенно ведет Свенельда, видно – бывал там не единожды.

Малкия и впрямь теперь, когда они не крались за чародейкой, двигался скоро и уверенно. Даже заметил, что они придут на место раньше ведьмы. Впервые он так Малфриду назвал. И чего так рвется? Может, за ее сына волнуется? А вдруг все же его

дитя?

Малкиня тут же повернулся и быстро сказал:

– Да не мое это дитя, не терзайся! А горестно мне, что милая мне Малфрида дурное замыслила, потому и иду. Я ведь мужчина, у меня свой мир, своя справедливость, какую вы, варяги, честью называете. Так вот: моя честь не позволяет разрешить ведьме погубить невинное дитя. Она же хоть и кормила его своим молоком, а погубить решила – это уж точно. Ибо на «Ложе-камень» кладут только жертву. И если порой и умащают богов детской кровью, то сами родители никогда такого не делают. Это... Это чудовищно! Это проклятье на всю жизнь!

Он говорил запальчиво, все громче и громче. Свенельд даже взволнованно осмотрелся, будто опасаясь, что их услышат. Но Малкиня опять-таки уловил эту мысль и успокоил посадника. Нет тут никого такого, кто прислушается. Он ведун и знает это.

А вот обычный человек Свенельд так не думал. Ему вообще не нравились эти места. Жутковато было. Земля под ногами стала чавкать, в полутьме выступали мертвые и сухие деревья на болоте. Один раз показалось, будто за ними крадется чья-то тень, следит из-за коряг. Малкиня тут же махнул небрежно рукой: кикимора, мол, обычная. К ним она не подойдет: и двое их, да и железа нежить опасается, а они оба в доспехах, – Малкиня в куртке с бляхами, а на посаднике склепанная из колец длинная кольчуга. Да и меч варяга страшен для нежити.

Свенельду было не очень приятно, что ведун опять подсмотрел его страхи. Вот и выходило, что Малкине все нипочем, а отважный Свенельд от любой кикиморы шарахается. И он заставил себя думать о том, что подозревал: ведь ведьма намекала, что выкупила его у Кощея. Подумать только, у Кощея!.. Хоть верь, хоть не верь тут. Однако здесь, в этой чаще, он скорее верил. И если в обмен на спасение его жизни Малфрида решила отдать Кощею своего ребенка... Выходит, любила она Свенельда так, как он того и не заслуживал... Но все же ему не было от этого ни тепло, ни радостно. Он был возмущен ее решением. Отдать такому чародею в жертву своего ребенка... Своего! Нет, все, что было в Свенельде благородного и по-человечески разумного, противилось этому. Вот и идет он через лес, чтобы помешать ей. Идет, сам не ведая, что их ждет.

И тут опять Малкиня. Шел ведь притихнув, но все, что надо, угадал:

– У Малфриды с собой есть оберег, данный Кощеем. Вот только ранее я не знал, ради какой услуги Темный ее охраняет. А оказывается... тебя она так выкупила.

– А тебе и завидно, – попытался пошутить Свенельд.

Но шутка вышла какой-то злой. Да и Малкиня стал вдруг какой-то грустный, вон бредет, понутив голову. Ну что ж, так пусть еще выведает: и Свенельд стал думать о том, как давно они с Малфридой сторонятся друг друга, что уже не любовь к мужу движет ведьмой, а некогда данное слово. Ведь получивший оберег от Кощея так просто от власти его не избавится.

Малкиня продолжал молчать. А когда они пришли на капище, молчал уже Свенельд. Слова молвить не мог.

«Ложе-камень» находился посреди круглой поляны, освещенный особым светом, будто ниспадавшим на него сверху. Хотя и чаща тут расступилась, вверх был виден диск луны, однако все выглядело странно, будто мерещилось. Стылый неподвижный воздух слегка покалывал кожу, проходил холодными волнами, и было ощущение, будто они находятся и здесь, и в некоем ином мире, словно грань между Явью и Навью, Тем и Этим Светом стала тоньше и прозрачнее.

И тут же Малкиня сказал:

– Ты верно понял, Свенельд. Тут сила ощущается даже в воздухе. Раньше была и из-под земли, но Морена чует наше присутствие и не пускает ее. Мы ведь тут без обычных слов и ритуалов, мы просто так...

– Да отвяжись ты, догадливый! – отмахнулся от него Свенельд, раздосадованный,

что Малкия спокоен, а у него даже волосы шевелятся на затылке, покалывает в глазах, как будто не выпался. А ведь спал же, усталости нет. Только... Он не стал додумывать, что его дрожь пробивает, как на морозе. – Ответь лучше, где Малфрида?

Малкия указал рукой куда-то в сторону. Сказал, что уже недалеко она и им лучше пока схорониться.

Они отступили с поляны в тень. Почти в сплошной мрак, так плотно тут стояли деревья, так сплелись еловые кроны сверху. Отсюда, из тьмы, залитая светом поляна казалась еще светлее. И белел на ней плоский широкий камень, будто стол какой. Вокруг же высились темные старые ели, выстроившиеся столь правильным рядом, будто специально кто посадил. Только в одном месте между ними виднелся просвет – там, где сюда выводила тропа. И присевшие за мшистыми стволами ведун с варягом неотрывно смотрели туда, ожидая прихода ведьмы.

Она вскоре и впрямь появилась, не успели и заскучать. Хотя разве соскучишься в таком месте: то ели вдруг начинали раскачиваться без ветра, будто сообщая друг другу нечто, то на отполированной поверхности огромного камня тени сами собой пробегали. Неприятное место. И все время мерещилось в темноте вокруг какое-то движение, словно неясные существа бегают кругом, смотрят тысячей глаз, морочат, а между тем подбираются все ближе и ближе.

– Морок это, – угадал помыслы Свенельда Малкия, но тут же умолк, когда варяг резко сжал его руку.

Теперь они оба смотрели на медленно приближавшуюся к камню Малфриду с ребенком на руках. Она не казалась уже темной тенью, в свете этого места можно было даже различить красный цвет ее пенулы, по которой струились длинные потоки черных волос, словно колеблемых невидимым ветром, извивавшихся. Но глаза ее горели по-прежнему, так что были видны зрачки, узкие, будто у кошки. Двигалась она неуверенно, точно не сама шла, а кто-то по-прежнему тащил ее за подол. Кто? Никого ведь не было. Но все равно Свенельду показалось, что ведет ее чья-то рука. Чья? Никакой больше кисти не было видно. Лешего семья!..

Малфрида огляделась, потом медленно приблизилась к плоскому камню, медленно отняла от груди уснувшего младенца, так же медленно и торжественно положила его на камень. Младенец был замотан в пелены, лежал маленьким коротким свертком на гладкой поверхности алтаря. Малфрида смотрела на него какое-то время своими желтыми, жутко мерцающими глазами.

Мужчины из тьмы леса наблюдали за ней. Сперва за ней, потом за тем, что тоже взобралось на алтарь – жуткая лапа... или человеческая рука. Нет, не человеческая, ибо она была огромной и костистой, жутко худой, ее когти казались неправдоподобно длинными, как кабаньи клыки, изогнутыми, черными. Эта лапа забегала по твердой отполированной поверхности, слышался цокот когтей, потом лапа остановилась, как будто ожидая чего, возле спеленатого ребенка. Стояла, опираясь на пальцы, поддерживая кисть, у которой не было продолжения. Потом один палец постучал, как будто в нетерпении.

Малфрида медленно сняла пелены, одну отвернула, другую и отступила вдруг. Смотрела. Цокот одинокого пальца повторился.

У Малфриды неожиданно погасли глаза, исчезло желтое свечение в них. Она совсем по-бабьи всхлипнула, закрыла лицо ладонями и несколько минут стояла так, слегка покачиваясь. Потом отступила.

– Я сделала то, что обещала. Он твой.

Лапа на алтаре стала метаться, потом опрокинулась, раскрывшись куда-то вверх иссушенной ладонью, растопырила пальцы. И Малфрида тоже вскинула руки к небу, растопырив пальцы, ее ногти удлинились, вмиг превратившись в длинные когти, в глазах вновь появилось свечение.

– Бери обещанное! Он тут!

Вроде как это сказала ведьма, но это был не ее голос. Это был низкий глухой полурок, столь страшный, что оба наблюдателя перевели взгляд на распахнутую ладонь: им показалось, что говорила именно она.

Мир вокруг стал вдруг необычайно, пронзительно четок; все залил тусклый и одновременно яркий свет, настолько резкий, что разглядеть можно было даже самую тонкую иголку на свисавших ветвях елей. Все предметы предстали как бы отдельно друг от друга, не заслоненные и не затененные другими.

И тут над камнем с мирно спавшим младенцем засветился жемчужно-серый овал проема в иной мир. И там, в этом округлом проеме, кто-то маячил, темный, огромный. Очертания его были еще неясными, но вот как будто вздох прозвучал, глубокий и удивительно громкий, словно вздохнуло нечто неимоверно громадное.

- Справилась-таки!..

Голос был глухой, будто ветер среди сухостоя.

Малфрида ответила почти спокойно:

- Справилась. Я ведь слово дала, а таким, как ты, не смеют отказать.

- Боишься меня? Хоррошшо. Меня надо бояться. Но не тебе.

- Отпустил бы ты меня, Кощей, а?

Кощей! Малкия и Свенельд переглянулись в темноте, обоих пронзила дрожь. Хозяин подземных сокровищ, владыка полуночных недр, чародей, живущий так долго, что давно умер, но все одно существует и несет в себе чудовищное темное волшебство. А Малфрида общается с ним, как со старым знакомым. Правда, безрадостно общается, подавленно.

- Я ведь выполнила все, что обещала, услужила тебе.

- Услужила? Нет, это я тебе услужил. А ты только расплатилась за услугу. А отпустить тебя?.. Отпущу, - Кощей вздохнул будто с сожалением, если этот давно переживший свою душу чародей мог еще испытывать сожаление. Его слова падали медленно и тяжело: - Пожалеешь потом, что ушла. Ну да мы уже договорились: младенец мой, а тебе хоть на все четыре стороны. Ты свободна, Малфрида! А твоя сила... Много в тебе теперь силы. Бери!

Что он сделал, было неясно. Огромный силуэт - теперь он походил на высокого, закутанного в темный плащ с капюшоном широкоплечего человека, - резко взмахнул полый плащ, повеяло ледяным ветром, колыхнулись деревья. И Малфрида упала. Но тут же подскочила, стояла, разводя руками, словно осматривая сама себя, словно вслушиваясь, что с ней.

- Это не прежняя моя сила, - сказала будто удивленно.

- Ну и что? Это моя. Иначе промеж нас и быть не может. Ну же, ощути, чем владеешь! Испробуй!

Она испробовала. Глаза ее вспыхнули, она засмеялась громко и пронзительно, оскалив длинные клыки. И вдруг подлетела и перевернулась через голову. На землю не опустилась, зависла в воздухе, чуть покачиваясь. Ее волосы разлетелись вокруг, как некое темное пламя, и медленно извивались.

- Видишь, - произнес Кощей из овала-окна, - тут и заклятий особых знать не надобно, это ты сама такая. Я тебя такой сделал! А сына твоего еще и не тому научу. Ведь сказано же, что богатырь будет из редких. А если еще и силу мою дам...

Он резко умолк и вдруг рывкнул так, что эхо прокатилось над лесом:

- Лети! Не нужна ты мне более!

И она полетела. Легко, как будто воздушный поток понес. Ее смех - непривычно

визгливый и довольный, сперва звучал громко, потом стал все удаляться и удаляться. И все стихло.

Свенельд мелко дрожал. Было противно, но справиться с этим он не мог. И тем не менее он схватил Малкиню за полу куртки, когда тот стал подниматься.

– Совсем сдурел! – шепнул зло. – Куда прешься? Выдашь нас.

Но Малкиня резко вырвался, скользнул вперед быстрой тенью. Свенельд только и увидел, как из светящегося проема тянется к ребенку длинная когтистая лапа, а та, что прежде была на камне, рассыпалась в прах, будто исполнив свое предназначение. Теперь иная рука хотела забрать дитя, вот уже рядом оказалась... И замерла, когда Малкиня успел схватить младенца, отскочил, прижимая его к себе, и кинулся прочь. Но не смог убежать – деревья вдруг сошли со своих мест, закрыли ему путь. Малкиня медленно повернулся, глядел на того, кто не желал отпустить его.

– Со мной такие шутки не пройдут, – глумливо и почти весело произнес Кощей.

И все же Кощей был как будто удивлен. Спросил глухо и низко, почти пророкотал:

– Ты как сюда попал?

– Через лес пришел, – честно ответил Малкиня и попятился. Он старался не смотреть в проем на Кощея, ибо ужасно боялся. С такой силой силенной ему не приходилось сталкиваться.

Вдруг его, будто помимо воли, потянуло к Кощею. Упираясь, он сделал шаг к нему, другой.

«Что это с ним?» – гадал из своего укрытия за деревьями Свенельд.

В руках ведуна захныкал Добрыня. Свенельд встрепнулся – то ли встать хотел, то ли сильнее приникнуть к земле. Плач этой крохи... Малкиня ли его так сжал, притиснув, или чувствует дитя нечто страшное? Но все одно, когда такое огромное зло было так близко к такой невинной маленькой жизни – это потрясало.

Свенельд видел, что Малкиню по-прежнему тянет к Кощею, что он медленно, словно борясь, приближается к тому огромному и темному, чья накидка трепетала в мрачно светящемся овале, как будто в том ином мире бушевали невидимые ветра. Оттуда веяло жутью. В странном освещении этой ночи лицо молодого волхва казалось искаженным от страха. Но самое удивительное, что он еще и осмеливался дерзить:

– Не тебе Добрыней владеть, Кощей Бессмертный! Ты знаешь пророчество: он среди людей прославится, а не среди нежити. И ты его не получишь. Как бы ни хотел. Так что... Вали отсюда... К Ящеру тебя! Я не отдам тебе ребенка!

– Отдашшшш! – почти по-змеиному шипел Кощей. – Что мне до всех пророчеств, когда на все моя воля. Младенца мне отдала сама его мать, она кровью клялась, что он будет моим. И я имею на него и свое кровное право!

– Не имеешь! Нет в тебе вообще крови, Кощей. А я...

Что тут произнес Малкиня, Свенельд не разобрал, только увидел, как некая невидимая опутывавшая Малкиню нить словно бы ослабла, он начал отступать.

Но Кощей лишь смеялся, сухо и нехорошо, как будто дерево сухое трещало, этот звук множился, дробился.

– Это все, чему тебя научили твои наставники-волхвы? Ну а теперь мой черед.

Он подался вперед, почти высунувшись из проема в этот мир, почти нависая над Малкиней. И полились звуки древнего языка, рожденного в эпоху столь отдаленную, когда еще и люди едва стали осознавать себя людьми. Такого изначального языка даже волхвы древлян, столько хранящие пророчеств и знаний, не ведали. Это было такое мощное колдовство, что Малкиня почти перестал понимать, что делает.

«Нет!» – сопротивлялось все в Малкине, но он послушно приближался. И он видел Кощея – его просвечивающие сквозь низко надвинутый капюшон алые глаза, ниже его жуткую костистую челюсть, растянутые в кошмарном подобии улыбки бесплотные губы.

От ужаса Малкия почти перестал соображать, но каким-то нечеловеческим сверхусилием удержал готовую прорваться под натиском безумного страха плотину в своем сознании. Ибо теперь он угадывал и помыслы Кощея, помыслы вечного зла, которое еще не до конца исчерпало свои желания и которое знает, чего хочет. А хотело оно... От него веяло ненавистью и смертью – если все это многократно увеличить и суметь разобрать. И Малкия разобрал. Почти теряя сознание, почти чудом удерживая ребенка, он видел, как откуда-то из-под полы развевающейся накидки Кощея опять вытянулась длинная когтистая длань. И она была уже рядом со слабо пищавшим младенцем. Малкия даже стал различать запах ее вечно гниющей плоти, ее властный приказ...

Неожиданно чей-то плотный и одновременно яркий силуэт заслонил от волхва Кощея, мелькнула алая пола накидки Свенельда, в призрачном холодном свете взметнулось и блеснуло лезвие его меча... И огромная отрубленная лапа Кощея покатила по земле.

Малкия смог перевести дыхание. И услышал громкий крик Свенельда:

– Убирайся! Проваливай отсюда!

Кому это приказал посадник, ему или Кощей, Малкия не понял. Он только ощутил, что исчезли до того удерживавшие и подчинявшие его чары. Он был свободен, и даже малыш в его руках вдруг перестал пищать, а просто завозился, покряхтывая. И Малкия, ни о чем не думая, кинулся прочь. Благо деревья расступились, путь был свободен, а позади слышалось нечто невообразимое – шум, вой, непередаваемый стон, от которого закладывало уши.

Свенельд согнулся от этого звука, стонал, сцепив зубы. В голову будто вонзили нечто холодное и распирающее. Но все-таки он понял: правы древние предания, рассказывающие о Кошее Бессмертном. Пусть он и не умирает от ран, но каленый булат ему несет непередаваемую боль. Не отрубленная конечность, не рана мучили сейчас Темного, а прикосновение выкованного людьми клинка, познавшего силу огня Сварога, остуженного на ветру Стрибога парящего. В булате жило благословение светлых богов-небожителей и умение людей. Обитатель холодного мрака Кошей не мог этого вынести.

Но вот он перестал вопить. Свенельд слышал тяжелое дыхание, причем сразу со всех сторон. Казалось, теперь Кошей существовал везде – слева, справа, сверху. Но Свенельд уже был в схватке, он не позволил завладеть собой мороку. Да и что может нежить? Она уступает человеку, уступает настоящему витязю!

Наверное, ему было страшно. Но он был воином, это и толкнуло его выскочить из укрытия, когда чудище стало угрожать околдованному Малкине, угрожать ребенку, которого Темный хотел забрать к себе.

– Ну что, чудище поганое? Уступаешь силе человека!

Кошей, сперва опустившийся было, словно удалившийся в своем проеме, теперь, при звуках голоса Свенельда, стал выпрямляться.

– Неужто ты, красень? Ты и ранее был мне обещан. И вот пришел сам. Что, задумал отдаться вместо того, на кого жена тебя выменяла? Ну-ну. Я готов полюбить такого, как ты.

– Не по жениху невеста! – огрызнулся Свенельд. – С кем любиться, я сам выбираю.

Но и противно же ему было! Он сжимал меч обеими руками, внимательно вглядываясь в Кощея, ожидая от него любой пакости. Темный ведь, этому никакие понятия чести не писаны, этот...

Свенельд нервно сглотнул, когда Кошей все же выпрямился. Маячившая вокруг чародея, как накидка, тьма откинулась, будто кто отдернул полог, и варяг увидел ужасное нечто. Даже капюшон не прикрывал лица Кощея, вернее, того, что когда-то было лицом. Свенельда едва не стошнило, когда он узрел лик его. Жуткий лик давно умершего, но по-

прежнему живого Бессмертного. С мертвого лица полуистлевшего трупа смотрели нечеловеческие бледно-алые глаза. Он увидел даже его вращавшиеся белые зрачки, которые будто сочились какой-то слизью, увидел обнаженную его голову, обсыпанную застарелой трухой.

И вдруг... Свенельд даже моргнул, когда этот ужасающий лик стал меняться. Казалось, только что сама смерть смотрела на варяга, а вот уже на ее месте появился юный отрок, безусый и красивый, как только может быть красивым человек. А затем в нем проступило что-то хазарское – широкие скулы, тонкий нос с горбинкой, чувственный рот... А вот еще кто-то, светлолицый, с длинными рыжими волосами, гладко ниспадающими на плечи, с ямочками на щеках. А то и девица вдруг объявилась: большеглазая, ресницы трепещут; и тут же бородой иссиня-черной поросла, и уже на варяга смотрел иноземец с орлиным изгибом бровей, смуглый и ладный, с переброшенной через плечо вороной до синевы косицей. Или опять баба – белолицая, растрепанная, русые завитки волос пышным каскадом ниспадали до бровей. А то опять парень – кудрявые темно-русые волосы, тонкий с горбинкой нос, черные очи под мохнатыми ресницами, чем-то даже на Малфриду похожий. Кощей принимал сотни и сотни обличий тех, в кого когда-либо превращался, от этого в глазах Свенельда начало рябить, голова пошла кругом.

Он тряхнул головой, сгоняя наваждение.

– Что ты мне все рожи корчишь, вражина? Я тут в бирюльки с тобой играть пришел или биться?

На самом деле посаднику было смертельно страшно. Но он уже вышел на поединок. И не думал в этот миг, ни зачем ввязался в это дело, ни что его вообще заставило показаться такому чудищу. Им овладел раж воина.

Теперь Свенельд сам пошел к светящемуся овалу. Вскинул меч, казалось, еще миг, и вонзит его в проем, в иное пространство, откуда Темный зрачками белыми блещет через капюшон, скалитися мертвенной улыбкой безжизненного лица. А меча-то молодецкого побаивается. Вон отпрянул даже. Но тут же подался вперед и выдохнул на приблизившегося витязя морозное облачко какой-то сладковатой дряни. В глазах у Свенельда замелькали тысячи искр, он пошатнулся, стараясь не дышать, и все же в каком-то отчаянном порыве погрузил меч в темное марево за светящимся ободом проема. Не успел. Кощей в своем окошке отплыл в сторону, меч варяга разрезал лишь пустоту. И тут же Свенельд резко обернулся, заслышав, как сбоку смеется Кощей.

– Тебе ли тягаться со мной, голь перекатная?

– Кто тут голь?! – кашляя и выплевывая из обожженной груди отраву, просипел варяг. Подумал: Малкия с малышом, наверное, уже успел скрыться, а Кощей в этот мир похоже, хода нет. – Я тут посадник, а голь именно ты. Вон, даже кожи нет, срам прикрыть нечем.

Был ли у Кощей срам, Свенельд не ведал. Наверное, был, если учесть все эти рассказы, как он баб любит пригожих. Да еще и молодец. Вон и его, Свенельда, пожелал. Дырку ты получишь от бублика, костлявый, а не варяга киевского!

Теперь Свенельд опять шел на светящийся вокруг Темного ореол, размахнулся, наступая. Кощей, казалось, спокойно наблюдает за ним, словно бы с интересом и некоей грустью. Одной руки у него по-прежнему не было, зато другая была хорошо видна – длинная, с поблескивавшими во мраке когтями, острыми и узкими, как кинжалы. И этой рукой Кощей вдруг сделал выпад, будто хотел свалить Свенельда или дать оплеуху. Не тут-то было. Свенельд был отменным воином, он приближение Кощейевой десницы заметил вовремя, увернулся и рубанул. Так-то, знай наших!

И тут же рухнул, покотился по земле, оглушенный и сметенный нечеловеческим криком. Ибо Свенельд попал. Он опять срубил руку чудищу. Надо же, как просто.

Так, да не так. Кощей и без рук был страшной силой, и ему надоело забавляться с посадником, который оказался для него слишком ловок. Теперь Кощей открыл рот, обнажив жуткие клыки, которые все росли из голой челюсти, рот Темного раскрылся неимоверно широко, казалось, сейчас сам череп откинется, как крышка короба.

И из этой пасти вдруг полетели в мир Свенельда...

Это были даже не птицы. Кощей исторгал из себя неких темных существ, их было множество, они так и понеслись на варяга, хлопая во мраке перепончатыми жилистыми крыльями, у них не было голов и тушек, были только такие же огромные, как у Кощей, пасти с частыми длинными клыками.

И Свенельд побежал от них, потом понял, что не успеет скрыться, развернулся и сразил мечом первую же оказавшуюся поблизости. Потом вторую. Главное, не дать им достать себя. Ничего, все та же нежить, которую человек может взять скоростью и напором. Только ошметки от них полетели, разваливались надвое крылья, пасти падали. Но не все. Несколько изловчились, вцепились прямо в грудь, висли, цепляясь за тонкое сплетение двойных колец кольчуги. Их острые зубы проникали сквозь нее, Свенельд стал кричать, пока отмахивался от остальных, отступал, сбрасывал с себя нависших тварей, вопил, чувствуя, как его ранят их острые зубы, давил ногой, рубил тех, что сверху, в какой-то миг и кинжал успел сорвать с пояса, отбросил с него ножны и просто резал наседавшие тушки – противно пищавшие, хрустевшие, трепыхавшиеся.

Свенельд умел хорошо сражаться, а вот обоеруким бойцом не был. До сего мига. Сейчас же дрался обеими руками с таким ражем, будто только этим и занимался всю жизнь. Твари наседали, и он резал их – рубануть правой мечом, с размаха проткнуть левой с кинжалом. Слизкая липкая кровь существ отдавала зловонием, Свенельд задышался, но продолжал сражаться. Остановись он хоть на миг – разорвут на кусочки.

Одна из тварей умудрилась подлететь снизу и вонзилась острыми клыками в колено, повисла, болтала крыльями. Свенельд заорал благим матом, но сорвать ее не мог. В первый миг, потом все же справился. Он ощущал, что устает от потери крови, чувствовал жжение... или это жжется яд, исходящий острыми зубами тварей? Но некогда было об этом думать, он был в ярости, но и странно спокоен, опять с хрустом рубил их, отбивался от хлопающей вокруг крыльями тьмы, отходил, уворачивался.

Когда увидел просвет, когда не стало слышно хлопанья их крыльев, он все еще вертелся, наставив оружие, озирался, не веря, что их нет. И ощутил, как ужасно устал. А ведь уже думал сегодня, что устал, после набега на Искоростень. Да он просто не знал тогда, что такое усталость. Сейчас стоял, покачиваясь, весь мокрый от пота и крови, спину ломило, собственное дыхание раздувало грудь, как кузнечные мехи, глаза заливало кровью из разорванного когтями лба, а в сапоге начинало хлюпать.

Сматываться надо, – подумал. А пока смотрел на Кощей, неожиданно поняв, что Темный сейчас переведет дыхание и с новым выдохом выпустит на него очередную стаю крылатых клыкастых тварей. Приготовился, отошел, крепче сжимая оружие.

Но Кощей понял, что Свенельд с этим чародейством уже знаком, и теперь наслал новое. Опять выдохнул темное, нестерпимо смердящее облако.

Свенельд попятился, наблюдая, как оно сгущается, принимая некие очертания. Посадник не стал ждать, что вылепится из этой сгущающейся тьмы, и с размаху ударил мечом. Разрубленное нечто, не успев сформироваться, пищало и скрежетало, но оседало наземь. Рядом появилось еще одно темное пятно, отрастило чешуйчатые, уже ясно обозначившиеся лапы, побежало к варягу, но эти лапы так и застыли, распластавшись, когда меч опустил сверху, не дав твари принять более определенный облик.

В третий раз Кощей высал из себя сгусток пламени. Свенельд уклонился, пропустив его над собой, покатился по земле. Сверху обдало жаром, но все же огонь пронесся мимо. Но недалеко. Горящее облако попало на растущую возле поляны высокую ель, ее ветви занялись пламенем, затрещали.

Свенельд медленно поднялся. Видел, как обозленный Кощей, взмахнув обрубленными руками, опять раскрыл пасть и вдруг резким и сильным движением выпустил острый, мрачно светящийся язык, раздвоенный и тонкий, как у змеи, но куда более длинный. И вмиг обхватил им колени варяга. Свенельду показалось, что его ударили огненным хлыстом, он рухнул, скорчился от боли, заскулил, словно щенок. Он извивался, его жгло, казалось, ноги ниже колен сейчас отвалятся, а тем временем Кощей, делая глотательные движения, подтягивал его к своему проему, скалился облезлой мертвой мордой.

Но Свенельд опять рубанул. Меч справился, разрубил язык, а Кощей, закинув голову, выл и трясся.

Варяг поднимался, пошатываясь и опираясь на меч.

– Шепелявым теперь останешься, сволочь. Ну что? Выйдешь ли против меня на поединок сам, или ты в своей бесконечной жизни и забыл, как это – быть мужиком, воином, хоробрим. Только ворожить и умеешь, как... Как Малфрида моя! – неожиданно закончил он.

Кощей перестал трястись, смотрел прямо на Свенельда, на его пошатывающуюся окровавленную фигуру, с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Казалось, дунь на него... И нет Свенельда. А он еще на поединок вызывает.

В Кощее не было души, в нем уже давно не было ничего человеческого: ни понятий о чести, ни уважения к противнику, ни знаний, как дерутся в поединке. Но ему бросили вызов. Этот шатающийся смертный посадник, этот червяк, которого сдуру вдруг полюбила чародейка Малфрида, смеет вызывать его!

Отчего-то Свенельду показалось, что имя Малфриды особо задело Кощея. Что их связывает? Но рассуждать об этом было некогда. Ибо Кощей принял вызов, он выходил из своего мира, он шагнул в чужой.

Огромная нога вдруг опустилась на землю на поляне. Послышался тупой удар, словно упало нечто неимоверно тяжелое, и земля содрогнулась под Свенельдом. Он едва устоял. Потом просто пятился, видя, как в проем просовывается голова Кощея в островерхом развевающемся капюшоне, как смотрят на него белые бездушные зрачки горящих красноватых глаз. Кощей стал выпрямляться, освещенный заревом от горящей ели – огромный, тощий, но чудовищно широкоплечий, чудовищно огромный. У него не было рук, но и без рук он был ужасен, он поднимался, выпрямляя плечи, голова его уже поднялась к самым высоким верхушкам елей.

Свенельд застыл, открыв рот, снизу вверх глядя на этого бесконечно возрастающего великана. Тот тоже сверху смотрел на него. Вдох Бессмертного колыхнул верхушки деревьев, он шагнул к Свенельду – земля дернулась под его тяжестью. Свенельд не устоял, упал, стал отползать на локтях, потеряв меч и понимая лишь одно – этот противник не по нему. Он доигрался... Конец.

И тут земля под Свенельдом как будто стала вспучиваться. Между ним и Кошеем вырос огромный холм, склон которого становился все круче и круче, так что Свенельд сперва стал сползать по нему на спине, потом и вовсе перекувыркнулся, застонал, когда катился вниз, задевая раны, оставляя за собой кровавые отметины. Его с разгону сильно ударило о ствол ели. Рядом горела еще одна. Свенельд машинально отполз в сторону.

Огонь все разгорался, на фоне темного неба громадный силуэт Кощея казался особенно жутким. Но он уже не шел на Свенельда, наоборот, он стал отступать. И Свенельд увидел, как из вздыбившейся земли, там, где сверху образовался и стал расползаться разлом, покатился странный темно-серый туман. Что это было, Свенельд не знал, но отчего-то понял – это смерть, это Ничто, то, где все пропадает, где ничего не остается. И это Ничто опасно даже для Кощея с его бессмертием.

Он угадал. Пока Кощей воевал из своего мира, насылал чары и чудищ, он оставался у себя, на своей территории. Теперь же, поддавшись неосознанной уловке Свенельда, Кощей вошел в мир, где он не имел права появляться, где поклонялись другому богу. И этот другой ощутил присутствие равного себе по силам враждебного чужака. Он вышел, чтобы отстоять свою власть.

Горячо полыхнуло ветром. Свенельд упал, закрыв лицо ладонями от нестерпимого подземного жара. Ветер был весь пронизан чудовищной силой иного чародейства, от этого затрещала кожа, стало сводить суставы. Свенельд почти вгрызся зубами в землю, стонал. Вокруг все пылало – вспыхивали деревья, горящий мрак ревел. Кощей теперь был совсем ярко освещен, но Свенельд не смотрел на него. От ужаса и боли он вообще не мог ничего замечать. Поэтому и не видел, как из воронки земли, из ее разрыва, появлялся длинный темный столб, мощный и гигантский, без конечностей

и тела, лишь там, где обычно люди изображают лица, светлела, отражая отблеск огней, похожая на металл пластина. И было слышно дыхание, сопение, как будто исполинский зверь принюхивался. Столб подземного Чернобога стал медленно поворачиваться, от него расходился мутный темный дым, необъяснимое Ничто. Ступить в это, коснуться – означало конец, исчезновение. А это хуже, чем сама смерть.

Это понял даже Бессмертный. Но его противник уже почувствовал его, унюхал, потянулся к нему. Это был равный противник, и Кощей вынужден был принять вызов. И вызов не какого-то неведомого что возмнившего о себе человека, которого легко развеять и уничтожить, а божества, которому поклонялись и приносили жертвы у древлян. Не знавший смерти колдун оказался замечен слепым подземным мраком безжизненной бесконечности.

Свенельд от перенапряжения впал в полубеспамятство. Пару раз его потрянуло, недалеко упала горящая ветка, земля дрожала. Каким-то отголоском сознания варяг понимал лишь одно: нельзя попасть в завитки наползавшей смертельной пустоты, поэтому он полз, сам не ведая куда. Прочь отсюда, где сошлись два могущественных недруга – уничтожавший пустотой Подземный и убивавший чарами Бессмертный.

Валился лес от мощных заклятий, рушились целые рощи, взрывалась, будто лопаясь, земля, огонь пронеслся и подпаливал все вокруг. От столкновения огромных сил, казалось, сам воздух наполняется жаром и опадает огненными снежинками. Свенельд порой вскрикивал, когда раскаленные искры попадали на него, обжигая. И только одно твердил в полубреду:

– Перуна на вас, проклятые! Перуна бы на вас!

Воины на Руси всегда считали Перуна своим покровителем. Но вряд ли небожитель сейчас мог услышать взывавшего к нему израненного посадника. Однако Громовержец Перун был как подателем колдовской силы, так и врагом нечисти. А сейчас прямо под ним, на отданной людям земле, открыто и самозабвенно сошлись два темных. И вот этого Перун не мог допустить. Это нарушало порядок самого мироздания.

И над древлянским краем, над полным магии затерянным в лесу капищем, где горел лес и шел огненный дождь, внезапно, резко и зло взвыл ветер. Темная туча принеслась стремительно. Восточный край неба озарила мрачная алая вспышка. Мгновением позже раздался громopodobный удар, еще чуть позже налетел горячий ветер, заставляя Свенельда, спасаясь еще сам не ведая от чего, забраться под влажный пласт вырванной с корнями при падении ели. Он накрыл голову руками, он никогда еще не казался себе таким слабым и напуганным.

Разразилась чудовищная гроза – вспыхивали молнии, гремели раскаты грома, разом обрушился с небес дождь. Владыка молний неся по темным тучам на своей запряженной черными конями колеснице. Люди не могли его увидеть. Но его заметили оба противника. Они застыли, ибо при Перуне даже их чародейство исчезало, как гаснущий под потоками ливня огонь. Перун бил просто наповал, лишая силы самые мощные заклятия темных.

Опять ослепительно-яркая вспышка – огромная молния протянулась от головокружительной выси, раздвоилась на конце и ударила сразу двоих темных. Оглушительно грянул гром, и порыв ветра пронесся, когда они стали опадать, уменьшаться в размерах, исчезать. И там, где только что почти на уровне высокого леса стояли два чудовищных великана, разлетелись два фонтана дурно пахнущей слизи. И осыпались на лес комьями черной жирной земли, заваливая все провалы, засыпая мертвенный туман, гася всполохи огня на поваленных в битве чудовищ деревьях.

Свенельд один остался лежать в этом покореженном лесу. Он был без сознания.

Только ближе к следующему вечеру его разыскали Малкия и Торбьерн с людьми Свенельда. Долго искали, пока Малкия, постоянно замиравший и вслушивавшийся, не уловил это... Не мысль, а неосознанный, исполненный муки стон варяга. Боясь потерять в клубившейся вокруг энергии этот отголосок, Малкия двинулся на звук и обнаружил посадника под поваленной елью – полужасыпанного землей,

окровавленного, всего обожженного.

Дружинники быстро соорудили носилки, привязав к копьям плащ, и уложили на них бесчувственного воеводу. Но тут он застонал, приходя в себя. Понял, что его несут. Над ним склонилось рыжебородое лицо Торбьерна. Этот взлохмаченный варяг с покрытым шрамами лицом после всех виденных ужасов показался Свенельду таким красавцем! Так бы и расцеловал. Если бы силы были.

– Роди меня тролль! – ругался Торбьерн, при этом, как заботливая нянька, обтирая неузнаваемо изменившееся лицо посадника мокрой ветошью. – За каким лешим тебя занесло в этот лес, Свенельд! Тут такое светонеистовство в лесу было: пожар, ураган, гроза!.. Дивно, что ты еще цел остался. О таких, как ты, в Киеве говорят – о двух головах родился. Ни буря тебя не сгубила, ни пожар не спалил. И хорошо, что этот ведун древлянский помог тебя отыскать, а то мы совсем было уже разуверились, когда увидели, что тут ненастьем наворотило. Ну уж и была ночка, охрани боги!

Свенельд подумал о Малкине, о том, как ведун справился во время всего этого, сумел ли уберечь малыша, из-за которого все случилось? И догадливый древлянин тут же склонился над ним.

– С Добрыней все в порядке, посадник. А ты спас для Руси великого витязя.

«Великого витязя? А я кто же тогда?» – подумал Свенельд, вспомнив, как дрожал, но не отступал перед самим Кощеем.

Малкия, уловив его мысли, улыбнулся.

– И ты великий витязь, варяг. Тебя на Руси всегда будут помнить!

«Утешил!» – подумал Свенельд. Говорить он не мог. Лицо горело огнем, он замечал жалостливые взгляды своих дружинников и вдруг с ужасом понял, что его наверняка неимоверно изувечило и изуродовало в эту ночь.

И опять рядом был Малкия.

– Успокойся, Свенельд. Доглядники уже сообщили, что княгиня возвращается. С ней новое войско, и она привезла из Киева живую и мертвую воду. Вылечит тебя, будешь краше прежнего.

Впервые Свенельда не раздражала способность древлянина угадывать мысли. Он даже попытался улыбнуться. Губы будто спеклись, казалось, и кожи на лице не осталось от жара. Но если Ольга привезет из запасников на Горе чародейскую воду... Он вспомнил, как она действует: мертвая вода залечивает все раны, сглаживает шрамы, живая – возвращает силы. Но успеет ли Ольга? Он ведь такой... Может и не дожить.

– Она успеет, – отозвался Малкия. – Я велел послать к ней гонца с известием, какая беда с тобой случилась. И княгиня будет торопиться. Она ведь так любит тебя, варяг! Она тебя вылечит!

Он говорил это, склоняясь над Свенельдом, чтобы никто не услышал. Посаднику он показался едва ли не братом родным. Вон же, утешает, обнадеживает. И сказал, что Ольга любит его. Просто так ведун не стал бы этого говорить. Он мысли умеет читать, мог проведать, о чем княгиня думает, что таит в себе. Любовь к своему сильному и строптивому посаднику... который жизнь за нее отдать готов. Хотя... сегодня чуть не отдал ее за какого-то байстрюка, до какого ему и дела нет.

– Я увезу его с собой, – отозвался Малкия. – Он не будет тебе досаждать. А ты... Говорю же – об Ольге думай. О том, что она тебя любит. Верь мне.

Свенельд верил. От этого ему становилось легче. И телесно, и душевно.

Глава 17

У княгини Ольги было зеркальце на длинной витой ручке. Занятная вещица: все в узорах под павлиний глаз, богатой эмалью в яркие цвета разукрашено. А само зеркало было из гладкого полированного серебра. Посмотришь в него – и видишь себя, каков ты есть.

Вот Ольга и подбадривала Свенельда поглядеться в него.

– Взгляни же! Не опасайся.

И Свенельд посмотрел. Если не считать изнуренного вида, он был все тем же: зеленоватые, чуть раскосые глаза, красиво огибающие их каштановые брови, тонкий нос с легкой горбинкой, отросшие ниже бровей светлые волосы. Вода чародейская вернула ему прежний облик. Даже жутко исполосованный до переносицы лоб стал гладким, а почти сорванные до затылка с кожей волосы стали на место, все как и было. И только в глазах варяга оставалась настороженность. Он ведь всегда всех уверял, что человек сильнее любого чародейства, а вот же теперь вздрагивает при одной мысли о том, что пришлось пережить. Близость таких сил не проходит для смертного даром, понадобится еще немало времени, чтобы в душе Свенельда опять ожили прежние удалы и бесшабашность. Подумать только, он против самого Кощея посмел выступить, с Чернобогом рядом находился, Перуна Громовержца почти узрел. До сих пор оторопь пробирает от тех ощущений. И если чародейская водица скоро привела в порядок его тело, то душа была еще не на месте.

– Убери. – Свенельд вернул Ольге ее византийскую цацку и вновь прикрыл глаза.

Ольга вздохнула. Она не понимала, что с ее неугомонным посадником. Она ведь сама его лечила, сама обрабатывала мертвой водой его раны, никому иному не доверив, сама возвращала силу живой водой. А Свенельд как будто и не воспрянул духом. Который день лежит в темной избе, несколько дней и есть не хотел, пришлось едва ли не упрасивать его принять пищу. Хорошо еще, что интереса к происходящим событиям не потерял, выслушивал вести воевод, о том, как Искоростень взят в кольцо, муха не вылетит из града, и каждый день идет перестрелка, снимают дозорных с вышек, да и те мечут стрелы, если кто приблизится. Вот так уже пару седмиц они живут, уже все готово к новому приступу. Ольга поведала, что после гибели Волчары новгородцы избрали себе нового воеводу и уходить пока не спешат, даже желают идти на Искоростень, помститься хотят за старшего. Надо только решить, кто поведет людей.

– А нужен ли тот приступ? – почти лениво спросил Свенельд. – Рано или поздно они начнут голодать, запросят мира, вышлют к тебе послов.

– Да и выставят свои условия сдачи, – нахмурила соболиные брови княгиня. – Они ведь тоже понимают, что нам не большой резон тут зимовать. Погляди, Свенельд, снег уже дважды срылся, нашим людям требуется теплая одежда, пропитание надо добывать. Самое время отправляться в полюдье по краю. Проехать с дружиной, установить новые оброки, смирить недовольных, если где остались, поставить наши крепости, откуда будем влиять на древлян. Хватит с них прежней вольницы, мы уже научены, что только силой да постоянным надзором сможем их покорить. И надо дань брать не столько мехами, сколько людьми, самых молодых и рьяных будем забирать. Ништо, пускай Руси послужат. Древляне-то борзы, пока у себя в чашах таятся, а как выйдут на белый свет поглядеть, уже в свои буреломы и болота не сильно и рвутся.

Все-то у нее уже было продумано, все предусмотрено. И продолжала объяснять это Свенельду, надеясь, что всегда так живо интересующийся древлянскими делами посадник примет участие в обсуждениях. Ведь это и его забота – с должности его никто не снимал. Ольга опасалась даже признаться Свенельду, как ей нужно, чтобы именно он был подле нее – сильный и решительный мужчина, который все для нее сделает, с которым она ничего не боится.

– Где Малкия? – прервал ее речи варяг.

Ольга досадливо сжала губы. Казалось, в последнее время Свенельд и дня не мог прожить без этого древлянского ведуна. Постоянно требует его к себе, шепчутся о чем-то украдкой. Княгине это не нравилось, опасалась, что совсем заморочил ее варяга

Малкиня. Вон зачем-то увел тогда Свенельда в чащи, когда невесть что тут творилось, и теперь храброго воеводу как подменили.

Поэтому Ольга еще вчера услала Малкиню из стана. Сказала, пусть убирается куда подальше, но все же за службу наградила: коня ему выделила, дала охранников. Однако как сказала о том Свенельду...

- Ну кто тебя просил это делать! - рассердился посадник, даже привстал на лежанке. - Ты не понимаешь, Ольга, я у Малкини многое мог бы разведать. Мы ведь с ним... Мы ведь почти воинские побратимы. Он нужен мне. А ты осмелилась его услать.

- На то я и княгиня! - резко отрезала Ольга. - Мне решать, как с кем поступать. И какой резон было держать тут этого ведуна, когда с нечистью уже сражаться не приходится, а надо само племя примучивать. Я даже пожалела твоего Малкиню, чтоб ему пусто... Ну не заставляй же его становиться в строй, когда не сегодня завтра пойдем на Искоростень. Он древлянин, он на своих не пойдет. Сам мне то сказал. А зачем мне тут лишний рот у котла, когда скоро и своих нечем будет кормить? Али не слышал, что сказала? В полюдьё отправляться пора да думать, как зиму проведем у древлян.

Свенельд сел, спустил накрытые медвежьей шкурой ноги с лежанки.

- Эх, княгиня пресветлая, при помощи Малкини мы бы скорее смогли сговориться с Искоростенем. Я с ним уже разговаривал о том, и он взялся помочь. Подумай, у них теперь ни князя, ни волхвов не осталось, всем там заправляет этот Мокей вдовый сын, который только воевать и горазд. А так мы бы могли все миром решить.

- А с чего ты взял, что мне любо решить все миром? - подалась вперед Ольга, и даже глаза ее загорелись, как у кошки. - С чего ты взял, что моя месть насытилась? Древляне мужа моего разорвали, а я с ними рядиться буду? Нет, не дождутся. Огнем и мечом отплачу я им за все, что пришлось перенести. Страху напущу, чтобы все знали, как восставать против меня и сына моего - законного наследника княжьего престола Руси!

Ее тонкие ноздри гневно раздувались, лицо пошло румянцем, грудь бурно вздымалась.

Свенельд молчал. С одной стороны он понимал, что Ольга права. Ей нужно показать, кто истинный правитель на Руси, кто имеет право карать заслушание. Но с другой... Ну не признаваться же, что он, как и некогда Волчара, устал от этой войны. Да и древлян начал жалеть. Ведь столько лет посадником над ними был, у него тут и приятели имелись. Тот же Милюта с погоста, Простя из Сладкого Источника, тот же Малкиня. Хотя Малкиня как-то признался, что родом он не отсюда, а из града Любеча на Днепре. Но, как и сам Свенельд, прикипел уже к древлянам.

- Молчишь? - прищурилась на понурого посадника Ольга. - Ладно, и без тебя обойдусь. Ты такой нежный стал, Свенельд, тебя хоть к ранам как зелье прикладывай. А мне дело надо завершать. Сам не хочешь понять, я другого кого найду. Того же ярла Кари поставлю, а то и Претича назначу.

Она сделала паузу, ожидая, как на ее решение отреагирует Свенельд. Раньше он так и вскидывался, если она кого иного доверием облекала, а сейчас молчит отстраненно. Да что же с ним такое приключилось, что интерес ко всему потерял? И чтобы хоть как-то заинтересовать его, вновь заговорила о Малкине, поведала, что не гнала она ведуна, сам уйти пожелал. Вот как где-то пропадавшая Малфрида вернулась в Малино, Малкиня так и запросился восвояси. И ведьму как будто избегал. Но она им и сама не интересовалась, ни им, ни сыном своим. Да и вообще она какой-то иной стала, веселой, дерзкой, смеется с воинами, рассказывает им всякие побасенки, от которых те так и заходятся. Ольга все же напонила той о сыне, как же без этого, поведала, что Малкиня его увез. Малфрида при этом была какая-то странная. Удивленной казалась, даже переспросила, точно ли ее Добрыню увез ведун. А потом будто опять интерес потеряла. Опять принялась гулять, затрагивать воев, как иная волочайка игривая. Правда, хоть и шутит с ними, но себя блюдет. Да и к Ольге сама пришла, вызывая про планы, и обещалась помочь. Говорила, что теперь княгиня может на нее рассчитывать.

Свенельд вроде и слушал внимательно, но молчал. Потом все же поднялся. Ольге же

грубо сказал, мол, дай бабам силу, они злее любого матерого берсерка станут. Им бы только волю... Ольга осерчала, вышла, хлопнув дверью. Ну что ж, справится и без него. Но все же была довольна, когда к вечеру Свенельд пришел на сходку. Однако он все больше сидел в стороне, наблюдал, сам на себя не похожий, такой угасший и отстраненный.

Зато Малфрида была весела. Тоже явилась на совет, сидела улыбаясь. При одном взгляде на чародейку становилось ясно, что она изменилась: в ней словно бродил некий раж, она выглядела уже не как смиренная боярыня Малфута, даже не как замкнувшаяся в себе беременная чародейка, лишенная способности к колдовству. Сейчас одного взгляда на нее хватало, чтобы понять – ведьма. Не одна Ольга то заметила, все уразумели. Но отчего-то не чурались Малфриды, мужики, наоборот, так и кружили вокруг нее, самые суровые воеводы смотрели на нее по-особенному. Ибо с возвращением сил Малфрида стала казаться яркой и обворожительной. Ольга начала понимать, чем та причаровала Игоря. Княгине даже не по себе подле нее делалось. Создавалось ощущение, будто и не она тут главная, а ведьма. Вон, тот же Претич вдруг объявил, что теперь, когда Малфрида снова в силе, они непременно победят. Может, и мечей им вынимать не придется. И просто сиял, не сводя глаз с чародейки.

– В чем же тогда ваша воинская честь? – решительно выпрямилась Ольга. – На чары, как и древляне, надеетесь? Те за волхвов своих прятались, а вы за подолом Малфриды хотите укрыться?

– Ну уж людей больше не будем класть почем зря, – отозвался кто-то из толпы.

Она и не разобрала, кто это, но тут вперед выступил Асмунд. Сказал, что, может, настала наконец пора им попробовать переговорить с древлянами. Ольга рассчитывала, что ободренные Малфридой воеводы и дружинники засмеют старого воеводу, даже припомнят тому его христианство, однако неожиданно Асмунда стали поддерживать. Он пользовался большим уважением, он еще при Олеге прославился, его и Игорь слушал. Вот и сейчас выслушали, кивали одобительно.

Малфрида слушала все это, усмехаясь в стороне. Свенельд отмалчивался. А воеводы... сам ретивый Претич вдруг согласился с Асмундом. Сказал, что надо встретиться с древлянскими послами, выставить им условия да послушать, что те скажут. Ольга кусала в ярости губы, злясь, что она женщина, что нет в ней мужской силы, чтобы осадить их всех, чтобы прикрикнуть да настоять, что никакого мира с древлянами не будет! А если вступить с ними в сговор, то это даст древлянам надежду, что они по-прежнему сила, что могут самому Киеву выставлять условия.

И все же Ольга была вынуждена смириться перед волей войска. Сказала, чтобы кричали древлянам о переговорах, а сама отправилась собираться.

В жарко натопленной избе прислужницы обрядили ее для встречи. Переплели длинные косы княгини, нарумянили щеки, подвели сажей ресницы, на голову надели богатый убор, сверкающие колты прикрепили. Княгиня должна предстать перед послами во всем великолепии, чтобы ни на миг не было догадки, что и ее эта война уже утомила. Когда уже накинули на плечи широкий, затканый золотой тесьмой плащ на меху, в двери без стука кто-то вошел – от сквозняка алые отблески так и забежали по угольям в очаге, дверь тяжело хлопнула. Ольга резко оглянулась, гневаясь: кто посмел потревожить без дозволу? И замерла, увидев Малфриду.

У ведьмы был странный вид: стояла, прямая как стрела, растрепанные волосы выбивались из-под багряного покрывала, смотрела пристально. И показалось княгине, что в глубине темных глаз чародейки как будто желтым отблеском заполоскало. Даже жутко сделалось.

– Чего тебе? – не выказав страха, строго спросила Ольга.

– Мне есть что сказать тебе, Ольга, – низким рокочущим голосом молвила Малфрида и повела бровью на прислужниц, намекая, чтобы выслали их. И как те вышли, сказала: – Знаю, что тебе не по сердцу примириться с древлянами. Не по сердцу это и мне, сама помстить им не менее твоего желаю. И за Игоря, коего любила, и за честь мою погубленную, за счастье со Свенельдом порушенное. За все хочу по квитаться. Мужам нашей мести женской не понять, вот и пришла помочь.

– Да ну?

Ольга сама не понимала, как держаться с ведьмой, но, похоже, той и впрямь есть что предложить.

– Твои люди устали воевать, – сказала Малфрида. – И если древляне предложат тебе мир и откупную, это устроит многих. Но не нас с тобой, пресветлая. Поэтому надо поступить хитро и мудро. Некогда ты просила меня помочь, теперь мое время пришло. Наше время. И если хочешь, чтобы вместо переговоров и уступок была полная победа, то послушай, что скажу.

Они проговорили довольно долго. Ольге уже и коня к крыльцу подвели, уже и воеводы устали ждать, а они все разговаривали. Кто-то предложил позвать Свенельда, пусть поторопит обеих своих баб. Так и сказали: обеих. Одна ведь жена признанная, а другая... Ведь не слепы люди, поняли, что Ольга Свенельда особо отличает.

Свенельд на это никак не отреагировал. Он все еще был какой-то вялый, будто не проснулся. Ходил, отвечал, давал какие-то наказания, но без прежнего интереса. Но отчего-то не верил, что, даже переговорив с древлянами, Ольга пойдет с ними на мировую. Ведьма не позволит. И он кивнул каким-то своим мыслям, когда Ольга вышла из избы. Вид у нее был такой, словно на нечто важное решилась. Глаза горят, прошла, ни на кого не глядя, вся во власти дум своих. Подле гарцевавшей лошади один из стремennых подставил ей колено, помог взобраться в седло. Она лихо перехватила украшенные шелковистыми кистями поводья, причмокнула – и вперед. Свенельд все же успел заметить, что она улыбается. И улыбка у нее была решительная и недобрая. Ничего иного он и не ожидал. Наверное, решила выставить древлянам такие условия, что те и принять не смогут. Пора бы ему вмешаться, все же посадник древлянский, как-никак. Раньше бы он и впрямь так поступил. Ныне... перегорело ли в нем что-то? Просто поехал следом, как и всегда. А лицом отрешенный, спокойный, безразличный. Больше по сторонам смотрел, чем думал о предстоящем.

Лес и впрямь выглядел особо: с уже опавшей листвой, голый, пустой, только когда ближе к Искоростеню начался ельник, это ощущение прозрачной пустоты сменилось густым мраком. В последнее время после дождей сильно подморозило, и все вокруг будто застыло в ледяной корочке. Сейчас лед висел на голых ветвях застывшей каплей, мохнатые лапы елей похрустывали, тяжелые и негнувшиеся в морозном безветрии. Казалось, появившись сейчас солнце – и мир засияет. Но было серо, тихо и печально.

Только когда они оказались у костров, какие палили в лесу державшие Искоростень в оцеплении отряды, стало оживленнее; воины поднимались от огней, подле которых грелись, смотрели на свою княгиню. Кругом копья, секиры, колушки поверх доспехов, у кого просто накинуты кое-как выделанные меховые накидки. Теплой одежды на всех явно не хватало, да и люди выглядели осунувшимися, усталыми. От их дыхания поднимался пар, но при виде княгини многие заулыбались.

– Никак что-то решится, княгинюшка? Уж лучше на приступ, чем тут как зверье лесное одичать.

– Да, нападать уж лучше, чем ожидать. Там ты либо взлетишь, либо успокоишься.

Ольга ободряла воинов, говоря, что древлянам гораздо хуже. Пусть у очагов, но когда скопом голодаешь... Все это понимали.

Свенельд ехал на коне немного позади Ольги. Размышлял, что они так толком и не обговорили, как вести разговор с послами древлян. Но когда увидел самих послов, понял: те на многое согласятся.

Вкруг Искоростеня тоже все было в ледяной корочке. Послов из града выехало четверо: двое изможденных древлянских бояр, старых, не из тех, кто рати водит, и двое воевод. Но и эти смотрелись невесть как. В одном Свенельд сразу распознал Мокея вдовьего сына: обычно дерзкий и смелый, древлянин сейчас выглядел угрюмо, люто посматривал из-под накинутой на голову волчьей личины. Причем посматривал единственным глазом, второй покрывала полотняная повязка, но все равно были видны исполосовавшие его щеку багровые рубцы. Второй был немолодой воевода с уныло обвисшими усами, и хоть глаза у него были целы, но на коне он сидел криво, несмотря на то что его тело

обхватывали веревки, прикрученные к торчавшим из-за плеч кольям-подпорам: видно, воевода повредил спину, жив-то остался, а вот прямо держаться уже не мог. Вот такие послы... Да, видать, им несладко пришлось. Скорее всего, Ольге будет легко столкнуться с ними, они уже на пределе. А не сговорятся... И Свенельд впервые подумал, что если у древлян таковы дела, то еще один приступ они, может, и не выдержат.

Ольга оглядела их всех и подавила довольную улыбку. Стала думать, что с ней это все уже было недавно: такие же переговоры, да и съехались они почти на том же месте, где в прошлый раз.

– Вот, решила переговорить с вами, почтенные, – обратилась она к послам. – Уже зима на подходе, Морена вступает в силу. Неужто думаете опять принести ей жертвы и снова колдовать? Или не поняли, что мы сильнее ваших чар? Уж сколько их насылали, а вот же мы, ничего нам не сделалось.

Ни один из них не ответил, ждали, что еще княгиня скажет. Она и говорила: мол, до чего рассчитываете досидеться? Ведь многие древлянские земли уже признали заново власть Руси, и ничего им дурного не сделалось. Живут, квасят капусту, охотятся, да греются у очагов, рассказывая детям страшилки. Искоростень же остался в кольце осады, он обречен, если его жители не сдадутся.

Один из бояр все же решился ей ответить:

– Мы бы рады были пойти с тобой на сговор, княгиня, да только ты ведь не успокоишься, куда не отомстишь нам за мужа своего.

Увечный длинноусый воевода тоже подал голос:

– Ты злобная сука, которая пришла нам мстить за своего кобеля. И мы тебе не верим!

Ишь, догадливый, отметил Свенельд. И покосился на Ольгу: что ответит на оскорбление? Понимал, что сейчас у Ольги появился повод сорвать переговоры, как и ранее хотела, но вон, держится даже спокойно.

– А если мы все же столкнемся? – молвила. – Если вы примете мои условия и я отведу рать? Если мои люди, как и ранее, разъедутся в полюдь по древлянской земле?

Они выглядели озадаченными. Правда, вон, Мокей склонил голову, так что стала видна только клыкастая волчья пасть вместо лица, но все равно Свенельд был готов поклясться, что тот еле сдержал улыбку. И неожиданно Свенельд понял, что такие, как этот парень, никогда не смиряются, что и смирение древлян будет просто уловкой, а на самом деле война продлится еще долго, и даже обговоренное сейчас полюдь станет жестоким и кровавым. От этого возникло ощущение грусти... хотя в последнее время грусть и так не покидала Свенельда. Он понимал, что это просто следствие душевного перелома, которое он никак не может преодолеть. А тут решать судьбы целых племен надо. И если опять война... Что ж, может, и права Ольга, настаивая на жестокой расправе с древлянами, чтобы сделать их не одним из равных племен Руси, а полностью подчиненным, обескровленным, поставленным на колени? Пока совсем не исчезнет их имя, а земля станет просто одной из русских земель, где уже никто не посмеет называть себя древлянами.

Ему нехорошо стало от этой мысли.

Ольга заговорила спокойно:

– Я считаю, что уже достаточно отомстила за своего мужа Игоря. Первый и второй разы, когда ваши послы были принесены откупной жертвой в Киеве, третий раз, когда я справила тризну о нем. И эта война... Разве мало нашей и вашей крови пролито? Больше я не хочу мстить.

Свенельд ушам своим не поверил, даже дыхание задержал, дивясь подобному смирению в голосе княгини.

Древляне тоже выглядели удивленными. Один из бояр заулыбался, оглянулся на своих спутников. Только Мокей, как и ранее, сидел ссутулившись, заслоняясь своей волчьей

личиной.

Ольга продолжила:

– Вот что я вам скажу, почтенные: мстить больше не стану. Хочу, чтобы все было, как и ранее. Поэтому установлю дань... небольшую. Откупитесь только тем, что сможете дать.

Мокей не двигался, иные озирались. Теперь они начали улыбаться, даже увечный воевода посветлел лицом. Именно он и сказал:

– Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе и меду и мехов.

– Нет у вас теперь ни меда, ни мехов, – резко, как отрубая, взмахнула рукой Ольга. – Ничего нет. Поэтому попрошу как дань только птиц, каких возложу на алтари помогавших мне богов. Так что пусть из Искоростеня мне пришлют по три голубя и по три воробья от каждого двора. Ну что таращитесь? Такова моя милость вам. Я ведь не желаю разорить вас окончательно, как муж мой того хотел. И считаю разумным, чтобы вы и в дальнейшем богатели да могли полюдников моих содержать. Поэтому и возьму меньше, чем при Игоре брали. А не послушаетесь – изнемогать останетесь, пока не подохнете с голоду. И в этом мое последнее слово.

Повисла напряженная долгая минута. Свенельд оглянулся на Ольгину свиту. Асмунд, Претич, ярл Кари – все они выглядели ошеломленными. На кой ляд им столько птиц? В стрельбе из луков, что ли, упражняться? Ну уж точно – не на алтари возлагать.

И Свенельд понял, что Ольга лжет. Замыслила что-то... что Малфрида ей насоветовала.

Но древляне уже согласились. Они сказали, что нескольких дней им вполне хватит, чтобы собрать названную дань, что всем миром птичью ловлю устроят. Понятное дело, им тоже не терпится поскорее покончить со всем этим. А затем они выставят за ворота корзины с собранными птицами – как знак своей доброй воли и признание мира.

– Добро, – кивнула Ольга. – Но учтите: пока я не получу обещанное, пока не совершу жертвоприношение, мои рати будут удерживать осаду.

Она резко развернула коня и поскакала назад. Разлетались полы плаща, мелькала меховая опушка.

Свенельд рассчитывал переговорить с Ольгой в стане, но она избегала его. Даже когда все воеводы явились и стали требовать пояснений, она вдруг проявила решительность и просила только одного: чтобы в кои-то веки не она их выслушивала, а они ей доверились. А еще приказала зачем-то осмолить каждый трут или тесемку, какая найдется; пусть еще разрежут на полосы тряпье и ветошь, какую раздобудут, и тоже осмолят, чтобы горело хорошо, если поджечь. А еще повелела воинам не беречь запасы, а наестся всем от пуза, чтобы силы были. По всему выходило, что будет бой. И бой решающий.

Что произойдет нечто необычное – и так ясно. Однако никто не задавал вопросов, видя, как на помощь Ольге рьяно кинулась Малфрида. В своем алом покрывале с накинутой на плечи лисьей накидкой она внимательно осматривала каждый трут, каждую тряпицу. Еще велела, чтобы за градом следили как никогда, дабы ни один древлянский лазутчик не прознал, что у русичей происходит.

Свенельд столкнулся с Малфридой у одного из костров, на котором разогревали смолу. Сказал:

– Ты, конечно, хитра, но учти – птицы не полетят обратно к гнезду, если гореть станут.

– Много ты понимаешь в птицах, посадник, – его жена блеснула зубами в усмешке. И уже куда серьезнее добавила: – Я прикажу – полетят.

Он уловил потаенный желтый отблеск в ее глазах, заметил, как вьется выбивавшаяся из-под покрывала тонкая волнистая прядь – будто ветром невидимым развевается. Да и от самой Малфриды будто веяло жаром. И хороша была необыкновенно... да только его оторопь брала от ее негаданной и пленяющей красоты.

- Это ведь и твое племя, Малфутка, - назвал он ее прежним древлянским именем.

- И твое, посадник, - отозвалась она негромко.

- Мое? Ну тогда ты знаешь больше меня.

- Знаю. - Она продолжала улыбаться. - По отцу ты варяг, Свенельд, по матери в тебе течет славянская кровь. Но ты столько времени провел у древлян, что тебя тоже можно считать древлянином.

Свенельд глубоко вздохнул, его окутало облачко морозного пара.

- Многое ты понимаешь, Малфрида. Умна, что тут скажешь. Но хватит ли твоего ума, чтобы признаться самой себе, чья кровь в тебе течет?

Он теперь смотрел на нее почти с неприязнью, почти оттолкнул, проходя мимо. А она так и застыла с замершей улыбкой-grimасой. Даже желтоватое пламя в ее глазах больше не плясало. Ибо ей стало страшно.

Однако сейчас не оставалось времени для страхов и раздумий. Малфриде нужно было сосредоточиться. Некогда она самой себе пообещала, что отомстит древлянам. И срок пришел.

Она тряхнула головой, желтоватый отблеск вновь разгорелся из темной глубины ее глаз. Всею свое время. Сегодня же она должна думать, как услужить Ольге. Ибо сама Малфрида считала себя обязанной княгине. Обязанной за собственное возвышение, за доброту, за ее веру в боярыню Малфуту, которая некогда и сама не ведала, какие в ней силы сокрыты. Ольга же пробудила ее от спячки, дала возможность стать сильной, стать самой собой. А Малфрида умела как мстить, так и быть благодарной.

Глава 18

После мороза опять наступило потепление и на лес опустился туман. Но в лагере русичей царило оживление. Точили мечи и тесаки, укрепляли острия на древках копий, проверяли прочность ремешков кистеней. Все понимали: скоро придет час пустить оружие в ход. И это после переговоров-то!.. Но никто не сомневался, что грядет нечто страшное и необычное.

Те из дружинников, у кого с собой были обереги Перуна, обращались к покровителю дружин с просьбой о силе и мужестве. А еще искали в замершем лесу старые дубы и приникали к ним с прошением. Дуб – любимое дерево самого Громовержца, он услышит тех, кто взывает к нему, пошлет удачу. Что Перун ныне особо в силе – никто не сомневался. Прошедшая недавно чудовищная гроза, когда и лес горел и деревья валились, когда, казалось, содрогалась земля, всех убедила, что Перун за них, что он поможет, как уже помог, развеяв темные силы над краем. И теперь воины должны отплатить ему немалой жертвой. Никто не сомневался, что именно древляне станут этой жертвой. Возможно, только находившиеся в дружине христиане смотрели на это как-то иначе, однако и они участвовали в приготовлениях не менее иных. Воин он есть воин, он выполняет то, что умеет, а какому богу он поклоняется да что обещает – тут дело каждого, в это не следует вмешиваться. А после того как христиане своей молитвой отогнали трехголовое чудище, поднятое древлянами... Правда, теперь многие сомневались, что именно они одолели. Просто сил не хватило трехглаву напасть на русичей. К тому же разума не хватило, вон, пожег своих же и канул невесть куда. Темная сила она ведь такая, ее легче вызвать, чем потом с ней управиться. В покоренных древлянских землях то уже поняли, спокойнее уживаются с русичами, даже порой приносят угощение, приходят к кострам в своих забавных ушастых шапках. Говор их понятен остальным, можно поболтать, когда пекут репу на углях и угощают пришлых. Ну, и говорят о всяком. О бабах тех же. Плохо воинам, когда баб долго нет. Не к ведьме же приставать, в конце концов. Вон какая она в последнее время важная стала, от княгини не отходит. А княгиня – она как и не баба. Она правитель. Это даже строптивые новгородцы уразумели.

Но в последнее время окрестные древляне сообразили, что долгая осада Искоростеня вскоре окончится. И окончится несладко для осажденных. Сперва даже пытались поговорить, дескать, у кого-то родичи во граде, у кого-то приятели. Русичи таким не знали, что и сказать. Прогнали в итоге. И особо осторожно приходилось следить за самим градом, чтобы никто ничего не узнал, не проведал, дабы лазутчики не прошмыгнули ни из Искоростеня, ни в сам Искоростень.

В самом городе тоже ощущалось оживление, гул доносился, причем какой-то веселый гул. Даже стражники на заборках держались теперь иначе, не следили за стоявшими в оцеплении русичами, а порой уходили с вышек, возвращались неспешно, бывало, что махали руками приветливо, окликали недавних врагов. А те ничего, отзывались. Но опять возвращались в тень леса и готовились. Скоро уже... Никто толком не ведал, что «скоро», но знали: они победят. Ведь не ради поражения же тут торчали столько времени!

Через несколько дней ворота Искоростеня стали отворяться и оттуда повалил народ. И все несли корзины или плетеные клетки с пойманными птицами. Шли нарядные: в пышных мехах, какими древлянские леса особо славились, женщины в пуховых шальях из шерсти местной тонкорунной козы, дети в ярких колпаках всевозможных расцветок, какие, опять же, только местные умельцы знали, как получать. Весело шли, гудели в рожки, приплясывали, улыбались.

Ольга сама не прибыла принимать оброк. Посадник Свенельд тоже отказался. Поехали одни варяги из отряда Ольги. С древлянами держались сурово, разговаривали через слово. Умели варяги, когда хотели, напустить на себя такой вот недоступный вид, от которого даже оторопь брала. Вот древляне и оробели, молча поставили подношение, наблюдали, как вереницы русичей забирают их пернатую дань, уносят. На все попытки завязать разговор, как обычно бывает при перемирии, никто не отвечал, угрюмы были. Да и разойтись, отправиться в леса не позволили, заградили путь, опустив копы, и выразительно кивали в сторону Искоростеня, давая понять, чтобы данники возвращались. Вот и смолкли веселые звуки рожков и бубнов, бабы поспешили увести детей, мужики отступали осторожно, за воротами стали переговариваться,

предварительно поспешив запереться, вбросили в пазы тяжелые брусья.

– Я ведь сказывал, чтобы не верили им, – горячо убеждал Мокей. – Дани такой, птицами, еще с начала мира не платили, выдумывает что-то княгиня коварная. Она уже не единожды нас обманывала, а вы и развеселились, как олухи. Гнезда птиц под стрехами разворошили, ловили пернатых, чисто дети малые.

Еще недавно такие речи Мокея всех раздражали, теперь к ним стали прислушиваться. Он сказал, чтобы укрепили ворота, повелел стражам зорко следить за округой, а самим жителям и собравшимся во граде защитникам разойтись по избам и тихо там сидеть. Отчего-то это многих повергло в уныние. Они ведь уже надеялись передохнуть от постоянных опасений, разойтись на ловы, а не делить у очагов последнюю похлебку, которой уже едва хватало.

Мокей велел мужам-защитникам оставаться при оружии, опять усилил охрану стен.

– Будем ждать, чем все это обернется.

– Но княгиня же обещала!.. – пытался кто-то унять поздно проснувшиеся опасения.

Вдовый сын только глянул сердито единственным глазом: второй ему вырвал проклятый Маланич, перед тем как улетел навсегда. Никто не знал, что с Маланичем сделалось, – скрылся ли, воспользовавшись доверчивостью древлян, или погиб где? Но для Мокея он все равно был врагом, который и в чужом обличье сумел попортить красу Мокея, какой ранее он так гордился. Ну, ништо, бабы его любили и таким: за удаль, за бесстрашие, за крутой непримиримый нрав. И сейчас был по сути единственным воеводой, на которого они могли возлагать надежды. Еще недавно на его предостерегающие речи только сердито махали руками, ныне же повиновались, как будто он князем был. Он мог бы торжествовать, если бы на душе не было столь тревожно. Даже страшно. Ибо уже не единожды замечал в стороне от Искоростеня Малфриду, узнавал ее каким-то особым чутьем, высматривал, пытаясь понять, что ведьма проклятая замыслила. Ибо понимал: она пришла мстить. А ее мести бесстрашный Мокей опасался, как своего смертного часа.

День прошел тихо и томительно. Короткий день: темнеть начало, едва развиднелось. В эту пору это и не диво, но отчего-то сегодня наступившая ночь казалась особенно тревожной. Да еще и снег пошел. Невидимый в темноте, но угадываемый в потемках по влажным липким прикосновениям к лицу, к ладоням. Сквозь ночной сумрак было заметно, как покрываются белыми шапками кровли строений, становясь похожими на большие сугробы. И поле вокруг града стало белым. Это хорошо, на таком снегу виден всякий, кто замыслит подступиться.

В темноте Мокей в который раз лично обошел все посты, следил, чтобы люди были на чеку, чтобы подле каждого имелись связки сулиц и копий, рогатины под рукой, чтобы тулы были полны стрел. Злой ходил, придирался ко всякой мелочи, а сам все вглядывался в мутные в темном снегопаде окрестности, ожидал чего-то. Порой от леса и впрямь слышались какие-то звуки. Где – из-за этой снеговерти не поймешь. Но порой Мокею казалось, что он слышит отдаленное попискивание птичьих голосов. Мучают там пернатых, что ли? Ольга вон сказывала, что на алтарь богами птиц принесут. Это сколько же с этими пичугами русичи будут возиться? Да и что за жертвоприношение такое птичье? Ну, добро бы петуха или гуся клали для небожителей, а с воробьев какой прок? Или с голубя, какой все больше Ладе ласковой угоден. Не надумали же все русичи враз начать поклоняться на войне именно Ладе? Леший их поймет. Как и княгиню их коварную. Как и Малфриду недобрую. Но о Малфриде думать было особенно страшно, Мокей гнал мысли о ней. Вон пока она ничего не вытворяет, ну и кикимора ее заberi, леший раздери!..

Но Малфрида была цела и невредима. Даже сладко выпалась, пока ее не пришел будить в предрассветную пору Претич. Сообщил, что вои выполнили все, что ведьма повелела: привязали к каждой птице трут и паклю, и как настанет срок – пустят на град. В отличие от Свенельда Претич не сомневался, что птицы полетят, куда надо. Другое дело этот снегопад, шедший всю ночь и прекратившийся только на рассвете.

– Снег-то мокрый, – заметил Малфриде Претич. – Солома на крышах пропиталась им, дерево отсырело.

- Но ведь птицы полетят в свои гнезда, Претич, - почти весело поясняла Малфрида. - Под стрехами во внутренних дворах, под скатами кровель их гнезда теплые и сухие. Вот огонь и разгорится изнутри, и люди навряд ли смогут справиться с возгоранием. Да и тихо сейчас, сам понимаешь - предутренний сон самый сладкий, самый крепкий.

Она повернулась туда, где за деревьями послышалось лошадиное фырканье, увидела выехавшую из лесу Ольгу. Та спешила, стояла, не сводя взгляда с Искоростеня. Малфрида скривила рот в усмешке.

- Пришла поглядеть, княгиня?

- Пришла. Это моя война.

Малфрида невольно поискала среди стоявших за Ольгой воевод Свенельда. Ольга то заметила.

- Он по ту сторону, в оцеплении у дальнего леса. Ждет сигнала.

Значит, решил-таки, принял то, что она повелела. Ну что ж.

Ольга по-прежнему стояла не двигаясь: руки сложила на груди, лицо неподвижное, белое, как осевший на лапах елей сырой снег.

Малфрида оставила ее и прошла вперед. Пространство до града светлело под снегом, а сам Искоростень, притихший на скалах над Ужой, казался огромным и темным. Самое время начинать. А то в такую пору любой звук далеко летит, древляне могут расслышать птичьи голоса, какие нет-нет да раздаются то с одного, то с другого края обступавшего Искоростень леса.

В руках Малфрида тоже держала сизого голубя со смиренно сложенными лапками, к одной из которых был прикреплен трут. Малфриде не требовалось стучать кресалом, высекая искру. Огненный язычок сам собой замерцал у нее между пальцами, побежал по труту. Птица напрягла крылья, замотала головкой.

- Лети! - подкинула голубя высоко вверх ведьма.

Первая огненная точка в сумраке, потом как по команде стали загораться огоньки то тут, то там. Малфрида колдовала, зажигая эти мгновенные огни, она вскинула руки, ее алое покрывало сползло с головы, волосы взвились, как под порывом сильного ветра.

Дружинники стояли вокруг Искоростеня, по кругу до самого берега темной в ночи Ужи. Они знали, что будет, но все же вздрагивали, когда огонь вспыхивал сам собой, птиц не отпускали, а почти отшвыривали. Быстрое трепыхание крыльев, темный силуэт летящей птицы и множество огней, несущихся сквозь мрак.

Малфрида видела их и гнала ко граду. Некогда она поинтересовалась, сколько всего птиц. Ей ответили - тьма. От каждого двора по три воробья, по три голубя. И теперь эти стремительно летевшие к своим гнездам птицы несли с собой смерть. Даже если кого из них и сожгут стрелой...

Их и сбивали. Мокей увидел эту негаданно возникшую и приближавшуюся из мрака огненную смерть и приказывал стрелять. Но птицы летели, даже неживые, даже пронзенные. Вмиг над побелевшими кровлями города замелькали сотни и сотни огненных искр, казалось, что гасли, но нет, просто становились на время невидимыми, когда птицы спускались, искали привычные гнезда. На какой-то миг почудилось, что стало тихо, но это была обманная тишина. Ибо вот в одном конце Искоростеня, вот в другом стали раздаваться голоса, крики, потянуло запахом дыма.

- Беги, стучи в било! - послал Мокей ближайшего кметя. - Пожар! Тушить надо!

Ведь к возгоранию в Искоростене давно подготовились, да и справлялись уже не единожды. В каждом дворе бадейки с водой стоят, кучи песка заготовлены, крючья, чтобы растаскивать горящие бревна. Да и сырая снежная ночь должна была помочь древлянам, все вокруг пропиталось влагой. Но кто же мог предугадать, что возгорание начнется под самыми сухими навесами крыш, под скатами кровель, в амбарах и на сеновалах, внутри натопленных изб?

Когда застучало било, многие и так знали, что творится. Горели уложенные шатрами кровли, занимались никогда не знавшие влаги, закопченные и сухие балки под сводами, огоньки распространялись быстро, в хлевах ревела и рвалась оставшаяся скотина. Ее не много было, чай, уже всю поели, а вот людей в каждом строении было предостаточно, спали вповалку и в сенях и в холодных клетях. А просыпались от жара и дыма. Вскикивали, кричали, кидались к выходам, толкая и давя друг друга.

Малфрида, осев на колени в снег, колдовала, прикрыв глаза. Ее огонь не так-то и просто было загасить, он расходился, будто под порывами ветра, завихрения происходили под каждой кровлей, пламя рвалось, подчиняясь силе развевавшихся черных волос ведьмы. Она творила заклинания огня, она почти не напрягалась, направляя его, столько в ней было силы. А огонь... Он и так найдет пищу среди сухих балок и сундуков с одеждой, пробежит по деревянной утвари, стремительно разойдется по плотно утрамбованным соломенным кровлям, по деревянным подпорам, по иссушенным изнутри дерновым крышам, охотно побежит по пронизывавшим их корешкам умерших на зиму трав, по проконопаченным и заткнутым для тепла сухим мхом щелям бревенчатых стен. Он стремительно расходился, заполняя все вокруг. Горело все: строения, люди, животные.

Когда Малфрида на миг приоткрыла глаза – она увидела, что неспешный зимний рассвет озарен, как всполохами зарниц, гигантскими кострами по всему Искоростеню. Малфрида улыбнулась и медленно поднялась. Зачерпнув рукой снег, вытерла лицо. Снег таял от прикосновения к разгоряченной коже ведьмы, стекал струйками. Она облегченно вздохнула и перестала ворожить. Довольно пока. И пошла туда, где стояла Ольга.

Лицо княгини было неподвижно, как каменное. Она будто и не заметила приблизившуюся ведьму, не оглянулась, когда та встала за ее плечом. Малфрида молчала, только волосы ее еще развевались, отпуская чары, но уже спокойнее, а вот глаза продолжали светиться желтизной, зрачок сузился, она смотрела на град и видела то, чего не видела княгиня. Она видела улицы, заполненные перепуганной мечущейся толпой, видела носившихся обезумевших животных, плачущих, потерявшихся в этой сутолоке детей. Кое-кто еще пытался тушить пожар, но многие просто метались, не ведая, что делать. Отовсюду доносились крики и вопли ужаса и боли. Малфрида даже запахи различала – удушливого дыма, горелой плоти, опаляющего жара, горевшей древесины...

– Сейчас, – негромко сказала она Ольге. – Сейчас они откроют ворота.

Ольга медленно кивнула и впервые оторвала взгляд от пылающего града, оглянулась на своих воевод.

– Пусть все будут наготове. И ни одной живой души!.. Чтобы никто... Таков мой приказ!

Это и так все знали. Но стоявшего недалеко от княгини Асмунда даже дрожь взяла – такой непреклонный, злой, словно чужой, был голос у его госпожи. Асмунд сердито взглянул на Малфриду: неужели проклятая чародейка сделала Ольгу такой? Старому воеводе-кормильцу так было легче думать. А вот Претич сомнениями не мучился. Вскочил на коня, поскакал вдоль кромки леса, крича, чтобы все были готовы, чтобы выхватили оружие.

В самом Искоростене уже растаскивали завал позади ворот. Мокей сам выталкивал бруссы из пазов, сам налегал на створку. И все же успел крикнуть тем, кто был рядом:

– С боем будем пробиваться! Иначе нас не пропустят.

Кому и кричал – неясно, на него наваливались, почти выталкивали наружу. Грохнув, упал мост, послышался топот, слитый с криками безумия и страха, но и некой надежды. Ибо сзади была огненная смерть, а впереди... тоже смерть.

Ибо едва древляне начали выскакивать на открытое пространство, как от леса с криками и воем навстречу понеслись отряды русичей. Они бежали по снегу и вопили в раже, только что светлое поле вмиг потемнело от их силуэтов, они разили оружием, насакивали, голосили. Кинулись на охваченных паникой древлян, нанося удары направо и налево. Кричали и древляне, молили о пощаде, но ее не было. Тесаки и секиры

опускались, вонзались копья. Обезумевшие древляне метались и падали, некоторые пытались сражаться, но их подавляли числом, вспыхивавшие было схватки превращались в резню, в избиение.

Мокей успел на бегу скинуть свою волчью личину, постарался смешаться с русичами, благо, что его кольчуга была схожа с их доспехами. В полумраке так разошелся, что стал рубить всех, кого мог достать – и своих, и чужих. Ему главное было добраться до леса, затеряться среди деревьев, исчезнуть, бежать. Ибо Искоростень и все его жители были обречены, Ольга творила свою месть по убиенному мужу, она обманула их, как и ранее. А значит, тут спасется лишь тот, кто выскользнет. Это уже не бой, не за что больше сражаться, надо бежать.

Вокруг все росла груда мертвых тел. Все новые жители Искоростеня выбегали из охваченного пламенем города, чтобы пасть под ударами мечей. Воины, женщины, дети, старики – все стали жертвой в этом избиении. Мертвые падали под ноги наступающим – их топтали так же равнодушно, как бревна.

Обычно русичи не проливали зря крови пленных, поскольку сильных рабов можно продать с выгодой, пленные – не последняя добыча в походах. Но на этот раз им был дан иной наказ, да и общий раж смертоубийства уже овладел всеми. Было все равно, кого убивать – пригожую бабу, нарочитого мужа или случайно мелькнувшую в толпе спасавшихся от пожара овцу. Люди не замечали, что уже светает, не чувствовали усталости, всех обуяло одно желание – убивать, убивать и убивать!

Когда Мокея обожгло в боку, он даже не сразу это заметил, просто вдруг стало тяжело бежать, сложно увертываться от наскоков, отпихивать разбегавшихся в попытке спастись своих же. В какой-то миг он осел на землю. Снега уже не было – была грязь, смешанная с кровью и порубленной человеческой плотью. Древлян было очень много, некоторые уже пали, иссеченные и искореженные, смотревшие застывшими взорами в небо, другие пытались, как и Мокей, отбиваться, были и такие, кто прорывался, неся к спасительному лесу. Но и там их настигали, опять убивали. Воздух был полон криками ярости и боли, пропитан запахами железа и крови. Мокей попытался ползти, почти бессознательно, почти на одном усилии воли, сам едва ли соображая, что еще жив.

Некоторые из древлян кинулись обратно в пылающий град. Таких не трогали: пусть горят себе. Зато гнались за теми, кто пытался спастись вплавь по реке, и спокойные воды Ужи уносили по течению лишь трупы. Бойня длилась больше часа. Все вокруг было пропитано ощущением смерти, и когда вдруг вспыхнуло солнце... Солнце, которого так долго не было над землей древлян, – оно осветило ужасающую картину крови, смерти и грязи. Такое солнце уже не могло обрадовать никого. Одни все еще пребывали во всеобщем раже смертоубийства, другие были мертвы... Только черный дым от Искоростеня плыл к непривычно ясному небу, затеняя яркое светило, словно стремясь скрыть от его лика ужас творимого на земле.

Но смерть еще не окончила свою жатву. Охмелевшие от крови и победы русичи бродили по полю боя, усеянному трупами, добывая раненых. Асмунд и Свенельд хотели было прекратить резню, но ничто уже не могло сдержать опьяневших от крови победителей.

Свенельд, пошатываясь, пошел туда, где стояли вдохновительницы происходящего – княгиня и ее ведьма. Лицо Ольги оставалось по-прежнему спокойным, ужас творящегося на глазах ее не поколебал. А вот Малфрида как будто даже отступила, край капюшона нависал на лицо, словно ведьма хотела так закрыться от всего. Но на нее Свенельд даже не взглянул. Смотрел на Ольгу.

– Ну что, ты довольна? Это твоё торжество?

Даже его обычное безразличие как будто отступило, мускулы на лице чуть подрагивали, глаза казались особенно яркими, но холодными.

И тогда Ольга произнесла:

– Власть в моей стране держится на силе меча. Но теперь все знают, что и у слабой женщины хватит духа направить эти мечи!

Да, теперь ее власть признают безоговорочно. А вот Свенельду было тяжело на нее

смотреть. Умом понимал, что в чем-то она права: ее будут бояться, против нее больше не восстанет ни одно русское племя. Но даже его брала оторопь от того, что она сделала. Сам по себе Свенельд не был злым человеком, он любил схватку ради победы, подобное же истребление подвластного люда ужаснуло его не менее, чем бой с Кошеем. В той их схватке он все же мог выказать удаль, ему было что отстаивать – светлые силы, беззащитное дитя, себя самого. А тут... Такой резней обреченных витязю было трудно похвалиться.

Солнце поднималось все выше, освещая темное поле вокруг Искоростеня. О снеге теперь никто и не вспоминал, его как и не было, все растопили огонь и смерть. Повсюду валялись нагромождения трупов. Несло смрадом толпы и горящего града. Русичи как будто стали приходить в себя. Кто-то ликовал, что вот все и окончилось, они отомстили за зло древлянам, они победили! Но были и такие, кто озирался, будто с недоумением, кто застывал, только теперь сообразив, что они наделали. Свенельд увидел, как недалеко от него мучительно рвет Претича. Надо же, этого лихого рубаку и то проняло. А вот княгиня наблюдает за всем почти с интересом. Окликнула своего ярла Кари, стала отдавать ему приказания. Голос был спокойный и кристально ясный. А вот Малфрида вдруг кинулась прочь, сперва просто пошла, натываясь на деревья и кусты, потом побежала. Свенельд едва не пошел за ней. Понял, что даже ведьме плохо, надо утешить. Они бы сейчас поняли друг друга, как никогда ранее, им бы было что сказать друг другу, может, даже найти один в другом утешение.

Однако Свенельд оставался воеводой, ему надо было созвать своих, надо было вызнать, как его люди. Да и пора было начать убирать поле. Негоже ясному небу видеть такую смерть.

Уборка поля боя порой занимает куда больше времени, чем длится сам бой. Поэтому воины почти до сумерек сносили мертвые тела, возжигали костры над павшими, творили обряды, упокаивающие души убиенных. Хоронили как древлян, так и своих павших. Всем надо было отдать дань уважения, чтобы никто не стал мстить из того мира, чтобы душа каждого была принята в Ирии.

Среди костров и дымов, кое-как перекусывая, кое-как переводя дух, Свенельд был занят до самого вечера. Потом пошел туда, где в стороне собрались русичи – подавленные, мало похожие на торжествующих победителей. И добра не взяли, и похвалиться удалью было словно не к месту. Да и устали все невероятно. Зато у княгини уже собрались воеводы, обсуждали, как дальше быть. Отдыхать долго недосуг, княгиня рассчитывала уже завтра начать сборы в полюдь. Весть о разгроме Искоростеня все одно разлетится по всему древлянскому краю, пора было назначать воев на постой, рассылать людей, чтобы было ясно, сколько дани возьмут, какие оброки назначат. Ольга не собиралась быть милостивой к древлянам, говорила, что назначит для них особую дань, чтобы возместить все убытки, чтобы расплатиться с воинами. И тут ей был нужен Свенельд, знавший, как никто, каковы дела у древлян. Княгиня искала его в толпе взглядом, рассчитывала на своего верного варяга. Кажись, только что тут был, а вот же ушел. Велела искать его, кликать.

Свенельд слышал, что его зовут, но не отзывался. Он нашел в чаще сидевшую на поваленном бревне Малфриду. У ее ног лежал неподвижный древлянин, она смотрела на него. Выглядела озябшей, усталой.

Воевода молча опустился рядом, приобнял за плечи, накрыв полую меховой накидки. Через какое-то время Малфрида заговорила:

– Это мой враг, Мокей вдовый сын, – кивнула она на тело у своих ног.

Посадник только подумал, что нехорошо, что и этого на костер не уложили, надо прислать людей, чтобы похоронили. Больше ничего не чувствовал. Это же сказала и Малфрида:

– Думала, как сгинет мой враг, великое ликование в душе ощущать буду. А мне... Мне горько отчего-то. Пусто как-то.

Ее глаза были темными и печальными. Свенельд произнес:

– Порой мы сами не ведаем, чего нам надо. Взбодрись же и подумай, как дальше жить

будем.

Она посмотрела на него, медленно отстранилась, убрав его руку с плеча.

– Ты вот добр ко мне сейчас, Свенельд. За то спасибо. Но я ведь осталась такой же, как я есть. И ты этого никогда мне не простишь, всегда будешь помнить и чужим останешься.

– Я знаю. Но пока мы еще муж и жена.

– То для людей, а сами мы иное знаем.

Они помолчали немного. Потом Малфрида сказала, что благодарна ему за то, что сына ее спас.

– Я ведь имела беседу с Малкиней перед его уходом. Он рассказал, что ты себя не щадил, защищая дитя, какое я за тебя Кощею обещала.

– Не мог я того позволить, – вздохнул варяг. – Ну что я за витязь, если меня баба защищает, да еще малым дитем заслоняет? А так я вроде и сам на что-то годен.

– Да, не по зубам Темному мой славный муж, теперь я это понимаю. А помочь хотела, потому что любила тебя без памяти.

– Любила?.. А теперь?

– Теперь мы слишком разными стали, Свенельд. И не ужиться нам. Ты воевода, тебе власть и сила нужны. А я...

Тут она умолкла. Свенельд пылливо всматривался в ее лицо – такое спокойное и привычное сейчас, без этих жутковатых всполохов в очах.

– Что ты для себя решила?

– Уйду я от тебя, если позволишь. Не жить нам вместе, разные мы. Ты против любого чародейства готов восстать, так как сильнее любых чар. А я... Я и есть эти чары.

В стороне опять слышались зовущие Свенельда голоса, показалось даже, голос Ольги кличет: и взволнованный такой, громкий.

– Пойдем к ней, – сказала, поднимаясь, Малфрида. – Она наша госпожа, ей оба служим. Да и должница моя Ольга, пора уже у нее взять обещанное: дочку нашу, Малушу. Мне дочка сейчас была бы нужна. После беды и горестей очень бы хотелось кому-то дать тепло сердца человеческого. Ведь есть же во мне и что-то человеческое, как думаешь, Свенельд?

– Есть, – негромко отозвался он. – Когда ты от мертвого поля в лес шарахнулась, я это понял. Вот и искал тебя.

Он говорил как будто спокойно, но Малфриде с ее умением видеть во мраке показалось, что его лицо как-то изменилось. На нем появилось нечто взволнованное и смущенное.

– Признаться тебе хочу, Малфрида...

И повесил голову, не в силах взглянуть ей в лицо. А она слушала, как некогда он, опасаясь разочаровать возлюбленную Ольгу, отрекся от маленькой Малуши, отдал ту, как что-то ненужное, княгине, и теперь их дочь растет среди челяди Ольги.

– Но ей хорошо там, Ольга о ней заботится, – поспешил добавить Свенельд.

– Значит, и в Ольге есть что-то человеческое, раз чужое дитя приветила, – подумав, сказала Малфрида. – А то после сегодняшнего мне уже стало казаться, что никто ей не мил в этом свете.

Из зарослей на них вышел Претич, едва не споткнувшись о тело неподвижного Мокея. Ругнулся впопыхах, потом к Свенельду: мол, обыскались тебя все, княгиня себе места не находит. А Малфриде подмигнул: надо же, еще недавно едва не пополам сгинался от чрезмерности кровопролития, а теперь опять готов служить, хватать жизнь полными

горстями.

Когда он ушел, Свенельд тоже поднялся.

– Ты не ответила, куда пойдешь? – И добавил смущаясь: – Не чужая мне, должен я знать.

– К Малкине, – отозвалась бывшая жена посадника. – Люб он мне стал, хорошо с ним, да и понимает он меня. Вот и будем с ним жить в Любече, с ним и Добрыней, если уж сын мне такой достался. Малушу тоже к себе возьмем.

Свенельд смолчал. В душе потаенно вспыхнула былая ревность, но он заставил ее умолкнуть. А ведь впрямь Малфрида и Малкиня могут стать ладной парой. И дети с ними. Хорошо им будет вот так вместе, можно и позавидовать. Только вот он... Да и за Малушу так стыдно, что и передать нельзя.

Повинный, грустный вид Свенельда стал утомлять Малфриду. Она поглядела на него – и сделала легкий колдовской посыл. И пригрезилась посаднику Ольга княгиня, что волнуется и ждет его. Пригрезилась прекрасная и ласковая, с ясными глазами и разлетом соболиных бровей, с горделивой посадкой головы и ярким ртом, какой он так жаждал некогда целовать. И опять желает.

Свенельд быстро ушел, словно кто приказал, не оглядываясь.

Малфрида дождалась, пока стихли его шаги, и опять склонилась над Мокеем. Потом достала из-под полы пенулы два флакона с живой и мертвой водой. Сперва облила окровавленное тело мертвой, потом перевернула своего давнего врага и, уложив у себя на коленях его голову, влила в рот немного живой. Лицо Мокея дернулось, только что тяжелый затылок потеплел, чуть шевельнулся. Он приоткрыл единственный глаз, еще мутный, еще ничего не понимающий.

В глазах Малфриды разгоралось желтое свечение.

– Ты уйдешь, – приказала. – Забудешь все и уйдешь неведомо куда. Жить будешь далеко отсюда, но жить.

И ушла. А зачем это сделала? – сама не знала. Враг ведь... Но она столько положила их сегодня, что захотела хоть одного поднять.

Она не вернулась к стану русичей, шла через лес быстрым шагом. Шла к Малкине и детям, улыбалась, представляя, как они счастливо заживут. Как люди, без всякого чародейства. Ибо она сделала свой выбор, и никаким темным силам ее не достать!

Когда с подсказки Свенельда пара дружинников явились похоронить мертвого Мокея, того уже и след простыл. Можно было и заволноваться – смутьян и бунтарь, прекрасный воин и смекалистый воевода, он бы мог наделать много зла. Однако за все время зимнего полюдья Ольги по древлянской земле о Мокее вдовьем сыне не было ни слуху, ни духу.

Эпилог

Большую часть времени этого полюдья Ольга провела в древлянской земле. Сама проехала по всем пределам, сама приказывала, где установить крепостцы-погосты, где баню себе велела ставить, где гать через болото проложить, где колодцы вырыть, а где и ловами себя развлекала. Однако с местными жителями держалась столь сурово и неласково, столько дани взяла с них, как товарами, так и людьми, что древляне зачастили к Свенельду, молили слезно защитить от погубительницы. Свенельд отмалчивался. Самому было стыдно, но после резни под Искоростенем понимал: Ольгу не переупрямишь. И он молчал, когда она забирала старейшин в полон, заменяя на своих ставленников, когда вереницы пленных под охраной отправляли на рынки рабов, когда ее люди выгребали из закровов последнее, отправляя в Киев, а еще в Вышгород. Совсем опустела после этого полюдья древлянская земля.

И потеплевшие было одно время отношения Свенельда и Ольги опять стали холодными, едва словом как-нибудь обменяются. Кто и подумать теперь мог, что эти двое некогда сладко целовались под дубом в становище русичей. Когда миновали древлянскую землю и полудный обоз вступил в край подвластных дреговичей, Свенельд хотел было отстать, остаться у древлян, но Ольга не позволила. И тогда всем стало ясно – не доверяет своему любимцу, хочет сама следить за ним.

На исходе зимы полудный поезд прибыл в Смоленск на Днепре, сюда же съехались и многие удельные князья, дабы встретиться с правительницей, принести ей присягу. В том, что Ольга удержала в своих женских руках власть, – никто из них не сомневался. Но и не забывали, что она баба. Вот и подумывали, что неплохо бы ей мужа заиметь. А им достойного князя. Эта мысль многих не оставляла, поэтому к Свенельду опять стали приглядываться и шептаться по углам: отчего княгиня посадника древлянского не отпускает? Пошто держит подле себя да на все сходки с ним является? Многих это раздражало, но многие уже и стали это принимать. Даже пошла весть: после возвращения полюдья в стольный Киев Ольга станет женой высочки-посадника.

Когда княгиня узнала, что все порешили, когда стала замечать, как сторонние князья спешат заручиться поддержкой и дружбой Свенельда, она вдруг заволновалась, испугавшись его возвышения. Едва не прогнала, так была груба и непочтительна. Но Свенельд только усмехнулся. Понимал, как для Ольги нелюба мысль, что ее принудят к браку, что потянут у нее так страшно и жестоко удержанные бразды правления. Потому и сам не пожелал сопровождать княгиню в дальнейшем полюдь, даже не вышел проститься, когда отбывала.

Княгиня это отметила. И хоть прежде всего ценила свою власть, но ведь бабой все же была. Пока она держалась со Свенельдом холодно и отчужденно, думала, что правильно поступает, даже некое удовлетворение получала от его кручины. А как сам Свенельд дал отходную да стал избегать ее, призадумалась. Вызвала к себе как-то Асмунда, стала выпрашивать, что сам Свенельд говорит, куда поедет. Асмунд сказал:

– Малфриду он хочет разыскать.

У Ольги так сдавило горло, что и слова молвить в первый миг не могла. Наконец совладала с собой, спросила:

– Да пошто она ему? Ведь сам же всем сообщил, что брак их в прошлом, что не жена ему более чародейка моя?

Асмунд только пожимал плечами.

– Ты спросила – я ответил.

И горестно так Ольге сделалось. Ей земли кривичей надо было объехать, потом северянский край посетить, дел неуворот, а она только и думала, что опять ее Свенельд воспылат чувствами к чародейке. И ведь известно, где та ныне обитает – в Любеч подалась. Ольга то знала, так как сама отдавала приказание отвезти туда к Малфриде свою воспитанницу Малушу.

И все, что смогла княгиня, это упросить Смоленского князя Гилю – разудалого весельчака и любезного правителя – оставить Свенельда в его граде, увлечь ловами

и пирами, развлекать и веселить, чтобы забыл тот о прежней жене.

Гиля был душа парень, княгине отказывать не стал. Вот и взялся пить, гулять со Свенельдом, тешил того да умищал, охотами развлекал да воинскими состязаниями. И Свенельд вроде как находил во всем этом удовольствие. Так гулял с Гилей Смоленским, так хмелел и веселился, что в какой-то миг ощутил, что исчезает в его душе надрыв, не оставлявший его после битвы с Кошеем, после резни древлян. И когда настала ясная и яркая весна, как вскрылся лед на Днепре, он на первом же струге отбыл по реке в сторону Киева. Но сперва хотел все же в Любеч заехать.

Град Любеч был расположен на Днепровском пути северянской земли и считался северянским градом. Но говор тут был уже общерусский, не северянский. Ибо немало кораблей собирались в речном затоне у Любеча, многие тут чинили да обновляли суда – благо, что вокруг располагались сосновые корабельные леса, а любечские корабельщики были известны не менее киевских. Вот и стекался сюда люд, кто путем днепровским, кто на работы приходил. Услышать тут новгородский, полянский, даже древлянский говор было не диво, и все это сплеталось в один язык, понятный любому, как любечанину, так и пришлому. Поэтому никого и не подивило, когда прибывший по реке варяг стал расспрашивать о некоей Малфриде.

Некогда Олег с боем брал Любеч. Потомки тех, кто отбивал решительного князя-варяга, теперь говорили о том без обиды, даже гордились, что дали такой отпор. Ибо взяв и разорив Любеч, Олег потом сам же его и отстроил. И теперь мощные городни и частоколы опять высились на крутой возвышенности градского кремля, а вокруг раскинулись подолы, где шла бойкая торговля, строились избы, отходили от причалов как новые ладьи-насады, так и обычные лодки рыбаков.

Когда Свенельд в одежде простого воина сошел со своей ладьи – в кои-то веки не стал рыдаться щеголем, а смотрелся, как наемник, – ему и до детинца не пришлось пройти в своих поисках. Первый же кожемяка, какого спросил, отозвался охотно:

– Малфрида? Это не жена ли знахаря Малка?

Свенельд медленно кивнул. Итак... они уже женаты. И волхва Малкиню тут называют знахарем Малком. Хотя чем ему еще тут заниматься, ведуны?

Оказалось, что Малкиня не только знахарством промышлял. Ибо когда Свенельд прошел по берегу к дальней роще на холме, то увидел старого знакомого у небольшого речного причала. Тот возился у перевернутой лодки, разогревал на костре котелок со смолой, чтобы подправить рассохшиеся за зиму борта, подкладывал дрова, помешивал. Сам был одет, как простолюдин: в длинной сермяжной рубахе и лаптях. Но рубаха была чистая, красиво украшенная вышивкой на предплечьях, гладкие длинные волосы аккуратно обхвачены ремешком, дабы не мешали во время работы.

Он не сразу заметил приближение гостя, потом резко обернулся, заслоняясь рукой от солнца. Солнце сейчас было везде: разливалось сиянием в воздухе, отливало на полоскавшихся на ветерке ветвях речной вербы, уже покрытых первым пушком зелени, ярко блистало на воде, отражаясь на песчаном светлом склоне, по которому сходил к реке этот воин в кожаной куртке с богатым поясом и развеваемыми длинными волосами. В сиянии весны он показался Малку темным, неприветливым. Но в тот же миг он уловил мысль прибывшего: тот был рад встрече, подходил улыбаясь.

– Светлого дня тебе, Свенельд-посадник! – шагнул вперед Малкиня, вытирая о рубаху руку и приветливо протягивая для рукопожатия.

Да, он мог теперь так запросто здороваться с важным боярином. Пережитое сблизило их, сделав равными. Ну, почти равными. Поэтому Свенельд и пожал протянутую руку бывшего советника древлянского князя.

– И тебе здравия, Малкиня... знахарь Малк, так тебя тут называют? Отчего же в стороне от людей поселились?

– Знахари обычно так и селятся, чтобы сподручнее было выискивать травы и корни.

Да и Малфрида так захотела. Она у меня ведь непростая баба. Она... Ей лучше в стороне от людей держаться. Да и я сам в толчее теряюсь, голова устает от кружащих мыслей и голосов.

Он держался уверенно, улыбался и выглядел счастливым. Прищурился на Свенельда хитро, потом сказал:

- Ну идем, покажу ее. Однако учти: она хочет забыть прошлое, хочет стать такой, как все. И я в том намерен ей помочь.

- Я тоже этого некогда желал, Малк. Не вышло.

- Знать, не судьба, - усмехнулся спокойно тот, - не сложилось у вас.

- А у тебя с ней сладится?

Малк сделал знак следовать за собой. Когда поднимались на крутой берег к растущим над ним соснам, ответил:

- У всякого своя доля. Каков ты, такова и судьба твоя. У тебя же иной удел, тебя власть и перемены манят. А нам... Нам жить, детей растить.

В пронзенном потоками света сосновом лесу пахло нагретой хвоей и молодой зеленью разросшихся кустов дикой малины. Мощные стволы покачивали где-то в вышине пушистыми кронами, сухая тропинка скоро вывела их к добротному строению на полянке. Двор окружали обычные плетни, с горшками на кольях - красивыми горшками, расписными. Так же красиво были расписаны и наличники маленьких окошек, резные подпоры крыльца. Там, на деревянной ступеньке, Свенельд увидел свою дочь Малущу. Она была в безрукавке заячьего меха и светлой рубахе, темные волосы перевязаны вокруг лба узорной тесьмой.

Похоже, она узнала Свенельда, так как ее темные бровки на миг приподнялись удивленно, а в зеленых по-кошачьи глазах (ну совсем, как у Свенельда!) промелькнуло любопытство. А потом девочка так и поскакала к приближавшемуся Малку.

- Батюшка! Мама краски развела, а мне помалевать не дает!

Она подбежала, подпрыгивая, как котенок. Обхватила колени ведуна, смотрела на него снизу вверх.

- Скажи ей! У меня тоже получится!

Свенельд ее совсем не интересовал.

Но тут из избы вышла сама Малфрида. Свенельд так и замер, глядя на нее. До того же красивой показалась! А ведь не в парче и уборах сверкающих, как у него, хаживала. Стоит себе этакая краля в вышитой по подолу северянскими зигзагами темной поневе, на плечах тоже заячья безрукавка, беленую рубаху на груди украшают простые бусы из засушенных ягод рябины. А ведь все одно госпожой смотрится - статная, горделивая, голова независимо вскинута на высокой шее. Даром что и растрепана, коса хоть и уложена короной на затылке, но непокорные завитки выбиваются, ниспадают волнистыми прядями сзади на шею, обрамляют кудряшками лоб. А как улыбнулась гостю, так и повеяло ее дивным чародейским очарованием. Свенельд сам не заметил, как тоже заулыбался в ответ.

В руках у Малфриды был горшочек, в котором она размешивала краску. Пальцы испачканы синим, да и на щеке полоса от краски. Но вон же смеется. Потом позвала кого-то из избы:

- Гапка, принеси воды и полотенца. Мне дорогого гостя встретить-приветить надо.

Толстенькая расторопная девка-прислужница кинулась выполнять приказание. Потом Малфрида расцеловала Свенельда в обе щеки.

- Не заревнуешь? - хитро подмигнул варяг Малку.

– Тут так принято, – отозвался тот, тоже улыбаясь. – Да и знаю уже, кто ей люб.

И так они с женой переглянулись весело и ласково, что Свенельд только и мог, что вздохнуть. Потом обнял их обоих и прошел в дом.

Маленький Добрыня спал в колыбели в углу. А как проснулся, заревел в голос. Малк сам взял его на руки, кормил молоком из рожка. Малфрида же беспечно болтала. Малуша залезла ей на колени, Малфрида тискала ее, прижимала ласково. Свенельду показалось, что к их дочери она более внимательна и ласкова, чем к Добрыне. А тот... На мать не похож, серьезный такой, крепенький, голубоглазый. В руках Малка вел себя преспокойно, поглядывал на него снизу вверх, улыбнулся – отчего на щеках появились обаятельные ямочки.

«И за этого глуздыря я чуть жизнь не положил!» – будто с удивлением думал Свенельд. Ну дитя и дитя, таких немало в русских избах.

Сама изба оказалась богатой: половицы из сосны покрыты полосатыми дорожками, таким же тканым полосатым сукном занавешены полаты в углу да выход в сени; на полках вдоль стен глиняная и деревянная утварь. Свенельд отметил, что бревенчатая кладка избы еще не потемнела от копоти, даже у продыха в кровле лишь немного сажу осело.

– Давно тут отстроились? Кто помогал? Кажется, у тебя тут родня, Малк?

Однако они сообщили, что эту избу для них возвели по наказу княгини. Как привезли от нее им Малушу, тогда и отстроились. То Ольга наказала, чтобы в холе и тепле жила ее воспитанница, чтобы нужды не знала. Да и самих молодоженов так милостью оделить хотела.

По наказу Ольги им и рабыню купили на рынке, Гапку эту расторопную. Она в основном и суежилась на хозяйстве, выставляла на стол квашеную капусту, хлеб, резала копченую вепрятину, подавала и казанок с только приготовленной ароматной солянкой. А наливки вынесла лично Малфрида, похвалялась, что сама их настаивает. Вкусные были, ягодные, хмельные. Свенельд от них совсем расслабился, развеселился.

Так и просидели до вечера за разговорами. Малуша стала задевать Свенельда, играть хотела. И он – увидь кто, не поверил бы, – подкидывал ее на коленях, щекотал, чмокал в макушку. Малк озадаченно переглянулся с Малфридой, слегка нахмурился. Но тут же отвлекся, когда у него на руках захныкал Добрыня.

Малфрида на недовольство сына даже бровью не повела, зато Гапка подскочила, понесла менять пеленки, потом укачивала его на лавке за занавеской, напевала колыбельную. Под этот монотонный напев и Малуша стала подремывать, уложив темноволосую головку на колени матери.

Малфрида гладила ее по волосам, рассказывала:

– Я Малка отыскала, когда он тут уже знахарничать начал. Он ведь ведун, любую траву знает, любой настоей умеет изготовить. Вот к нему люди и потянулись с подношениями, живем, не бедствуем. Ну и я когда помогаю.

При этом в ее темных глазах вдруг сверкнуло желтоватое пламя. И Свенельд понял – от чародейства своего ведьма не отказывается, но теперь оно на добро направлено. И все же при мысли, что она осталась такой же, как была, Свенельду отчего-то сделалось легче. Значит, она все та же, что и волновала его, и отпугивала. Но она одна такая.

Чтобы догадливый Малк не понял его помыслы, Свенельд быстро заговорил:

– Люди по-прежнему о тебе при Ольге вспоминают. Она ведь в полудье еще, вот и идет весть, что ты при ней осталась – советчица и помощница. Якобы в стороне держишься, но если что, сразу рядом возникаешь, помогаешь, где советом, а где и чарами. И Ольга те вести не опровергает – так от людей к ней только больше уважения выходит. Но, думаю, пожелаешь вернуться, она с радостью опять сделает тебя своей чародейкой.

Малфрида рассмеялась. Подобное ей нравилось, однако потом так решительно замотала

головой, что коса ее растрепалась, упала на плечи пышной массой, волнистые пряди будто зашевелились.

Малку же не понравилось предложение варяга, он помрачнел. Свенельд это отметил и будто виноватым себя ощутил. Да и уходить ему уже было пора. На дворе смеркалось, он погостил положенное время, надо было теперь оставить этих двоих. Убедился, как они счастливы, понял, что ничего ему тут больше не обломится, пора было идти заниматься своим делом. Он ведь один из сильнейших воевод Руси, ему иные заботы предстоят.

Когда прощался, Малфрида вызвалась проводить. Малк не стал перечить, да и пришли к нему люди, звали поглядеть хворого.

– Они все больше в потемках приходят, – пояснила Малфрида, неспешно ступая подле посадника между высокими соснами. Когда впереди сверкнула река и они остановились, добавила с легкой грустью: – Вроде как и уважают нас, но побаиваются. Люди всегда такие – боятся всего, что не по их разумению.

Свенельд вдруг повернулся к ней, сжал руки.

– Ну разве уживешься ты тут, Малфрида? Это тебе сейчас все любо, все интересно, все забавляет. Вон горшки и окошки расписываешь, находя себе занятие. А что потом будет? Ты ведь сильная, ты проявить себя захочешь. Твое место не среди простых людей.

Она резко вырвала свои руки:

– А где мое место, Свенельд? Я и с нежितью пыталась жить и среди людей. Теперь вот здесь живу – и с людьми и с духами. Ты вон и не заметил, что нам боровик дорожку перешел, а я его приветила кивком. Я тут со всеми. И кажется мне, что всегда так желала. И радостно мне, что и человек я, и нежить. Не пугает больше.

– Долго ли так протянешь? Женой быть – это одно, а ведьмой – другое. И ты все время будешь на меже, все время будешь мучаться выбором.

Она медленно глубоко вздохнула.

– Жизнь, как река, Свенельд, изменчивая и непредсказуемая. Всегда интересно узнать, что ожидает за поворотом. Пока же я нашла свою заводь. Вот тут и передохну... Я счастлива сейчас. Такой и оставь меня. А я сама разберусь, что и как.

Они помолчали в темноте. Где-то на реке плеснула рыба, воздух был прохладен, но Свенельду казалось, что от Малфриды веет жаром. И подумалось: какую женщину он потерял!..

Но Свенельд был достаточно благороден, чтобы заставить себя порадоваться за нее и за Малка. Сказал, что желает им счастья, обещался помогать. Ведь дочь его как-никак они растить будут.

«Опомнися, – усмехнулась про себя Малфрида. – Пусть теперь идет к своей Ольге. Вот кто ему пара!»

И не было в ее душе ни тени сожаления, когда в последний раз помахала Свенельду рукой.

Сноски

1

Ирий – рай у древних славян; край вечной весны, где обитают боги, куда улетаю
на зиму птицы и встречаются души предков.

2

Чернобог – бог вечного мучения, который ожидает всех злодеев после смерти.

3

Речь идет о подписанном князем Игорем с византийцами (ромеями) договоре в 945 году.

Большак – проторенная наезженная дорога, по которой могут ездить телеги.

Кмети – профессиональные воины в дружине, лучшие дружинники.

6

Гонт – своеобразная деревянная черепица, навощенная маслом до блеска и красиво блестящая на свету.

Гора – древнейшие поселения на Старокиевской и Замковой возвышенностях, где селились самые именитые бояре и воеводы, где располагался княжеский городок.

Макошь – женское божество плодородия и жизни, людских судеб и достатка. Пятница, когда на Руси исконно происходили базарные дни, считалась днем Макоши.

Подол – низинный квартал в Киеве на берегу Днепра, где находились ремесленные посады и торговые площади.

10

Суложь – жена.

Поляне – восточнославянское племя, обитавшее по берегам Днепра, с центром в Киеве.

Полюдьё – выезд князя с воинством и служилыми людьми в подвластные земли, как для проживания за счет покоренных племен, так и для сбора дани, суда и других владельческих дел.

13

Березень – март.

Об этих событиях говорится в романе «Ведьма и князь».

15

Квитень - апрель.

Заборолы – укрепленный переход-галерея на окружавших поместье или крепость стенах.

Непраздна – беременная.

Седьмица – неделя, семь дней.

Волколак – волк-оборотень.

Дворовой – дух-покровитель дворового хозяйства, помощник домового.

Повой (повойник) – женский головной убор в виде шапочки, которая возвышается над лбом и сзади затягивается на завязки.

Лунница – женский оберег у славян.

Блазень – призрак, привидение.

Дрема – домашний дух, который расслабляет и насыляет сон.

Эти события происходили в романе «Ведьма и князь».

Гридень – лучший воин в дружине, приближенный воеводы или князя, офицер.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Гридница – большое помещение, зал.

Исполох – сильный испуг, временное помешательство от страха.

Тиун – управляющий работниками в поместье.

31

Травень – май місяць.

Жива – богиня всего сущего, юности и здоровья, богиня плодородной силы и произрастания. Ее день отмечался 1 мая.

Колты – драгоценные украшения в виде подвесок, крепились к головному убору и спускались до уровня груди.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Просинец – январь.

Кромешники – не умершие и не живые, неупокоенные мертвецы, которых и смерть не забирает за кромку белого света, и жизнь не признает, привидения.

Кутиха – дворовой дух, живущий в закутах, собой похож на маленькую старушку.

Волочайка – шлюха, бродяжка.

Каженица – безумная, буйно помешанная.

Чеботы – невысокие в голенище сапожки.

Нарочитый – уважаемый, славный, благородный.

Солнцеворот – год.

Полуночных – северных: полночь у славян север, соответственно полудень – юг.

Греческое море – Черное море.

Городня – мощные городские укрепления в виде бревенчатых срубов, засыпанных изнутри землей для пущей прочности.

Сварог – божество огня, покровитель людей, научивший их хозяйству, давший умения и ремесла. Сварог считался создателем солнечного мира, не признающий порождения тьмы и колдовства. Его пламя не способствовало магии, а разгоняло ее.

Явь – реальный окружающий мир.

Тьма – большое число, сотня или больше.

Ряд – договор, соглашение.

Глуздырь – маленький ребенок.

Сулица – короткое копьё, дротик.

Детинец – укрепление внутри града, крепость, кремль.

Воротники – стражники, несущие службу подле главных ворот.

Об этих событиях рассказано в романе «Ведьма и князь».

Истобка – центральное теплое помещение в деревянной постройке.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Корсунь – так на Руси называли торговый город Херсонес в Крыму.

Штевень – приподнятая оконечность носа.

Гривна – *здесь*: шейное украшение, указывавшее на высокий статус носящего его.

Вышивки у славян имели символическое значение, охраняли от всякой порчи и беды.

Умбон – металлическая бляха по центру деревянного щита.

Постолы – обувь древних славян, кроенная по ноге, крепящаяся завязками.

В Повести временных лет сохранился рассказ, как захватившие древнее племя дулебов обры запрягали их в плуги и возы и ездили на них.

Опашень – длинная распашная одежда с рукавами, носимая распахнутой – «на опаш».

Чуры – духи умерших сородичей.

Дирхемы - во времена, когда Русь еще не чеканила своей монеты, в обиходе были арабские монеты дирхемы.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Копырев конец – один из древнейших районов Киева, расположенный несколько в стороне от Днепра, на возвышенностях. Само слово «конец» означает отдельный район.

Орел кричит рано – скандинавская поговорка, означающая, что будущего героя видно сизмальства.

Об этом рассказывалось в романе «Ведьма».

Рынды – звание оруженосцев и телохранителей на Руси.

Наузы – узлы на веревке, на которые наговариваются специальные заговоры от чего-либо – от порчи или болезни, волшебства; здесь в качестве запретов, препятствие.

Доля – *здесь*: судьба.

Самватас – укрепления севернее Киева.

Поезд – *здесь*: свита с поклажей и сопровождающие.

Одной из функций бога Велеса была и помощь путникам.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Волокуши – небольшие сани.

Сыта – напиток из меда, разбавленного водой или ягодными настоями.

Навины миры – мир Нави – отличный от мира Яви (реального мира), потусторонний мир, нереальный.

Братучада – племянники. Дети от сестер считались особенно близкими родственниками, так как на Руси брат женщины для племянников считался более ответственным за них, чем даже отец. Отца и не всегда знали, а в родовой семье старший брат нес родовую ответственность за всех отпрысков своей семьи.

Недоля у славян – персонификация злой судьбы: есть еще Доля – добрая судьба человека, которая может отступить, если ее не задобрить.

Калита – небольшая поясная сумка, мешочек, в каком обычно хранят деньги или еще что-либо ценное, своего рода кошелек.

Вещицы – ведьмы, ворующие душу новорожденного и тем убивающие его для людей. Обычно являлись в виде сорок, для кого заметных, а для кого нет.

Пенула – одежда по византийскому образцу: длинная (часто до колен) пелерина с мягким капюшоном. В таких пенулах часто принято изображать святых и Богоматерь на православных иконах.

Об этих событиях рассказано в романе «Ведьма и князь».

Покон – обычай (от слова «испокон»).

Корзно – накидка византийского образца: надевается через голову или застегивается на плече. Сзади накрывает спину, а спереди ниспадает углом. Часто богато украшена.

В 914 году Игорь наносит восставшим древлянам сокрушительный удар и накладывает дань больше прежней.

Лесные духи чащи.

Полавочник – вышитое покрывало на лавке.

Пущевик – лесной дух в виде живой коряги.

Об этих событиях рассказывается в романе «Ведьма и князь».

Домовина – дубовая колода, в каких хоронили умерших, гроб.

Праздник Перуна – 2 августа; день Велеса – 6 августа – время последних жатв.

Ярила – божество страсти и плотской любви у славян, а также удали и лихости, неудержимости.

Перегиба – что-то вроде плаща, какой надевался через прорезь для головы, но по бокам не было швов.

Корочун – время конца года и начала нового года – самые короткие дни в году.

День Макоши – 1 октября.

Репища – одно из названий огородов у славян, для которых основным огородным продуктом была все же репа.

Капустницы – сезонное время квасить капусту, продолжается недели две, по вечерам, женская работа.

Тор – бог войны у скандинавов.

Хель – темное царство мертвых у скандинавов; гости из Хель – мертвецы.

Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Желтень – октябрь.

Дедов праздник, или Деды – 24 октября, когда для духов пращуров ставится горячая пища и кладутся ложки возле блюд и по именам называют всех дедов, чтобы пригласить их на угощение.

Лопаска – вертикальная доска прялки, к которой прикреплялась кудель.

Листопад – ноябрь.

Тул – колчан для стрел.

Об этом рассказано в романе «Ведьма».

Стрибог – божество ветра.

Понева – запашная славянская юбка.

Боровик – хозяин бора, роши.